МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ В. Г. БЕЛИНСКОГО
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»

МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей
III Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–27 октября 2018 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора *Г. И. Канакиной,*
кандидата филологических наук, доцента *М. Г. Лунновой*

Пенза
Издательство ПГУ
2018

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Я41 **Языковая политика и вопросы гуманитарного образования** : сб науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 25–27 октября 2018 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной, канд. филол. наук, доц. М. Г. Лунновой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – 298 с.

ISBN 978-5-907102-40-8

Даны материалы докладов и сообщений, представленных на III Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (Пенза, 25–27 октября 2018 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

УДК 009
ББК 37.014

ISBN 978-5-907102-40-8

© Пензенский государственный университет, 2018

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

В. Н. Арутюнян
(г. Ереван, Армения)

РЕТРОСПЕКТИВНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ

Аннотация. Представлены характеристики языковой политики современной Армении. Особое внимание уделено анализу особенностей перспективного направления ее осуществления, которое иначе называется языковым строительством. Определены его этапы, характерные черты каждого этапа, предполагаемые пути его развития.

Ключевые слова: языковая политика, ретроспективное и перспективное направления, этапы.

Вопросами языковой политики занимаются специалисты разных областей (политологи, социологи, культурологи, лингвисты и другие), поэтому и в научной литературе используется множество определений этого научного понятия, в которых только (в зависимости от специальности и предпочтений конкретного исследователя) по-разному ставятся акценты, хотя сам термин, по сути, остается неизменным, однозначным, бесспорным.

Много чуть-чуть отличающихся друг от друга определений этого термина можно встретить и в различных лингвистических исследованиях. Наиболее простым и в то же время емким из них нам представлятся определение, содержащееся в специальном Словаре Т. В. Жеребило, которое гласит, что языковая политика – это «совокупность мер, принимаемы государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для принятия новых или сохранения употребляющихся языковых норм» [Жеребило 2010].

Для планирования и осуществления языковой политики создаются и постоянно дейстуют различные государственные структуры соответствующего профиля: министерства, комитеты, институты, академии и т.д. Этими же вопросами занимаются также и другие субъекты: общественные организации, СМИ, партии, комиссии, лингвистические школы, влиятельные деятели культуры и т.д. Они определяют сферы использования различных языков в определенных структурных подразделениях общества, количество и качество учебно-

го времени, отводимого на изучение того или другого языка, языковые характеристики печатной и электронной продукции, языковые нормы на всех уровнях и т.д.

Общеизвестно, что языковая политика – это лишь составная часть общей политики (от греч. *politikē* – «искусство управлять») каждого государства, проведение которой значительно затрудняется в многонациональной стране. Каждый шаг языковой политики тщательно планируется, в конкретные сроки осуществляется и преследует определенную цель, в зависимости от которой различают два вида языковой политики: ретроспективную и перспективную. В тех случаях, когда речь идет о сохранении языков и языковых подсистем, сфер и особенностей их функционирования, обычно говорят о ретроспективной языковой политике, а когда речь идет об изменении уже установленного, существующего порядка – о перспективной языковой политике [см., например, *Список литературы* нашей работы].

Рассмотрим особенности обоих этих аспектов целенаправленной политической деятельности в области языка (языков) в Армении.

Ретроспективная языковая политика в Армении при правлении властных структур разного типа всегда была на достаточно высоком уровне, и когда республика была в составе многонационального государства, и когда стала независимым государством. Основной причиной этого было то, что армяне всегда осознавали себя одним из древнейших народов мира, который имеет и свой собственный древний язык, составляющий отдельную ветвь в индоевропейской семье языков, и свой собственный древний алфавит, созданный в определенное время определенным человеком, и свое богатое прошлое, насыщенное страданиями и героизмом.

Вопросы, связанные с этими аспектами национальной идентификации, постоянно освещались и освещаются на страницах печатной продукции разных типов (газет, журналов, книг), в телевизионных и радиопередачах. Ментальная направленность армян на прошлое определяла и определяет их особое внимание к ценностям и событиям давно ушедших дней: в Армении уже очень давно создан и по сей день действует богатейший Институт (и музей) древних рукописей им. св. Месропа Маштоца – Матенадаран, где хранятся более 17 тысяч древних рукописей и более 100 тысяч старинных архивных документов не только на древнеармянском языке (грабаре), но и на других языках (арабском, латыни, иврите, русском, греческом, грузинском, персидском и т.д.); в республике проводились и проводятся конференции и симпозиумы по истории живых и мертвых языков, различные мероприятия, пропагандирующие древнюю культуру Армении и других стран; постоянно исследуются и представляются на суд республиканской и международной общественности особенности деятельности армян, живших и живущих за пределами своей исторической родины.

В настоящее время можно просто констатировать, что за годы независимости все эти направления деятельности в значительной степени активизировалась, что и вполне понятно, поскольку Армения перестала быть составной частью единого многонационального государства (СССР) и стала самостоятельной административной единицей со всеми вытекающими отсюда последствиями политического, экономического и культурного характера (уточнение границ, открытие посольств, проведение экономических реформ, создание своей армии, национальной системы образования, увеличение количества национально окрашенных культурных мероприятий и т.д.).

Что касается перспективной языковой политики, т.е. введения в данной области некоторых изменений, то здесь не все и не всегда было так же понятно, последовательно и однонаправленно.

Следует отметить, что практически в том же значении в научных работах этого профиля разными исследователями используется еще два термина: *языковое строительство* и *языковое планирование*. Из трех вышеуказанных терминов нам больше всего нравится термин *языковое строительство*, и этот выбор можно объяснить следующим образом: во всех трех терминах используется одно и то же прилагательное (*языковой*), из трех существительных (*политика, строительство, планирование*) наиболее «конкретным» и «линейным» нам представляется слово *строительство* (типа «кирпич на кирпич»), а поскольку в нашей статье описываются чисто практические действия и процессы, то мы и предпочитаем наиболее «практический» термин – языковое строительство, т.е. совокупность мер, «нацеленных на развитие языков, на позитивное изменение их финкционального статуса...» [Жеребило 2010].

«Позитивное изменение функционального статуса» языков, как гласит представленное выше определение, в разное время (за период независимости) представлялось по-разному, поэтому и существенно менялась. С этой точки зрения ту составную часть языкового строительства в независимой Армении, которая в большей или меньшей степени касается русского языка, условно можно разделить на три этапа.

Первый этап начался сразу после распада СССР и обретения Арменией независимости. Этот этап длился примерно 7 лет и проходил под эгидой русофобии, что и вполне понятно: ведь обретение независимости, самостоятельности предполагает разрыв прежних связей, воздействий, в том числе и языковых, которые в любом случае считались народом поработительными. Подобный этап проходили все бывшие советские республики и государства Восточной Европы, а в некоторых из них этот процесс продолжается и по сей день.

В Армении же этот этап длился всего несколько лет. В это время в республике закрылись русские школы и русские отделения в вузах, русский язык перестал быть языком судопроизводства и делопроиз-

водства, перестали выходить практически все периодические издания на русском языке, значительно сузились другие сферы функционирования русского языка (язык международного общения, второй родной язык и т.д.), даже простое использование русского языка в бытовой сфере не приветствовалось, вызывало оприцательную реакцию.

Некоторые образовавшиеся ниши, в основном связанные с реальной или предполагаемой международной деятельностью (общение, изучение, преподавание, печатная и электронная продукция и т.д.), занял английский язык, чему способствовали и глобальные изменения, происходившие примерно в это же время (компьютеризация и информатизация различных производственных и бытовых процессов, расширение возможностей виртуального общения в сети и т.д.), но основная часть изменений коснулась сфер функционирования армянского языка, который, напомним, с давних времен имел свой алфавит, то есть был письменным. Не лишним нам представляется также в этой связи и замечание о том, что Армения – мононациональная страна, так что вопрос о конкуренции языков, о выборе государственного языка не стоял, то есть решился сам собой.

В эти годы одним из первых в независимой республике был принят «Закон о языке», который провозгласил армянский (национальный) язык единственным государственным языком, единственным рабочим языком систем делопроизводства, судопроизводства, образования. В это же время был также создан специальный «Комитет языка», который занимался вопросами упорядочения языковых норм армянского языка всех уровней (фонетического, лексического, стилистического и т.д.), а также вопросами нормирования его взаимоотношений с другими языками.

Основным объектом языкового строительства в эти и последующие годы стали лексические нормы армянского языка, в том числе термины и терминосистемы разных областей. Отметим, что по своей природе армянский язык «не любит» заимствования и при создании новых слов обычно использует «свой строительный материал», Так, например, армянские корни и аффиксы использованы в словах, соответствующих таким лексическим единицам, как *телевизор, телефон; компьютер*, *сайт; кондиционер*, *миксер; реанимация*, *хирургия: фонетика*, *синтаксис; монолог, диалог; натюрморт*, *портрет* и т.д. За годы пребывания в составе СССР через русский язык в него «попало» много заимствований, а в начале 90-х годов прошлого века были заменены уже существовавшими, но малоупотребительными армянскими аналогами и выведены из употреблиния такие слова (или употреблявшиеся в армянском корни), как *депутат*, *микрофон*, *прогресс*, *оппозиция*, *фракция*, *проект*, *парламент*, *коллектив*, *министр*, *президент*, *антенна*, *бюрократ*, *виза*, *диссертация*, *автореферат*, *аннотация* и т.д.

Новый (второй) этап языкового строительства (с точки зрения изменений закономерностей функционирования русского языка) начался в конце прошлого века, когда многие новые «строгие» нормы по разным причинам начали пересматриваться. В это время в Ереване был открыт Славянский университет с русским языком преподавания, начали открываться русские классы в армянских школах, значительно увеличилось количество потребителей русскоязычного поля интернета, начали возвращаться на прежние (советские) «рельсы» российско-армянские экономические и культурные отношения.

Все это было в начале нового этапа и шло по нарастающей, так что в наше время, когда идет третий этап, начавшийся несколько лет назад, русский язык занимает прочное место и в системе образования, и в культурно-экономической жизни республики. В качестве доказательства приведем следующие факты: сегодня в республике выходит 20 периодических изданий на русском языке, среди них и общественно-политические газеты, и глянцевые журналы, и научные бюллетени; в Ереване действуют 4 русские школы, русский лицей, филиал МГУ и некоторых других ведущих российских вузов, академия ОДКБ; в магистратуре вузов, где обучение ведется на армянском языке, русский язык проходят не только на первом курсе бакалавриата, но и в магистратуре; для получения хорошей работы в CV нужно указать не только уровень знания английского языка, но и русского, который для многих сфер деятельности является обязательным.

В новой политической обстановке планируется не только сохранение, но и расширение, углубление российско-армянских отношений, а это значит, что направление языковой политики в отношении русского языка не может измениться, а может только развиваться, совершенствоваться.

Таковыми представляются нам история и перспективы развития языковой политики в Армении.

Библиографический список

1. Беликов, В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Изд-во РГГА, 2001.

2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010.

3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект-Пресс, 1996.

4. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М. : Высш. шк., 1978.

С. Б. Кураш
(г. Мозырь, Беларусь)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА

Аннотация. Выявлены некоторые универсальные черты поэтического осмысления пространства русскими и белорусскими поэтами наряду со своеобразием одного типа пространственного мышления на фоне другого. Охарактеризованы некоторые ключевые слова, структурирующие концепт «пространство» в лирике белорусских и русских авторов, приведены примеры их вхождения в поэтические контексты.

Ключевые слова: концепт, образ, символ, пространство, поэтическая картина мира.

В данной работе предпринимается попытка выявить как некоторые универсальные черты поэтического осмысления пространства русскими и белорусскими поэтами, так и обнаружить своеобразие одного типа пространственного мышления на фоне другого. Не упуская из внимания фактор индивидуальности поэтического мышления, мы, однако, исходим из того, что совокупное общее в раскрытии концепта «пространство», объединяющее поэтов одной культуры и, соответственно, отличающее их от поэтов другой культуры, есть то искомое, которое составляет лингвокультурный аспект пространственного мировидения в русской и белорусской поэтических картинах мира (ПКМ).

Многие исследователи (О. П. Ермакова, И. Б. Левонтина, Е. С. Яковлева, А. Д. Шмелёв и др.) не без основания говорят о «равнинном мышлении русских людей». К числу постоянно высказываемых идей относится утверждение, что русский характер сформировался под влиянием бескрайних российских просторов.

В частности, Е. Ф. Шурмило утверждает, что всякий ландшафт воспитывает национальное чувство, своими очертаниями влияет на нравственную сущность человека, «неотразимо» западает в его душу и содействует формированию его характера, настроения, всего миросозерцания. Потому чувство простора, равнинности является типичной чертой русского народного ума [см.: Левонтина 2000: 38]. Подобные утверждения встречаем и у Н. Н. Бердяева: «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность, широта» [см.: Левонтина 2000: 56].

Таким образом, тема пространственной беспредельности – один из структурообразующих элементов русской культуры. В русской языковой картине мира простор – одна из главных ценностей. Без простора нет покоя, без простора – душная теснота. Следует, однако, заметить, что отождествлять пространство и простор нельзя. Эти концепты достаточно чётко разграничиваются.

Пространство просматривается в четырёх направлениях: «верх – низ», «право – лево»; простор характеризуется больше широтой, чем высотой и глубиной. Пространство трёхмерно, а простор проявляется лишь в горизонтальном измерении. Простор воспринимается зрительно, причем, чаще всего, с помощью образа «чистое поле» [Левонтина 2000]. Однако пространство может быть замкнуто, а у простора нет границ, ср.: *Есть пространство, где ракеты ставить, / Есть простор, в котором жизнь и смерть...* (С. Куняев).

Анализ белорусской ментальности, по наблюдению ряда учёных, выявляет такие её стержневые признаки, как чрезвычайная толерантность, уважение к людям с иным складом мышления и мировосприятием, чуткость по отношению к представителям иных наций, конфессий и пр. По данным этнопсихологических исследований, ни в белорусском фольклоре, ни в белорусской литературе не отражено резко негативного отношения к поработителям, несмотря на то, что на протяжении значительных исторических этапов белорусы не имели своей государственности, оставались своеобразной «нацией в себе», нацией «тутэйшых» [см.: Чумак 1997 : 157]. Отмечается также отсутствие пространственности в мышлении белорусов, их тяготение к близким явлениям и понятиям.

Характерно, что русская поэзия в сравнении с белорусской – поэзия гораздо более широких пространств; белорусские поэты тяготеют к локации своего пространства в пределах непосредственно окружающей человека сферы бытия, иначе говоря, выражают своё пространство преимущественно в концепторах (т.е. в своеобразных вариантах концепта [Фоминых 2001: 177]) РОДИНА, МАЛАЯ РОДИНА. М. И. Конюшкевич, ссылаясь на Г. Гачева, приходит к выводу, что белоруса характеризует «внимание к близким, привычным предметам и явлениям. Как специфическое, точнее, как доминирующее – внимание к трём стихиям – свету, земле, воде. Нет объёмности, пространственности, высоты, бесконечности в такой степени, как у русского человека» [Канюшкевіч 1996: 79]. Ср. также: «Если россиянину свойственна тяга к простору, то белорус привержен к локализации своего места, сакрализации своей малой родины» [Чумак 1997: 22]. Об этом, в частности, идёт речь в стихотворении А. Пысина:

Не ведаю, якім вузлом
Навекі я прывязан
Да гэтых сосен за сялом,
Да яблынь, груш і вязаў,
Да кладак гладкіх,
Валуноў,
Да траў, жытоў на ўзлесках,
Да партызанскіх курганоў
І помнікаў гвардзейскіх...

Але я знаю: гэткі меч
На свеце не скуецца,
Каб мог ён вузел мой рассеч,
Не закрануўшы сэрца.

(А. Пысін)

Русские и белорусские поэты, создавая художественный образ Родины, в первую очередь поэтизируют природу родного края.

В отношении русской природы, безусловно, на первом плане поэтизация её территориального размаха, выражающаяся в поэтике географического перечисления: последовательно называются географически удалённые объекты России, создаётся впечатление пространственности колоссальных объёмов. Этот приём панорамы, вслед за Ломоносовым и Державиным в последствии будет взят на вооружение многими русскими поэтами – от А. Пушкина до В. Маяковского, Н. Асеева, Р. Рождественского, А. Вознесенского и др.

В продолжение традиций А. Пушкина и П. Вяземского [Эпштейн 1990 : 2] русскими поэтами стал широко использоваться метонимический принцип структурирования пространства, в основе которого – введение в текст реалистически точных деталей, характерных для среднерусского пейзажа – *«ветер скучной осени», «воды тусклые», «ветви голые», «одна равнина справа, слева», «равнины скат отлогий»*. Деревья, кусты, верстовые столбы, кладбищенские кресты – все эти черты пейзажа призваны подчеркнуть господство горизонтали: *«кой где чуть видятся кусты»; «два бедных деревца... два только деревца».*

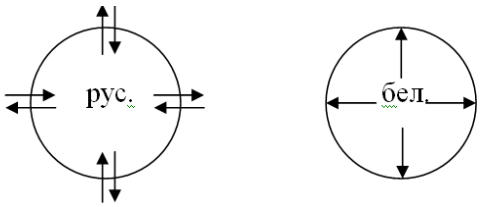
Ровной и гладкой земле соответствует мутно-серый цвет неба, в котором как бы сглаживаются все цвета. Нет резких контрастов, ничто не выделяется на общем фоне: *Пасмурный навес / Метелью полгода скрываемых небес, / Отчизна тощих мхов, степей и древ иглистых!* (Е. Баратынский); *Наш край и хладен и суров, / Покрыто небо мглой ненастной, / И вместо солнца шар чуть ясный / Меж серых бродит облаков. / Суров наш край. Кругом всё плоско. / В сырой равнине он лежит. / В нём эхо мёртвое молчит / И нет на клики отголоска* (В. Бенедиктов).

Сквозь эту мглистую пелену порой прорываются черты другого, ослепительно яркого мира природы: *«блестит», «блистает», «серебрится»*, которые знаменуют проблеск, оживление, надежду для человеческой души, затерянной в просторе.

М. Лермонтов возвращается к обобщённому пейзажу, но уже наполняет его теми реалистическими подробностями и мотивами, которые внёс в поэзию Пушкин: *Мы дети севера, как здешние растения, / Цветём не долго, быстро увядаем... / Как солнце зимнее на сером небосклоне, / Так пасмурна жизнь наша. Так недолго / Её однообразное теченье...* («Монолог», 1829 г.); *Но я люблю – за что, не знаю сам – / Её степей холодное молчанье, / Её лесов безбрежных колыханье, / Разливы рек её, подобные морям...* («Родина», 1841 г.).

Впервые в русской поэзии здесь заявлена тема родного простора – не той географически развёрнутой панорамы, где называются лишь края («от ... до»), но постигаемое изнутри наполнение этих границ.

Что касается белорусской поэзии, то в силу сравнительно небольшой территориальной протяжённости Беларуси и стремления к локализации пространства, а также в силу обусловленных этим фактором и описанных выше особенностей национального менталитета «приём панорамы» при структурировании пространства не получил здесь развития. Постижение пространства белорусами происходит как бы «изнутри» самого пространства, что можно отразить следующим образом:



Следует отметить различное «наполнение» пространства у русских и белорусских поэтов. Особенность в том, что российское (государственное, этническое) пространство неоднородно: в состав России входят территории, представляющие собой «своё иное», то есть то, что находится за пределами родной, традиционной природы средней полосы России – это, например, Кавказ, сибирская тайга, Черноморье [Эпштейн 1990]. Потому в системе русского пейзажа наряду с традиционным (национальным) значительное место занимает пейзаж ЭКЗОТИЧЕСКИЙ. Это горы, зовущие ввысь (вертикальное пространство), моря и степи, зовущие вдаль (горизонтальное пространство) и т.п.

Русские и белорусские поэты активно используют для создания пространственного образа Родины лексику, называющую отдельные объекты растительного мира. В своей основе эта лексика совпадает, однако некоторые ключевые слова двух анализируемых национальных стилей разнятся.

Так, ДЕРЕВО часто выступает как центральный символ, маркер пространственных и духовных координат, соединяющих небо и землю (в славянской мифологии дерево рождено от брака земли и неба), верх и низ, все стороны света (как и пространство) [Маслова 1997: 72], ср.: *Русь моя, люблю твои берёзы! / С первых лет я с ними жил и рос. / Потому и набегают слёзы / На глаза, отвыкшие от слёз...* (Н. Рубцов).

БЕРЁЗА – символ России, для русской поэзии – одна их важнейших и частотных ключевых лексем, участвующих в структурировании художественного образа Родины. Потому между берёзой и Россией может ставиться своеобразный смысловой знак равенства: *Твои берёзы над водою / Люблю... / Но мне милей стократ / твоё, Россия, молодое / лицо и твой открытый взгляд* (С. Викулов); *Вот плывут берёзки в хороводе: / подойди, / на танец пригласи, / вот цветёт у каждого завода*

/ свой кусочек / дедовской Руси (В. Костров); *Дорога Красного Коня, / тоска берёз / и звоны пашен – / таким знакомым, / русским, / нашим / всё / опрокинулось в меня!* (К.Скворцов).

Ключевыми для русской пространственной ПКМ пространства являются также лексемы ДУБ, ОСИНА, РАКИТА, ИВА, КЛЁН, ТОПОЛЬ и др. Символичность этих деревьев имеет глубокие в древнейшей народной духовной культуре и мифологии славян [Коваль 2016]: *К солнцу устремляются ракиты / Взрывчато весеннею порой. / И ручей, ничем не знаменитый, / Осветлён берёзовой корой* (В. Фирсов); *И вот земля. / Моя земля / Родная / Под ногами. / Шумят осины, шевеля / Костров осенних пламя* (В. Фирсов); *Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно / Во мгле над обрывом безвестные ивы мои! / Пустынно мерцает полярная звездная люстра / И лодка моя на речной догнивает мели* (Н. Рубцов); *Всё законно: идут года / Изменяя нас и планету. / Там, где тополь шумел тогда, / Пень стоит... / А тополя нету* (Н. Рубцов).

Для белорусов наиболее поэтичными, по наблюдению В.А. Масловой [Маслова 1997 : 61], являются КАЛИНА и РЯБИНА, которые стали символами девичьей привлекательности: *З хаты выбегла ты / пастаяць хвіліну адну / І галіну белай каліны / кранула асцярожна, / баючыся скінуць вясну* (А. Наўроцкі); *Здзіўленым позірк рабіла, / Не шкадавала святла. / Зор тваіх добрых рабіна Мне пуцяводна цвіла* (Р. Барадулін). Нередко также у белорусских поэтов с образом Родины ассоциируются хвойные деревья – СОСНА, ЕЛЬ: *Нас хвоі ў ціхіх калысках-далонях люлялі, / Нас хвоі ад куляў варожых сабой засланялі, / а на вяселлях, цымбаламі стаўшы, / нам песні спявалі, / і ў сцюжу цяпло, што гадамі па кроплі збіралі, / згараючы нам аддаюць, / і з намі ў магілу кладуцца, / і помнікамі жывымі ля нашых галоў устаюць / хвоі / родныя хвоі...* (М. Рудкоўскі); в качестве одного из ключевых локативов выступает также БОР: *Меднаствольі, як выліты, высіцца бор, / Зацвітае на ўзлессі блакітны чабор, / Заглядзелася сонца ў люстра азёр, – / Гэта ты, мая Беларусь!* (П. Панчанка); *...Свецяцца пявучыя калоны / быстрых ліўняў і жывых бароў* (А. Пысін). Следует отметить и то, что русской поэзии не свойственна в такой мере, как белорусской, поэтизация плодовых деревьев, символизирующих локальное пространство, малую родину, – ЯБЛОНИ, ГРУШИ, ВИШНИ, ср.: *Як неад'емнае: над грушай / птах белы крылы распрасцёр... / Яго святлом / свiтае ў душах / любві святое пачуццё* (В. Каско); *Вішняк, сцяжынка... За гароды выйшлі, / У казачна нямую цішыню, / Чакай, чупрыну беласнежнай вішні / Ад радасці я моцна страсяну* (С. Блатун); *Там, пад нябачнымі высямі, / Зоры і яблыкі выспелі* (А. Пысін).

Общими и одинаково распространёнными в белорусской и русской поэзии являются лексемы ДУБ, ОСИНА, БЕРЁЗА, ср.: *У выраі далёкім / Аднаго для птахаў не стае: / Тых дубоў, / наднёманскіх вы-*

сокіх, / Дзе ім трэба гнёзды віць свае (М. Арочка); *І чаму не ў пашане асіна? / Асіна без гнёздаў асіных, / Асіна без пыхі яловай, / Без абмежаванасці дубовай... (*А. Пысін); *В саду омывая машину, / К обочине перейду / И вымою ноги осине, / Как грешница ноги Христу* (А. Вознесенский); *Поднимутся финн, костромич и помор / И к нашему дубу придут на сугор* (Н. Тряпкин).

В русской поэзии одной из основных лексем, структурирующих пространство, является лексема МОРЕ: *Вечно в движении, вечно волна / Шумны просторы морские, – / Лишь человеку покорна она, / Сила суровой стихии* (Н. Рубцов). В поэтической традиции белорусов данная лексема либо метафоризируется (ср.: *«жытняе мора», «зялёнае мора лясоў»*), либо функционирует в качестве основы образа чего-то нетрадиционного, экзотического, ср.: *Усім смялей якраз. / Навошта шыцца ў норы! / Не гэтак густа нас: / Пакуль што – кропля ў моры* (Р. Барадулін).

Интересную для наблюдения группу составляют ключевые слова, с помощью которых создаётся «вертикальное» пространство в русской и белорусской поэзии. Это, в частности, лексемы, обозначающие ПТИЦ. Для индоевропейских народов птица – символ амбивалентный. Это и священный символ ветра, света, духовных процессов. Это и мифологический образ душ умерших и ещё не родившихся; это «начало» и «конец» одновременно. Летящая птица – символ пространства.

Для русской поэзии весьма характерен образ ЖУРАВЛЯ: *Меж болотных стволов красовался восток огнеликий / Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли! / И разбудят меня, позовут журавлиные крики / Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали... / Широко по Руси предназначенный срок увяданья / Возвещают они, как сказание древних страниц. / Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье / И высокий полёт этих гордых прославленных птиц* (Н. Рубцов). Этот образ-символ служит источником метафорического воплощения родного пространства.

Символичен в русской лирике и образ ГОЛУБЯ, также обнаруживающий непосредственную связь с пространством: *На заре рассветные озёра / Голубого неба голубей. / И летят в извечные просторы / Голубые стаи голубей* (В. Фирсов).

В то же время символом Беларуси всегда считался белый АИСТ (БУСЕЛ): *Зарунеюць дажджы, / Выспеюць навальніцы, / Узляціць вырай матчыных слоў. / Вечнай плыні часін / Ты гадуеш крыніцы, / Беларусь – / Бераг белых буслоў* (Р. Барадулін); *Няма радзімы без бацькоўскай хаты; / Бусліны клёкат – гэта родны дом; / Ты будзеш жыць шчасліва і багата, / Калі над хатай – буслава гняздо* (П. Панчанка). С аистом белорусы связывают представления о плодородии. На Полесье его называют Иваном. С аистом связана и знаменитая перифраза В. Короткевича: *«Беларусь – зямля пад белымі крыламі»*.

Ассоциативно связана с образом птиц и в русской, и в белорусской поэзии лексема НЕБО, ср.: *Синева, голубизна сквозная... / И глухой осеннею порой / Всё равно / Других краёв не знаю, / Где бы я дышал голубизной* (В. Фирсов); *...П'ю нябёс Беларусі / густы прака-ветны блакіт...* (К. Жук).

Специфика восприятия природной среды русскими и белорусами хорошо видна сквозь призму ассоциаций. Словами-символами русской ментальности [Маслова, 1997] являются лексемы ПОЛЕ, УДАЛЬ, ДУША, СУДЬБА и т.п.

Так, в русской культуре, тяготеющей к бескрайним просторам, ПОЛЕ – одна из номинаций «русского пространства», которое ассоциируется с признаками «раздольное», «чистое», «радость», «воля»: *Ни кола, ни двора, ни избы, / ни межи у бескрайнего поля. / Это поле народной судьбы, / неизбывная русская доля* (В. Костров); *Когда серебриться луна / Над спящими в поле холмами, / Мне кажется, это страна / Вокруг прирастает домами* (В. Сорокин); *Дождь игреневый, игривый / Пролетел, и в свете дня / Встала радуга над гривой / Поля, будто бы коня. / Нынче полю выпал жребий / Нас дорогой мчать благой, / Звонкий жаворонок в небе – / Колокольчик под дугой* (Я. Козловский).

Как отмечает В. А. Маслова, ссылаясь на данные мифологии и фольклора, национально-культурная специфика поля у белорусов представлена в номинациях *«праца», «пот», «надзел», «жытняе»* и пр. [Маслова 1997 : 48]. Эти положения подтверждает и собранный нами материал: *Матчына песня, / Ты ў полі гарбела, / На маразах у чужыне гібела, / У баразёнцы на міг спачывала. / Болю не трэба было дабаўляць. / Рук ты не чула, / Але спачувала, / Што ў перапёлкі ножкі баляць* (Р. Барадулін).

У белорусов поле всегда «пахнет» хлебом, Родиной, трудом. Оно – антипод «мёртвому», «померкшему», «нелюдимому». Ср.: *И храм старины, удивительный, белоколонный, / Пропал, как виденье меж этих померкших полей...* (Н. Рубцов); *Ёсць цяжкія пласты. / Ёсць засеў густы, / Дзе кусціцца рунь маладжавая. / Колькі скарбаў тваіх, хараства, дабраты, / Мудрай той праваты – / быць дзяржаваю!* (М. Арочка).

На ассоциативном уровне с полем белорусы традиционно связывают и образ ВАСИЛЬКОВ, являющийся одним из символов Беларуси: *Пазвязвала памяць стагоддзяў / Не ўпотай / Рэк і дрэў караністых вузлоў. / Васількі тваіх воч / Узыходзяць пяшчотай, / Беларусь – Бераг белых буслоў* (Р. Баралулін); *Вунь на хвалях скіб – само каханне / З немаўлём на струджаных руках / Рольніку нясе падсілкаванне. / Вочы і падол – у васільках!* (М. Арочка).

Художественное пространство воплощается и через некоторые знаковые онимы, ассоциативно связываемые с Россией / русскими и с Беларусью / белорусами. В качестве таких фоновых онимов выступают названия городов, рек, иных географических объектов, имена вы-

дающихся деятелей культуры, искусства, фольклорных и литературных персонажей, ср.: *Ратник поля Куликова / И солдат Бородина / Свято чтили силу слова / В малом слове: Ро-ди-на!* (В. Фирсов); *Сколько речек, / Речушек, / Речонок, / Никому не известных притом, / Стало Волгою, Доном, Печорой, / Иртышом, Енисеем, Днепром!* (В. Фирсов); *Наваградак, Ліда, Гародня і Крэва... / Над Нёманам, Шчарай, Бярозай, Дзвіной... / Вы ўсюды ўздымаліся – / з мужнасці, з гневу, / Былі для зямлі абарончай рукой / (*М. Арочка); *О, Скарыны зямля, / нескароная воляй і духам, / Край Купалы / і мілае песні купальскае край! / Беларусь, Беларусь – / мая светлая радасць і скруха, / Шлях мой Млечны, / мой росны чаромхавы май! /* (М. Рудкоўскі).

Таким образом, концепт «пространство» (и его частные концепторы) в текстах русских и белорусских поэтов структурируется посредством номинации деталей, своеобразных «точек», составляющих список ключевых слов. Во многом этом список для поэтов обеих культур является общим в силу близкого культурно-языкового родства. Однако значимость, частотность, ассоциативный и коннотативный ореол отдельных ключевых лексем в ряде случаев заметно различаются в силу обусловленности разными факторами – географическим, природным, социокультурным, этнопсихологическим и др.

Библиографический список

1. Канюшкевіч, М. І. Моўная карціна свету беларуса (на матэрыяле мастацкіх параўнанняў) / М. І. Канюшкевіч // Славянские народы и их культура в современном мире : материалы междунар. науч. конф. – Гомель : БелГУТ, 1996. – С. 76–80.

2. Коваль, В. И. Мифологические верования восточных славян : пособие по курсу «Славянская мифология» / В. И. Коваль. – Гомель : УО ГГУ им. Ф. Скорины, 2016.

3. Левонтина, И. Б. Родные просторы / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 338–347.

4. Маслова, В. А. Преданья старины глубокой в зеркале языка / В. А. Маслова. – Минск : Пейто, 1997.

5. Фоминых, Н. В. Концепт, концептор и художественный текст / Н. В. Фоминых // Методологические проблемы когнитивной лингвистики ; под ред. И. А. Стернина. – Воронеж, 2001. – С. 176–179.

6. Чумак, Л. Н. Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии / Л. Н. Чумак. – Минск : БГУ, 1997.

7. Эпштейн, М. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Эпштейн. – М. : Высш. шк, 1990.

В. К. Харченко
(г. Белгород, Россия)

ЦИТАЦИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ И ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Раскрыта необходимость более плотного цитирования литературы, опоры на публикуемые издания. Приведены примеры цитации в живой разговорной речи современников. Постален вопрос о создании базы для цитирования и соблюдении принципов такой работы с книгой или статьей.

Ключевые слова: цитата, выписка, перечитывание, функции использования в речи, цитатный фонд.

Многолетнее изучение живой разговорной речи современников, особенно интенсивное в период 2012–2015 гг., натолкнуло нас на мысль о необходимости поощрения выписок из книг и цитирования этих фрагментов. Речь идёт не о сборниках афоризмов и подборе соответствующей литературы, речь идёт о свободном, «для себя» записывании полюбившейся мысли или её интересного выражения с целью использования его в своей внутренней и внешней речи. Заниматься русским языком означает не только и не столько умение исправлять дефекты произношения и ошибки правописания, сколько стремление постигать богатства родного слова, а это невозможно без цитации. «Беда начитанности – искать во всем «восхитительную цитатность» [Книжное обозрение, 2001, 12 дек.]. То, что цитата и у говорящего, и у слушающего вызывает восхищение, – факт бесспорный. Отсюда и сожаление, что с развитием интернет-культуры цитаты теряют свою мощь и привлекательность, а цитация перестаёт быть «благоговейной». «Это уже не благоговейное цитирование! Оказалось, что крылатым словам, как мухам, можно отрывать крылышки. <...> Автора нет – все дозволено». См. также [Хазагеров, 2002: 132–145].

Часто или редко цитируем мы «чужие» фрагменты? Вопрос непростой. Если рассмотреть весь объём использованных источников за три года [Харченко, 2016], то окажется, что очень часто цитируется песня (*настоящий полковник; первым делом, первым делом самолёты; одинокая гармонь*), арии из опер (*Она очень цепкая! Она цепкая до умопомрачения! Она уже зав. больницей! «Кто может сравниться с Матильдой моей!»* (12.01.2015), детские стихи (*[Студентка подруге в коридоре:] Пойдём прогуляемся! Ножками потопаем, ручками похлопаем!* (15.01.2015); *[Профессор из Волгограда, 44 г.:] Дочке 13 лет, отцу 85, мама память теряет. Я для них мамочка для всех! Когда я уезжаю, «крокодил не ловится, не растёт кокос»* (27.09.2013). Часто цитируются кинофильмы: *Место встречи изменить нельзя*, *Три тополя на плющихе; Ирония судьбы*. Укажем также, что наблюдался и фе-

номен цитаты в цитате, цитирования с двойным дном. *Профессор-литературовед: Как в анекдоте: «Уж полночь близится, а Германа всё нет»* (13.12.2013). Цитируется анекдот, и мысль соответственно приобретает юмористическую тональность, столь необходимую перед грозной проверкой. Мы были участниками совещания и «свидетелями», «сослушивателями» цитаты. Бывает ожидаемое цитирование. *[На кафедре на перерыве разговор, что холодно в аудиториях. Преподавательница повернулась к окну:] Солнышко! [Другая преподавательница шутливо:] «Мороз и солнце!»* (22.04.2015). *[Студентка, предваряя доклад:] Я остановлюсь, но коротко, чтоб не растекаться мыслью по древу!* (24.04.2015). *[На Совете университета:] Мы ещё не добрались до лекций. Какой срок давности этих лекций? Времён Очаковских и покоренья Крыма?* (27.04.2015).

В живой разговорной речи цитация хорошо ложится на восприятие, и жаль, если её будет становиться всё меньше и меньше. Приведём ряд сугубо литературных примеров. *[В кулуарах преподаватель перед совещанием по аккредитации с грустью:] «На свете счастья нет, есть только покой и воля»…* (24.12.2014). *[Доцент 62 г. о подкупе комиссии, цитируя Салтыкова-Щедрина:] «Коврижку ему в рот, а нас на замай!»* (09.01.2015). *[В вестибюле после совещания двое зав. кафедрами, прощаясь:] Нам не дано предусмотреть! – «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся!»* (19.02.2015). *[В троллейбусе о связи Украины и США и отношении к России:] «Ах, Моська, знать она сильна, что лает на слона!»* (27.02.2015). *[Доцент 62 г. о диссертантке:] Ну это девочка такая… «Драмкружок, кружок по фото, / мне ещё и петь охота». Я говорю: а что, Вы* (исследование) *продолжать будете?* (21.04.2015). *[Перед защитой штатов зав. кафедрами:] Сейчас будет по-другому! – Будет вам и белка, будет и свисток!* (24.04.2015).

Наши наблюдения велись в основном среди гуманитариев, то есть среди профессионалов. Из 156 фрагментов, посчитаем, цитат из песен, детских стихов и анекдотов, из кинофильмов – 66, сугубо литературных – 45, остальные цитаты из газет, рекламы, приказов. Здесь же цитаты из источников невыясненного происхождения. Спросим себя, почему в цитации лидируют песни, детские стишки и кинофильмы. Ответ ожидаем: потому что этот материал прочно циркулирует в нашей памяти. Но мы сейчас обратим внимание на другое цитирование, т.е. на ту незаметную, но необходимую работу, которая предшествует (подчеркнём это!) запоминанию и использованию предполагаемой цитаты.

О цитировании накоплена многочисленная литература, защищены диссертации. Так, исследователи отмечают, что подчас сами писатели не знают, что именно в их книгах будет разобрано на цитаты. Цитация, в том числе и в разговорном дискурсе, – это сфера крыла-

тологии, это знаки текста, крылатые слова, причём, как пишет Ю. А. Лысикова в исследовании «Лексикографирование цитат», весьма сложно объяснить, почему одно произведение разобрано на цитаты, а другое, тоже классическое, осталось нетронутым, хотя читается не реже первого [Лысикова, 2005]. Вместе с тем развитие интернет-культуры, обилие всевозможных изданий отодвигает неспешное, вдумчивое чтение, откладывая его «на потом». В результате мы имеем то, что хорошо сказано в статье с выразительным названием «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» [Коняева, 2015: 217–236]. Тот факт, что цитация не должна исчезать из обычной жизни, пока ещё не проговаривается должным образом. Рассмотрим некоторые принципы цитирования.

Во-первых, это так называемое свободное цитирование, выписывание только того, что приглянулось, что понравилось. Речь идёт о взрослом отношении к чтению, когда мы выбираем книги по своему вкусу и по совету людей, мнение которых нам дорого. Соответственно это всегда разные книги и разные авторы. В идеале каждую книгу, которую мы взяли в руки, целесообразно читать как учебник. Но вся загвоздка здесь в том, что эти книги будут различаться. Так, мы склонны находить мягкую афористику, не такую, которая вошла в сборники афоризмов, подчас убивающие наповал своей директивностью. Нам интересна мысль и способ её запечатления. Сравним: «Подлецы – самые строгие судьи» (афоризм) и «Юзя Ш. Хулиган, исключили из школы – и класс сразу как-то поблек и многое потерял в яркости своей внутренней жизни. А ещё вот тот парень, Ван дер Любе, тупой, скучный, неинтересный, а когда он заболел надолго, нам его стало не хватать и даже ходили к нему в больницу» (выписка из заметок Даниила Гранина «Заговор»). Именно эта выписка переворачивает наше отношение к окружающим. Мы удивляется этой мысли и незаметно запечатлеваем способ её выражения.

Во-вторых, «Цитата подобна цикаде. Неумолкаемость ей свойственна», – слова Осипа Мандельштама. Это значит, что выписанное будет долго жить, и не единожды нам пригодится. Мы многому научились в школьные годы, но вот по окончании школы продолжаем учиться, обогащаем себя спорадически, в том числе, из книг, которые читаем и из которых выписываем понравившиеся фрагменты. Одна и та же цитата может пригодиться к разным ситуациям, и это прекрасно.

В-третьих, объём цитаты тоже бывает различным. Стандартные, привычные фрагменты сжимаются до отдельных слов, тогда как свежие поначалу требуют полнокровного цитирования. Разумеется, не все цитаты будут потом востребованы, но они будут жить внутри нашего сознания, что тоже немаловажно.

В-четвёртых, не следует выписывать непонятные цитаты в надежде, что потом они будут поняты.

В-пятых, так как мы выписываем понравившееся, то и перечитывать выписки, освежать в памяти, переосмысливать нам будет всегда приятно. Через какое-то время эти выписки будут влиять на нас. «Образование женщины, – формулировала Коко Шанель, – состоит из двух уроков: никогда не покидать дом без чулок и никогда не выходить без шляпы». «Но мать вдруг вздохнула протяжно и мне вдруг пришло в голову, что здесь всё равно ничего не поделаешь – сломать можно не отдельно эту систему мыслей, а только самого человека вместе с ней» (С. Бобров).

Казалось бы, всё сказанное далеко от языка, однако именно так язык и входит в наше взрослое «я», и остаётся в нём. «Как хорошо сказано!» «Какие слова!» Нечасто повторяем мы эти оценки, хотя иногда можно и над ними задуматься. Вот отдельные примеры, остановившие наше внимание: *подробная* чуткость, *женские* глаза оленей, во время дождя все города *красивы и меланхоличны*.

В заключение и в подтверждение сказанному приведём некоторые цитаты, которые были выписаны нами из книг ранее. «На границе прозы и поэзии расположено поведение. Если человек не в силах ничего создать, он может подать пример» [Мандельштам 2002: 14]. «Есть смысл перечитывать любимые, даже знакомые книги – открываются подробности, о существовании которых ты и не предполагал» [Есин 2012: 312]. «К будущему, оказывается, надо готовиться. Как? Искать контакт с теми, кто рядом. <…> Отсутствие контакта с ближними – нонсенс, вроде рояля, от которого утерян ключ. Невозможен диалог – и всё обессмысливается» [Шапиро 2013: 145–146]. «Любое дело у него было озарено сиянием праздности, в лучшем смысле слова. Удивительно, как он, занятой человек, легко расталкивал все насущные дела, если возникал интересный разговор. Понимал, что разговор – тоже дело. Навёрстывал ночами, зачастую не спал совсем, а утром выпьет кофе – и в полной форме» [Грекова 2011]. «Человеку невозможно без ласки, и её всегда не хватает и будет не хватать, потому что потребность в ласке всегда больше любой ласки» [Шишкин 2011: 230]. «И поставив обратно на полку Эдгара По, я ушёл успокоенный. Будет ли книга прочитана, важно для её читателей. А для самой книги важно быть написанной» [Эпштейн 2013: 232].

Гуманитарии, профессионалы должны обладать своим особым стилем, на формирование которого может оказать существенное влияние процесс конспектирования понравившихся отрывков.

Библиографический список

1. Есин, С. Н. Дневник 2010 / С. Н. Есин. – М. : Академика, 2012. – 543 с.

2. Грекова, И. Своё счастье : романы / И. Грекова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 508 с.

3. Коняева, Е. П. «Моя мама любит читать Пушкина и книги про овощи» / Е. П. Коняева // Дружба народов. – 2015. – № 6. – С. 217–236.

4. Лысикова, Ю. А. Лексикографирование цитат : дис. … канд. филол. наук / Лысикова Ю. А. – Орел, 2005. – 191 с.

5. Мандельштам, О. Шум времени / О. Мандельштам. – М. : Вагриус, 2002. – 303 с.

6. Хазагеров, Г. Г. Персоносфера русской культуры / Г. Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. – № 1. – С. 132–145.

7. Харченко, В. К. Антология разговорной речи : некоторые аспекты теории : в 5 т. / В. К. Харченко. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – Т. 4. – 216 с.

8. Шапиро А. Я. Простая жизнь гения. Главы из будущей книги / А. Я Шапиро // Дружба народов. – 2013. – № 11. – С. 145–146.

9. Шишкин, М. П. Письмовник : роман / М. П. Шишкин. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 412 с.

10. Эпштейн, М. Н. НГ Ex libris / М. Н. Эпштейн. – 2013. – 21 марта.

Г. И. Канакина
(г. Пенза, Россия)

ЧИТАТЕЛЬСКИЕ «ПРЕДПОЧТЕНИЯ» И РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОЧИНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ

Аннотация. Представлен анализ итоговых сочинений учащихся с точки зрения их содержания и речевого оформления. По словам представителей ФИПИ, цель сочинения – «выявить уровень речевой культуры выпускника, его начитанности, личностной зрелости и умения рассуждать». Однако зачастую ученики не понимают смысла формулировки темы и расширяют содержание до уровня тематического направления. Не всегда на высоте и речевая культура выпускников.

Ключевые слова: выпускное сочинение, уровень читательской и речевой культуры, читательские «предпочтения», речевые стереотипы.

На пленарном заседании Съезда Общества русской словесности, состоявшемся 26 мая 2016 года, Президент РФ В. В. Путин отметил, что «…сбережение русского языка, литературы и нашей культуры – это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире», «…и мы должны сделать все, чтобы знания классической и современной литературы, грамотная речь стали неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось все наше общество» [4].

Одним из способов проверки, насколько «знание классической и современной литературы и грамотная речь» стали «неотъемлемой частью жизни» молодёжи, по нашему мнению, могло стать выпускное сочинение, введённое Министерством образования и науки в школь-

ную практику в 2014–2015 учебном году «с целью выявления у обучающихся умения мыслить, анализировать и доказывать свою позицию с опорой на самостоятельно выбранные произведения отечественной и мировой литературы» [2]. Сочинение уже было выпускным экзаменом в 90-е годы прошлого века. Школьники брали готовые сочинения, которые публиковались в разных брошюрах (типа «500 лучших сочинений», «100 золотых сочинений» и др.), и писали безликие, усредненные тексты. Возвращение к выпускному сочинению обусловлено падением грамотности, интереса к чтению, речевой и читательской культуры выпускников школ. Цель его – повышение читательской активности, попытка стимулировать самостоятельное мышление выпускников, умение рассуждать с опорой на литературный материал по избранной теме. Полагаем, что сама идея возвращения выпускного сочинения неплохая. Однако опять появились пособия-шпаргалки из серии «Лучшие выпускные сочинения» с примерами и образцами. Проанализируем, насколько эффективной оказалась реализация концепции выпускного сочинения по прошествии четырёх лет с момента его введения в школьную практику. Наше мнение формировалось в процессе работы в качестве председателя комиссии по проверке сочинения абитуриентов Пензенского государственного университета.

На сегодняшний день это испытание является не только допуском к ГИА и получению аттестата, но и формой оценки индивидуальных достижений абитуриентов при поступлении в вуз: каждый абитуриент может получить за него до 10 дополнительных баллов. Для повышения объективности оценивания работ выпускников в проверке участвуют преподаватели кафедр «Литература и методика преподавания литературы» и «Русский язык и методика преподавания русского языка», а также лучшие учителя школ города.

Темы сочинений выпускники узнают только на экзамене. Для более эффективной подготовки ученикам предложены направления, в рамках одного из которых и будет выбрана тема. Например, в 2017–2018 учебном году для подготовки к ГИА обучающимся были предложены **5 открытых направлений тем итогового сочинения:** «*Смелость и трусость*», «*Равнодушие и отзывчивость*», «*Человек и общество*», «*Цели и средства*», «*Верность и измена*». ФИПИ подготовил подробный комментарий и методические материалы в помощь обучающимся и учителям. По каждому направлению указан список произведений, которые можно привлекать для аргументации по теме. Темы составлены так, что позволяют выпускникам выбирать литературный материал, на который они будут опираться в своих рассуждениях: произведения русской и мировой литературы, научные и публицистические источники, факты из биографии писателей, учёных, исторических деятелей и др. Темы по направлениям даются не конкретно под какое-то произведение. Как правило, это темы с глубоким смыслом, застав-

ляющие задуматься. В 2017 г. в Пензенском регионе выпускникам были предложены **следующие темы**: *Когда измену можно простить?; Какие поступки человека говорят о его отзывчивости?; Возможно ли счастье, построенное на несчастье других?; Чем смелость отличается от безрассудства?; Бывает ли общественное мнение ошибочным?*

Возвращение сочинения в школьную практику задумывалось как попытка уйти от шаблона и стереотипности в письменных высказываниях учащихся. Действительно, плохих работ стало меньше. Однако ещё меньше стало оригинальных работ, которые хоть чем-то отличаются от остальных. К сожалению, многие работы написаны как под копирку, на основании Интернет-примеров или заготовленных шаблонов в рамках тематических направлений. Не всегда ученики понимают смысл формулировки темы и расширяют содержание сочинения до уровня тематического направления. Например, при раскрытии темы «*Чем смелость отличается от безрассудства?*» школьники размышляли о смелости и трусости, без учета конкретного аспекта, заявленного в теме. В подобных случаях выпускники даже не вникают в поставленный в теме вопрос, воспроизводя готовый шаблон.

Довольно часто в выпускных работах встречается неверное осмысление терминов или нравственно-психологических понятий в формулировке избранной темы. Например, безрассудным выпускники считают поступок Рыбака (героя произведения В. Быкова «Сотников»), так как «*он струсил и предал товарища*». К сожалению, понятие «безрассудство» осознаётся неправильно многими выпускниками. Некоторые старшеклассники безрассудным считали подвиг Данко, «*который без рассуждений отдал свою жизнь для того, чтобы вывести своё племя из тьмы болот на свободу*». И только в единичных работах упоминались действительно безрассудные поступки Долохова, одного из персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Введение декабрьского сочинения не повысило интерес выпускников к чтению. Видимо, необходимо искать другие пути для повышения читательского интереса. Чтобы написать хорошее сочинение по литературе, необязательно прочитать большое количество книг. Вполне достаточно того списка произведений, которые входят в школьную программу. Некоторые тексты можно использовать для аргументации по разным темам. Опора на литературное произведение подразумевает ссылку не на весь текст, а на его какие-то определенные доказательные части. К сожалению, некоторые выпускники не умеют отбирать нужные эпизоды для аргументации. Поэтому, *говоря об отзывчивости Андрея Соколова, они в лучшем случае приводили пример его встречи с Ванюшкой, а в худшем случае эпизод про то, как Андрей задушил Крыжнева, когда тот собрался донести о своём взводном немцам.*

Следует отметить недостаточное знание классической литературы, что приводит к привлечению в качестве аргументов одних и тех же

произведений. В 2017 г. активно использовались фрагменты из произведений А. И. Куприна («Гранатовый браслет») и М. А. Шолохова («Судьба человека»), в 2018 г. В. Короленко («Дети подземелья») и В. Быкова («Сотников»). Незнание или слабое знание произведений приводит к искажению их содержания (*В рассказе Тургенева «Муму» главный герой переезжает в город, где над ним издеваются; Став крепостным крестьянином, он получает крохотную комнату*) или истолкования. Так, в качестве аргумента по теме «*Можно ли построить счастье на несчастье других*?» ученики приводили преступление Раскольникова, который, якобы, «*за счёт двойного убийства хотел построить своё счастье на несчастье других*».

В Интернете размещены результаты одного исследования, где анализируются ответы учащихся 9–11 классов на вопрос «Тебе нужно написать сочинение по произведению, которое ты не читал, что ты будешь делать?» Ответы схожи между собой: «*Не знаю, что буду делать. Скорее всего, воспользуюсь Интернет-источниками*»; «*Найду похожее сочинение и переделаю на свой лад*»; « *Прочитаю краткое содержание, найду в Интернете анализ произведения*». Только один ученик ответил, что «*прочитает заданное произведение*» [5]. Полагаем, что многие авторы проанализированных нами сочинений поступали подобным образом.

Известный социолог культуры и чтения С. Н. Плотников обобщил данные исследований о типичных отличиях читателей и нечитателей. Оказывается, читатели отличаются уровнем развития интеллекта. Они способны мыслить в рамках проблем, схватывать целое и выявлять противоречия и связь явлений, более адекватно оценивать ситуацию, быстрее находить правильные решения, имеют больший объём памяти и активное творческое воображение, лучше владеют речью. Таким образом, чтение формирует качества наиболее духовно зрелого, просвещённого, культурного и социально ценного человека [Плотников 1999: 64].

К сожалению, сочинения выпускников не демонстрируют высокого уровня функционально-речевой грамотности их авторов. В них нередки штампы – речевые стереотипы – «избитые выражения с потускневшим лексическим значением и стертой экспрессивностью», которые используются без учета контекста. А ведь это своеобразные маркеры коммуникативной компетенции выпускников. Стереотипные фразы заимствуются в основном из Интернета и СМИ. Чаще всего используются речевые шаблоны для вступления и заключения: *Автор задаётся вопросом* «*Какую измену можно простить?*»; *Таким образом, на основе вышеизложенных примеров из художественной литературы можно сделать вывод о том…*; *На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что…*; *В заключение хочется призвать людей: Давайте не совершать злых поступков. Будем верны тем людям, ко-*

торые любят нас; *Завершая сочинение, хочу обратиться к вам с просьбой: посмотрите вокруг себя, нет ли рядом людей, которые нуждаются в помощи; Подумайте, кем вы хотите быть: равнодушным эгоистом или отзывчивым человеком*.

СМИ являются рупором общественного мнения и примером для речевого подражания, негативные явления отразились на речевой грамотности всего общества, что в свою очередь незамедлительно отразилось и на письменной грамотности [1]. В ряде работ на тему «*Когда измену можно простить?*» выпускники выносили свой вердикт по отношению к измене выражением комедийного персонажа Бородача из популярной телепередачи «Наша Раша» – «*Понять и простить*»: *Катерину из драмы «Гроза» можно понять и простить; Андрия можно понять и простить, ведь он спасал от голодной смерти любимую паночку.*

Достаточно часто в сочинениях выпускников встречается любимое В. В. Жириновским разговорное слово «*однозначно*». Оно употребляется как вводное слово в значении «*несомненно, определенно*»: *Трусливые люди, однозначно, не могут совершать безрассудные поступки; Однозначно, страх за свою жизнь таится в душе каждого человека; Мнение «фамусовского общества» однозначно оказалось ошибочным; Поступок Григория Мелехова однозначно говорит о его отзывчивости и благородстве.*

Нередко в сочинениях встречается довольно распространённое некорректное выражение «*в конечном итоге*». Эту фразу часто можно услышать с телеэкрана из уст политиков, телеведущих, известных актёров, музыкантов, участников телешоу и т. д. Она является типичным примером плеоназма (речевого излишества), когда значение одного слова повторяет значение другого: *И в конечном итоге Тихон прощает Катерину; В конечном итоге Анна оставила семью и уехала с Вронским.*

Распространёнными в сочинениях школьников стали конструкции типа: *В повести Бунина «Господин из Сан-Франциско» у главного героя целью являлись власть и деньги; В произведении Островского «Гроза» Катерина живёт чувствами*. Возможно, причина появления подобных фраз – стремление к экономии языковых средств, что свойственно современной разговорной речи. Однако это приводит к нарушению логики: получается, что старшеклассники не умеют отличать факты реальной жизни от художественного вымысла.

По своей форме итоговое сочинение – это классическое школьное сочинение по литературе. Чтобы сочинения выпускников были действительно достойными, нужно менять подходы к преподаванию литературы. А если учесть, что на подготовку к выпускному сочинению специальных часов не отводится, то учителям нужно вести эту работу, начиная с 5 класса, для чего необходимо увеличение количества уроков развития речи в средних классах.

Научить школьников писать хорошие сочинения может только учитель, который сам умеет это делать. Поэтому считаем, что написанию сочинений нужно систематически учить и будущих учителей-словесников в стенах педвуза, чему, на наш взгляд, не уделяется достаточного внимания.

Библиографический список

1. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание : учеб. пособие для вузов / М. Н. Володина. – URL: http://evartist.narod.ru/text12/03.htm

2. Итоговое сочинение (изложение). 2017–2018 учебный год. – URL: http://www.fipi.ru/ege-i-gve-11/itogovoe-sochinenie

3. Плотников, С. Н. Чтение и экология культуры // Homo legens: Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995) / С. Н Плотников. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.

4. Путин, В. В. Выступление на пленарном заседании Съезда Общества русской словесности / В. В. Путин. – URL: http://www.verav.ru/common/message.php?table=message &num=2125

5. Роль чтения и читательские предпочтения современных школьников. – URL: https://school-science.ru/2/8/31459

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ю. А. Акямсова
(г. Пенза, Россия)

ФИЛЬМОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Предложено рассмотрение фильмонимов, что позволяет выявить место названий фильмов в ономастическом пространстве и определить их специфику с учетом выполняемых ими функций.

Ключевые слова: фильмонимы, ономастика, текст, названия, ономастическое пространство.

Имена собственные используются для номинации широкого круга предметов, явлений, понятий и т.д. Особое место занимают идеонимы, повышенный интерес учёных к которым вызван тем, что они, во-первых, дают богатый материал для лингвистического анализа, во-вторых, в силу своей языковой специфики могут быть изучены и как обусловленные единицы, т.е. неотъемлемые компоненты текста, и как самостоятельные речевые единицы, способные функционировать автономно. Известно, что заглавие произведения – это ключ к его интерпретации, именно поэтому читателя или зрителя по праву можно назвать коммуникативным соавтором. Если названиям художественных произведений посвящены многие научные исследования, то названия фильмов в течение долгого времени оставались вне поля зрения лингвистов.

Кинематограф появился 28 декабря 1885 года благодаря Луи и Огюсту Люмьер. «Фильм – лента со снимками, объединенными единым сюжетом или задачей информации, предназначенная для проекции на экран, для показа в кино» [Милевич 2012: 13]. Фильмонимы представляют собой особый разряд имён собственных, так как имеют знаковую природу. Важнейшей их функцией является информативная.

Четкой классификации названий фильмов не разработано. За основу мы взяли классификацию А. В. Ламзиной, которая распределяет заглавия литературных произведений по четырем группам. Мы опирались на соотношение заглавия с традиционно вычленяемыми компонентами произведения: тематическим составом и проблематикой сюжета, системой персонажей, временем и местом действия (описания). Во всех этих видах могут встречаться конструкции с усложненной семантикой.

Итак, выделяют следующие типы фильмонимов:

1. Фильмонимы, которые отражают основную тему или проблему произведения. Понимание зрителем темы, обозначенной в названии фильма, может существенно расширяться по мере развертывания художественного сюжета, а сам фильмоним приобретать символическое значение, например, «Идиот» (Владимир Бортко, 2003), «Они сражались за родину» (Сергей Бондарчук, 1975), «Судьба человека» (Сергей Бондарчук, 1959).

2. Фильмонимы, задающие сюжетные перспективы произведения. Такого рода названия можно условно разделить на две группы: отражающие полную сюжетную линию фильма (фабульные) и отражающие кульминационный момент с точки зрения развития сюжета, (кульминационные), например, «Иван Васильевич меняет профессию» (Леонид Гайдай, 1973), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (Леонид Гайдай, 1965), «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (Игорь Масленников, 1979–1986), «Самогонщики» (Леонид Гайдай, 1961).

3. Персональные фильмонимы, значительная часть которых – антропонимы, сообщающие о национальности, родовой принадлежности и социальном статусе главного героя, например, «Александр Невский» (Сергей Эйзенштейн, 1938), «Андрей Рублёв» (Андрей Тарковский, 1966), «Полицейский с Рублевки» (Илья Куликов, 2016), «Солдат Иван Бровкин» (Иван Лукинский, 1955), «Тот самый Мюнхгаузен» (Марк Захаров, 1979).

4. Фильмонимы, обозначающие время и пространство. Кроме времени суток, дней недели, месяцев, время действия может быть описано в виде даты, относящейся к историческому событию, например, «Семнадцать мгновений весны» (Татьяна Лиознова, 1973), «Служебный роман» (Эльдар Рязанов, 1977), «Холодное лето пятьдесят третьего...» (Александр Прошкин, 1987). Также такого класса фильмонимы могут отражать место действия, которое обозначено с разной степенью конкретности, реальным – «Москва слезам не верит» (Владимир Меньшов, 1979), «Невероятные приключения итальянцев в России» (Эльдар Рязанов, Франко Проспери, 1974), «Тихий Дон» (Сергей Герасимов, 1957–1958), «Человек с бульвара Капуцинов» (Алла Сурикова, 1987), или вымышленным топонимом – «Волшебник Изумрудного города» (Павел Арсенов, 1994), «Паровозик из Ромашкова» (Владимир Дегтярёв, 1967), «Трое из Простоквашино» (Владимир Попов, 1978). Выбор топонима автором обычно обусловлен общим замыслом произведения [Ламзина 1999: 120].

Для описания структурных особенностей наименований фильмов мы взяли за основу классификацию, согласно которой все фильмонимы можно разделить на четыре группы:1) наименования-словоформы;

2) наименования-словосочетания; 3) наименования-предложения; 4) наименования-цитаты.

Фильмонимы первой группы представляют собой одно слово, например: «Гараж» (Эльдар Рязанов, 1979), «Русалка» (Александр Петров, 1996), «Сталкер» (Андрей Тарковский, 1979). По утверждению А. В. Антроповой, «создатели кинолент стремятся к максимальной сжатости и красочности названий, что, в свою очередь, вызвано необходимостью реализации рекламной и информативной функций. Краткие названия являются наиболее привлекательными» [Антропова 2008: 19].

Помимо названий-словоформ, представленных, как правило, существительными в именительном падеже, фильмонимы представлены в виде названий-словосочетаний, например, «Баллада о солдате» (Григорий Чухрай, 1959), «Кавказский пленник» (Сергей Бодров (старший), 1996), «Карнавальная ночь» (Эльдар Рязанов, 1956), «Очи чёрные» (Никита Михалков, 1987).

Названия порой бывают выражены односоставными предложениями с глаголом или именем существительным в качестве главного члена: «Вам и не снилось...» (Илья Фрэз, 1980), «Здравствуйте, я ваша тётя!» (Виктор Титов, 1975), «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (Леонид Гайдай, 1967).

В качестве названий фильмов могут использоваться синтаксически неделимые словосочетания: «12 стульев» (Леонид Гайдай, 1971), «Два капитана» (Евгений Карелов, 1976), «Десять негритят» (Станислав Говорухин, 1987). Необходимо отметить, что в этой группе встречаются конструкции, включающие в себя обращение: «Гардемарины, вперёд!» (Светлана Дружинина, 1987), «Гуляй, Вася!» (Роман Каримов, 2017).

Названия могут быть представлены в виде двусоставных предложений, например, «Жил певчий дрозд» (Отар Иоселиани, 1971), «Никто не хотел умирать» (Витаутас Жалакявичус, 1966), «Служили два товарища» (Евгений Карелов, 1968).

Небольшую группу составляют наименования-цитаты: «Внимание всем постам!» (Игорь Вознесенский, 1985), «Где находится нофелет?» (Геральд Бежанов, 1987), «Здравствуйте, я ваша тетя» (Виктор Титов, 1975), «Самая обаятельная и привлекательная» (Геральд Бежанов, 1985). Особенностью данных названий является то, что они представляют цитату из фильма или фрагмент песни, которая в нем звучит, например, «Берегите женщин» (Виктор Макаров, Александр Полынников, 1981), «Калина красная» (Василий Шукшин, 1974), «О бедном гусаре замолвите слово» (Эльдар Рязанов, 1980), «Я шагаю по Москве» (Георгий Данелия, 1963).

Таким образом, в структуре ономастического пространства фильмонимы занимают особое место в силу специфики своей знаковой природы. Как и другие идеонимы, в частности, заглавия литературных

произведений и газетные заголовки, названия фильмов тесно связаны с творческой деятельностью человека. Фильмонимы представляют ту область, которую не следует считать предметной, так как имена кинолент отражают тему или идею произведения, или обозначают время, место действия, или называют героя (героев) произведения. В то же время фильмонимы – это имена собственные, принадлежащие индивидуальным предметам, составляющим область духовной культуры. Фильмонимы – объект разносторонних лингвистических исследований: ономастики, социолингвистики и лингвокультурологии.

Библиографический список

1. Антропова, А. В. Названия американских, английских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода : дис. ... канд. филол. наук / Антропова А. В. – Екатеринбург, 2008.

2. Введение в литературоведение / под ред. И. В. Фоменко. – М. : Высш. шк., 1999.

3. Милевич, И. Г. Перевод названий художественных фильмов: коммуникативные тактики / И. Г. Милевич // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2012. – № 8. – С. 29–32.

Э. Ж. Апиева
(г. Пенза, Россия)

ЭПОНИМЫ В ВЕТЕРИНАРИИ

Аннотация. Рассмотрено широкое применение терминов-эпонимов в ветеринарии, исторические моменты, способствующие появлению эпонимов, а также актуальность их в ветеринарной науке.

Ключевые слова: эпонимы, ветеринария, термин, болезнь, животные, возбудитель, ученый, наука, метод, этапы, история.

Проблеме эпонимии посвящено множество работ как лингвистов, так и представителей самых разных областей знания. Эпонимы – термины, образованные при участии имен собственных, представляют собой пласт лексики, который вызывает огромный интерес для изучения когнитивных процессов антропоцентрического характера, присущих всем этапам развития науки. Имя собственное в структуре термина-эпонима делает его хранителем культуры и истории, «чтобы прошлое продолжалось в будущем, чтобы не было допущено обеднение нас великими богатствами прошлого» [Бердяев 1990: 59]. Название эпонимы произошли от греческого слова eponymos – дающий свое имя. Эпонимы термины отражают эволюцию познания мира и составляют большую часть ветеринарной терминологии.

В современной ветеринарной терминологии широкое распространение получили термины, в состав которых входят имена собственные. Эпонимические термины употребляются постоянно. Они закрепились в ветеринарной лексике и являются отражением работы многих поколений ветврачей, естествоиспытателей, ученых, первооткрывателей, имена которых стали частью ветеринарной терминологии. Эпонимические термины могут включать 1, 2, 3 и более имен собственных, доминируют 2-х компонентные структуры. С этим соглашаются также исследователи немецкой терминологии, отмечая, что в «структурном отношении немецкие эпонимы в области ветеринарии чаще всего представляют собой двухкомпонентные терминологические сочетания, состоящие из имени собственного и тематического слова с обобщающим значением…» [Хакимова 2015: 314–315].

Эпонимы отражают развитие ветеринарии как науки, обозначают понятия, непосредственно связанные с причинами, диагностикой болезней животных и их лечением.

Приведем несколько примеров:

– **Болезнь Ауески.** Впервые о болезни Ауески как о самостоятельной нозологической единице сообщил в Венгрии А. Ауески (1902). В 1938 г. на Международном ветеринарном конгрессе было принято решение назвать болезнь в честь ее первооткрывателя.

– **Пастереллез** (геморрагическая септицемия) – инфекционная болезнь многих видов сельскохозяйственных и диких животных, в том числе птиц, характеризующаяся явлениями септицемии и воспалительно-геморрагическими процессами во внутренних органах, на серозных и слизистых оболочках. Впервые возбудителя холеры кур в чистой культуре выделил Л. Пастер в 1880 г. Название *Pasteurella* возбудителю присвоено в честь ученого в 1910 г.

– **Листериоз** болезнь названа в честь Джо́зефа Ли́стера – крупнейшего английского хирурга и учёного, создателя хирургической антисептики. В честь Джозефа Листера был назван род бактерий листерия (*Listeria*), включающий патогенный для человека вид *Listeria monocytogenes*.

– **Род Salmonella** (сальмонеллез) назван в честь ученого, американского ветеринарного врача Дэниэла Сэлмона, выделившего совместно с бактериологом Теобальдом Смитом одного из представителей рода во время эпидемии холеры свиней 1885 года, известного как возбудитель пищевой токсикоинфекции Salmonella choleraesuis.

– **Бруце́ллы** (лат. *brucella*) – род бактерий из семейства *Brucellaceae* класса альфа-протобактерий. Назван в честь шотландского военного врача Дэвида Брюса, который первым выделил и описал микроогранизмы на Мальте в 1887 году. С тех пор болезнь, вызываемую этими микробами, называют **бруцеллезом.**

– **Болезнь Шагаса** (американская форма трипаносомоза) представляет собой тропическое паразитарное заболевание, которое вызывается такими простейшими, как Trypanosoma cruzi. Впервые Болезнь Шагаса была выявлена в начале 1909 года на территории Бразилии ученым К. Шагасом.

Многие болезни животных получили название тех мест, где они были диагностированы, например:

– **Болезнь Ньюкасла** (Ньюкаслская болезнь, Псевдочума) у птиц была названа в честь английского города Ньюкасл, потому что там произошла первая крупная вспышка эпидемии в 1962 году, которая уничтожила практически все куриное поголовье.

– **Болезнь Лайма**, называемая также боррелиозом, развивается у человека в результате укуса иксодового клеща, переносящего болезнетворные бактерии. Название заболевание получило в честь населенного пункта Лайм, штат Коннектикут.

– **Болезнь Тешена** – быстро протекающее вирусное заболевание свиней, которое поражает нервную систему и является причиной нарушения движений, неправильной постановки конечностей, парезов, судорог и параличей, повышенной чувствительности кожных покровов. Названо заболевание в честь города Тешен, где впервые было зарегистрировано в начале XX века.

– **Вирус Шмалленберга** впервые заявил о себе в Германии. В августе 2011 года у трех дойных коров в городе Шмалленберг обнаружили неизученные симптомы. Этот новый вирус, названный в честь немецкого города, наблюдается у жвачных парнокопытных животных (крупный рогатый скот, овцы, козы).

В ветеринарной медицине эпонимы используются для обозначения разнообразных понятий: болезней, симптомов, синдромов, анатомических объектов, научных теорий, методов исследования, лечения, оборудования, инструментов. Именно в анатомических эпонимических терминах в ветеринарной медицине отразились основные этапы развития науки и функциональных особенностей органов. Например:

Bundle of His – пучок Гисса (Хис Вильгельм – немецкий анатом, профессор Базельского и Лейпцигского Университета, 1872 г.).

Purkinje fibers – волокна Пуркине (Ян Эвангелисте Пуркине – чешский физиолог, анатом, 1787–1869).

Blumenbach – clivus – скат Блюменбаха (Иоган Фридрих Блюменбах – известный немецкий анатом и антрополог, 1752–1840 гг.).

Pirogov, s tonsillar ring – кольцо Пирогова (Н. И. Пирогов – русский хирург и анатом, 1810–1889).

Eustachian tube – Евстахиева труба (Барталамео Устахио – итальянский врач, анатом, XVI век).

Fallopian tube – Фаллопиевы трубы, названы по имени итальянского анатома XVI века Габриэля Фаллопия, впервые описавшего их.

Botallov, s duct – Боталлов проток (Леонард Ботелло – итальянский врач анатом, 1530–1600.

Circle of Willis – Виллизиев круг назван в честь английского врача Томаса Виллиса.

Atrio ventrical node of Aschoff-Tawara – узел Ашоффа-Тавара – немецкий паталогоанатом, 1866–1940.

Bianchi nodes – узелки Бианчи (Дж. Бианчи итальянский анатом, 1681–1761).

Golgi complex – аппарат Гольджи (Камилло Гольджи – итальянский ученый, впервые обнаружил в 1898 г.

В XVII–XVIII веках исследователи в разных странах собирают большое количество наблюдений, открывают новые признаки болезней и изучают действие старых и новых лекарственных средств. Многие ученые занимаются изучением очаговых болезней, эпидемий. Следует подчеркнуть, что в научных статьях по ветеринарии на английском языке в разделе Methods – методы исследования, где приводятся результаты и дается описание научно-исследовательской деятельности ученых и специалистов, можно встретить большое количество эпонимов. Например, метод Манна – по имени американского гистолога G. Mann; метод Мора – по имени немецкого химика F. Mohr.

В современном мире также происходит обогащение языка новыми эпонимами. Каждый год ученые открывают тысячи новых видов животных, что означает, есть довольно много видов, о которых мы никогда не слышали. Это также значит, что исследователи должны придумывать имена для этих новых, редких животных. Неудивительно, что имена знаменитостей, политиков и звезд шоу-бизнеса часто являются источником вдохновения.

– Оса Aleiodes shakirae – эта малюсенькая оса длиной всего 4–9 миллиметров была обнаружена в Восточных Андах Эквадора и названа в честь колумбийской певицы Шакиры. Aleiodes shakirae – оса-паразит. Она откладывает свои яйца в тело гусеницы, которая впоследствии умирает. В процессе этого природного триллера гусеница потрясывает и виляет «бедрами», что напомнило ученым коронные танцевальные движения Шакиры.

– Водяной клещ Дженнифер Лопес (Litarachna lopezae). Членистоногое было обнаружено в 2014 году в проливе Мона, который разделяет Пуэрто-Рико и Доминиканскую республику. Во время написания статьи об этом клеще биологи слушали песни певицы, благодаря которым все время пребывали в хорошем настроении. В благодарность они дали объекту своего исследования имя певицы.

– Моль Дональда Трампа (Neopalpa donaldtrumpi). Эта новая разновидность выемчатокрылой моли была обнаружена при изучении коллекции образцов музея энтомологии Богарта, а свое название получила, как несложно догадаться, благодаря своей «прическе».

– Паразит Боба Марли (Gnathia marleyi). Так называется небольшой рачок, который обитает в Карибском море и питается кровью рыб. Название ракообразному дал обнаруживший его американский морской биолог Пол Сикелл. Таким образом он решил увековечить имя своего любимого исполнителя.

– Овод Бейонсе (Scaptia beyonceae). В 2012 году ученые открыли новый вид оводов с золотистыми волосками на брюшке. Эти волоски напомнили биологам об американской звезде Бейонсе, в честь которой и было названо насекомое.

– Жук Кейт Уинслет (Agra Katewinsletae). Биолог Терри Эрвин, который обнаружил этого жучка, решил назвать его в честь Кейт Уинслет – актрисы, сыгравшей главную роль в фильме «Титаник». Таким образом, ученый попытался провести аналогию между затонувшим судном и возможным исчезновением маленького жучка с лица земли. Это может произойти из-за масштабного уничтожения тропических лесов.

– Лягушка принца Чарльза (Hyloscirtus princecharlesi). Вид амфибий, обнаруженный в 2008 году в Эквадоре, получил свое название в честь британского принца Чарльза, в благодарность за его деятельность по защите тропических лесов.

– Паук Дэвида Боуи. Новый вид пауков, покрытых желтыми волосками, был открыт в 2009 году в Малайзии. Ученый Петер Ягер, сделавший открытие, назвал насекомое именем знаменитого певца Дэвида Боуи. Ученый объяснил выбор такого названия тем, что имя легендарного музыканта способно привлечь людей к проблеме исчезновения редких видов животных.

– Паук Анджелины Джоли (Aptostichus angelinajolieae). Паучок, названный в честь самой красивой женщины планеты, обитает в песчаных дюнах Калифорнии. В данном случае речь не идет о каком-либо сходстве между Анджелиной и членистоногим. Присвоив пауку имя актрисы, ученые просто хотели отблагодарить ее за работу в качестве посла доброй воли ООН.

– Жужелица Шварценеггера (Agra schwarzeneggeri). 15 лет назад на Коста-Рике был открыт новый вид жужелиц. Самцы этого насекомого имеют утолщенные бедра, напоминающие накачанные мускулы. Именно поэтому жужелице присвоили имя Арнольда Шварценеггера – самого знаменитого культуриста.

– Паук Джона Леннона (Bumba lennoni). В честь легендарного музыканта назван вид одного из южноамериканских пауков птицеедов, открытый в 2014 году. Энтомологи решили выразить свое уважение к памяти Джона Леннона и подарили его имя обнаруженному ими насекомому.

Эпонимы выполняют свою задачу – выделяют предметы из ряда ему подобных. Имя собственное играет при этом основную роль, заменяя длинные описательные конструкции. Эпонимы обеспечивают быстрое понимание текста, облегчают запоминание терминов и знакомят с основными этапами развития ветеринарной науки. Они являются языковыми памятниками выдающимся людям, знаменитым местам и составляют значительную часть ветеринарной терминологии.

Библиографический список

1. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990.

2. Хакимова, Г. А. Эпонимические термины в немецкой ветеринарной терминологии / Г. А. Хакимова // Научные исследования: от теории к практике : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. 31 декабря 2015 г. / редкол.: О. Н. Широков и др. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. – № 5 (6). – С. 314–315.

П. Е. Ахраменко
(г. Мозырь, Беларусь)

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ ЧЕРЕЗ БЕЗЛИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ И ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. П. ШАМЯКИНА)

Аннотация. Безличные синтаксические единицы на примере русскоязычных и белорусскоязычных художественных произведений (на материале оригинальных и переводных художественных произведений И. П. Шамякина) рассматриваются как средство отражения действительности, отражения языковой картины мира. Обозначаются особенности и общее при обозначении действительности посредством безличных синтаксических построений в белорусском и русском языках.

Ключевые слова: безличные единицы, языковая картина мира, субъект, объект, смысловое поле.

Обмен знаниями между людьми служит формированию и пополнению представления об общей картине мира. В памяти каждого индивида (в его нейропсихологических механизмах) хранится общий для данного коллектива язык (знание языковых единиц и правил, представление об окружающей действительности), выполняющий функцию определенной программы, управляющей коммуникативным поведением [Сусов 1973: 13].

В различных языковых структурах выделяются смысловые единицы языка, а именно значения. Они различаются между собой и характеризуются каждое своим местом в языковой системе. В этих

структурах кристаллизуется бесконечное множество элементов опыта, представлений и понятий (концептов). Но смысловые пространства в разных языках (из-за различий в культурах соответствующих этносоциальных коллективов) неодинаковы [Сусов 1973: 5].

В. Г. Адмони отмечает, что «не только лексическое значение и обобщенное содержание отдельных слов, словоформ и частей речи отражает реальный мир, реальную действительность, но и грамматическая структура предложения как целостной единицы...». Логико-грамматические типы предложения представляются им как грамматические структуры, в форме которых отражается логическое содержание, т.е. закрепившиеся в человеческом сознании установленные связи и отношения объективной действительности [Адмони 1973: 7].

Относительно порождения высказывания и о приоритете синтаксического плана перед семантическим представлением говорит В. М. Солнцев. По его мнению, именно синтаксис, приводит к пониманию того, как формируется смысл. Он отмечает, что любое новое высказывание строится в соответствии с синтаксической моделью (схемой, конструкцией), которая известна говорящему и которую он хочет обозначить. Эти конструкции, которые наполнены соответствующей лексикой – результат осознания какой-то конкретной типичной ситуации. Для выражения определенной мысли говорящий в соответствии с коммуникативными заданием выбирает одну из известных ему моделей или конструкций предложений. В модели-предложении осуществляется заполнение мест определенной лексикой [Солнцев 1971: 208, 298, 289].

Логические схемы обыденного мышления встроены в язык. Языки обращаются с ними по-разному, расширяя возможности одних и отодвигая в тень другие. В этом сказывается, по В. фон Гумбольдту, духовная индивидуальность нации, та «живость языкового сознания, которая превращает язык в зеркало мира» [Арутюнова 1999: 793].

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Апресян 1995: 38–39].

А. Вежбицкая в своей работе «Язык. Культура. Познание» отмечает, что каждый язык образует свою «семантическую вселенную», сочувственно цитируя Цветаеву – «иные вещи на ином языке не мыслятся» Не только мысли могут быть «подуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом [Вежбицкая 1996: 21].

Ключевыми концептами русского языка, по А. Вежбицкой, являются эмоциональность, иррациональность, любовь к морали [Вежбицкая 1996: 33].

Данные концепты могут находить выражение на уровне синтаксиса, в частности, посредством употребления безличных предложений. Безусловно, нагляднее особенности языка проявляются на уровне лексики и фразеологии, синтаксические же особенности отмечаются не так ярко, не сразу бросаются в глаза, а воспринимаются опосредованно через различия в мировосприятии. А. Вежбицкая отмечает, что под концептом понимается не только «…единица памяти ментального лексикона», но и единица универсального «синтаксиса человеческих мыслей» [Вежбицкая 2001: 55].

Категория личности-безличности зависит от выбора говорящего, точнее, воплощает этот выбор самим фактом существования говорящего и произносимой им речи.

Субъект личного предложения объединяет в себе две роли – агенса и источника силы (каузатора или исполнителя действия). В безличных предложениях они разведены. Первые антропоцентричны, вторые энергоцентричны. В первых основной фигурой является человек, во вторых – некоторая сила, локализуемая вне или внутри человека. Сила остаётся за кадром: она представлена нулём [Арутюнова 1999: 796].

Существует несколько разрядов действий, над которыми не властен человек. Это действия-реакции – физические, психические и психофизические, действия-девиации – промахи или ошибки, действия-капитуляции, действия-порывы и некоторые другие. Источником действия является некоторая сила, движущая человеком. Обычно речь идёт об отклонении от нормы, ненамеренных, нецелеустремлённых и нежелательных для действующего лица. Непроизвольные акции имеют причину (мотив, стимул), но не цель.

Безличные предложения отражают модели, сформировавшиеся в национальном сознании и соответствующие типичному положению дел: занимая в ситуации центральную позицию, человек вместе с тем над ней не властен. Он подчинён некоторой – внешней или внутренней – силе. Русский язык выделяет два основных типа таких ситуаций: «пассивный» и «активный» [Арутюнова 1999: 806].

В смысловое поле русского языка входят два соотносительных понятия – стихия и воля. Первое относится к миру природы, второе – к миру человека. Стихия и воля образуют тот концептуальный фон, на котором вырисовывается значение безличных предложений. Фактор стихии проявляет себя в предложениях типа: *Занесло*, *Вырвалось*; фактор воли – в модели: *Не пишется*, *Хорошо работается*, *Не уходилось что-то*. Стихия действует активно, воля – пассивно. Неуправляемость действия переводит его в класс событий. Неуправляемое действие не производится, а происходит [Арутюнова 1999: 814].

Если человеку везет, его действия успешны. Если они рассогласованы с ситуацией, он отказывается от борьбы, подчиняется силе обстоятельств. Если ему *не спится*, он не может спать, если *не работа-*

ется, он оставляет попытки работать. Но зато если он действует в согласии с ситуацией или внутренним настроем, его ожидает успех.

Безличные предложения в русском и белорусском языках выражают мысли о том, что не находится под властью людей, обозначают не контролируемые ими состояния и действия. Эти значения регулярно выражаются словом категории состояния или безличной формой глагола и объектом в форме дательного или винительного падежа имени существительного:

***Ему было приятно**, что к нему обращались как ко взрослому, помогали ему во всем* [Шамякин 1974: 45] – ***Яму было прыемна**, што да яго звярталіся, як да дарослага, дапамагалі яму ва ўсім* [Шамякін 1992: 32].

Данная модель достаточно продуктивна: так русские и белорусы рассказывают о событиях своей жизни, осознавая, что эти события просто случаются в их жизни сами по себе. В этих предложениях эксплицитно отрицается ответственность субъекта за происходящие действия, состояния: состояние или событие представлены как возникающие сами по себе. Субъект фактически не имеет над происходящим никакой власти, ощущается определенный фатализм. Безличные предложения, построенные по данной модели, определяют действие как самодовлеющее, независимое от человека:

***Мне** вчера **показалось**, что ты хотела что-то сказать* [Шамякин 1974: 12] – *Але ўчора **мне здалося**, што ты хацела нешта мне сказаць* [Шамякін 1992: 27].

Семантический субъект в форме дательного падежа в подобных конструкциях может и не употребляться:

*А еще почему-то **показалось**, что солнце оторвалось от неба* [Шамякин 1974: 23] – *А яшчэ чамусьці **здалося**, што сонца адарвалася ад неба* [Шамякін 1992: 41]; *Как он ломает голову над этим! Даже **захотелось** помочь ему в его поисках. Но как? Это все равно что иголку в стогу сена искать* [Шамякин 1974: 169] – *Як ён ломіць галаву – каб адшукаць яго. Ажно **захацелася** памагчы яму. Але як? Гэта што іголку ў сене шукаць* [Шамякін 1992: 181].

Предикат безличного предложения может быть выражен фразеологическим оборотом. При таком употреблении фразеологизм должен иметь глагольную форму:

*Со своими **надо держать ухо востро*** [Шамякин 1974: 102] – *Са сваімі **трэба вуха трымаць востра*** [Шамякін 1992: 112].

Активно в художественных текстах функционируют конструкции с безличным компонентом со значенем действия, осуществляемого мифической силой. В таких построениях вообще отсутствует дательный субъекта, а имеется лишь дательный, обозначающий объект-лицо, на которое направлено действие мифической силы. регулярно в таких построениях употребляются безличные глаголы «везет, повезло»:

Кому из его ровесников ***повезло*** *через четыре года после института стать главным агрономом лучшего в области совхоза* [Шамякин 1974: 17] – *Каму з яго равеснікаў* ***пашанцавала*** *праз чатыры гады пасля інстытута стаць галоўным аграномам лепшага ў вобласці саўгаса* [Шамякін 1992: 6].

Как видим, различия в построении синтаксических единиц отмечаются на лексическом уровне:

Так ***стоит*** *ли из-за мелочи, из-за какого-то одного дома,* ***ткнуть*** *секретарю обкома в нос, что он подкинул архитектурно-сомнительную идею – потребительскую однодневку* [Шамякин 1974: 151] – *Дык ці* ***варта*** *з-за дробязі, з-за нейкага аднаго дома,* ***кальнуць*** *сакратару абкома ў вочы, што той падкінуў архітэктурна-сумніцельную ідэю – спажывецкую аднадзёнку* [Шамякін 1992: 177]; ***Случается*** *так, что встречаются двое и с первого взгляда полюбят друг друга или подружатся – водой не разлить* [Шамякин 1974: 50] – ***Здараецца*** *ж так, што сустрэнуцца двое і з першага позірку пакахаюць адно аднаго ці пасябруюць – вадой не разліць* [Шамякін 1992: 56].

В художественных текстах, в большинстве случаев, безличные единицы в русском и белорусском языках, отражая на синтаксическом уровне объективную реальность, обозначают самопроизвольно возникающие действия или состояния, отношение субъекта к происходящему.

В культуре русского и белорусского народов мировосприятие ощущений и передача различных состояний осуществляется схожими синтаксическими средствами Отражение языковой картины мира посредством безличных синтаксических единиц передается однотипными конструкциями. Беларусь и Россия не просто дружественные государства, которые связывают союзнические отношения. Это страны Русской цивилизации, а белорусы и великороссы – ветви одного народа. Родство же народов, их общие корни проявляются, прежде всего, в их языках.

Библиографический список

1. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка : система отношений и система построения / В. Г. Адмони. – Л., 1973.

2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 38–39.

3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999.

4. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая.– М., 2001.

5. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1996.

6. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование / В. М. Солнцев. – М., 1971.

7. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения / И. П. Сусов. – Тула, 1973.

8. Шамякин, И. Сердце на ладони : роман / авториз пер. с белорус. А. и З. Островских / И. Шамякин. – Минск, 1974.
9. Шамякін, І. Выбраныя творы : у 3 т. / І. Шамякін. – Мінск, 1992. – Т. 1.

А. Н. Байкулова
(г. Саратов, Россия)

ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОБЩЕНИЕ СОСЕДЕЙ (РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ)

Аннотация. Рассматривается одна из разновидностей неофициального общения – общение соседей, которое характеризуется по предложенным автором параметрам: *сфера общения*; *характеристика коммуникантов* (их социальные и коммуникативные роли и апперцепционная база); *общая характеристика общения*; его *темпорально-локутивные признаки*; *цель*, *тематика*, *доминанта* и *речевые особенности.* Специфика современного городского общения соседей в том, что оно, принимая новые формы, активно распространяется в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, неофициальное общение, общение соседей, интернет-коммуникация, разговорная речь.

Изучение повседневного существования человека – одна из важнейших и актуальных задач, которые стоят перед лингвистикой, поскольку происходящие в обществе социально-культурные изменения стирают грань между различными сферами культуры, «размывают границы между официальной и неофициальной культурой» [Наливайко 2005: 224]. Эти изменения находят отражение и в коммуникативном пространстве города, где реализуются разные типы и виды общения.

Общение соседей (ОС) – одна из разновидностей общения знакомых людей в периферийной зоне неофициальной коммуникации, где могут проявляться признаки как неофициальной, так и официальной речи (о разновидностях неофициального общения см.: [Байкулова 2014]). ОС возникает в повседневных ситуациях, когда коммуниканты в своём поведении и речи реализуют статус соседей. Этот статус предполагает наличие у адресата и адресанта общей апперцепционной базы (сведения о семьях, хозяйственных делах и др.), которая формируется и постепенно расширяется вследствие знакомства и регулярных соседских контактов.

Цель ОС обусловлена традицией поддерживать с соседями дружеские отношения, отношения взаимопомощи, взаимовыручки, поскольку это обеспечивает благополучное сосуществование людей. Мысль о важной роли соседей в жизни каждого человека заключена во многих русских пословицах и поговорках, например, *Нет большей беды, чем плохие соседи*; *Без брата проживу, а без соседа не проживу*; *Не купи двора, купи соседа.*

Однако характер современного городского общения с соседями меняется вследствие происходящих изменений в социальной жизни (разобщённость людей, развитие индивидуализма в его негативных проявлениях и др.) и возникновения новых средств коммуникации: появляются чаты или форумы соседей, на которых с помощью устно-письменной формы интернет-общения решается задача коллективного обсуждения важных хозяйственных проблем для выработки общего решения, проводится голосование и осуществляется консолидация людей для совместного действия (об одном из форумов соседей см.: [Байкулова 2015]).

Место реального ОС обычно ограничено пространством домашнего локуса: квартира, подъезд, лифт; пространством вокруг дома (место парковки автомобилей, детские площадки, парки и т.п.); могут быть и соседи по даче, по гаражу и т.п. Место виртуального общения – пространство Интернета, где создаются соседские форумы.

Доминанта живого городского общения соседей – фокусированные контакты малознакомых людей (регулярно встречаясь, соседи начинают замечать друг друга и вступать в общение); стремление к бесконфликтному речевому взаимодействию при совместном прожи-вании в одной коммунальной квартире, одном доме или подъезде и решении бытовых проблем. На форуме о соседях интернет-пользователи, жалуясь на все неудобства, связанные с соседями, которые *постоянно орут*, *шумят* и т.д., всё-таки пишут о проявлениях своей терпимости (орфография и пунктуация участников форумов здесь и далее сохранены): *Соседи по лестничной клетке пенсионерки, задолбали, все им надо. Соседка снизу глухая старушка, смотрит по ТВ единственную передачку "Играй гармонь". Но смотрит но полной громкости. Вот это жесть*, ***но раз в неделю можно потерпеть***; *Купили вместе с квартирантами, ни дня не жили. Но когда съемщики залили соседей, последние* ***даже не высказали особого недовольства***. *Муж просто офигел.* ***Он к ним пошел уладить фин вопросы, а они ничего нам не предъявили***. *Повезло с соседями* (http://www.woman.ru/ psycho/medley6/ thread/3914629/).

Доминанта интернет-общения соседей – специально организованная коммуникация ограниченно массового адресата (нередко люди не знакомы друг с другом) с целью информирования и побуждения к совместным действиям: (форум соседей) *Просьба всем, неравнодушным подключиться. 24–25 октября будем снимать показания эл. счетчиков. Реально начали действовать, чтобы разрешить проблему. И решить ее можно только сообща.* Информационная составляющая данного сообщения – дата сбора показаний счётчиков; организационная – призыв (просьба) к совместному решению проблем.

Время реального общения чётко не фиксируется: возможны как мимолётные контакты, так и долговременные. В интернет-пространстве общение ведётся синхронно и асинхронно, обычно в вечерние часы.

В среде соседей возникает целеориентированное, обычно связанное с решением бытовых проблем, или фатическое общение: (форум соседей) *Други, кто в онлайне? Давайте пообщаемся что ли? А то тоска какая-то беспросветная*. Реальная коммуникация основана на принципе избирательности. Если общение эффективно, происходит укрепление соседских отношений; в противном случае возникают коммуникативные риски, нередко приводящие к конфликтам и прекращению речевого взаимодействия.

ОС может быть официальным: (из материалов форума соседей) ВСЕ КТО, ЕЩЕ НЕ ПРОГОЛОСОВАЛ, ПРОСЬБА ЗАПОЛНИТЬ БЮЛЛЕТЕНИ И СДАТЬ СТАРШИМ ИЛИ ОТНЕСТИ В ОФИС ТСЖ!!!!; неофициальным: *Люди а подскажите когда свет включат!!! Может кто знает?* и смешанного типа (о термине см.: [Байкулова 2014]): *Всю прекрасную половину нашего дома поздравляем с праздником! А сильной половине велим принести цветы, осыпать поцелуями и приготовить салат!!! Подъезды: все* (здесь признаки официальной коммуникации совмещаются с признаками неофициальной).

С точки зрения адресации ОС может быть персонально адресованным: (соседка соседу в лифте) *Привет Саш / на работу? – Угу //*; персонально не адресованным: (на общем собрании соседей) *А кто знает когда паспортистка будет?*, а с точки зрения отношения к адресату – межличностным (из разговора двух соседок) *Надь / как дела? Всё болеешь? – Ой / уже не знаю что делать / придётся наверное уже всё бросать и лечиться* и обезличенным (формальным): (в лифте) *Вам куда? – Выше*. Важным представляется и то, что общение соседей может быть индивидуально-избирательным (личные симпатии) или вынужденным, когда люди не хотели бы общаться, но вынуждены это делать: (материалы форума о соседях) *у меня соседи с низу просто ужас какой то! такое ощущение как будто они не ниже этажом живут а наоборот с верху (у меня последний этаж) носятся вечно как слоны песни в караоке орут по ночам. а стоит не дай боже мне музыку чють по громче включить-**сразу прибегают мол чего ты музыку врубила она нам мешает!!!!** убила бы блин их* (выделение моё – *А. Б.*) (http://www.woman.ru/psycho/medley6/thread/3914629/). Обратим внимание на то, что нетерпимость соседей в этом посте осуждается.

Приведённые примеры показывают возможность реального и виртуального общения соседей, межличностного, группового и ограниченно массового, паритетного и непаритетного (например, главный по подъезду – и другие жители; организатор, модератор форума – и его посетители), гармоничного и конфликтного.

Тематика соседского дискурса не ограничена, но в целеориентированном общении доминируют темы уборки общих территорий, ремонта, оплаты коммунальных услуг, организации ТСЖ, нарушения

правил общежития и т.п. (в XX веке соседи часто совместно смотрели телепередачи, обсуждали на общей кухне различные события). Например: (из телефонного разговора) *Валь / слушай а ты не знаешь / когда нам будут стояки менять? – Я ходила / сказали пока денег нет // Может в следующем году.* Фатическое общение обычно связано с обсуждением событий личной или семейной жизни, здоровья, погоды, работы, учёбы, политики, увлечений и т.д.

Устная **речь** коммуникантов обусловлена их социально-статусными характеристиками, типом общения, ситуацией и мотивацией на речевой контакт. С соседями устанавливаются разные отношения, и это находит отражение в использовании различных этикетных речевых средств: с частью соседей общение формальное, ограниченное повседневными речевыми стереотипами, иногда просто контактоустанавливающими или вынужденными вопросами: *Как дела?*; *На дачу?*; *Домой?*; *В школу?*; *В садик?*; *Гулять? Вам на какой* (этаж)*?* – не предполагающими развёрнутого ответа: (в лифте) *Здрасьте! – Добрый день! – Вам какой? – Пятый; Привет Миш! Как дела?– Нормально // На дачу? – Да / пока погода хорошая;* Используются этикетные формулы: *Здравствуйте / Здрасьти*; *Добрый день*; *Всего доброго*; *Привет; Пока / Ну пока* и др. При долговременном знакомстве ОС начинает перерастать в дружеское и даже подчас напоминать родственное: (соседи, женщина А. и мужчина М. средних лет, которые живут в доме более 20 лет, встретились в подъезде) А. *О! Привет Миш!* – М. *Привет!* (обнимаются) *Ну-ка дай я на тебя погляжу //* – А. *Да чё смотреть-то?* – М. (шутит) *Так / один недостаток!* – А. *Да-а? Какой?* – М. *Уж очень хороша!* (смеются) – *А. Куда собрался?* – М. *Да щас хотим с Колей* (сыном) *на дачу поехать / баню делаем //*– А. (о жене) *А Валя дома?* – М. *Дома // Иди зайди // А то уж сколько не виделись!* Об этом свидетельствует невербальная коммуникация (обнимаются); развитие личной тематики, нередко табуированной при формальном общении; неофициальные личные номинации (*Миш*, а не *Михаил*, отсутствие отчества); допустимость вопросов личного характера и их непринуждённая (иногда фамильярная) форма (*Куда собрался?*); широкая общая апперцепционная база, позволяющая вести общение, избегая переспросов (например, А. понятно, что Коля – это сын М.); отход от стереотипов; шутливая тональность; стратегия на продолжение общения (приглашение в гости). В ОС этикетная рамка в виде приветствия и прощания может отсутствовать: (диалог соседок в подъезде, у почтовых ящиков) *Не видели? Почту ещё не разносили? – Нет / не видела*. То же наблюдается и в общении соседей на форумах: (вступление в общение) *Мы сейчас не об этом говорим!!! Видите как тема называется: "платежки за март", вот и говорите про платежки, иначе мы так до следующего марта просидим на жопе ровно!*

При конфликтных отношениях соседи нередко отстраняются от коммуникации, разыгрывая роль незнакомых: (соседка о другой соседке) *Ходит и не здраствуется* (не здоровается). Это ещё одно свидетельство того, что общение соседей носит избирательный характер. В интернет-среде анонимность позволяет коммуникантам в конфликтных ситуациях не скрывать своих эмоций: *Ну ядрена вошь!!! Только вчера все покрасили, а сегодня кто то уже отодрали кусок! Ну че за уроды, а? Гадят там, где живут!!!*

Фактор знакомства и межличностных отношений влияет на систему личных номинаций и вокативов в среде соседей. Личные номинации в устном общении в целом характеризуются устойчивостью, то есть в кругу соседей формируется специфическая система постоянных собственных имён, в которой каждый наделяется именем на основе разных факторов: характер межличностных отношений, возраст и пол, семейные связи, статус: *баб Шура*; *Наталь Иванна*; *Галя / Галька / Галка*; *Алексей*; *Петрович*; *Поливец*; *Танькина дочка*; *Машкин зять; Профессор* и др. При этом нередко наблюдается незнание точных паспортных имён, отчеств или фамилий (например, наблюдаемая группа соседей, именуя одного из жильцов *Профессор*, не знает ни его фамилии, ни имени, ни отчества). Эти номинации могут быть простыми или составными. За пределами постоянного соседского круга возможны и другие личные номинации. Ситуативно могут появляться разовые или индивидуальные личные именования: *Вон пошла* ***Матрён Иванна*** (негативно окрашенная разовая номинация соседки, которую зовут *Нина*); нередко негативную окраску высказыванию придаёт и употребление фамилии вместо имени: *Куда эт* ***Переверзев*** *намылился?* (обычная личная номинация в соседском кругу – *Пашка*).

При близких отношениях в качестве вокатива обычно используется *ты*, при формальных – *вы*. Широко распространены усечённые разговорные вокативы: *Тань, Наташ, баб Мань, Дим, Наталь Анатольна, тёть Надь, дядь Юр* и др., но встречаются и полные имена: *Анатолий, Николай, Татьяна, Надежда* и др. Возможны именования по статусу – *сосед, соседка.*

В обращении детей к взрослым соседям часто употребляются номинации, включающие слова *тётя* и *дядя* (*дядя /дядь Толя*: *тётя / тёть Оля*). Между детьми-соседями распространены вокативы-имена и их разговорные, нередко усечённые, варианты (*Настя / Насть, Максим / Максимк)*; среди них могут быть нейтральные, пейоративные и ласковые обращения*: Саша, Наташка, Вовка, Кирюша, Машуня.*

В интернет-среде система обращений и личных именований представлена никами (*Koffka, Лис* и др.); реальными именами (полными и краткими), отчествами и фамилиями (*Елистратов Сергей Николаевич*; *Сергей Николаевич*; *Сергей, Оля* и др.); официальными обращениями (нередко в ироничном контексте), включающими слово у*важаемый* (*Ува-*

жаемый Елистратов С. Н.); номинациями по статусу (*наш председатель, соседи, друзья / други / дружный соседский коллектив, жильцы / жители, форумчане*). Обращение осуществляется на *Вы* и на *ты* в зависимости от степени знакомства и возраста коммуникантов.

В интернет-общении соседей проявляются все особенности устно-письменной разновидности речи. Анонимность способствует использованию сниженной разговорной, жаргонной, просторечной и обсценной лексики. Обращает на себя внимание употребление графических средств как способа выражения эмоций (смайлы, заглавные буквы, редупликация восклицательных и вопросительных знаков и т.п.): Э! АЛЁ ГАРАЖ! А НАС СПРОСИЛ ВООБЩЕ??? ХАРЭ ЛЯСЫ ТОЧИТЬ, ДЕЛАЙТЕ НОРМАЛЬНО!!!; *За этими жульевщиками глаз да глаз Bravo, одной бутылочкой коньячка мы не обойдемся! Поверьте!* 🕶 🙂 *Главное, чтобы дело выгорело!* 😈

Эффективность ОС обеспечивается применением не столько специализированных языковых / речевых средств, сколько неспециализированных: важны стратегии и тактики коммуникантов-соседей, учёт их взаимных ожиданий, устремлённость говорящих к достижению гармонии, коммуникативного равновесия, или баланса отношений (см. [Стернин 1995; Шалина 2000]). Интересно в этом смысле высказывание М. М. Бахтина: «Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т.д.» [Бахтин 2004: 88]. Эта мысль подтверждается наблюдениями за реальным общением: (из разговора двух соседок): *На дачу? – А мы* ***тоже*** *решили сегодня // – Да как бы дождь не пошёл! – Ну / дождик тоже нужен // –* ***Ну да…*** *Ну давайте! С****частливо*** *поработать // –* ***Вам тоже.*** Тактики заинтересованности делами друг друга, участия, согласия с мнением адресанта (*тоже, ну да*); взаимное уважение, проявление вежливости (пожелание *счастливо поработать*) в этом диалоге способствуют эффективности общения. И, напротив, установка на конфликтное взаимодействие приводит к разрушению соседского общения: оно лишается своих основных признаков и негативно влияет на повседневное существование горожан.

Библиографический список

1. Байкулова, А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан / А. Н. Байкулова ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Наука, 2014. – 216 с.

2. Байкулова, А. Н. Форум соседей как новое явление городской культуры: быть ему или не быть – решают риски / А. Н. Байкулова // Вестник Омского университета. – Омск, 2015. – № 1 (75). – С. 184–187.

3. Бахтин, М. М. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке / М. М. Бахтин // Общая психолингвистика. Хрестоматия : учеб. пособие / сост. К. Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 2004. – С. 66–108.

4. Наливайко, И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) / И. М. Наливайко // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. – М. : Академический Проект : РИК, 2005. – С. 224–234.

5. Стернин, И. А. О понятии «эффективное общение» / И. А. Стернин // Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж, 1995. – С. 5–9.

6. Шалина, И. В. Коммуникативно-речевая дисгармония: её причины и виды / И. В. Шалина // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 272–287.

Е. М. Вавилова
(г. Заречный, Россия)

ТРАНСПОРТНАЯ ЭПИГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ТОВАРОВ И УСЛУГ

Аннотация. Раскрываются понятия: «эпиграфика», «транспортная эпиграфика», «реклама». Проанализированы рекламные объявления и выделены основные виды орфографических, пунктуационных, грамматических и стилистических ошибок, распространённых на территории города Пензы.

Ключевые слова: эпиграфика, рекламная и социальная эпиграфика, реклама.

Современный мир трудно представить себе без рекламы. Она является средством продвижения товаров и услуг и окружает нас повсюду. Размещение рекламы на транспорте (транспортная эпиграфика) стало очень популярным. К сожалению, реклама не всегда бывает грамотной. На примере транспортной эпиграфики города Пензы мы можем видеть, как падает грамотность населения. Необходимо научить людей замечать ошибки, понимать их причину и бережно относиться к нашему родному русскому языку.

В отношении эпиграфики до сих пор нет обстоятельной монографии, однако термин «эпиграфика» прочно вошел в современную науку. Вот как ее характеризует Большая Советская Энциклопедия:

«**Эпиграфика** – вспомогательная историческая дисциплина, изучающая надписи (преимущественно древние и средневековые) на твердых материалах (камне, глине, металле и т.д.) Возникла в эпоху Возрождения; методика Э. как науки разработана в 18–19 вв. Расшифровка египетских иероглифов, клинописи, микенской письменности значительно расширила в 19–20 вв. область Э. Эпиграфические тексты – важный источник по политической, социальной и экономической истории; надписи обычно современны содержащимся в них сведениям» [Большая Советская Энциклопедия 1972, т. 49: 116].

Эпиграфика как научная дисциплина вполне сформировалась к началу XX века. Она является одним из важнейших элементов, ха-

рактеризующих лицо современного города и включает в себя тексты, расположенные на металлических конструкциях с названием и приветствием на въезде в город, тексты рекламных щитов-носителей, вывески с названиями магазинов, тексты объявлений о купле/продаже, выполненные гражданами «от руки» и т.д.

Как правило, все надписи в городе можно разделить на две большие группы: **рекламная эпиграфика** и **социальная эпиграфика,** исключение составляют топонимические вывески, вывески с названиями магазинов, учреждений и других заведений. Современная эпиграфика городов не имеет четких законов построения текста. Главным является то, что она должна в полной мере отвечать возложенным задачам (презентация фирмы, продвижение товара, ориентирование в пространстве города, самовыражение автора и т.д.).

Рекла́ма (от лат. *reclamare* – «утверждать, выкрикивать, протестовать») – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [Большая Советская Энциклопедия 1972, т. 36: 316].

Стремительный прорыв рекламы в общественную жизнь людей обоснован социальным заказом общества: увеличением товаров на рынке сбыта и необходимостью их реализации. Основной целью рекламы является донесение информации от рекламодателя до целевой аудитории.

Транспортная эпиграфика в виде рекламы за последние годы стала очень популярна. В целом, идее поместить табличку с названием фирмы на новом авто столько же лет, сколько автомобилестроению. Сегодня реклама на транспорте наиболее привлекательна потому, что она обходится значительно дешевле, чем реклама на многих других рекламоносителях. При этом ее эффективность очень велика. Ежедневно услугами автобусов, троллейбусов, служебных автомобилей пользуются миллионы людей. Средняя продолжительность проезда в общественном транспорте составляет 30 минут. Число читателей внутрисалонных планшетов превышает число читателей газет. Транспортная реклама хорошо заметна и, следовательно, эффективна, доступна людям в течение 16–18 часов в сутки, постоянно перемещается по городу, что позволяет ее увидеть различным группам потребителей, благодаря чему она оптимально подходит для ознакомления населения с новой торговой маркой или для формирования имиджа компании.

Ярким примером обилия транспортной эпиграфики в настоящее время является город Пенза, где размещение рекламы на бортах общественного транспорта стало очень популярным. Об этом свидетельствует огромное разнообразие рекламных текстов. Обычно указывается

название фирмы или вид предоставляемых услуг и способ связи (адрес и/или телефон). В качестве массового средства воздействия на людей, пользующихся различными видами транспорта, реклама на транспорте незаменима. К транспортной эпиграфике относятся тексты, размещенные как с внешней, так и с внутренней стороны транспортного средства, в связи с чем можно выделить **внешнюю** и **внутреннюю** транспортную эпиграфику.

Наиболее ярко внешняя транспортная эпиграфика представлена рекламой, расположенной на бортах всех видов транспортных средств: корпоративных автомобилях и городском общественном транспорте. Внутреннюю транспортную эпиграфику составляют тексты листовок, наклеек, афиш, плакатов, основной целью которых является предоставить максимально полную информацию о рекламируемом товаре. Неофициальная транспортная эпиграфика представлена текстами на личных автомобилях, которые чаще всего носят юмористический характер.

В России падает грамотность населения. Во многом это связано с тем, что ускоряется темп жизни, исчезает размеренность, ценится не багаж знаний, а умение быстро получать информацию. Среднестатистическому человеку чтение книг заманили Интернет, аудиокниги, небольшие брошюры. Средства массовой информации, бесспорно, влияют на развитие культуры населения. Увы, не все рекламодатели ответственно относятся к своей работе – орфографические, пунктуационные, грамматические и стилистические ошибки стали нормой. Для создателей рекламы зачастую важнее креативность мышления разработчика, эксклюзивные идеи, влияющие на восприятие рекламы потенциальным покупателем, чем грамотность и «добротность». Необходимо научить население видеть ошибки, понимать причины их появления.

Орфогра́фия (от др.-греч. ὀρθός – «правильный» и γράφω – «пишу») – единообразие передачи слов и грамматических форм речи на письме. Также свод правил, обеспечивающий это единообразие, и занимающийся им раздел прикладного языкознания [Шапиро 1961: 5].

Ошибка в надписи *«Металлопластиковые трубы для тепло и водоснабжения».* При сочетании с помощью союза «И» двух или нескольких сложных существительных с одинаковой второй частью эта часть может приводиться только при последнем слове, а при предшествующих словах вместо нее пишется так называемый «висячий» дефис. Поэтому правильно будет *«Металлопластиковые трубы для тепло- и водоснабжения».*

Ошибка в надписи *«Электро инструменты».* Пишутся слитно сложные имена существительные, первую часть которых образуют иноязычные элементы (авто-, фото-, гидро- и т.д.). Поэтому правильно будет *«Электроинструменты».*

В слове *«Гала концерт»* пропущен дефис. Правильно будет *«Гала-концерт».*

Ошибка в надписи *«Салон-магазин 12 стульев».* Названия предприятий, фирм, магазинов выделяются кавычками. Поэтому правильно будет *«Салон-магазин «12 стульев».* Всем известно правило о правописании строчных и заглавных букв, но рекламодатели очень часто нарушают его.

Данный вид ошибок допускается по нескольким причинам:

- большинство ошибок связано с незнанием орфографических правил;
- некоторые орфографические ошибки делаются рекламодателями специально для привлечения большего внимания со стороны потребителей. Например *«Царские Окна»* (Окна с заглавной буквы), *«…База ЩАСТЬЯ…» (ЩАСТЬЯ* вместо *СЧАСТЬЯ*).

Пунктуа́ция (ср.-век. лат. *Punctuatio* – от лат. *Punctum* – точка) – система знаков препинания в письменности какого-либо языка, а также правила их постановки в письменной речи. Пунктуация делает наглядным синтаксический и интонационный строй речи, выделяя отдельные предложения и члены предложений, что облегчает устное воспроизведение написанного [Шапиро 1961: 219].

В транспортной эпиграфике Пензы очень распространены **пунктуационные ошибки.** Отсутствуют знаки препинания: запятые, точки и тире.

- «*МОЛОКО СМЕТАНА ТВОРОГ КЕФИР».*
- *«РЕМОНТ КВАРТИР СТРОИТЕЛЬСТВО КОТТЕДЖЕЙ*».
- *«Окна для крыши чердачные лестницы металлочерепица профнастил».* Между однородными членами предложения, связанными при помощи интонации ставится запятая. Поэтому правильно будет:
- «*МОЛОКО, СМЕТАНА, ТВОРОГ, КЕФИР»;*
- *«РЕМОНТ КВАРТИР, СТРОИТЕЛЬСТВО КОТТЕДЖЕЙ*»;
- *«Окна для крыши, чердачные лестницы, металлочерепица, профнастил».*

К сожалению, рекламодатели часто игнорируют широкую возможность использования знаков препинания в сложных предложениях, при однородных членах предложения, в предложениях с обособленными членами предложения, предложениях с обращениями – следствие незнания пунктуационных норм, нежелания «утяжелять» текст.

Грамматическая ошибка – это несоблюдение норм слово- и формообразования, норм синтаксической связи между словами в словосочетании и предложении. Это ошибка в структуре языковой единицы, в структуре слова, словосочетания, предложения; это нарушение какой-либо грамматической нормы – словообразовательной, морфологической, синтаксической [Шклярова 2004: 110]. Разновидности грамматических ошибок:

- *«На Камчатку Магадан Сахалин Норильск».* Нарушение управления.

Правильно будет: *«На Камчатку, в Магадан, на Сахалин, в Норильск».*

- « Радиаторы отопления теплый, надежный».

Правильно будет*: «Радиаторы отопления тёплые, надёжные».*

Грамматические ошибки не так распространены, как орфографические и пунктуационные, но, тем не менее, встречаются. Это связано с низкой грамотностью населения, желанием рекламодателей «быть оригинальными».

Речевые (стилистические) ошибки – нарушение лексической сочетаемости, а также недочеты в построении синтаксических конструкций. Стилистические ошибки довольно частотны как в официальной, так и в неофициальной речи. Многие из них становятся настолько типичными, что мы почти не замечаем их. Стилистические ошибки – это, с одной стороны, употребление неуместных в данном стиле языковых средств, а с другой – нарушение требований ясности, точности, краткости, богатства и выразительности [Голуб 1997: 29].

Часто английские слова пишут русскими буквами, встречаются непонятные слова, написанные латиницей и кириллицей одновременно: *«Глобал Дринкс».*

Авторы рекламных плакатов допускают речевые ошибки, употребляя просторечные и разговорные слова, стремясь быть понятыми массами: *«Крыша поехала».*

Речевые ошибки допущены рекламодателями осознанно. В погоне за «понятностью», «близостью к народу» используются разговорные слова, обороты, допускаются также каламбуры.

Основная задача рекламы – привлечение внимания потребителей, так как ни один рынок услуг, сбыт товара не может существовать без рекламы, именно она является двигателем продаж. А основной целью рекламы является донесение информации от рекламодателя до целевой аудитории. И транспортная эпиграфика замечательно справляется с этой задачей. Однако, в тексте рекламных слоганов, также как и в других текстах, присутствуют различные ошибки, количество которых рекламодателю необходимо сводить к минимуму, чтобы грамотно представлять свои товары и услуги.

Всем известны слова И. С. Тургенева: "Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками.… Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием: в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!" Именно эти слова как никакие другие подходят для обращения к рекламодателям и разработчикам рекламных слоганов.

С безграмотностью надо бороться, если каждый человек будет задумываться над тем, что и как он говорит и пишет, русский язык еще долгие годы будет «великим» и «могучим».

Библиографический список

1. Большая Советская Энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. – М., 1972.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка : учеб. пособие / И. Б. Голуб. – М. : Рольф : Айрис-пресс, 1997.
3. Иванов, В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография / В. Ф. Иванов. – М, 1966.
4. Колесов, В. В. Язык города / В. В. Колесов. – М. : Высш. шк., 1991.
5. Львов, М. Р. Орфография и русский язык / М. Р. Львов. – М., 2003.
6. Розенталь, Д. Э., Голуб И. Б. / Русский язык. Орфография. Пунктуация / Д. Э. Розенталь, И. Б. Годуб. – 4-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2003.
7. Шапиро, А. Б. Русское правописание / А. Б. Шапиро. – 2-е изд. – М., 1961.
8. Шклярова, Т. В. Русский язык. Справочник по русскому языку для школьников и абитуриентов / Т. В. Шклярова. – М. : Грамотей, 2004.

О. А. Веряева
(г. Пенза, Россия)

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. Т. АВЕРЧЕНКО)

Аннотация. Авторы обращаются к теме описания выражения эмоций в русском языке. На материале рассказов А. Т. Аверченко рассматриваются вербальные средства выражения эмоций на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, а также эмоциональная выразительность текста.

Ключевые слова: эмоции, средства репрезентации эмоций, лексика, морфология, синтаксис, средства экспрессивности.

Эмоциональные процессы изучает множество наук: психология, философия, лингвистика. Лингвистика, наравне с другими науками, обратилась к изучению выражения эмоций в различных аспектах.

Экспрессивность является одним из важных свойств живой речи, а значит, и диалога. Для достижения экспрессивности широко пользуются не только лексическими, но и грамматическими средствами. «Изменение грамматических форм при сохранении лексики открывает дорогу для нарушения самых нежных, порой простых, однако значимых содержательных и стилистических связей» [Арнольд 2009: 96].

Существуют вербальные лексические, морфологические и синтаксические средства выражения. Эти средства в каждом языке составляют определенную систему. Определение вербальных средств выражения требует определения различных типов эмоций. Каждый тип эмоции проявляется в тексте различным вербальным средством выражения. Считается, что вербальная информация – это выражаемая сло-

вом, имеющая смысл информация, она находит свое выражение в письменном тексте.

Рассказы А. Т. Аверченко насыщены языковыми средствами выразительности, что говорит об умении автора передавать эмоции на различных уровнях. Среди лексических способов выражения эмоций в рассказах А. Т. Аверченко можно встретить слова, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику людей: *– Никогда я больше не поцелую вашего Мастакова –* ***противно****. – Это почему же-с, скажите на милость,* ***противно****? Кристальная,* ***чудесная душа****, а вы говорите –* ***противно****?..* («Знаток женского сердца»). В данном примере используются негативные эмоции, выраженные словом «***противно»***, они противопоставлены эмоциям восхищения – ***Кристальная, чудесная душа****. – Да сак-то мой и шляпа внизу,* ***гнусный вы кретин?!*** («Дружба»). Выделенные слова показывают чувства отвращения к собеседнику. Такие слова не употребляются в переносном значении.

По степени эмоционального напряжения слово может иметь несколько экспрессивных синонимов: *несчастье – потрясение, горе, катастрофа*: *Скоро я, однако, узнал, что Кораблев действительно был в Москве и что с ним там случилось* ***страшное несчастье*** («Мозаика»); – ***Самое сильное горе, самое ужасное потрясение*** *забываются...* («Камень на шее»); *У него, говорит, и шея грязная. Тоже, подумаешь,* ***несчастье, катастрофа!*** («Знаток женского сердца»).

По эмоциональной окраске выделяются следующие группы выражений:

1) Поэтические – *Купальный костюм очень рельефно подчеркивал ее* ***гибкий стан****…* («Два преступления г-на Вопягина»); *Желаю вам счастья и* ***привольной богатой*** *жизни* («Дружба»); - *В вас чувствуется что-то такое, что* ***манит*** *и* ***сулит*** *небывалое счастье, о чем можно* ***грезить*** *только в сне, которое...* («Магнит»).

2) Иронические – *Я в отчаянии, что* ***отнимаю у вас секундочку времени****, но...* («Поэт»); *– Сережа служит, а ты еще не служишь... упрекнул отец. –* ***Сережа, может быть, дома лягушек ест****, - возразил я, подумав. –* ***Так и мне прикажете****?* («Автобиография»).

3) Фамильярные – ***Мамаша****! Простите, что я вас так называю, но вы поступили по-сапожнически* («Знаток женского сердца»).

4) Бранные – ***Подлец, подлец! Дурак проклятый! Тупица!*** («Дружба»); – ***Но... змея****! Я прекрасно знаю вас, женщин, – ты уже решила на другой день поехать с ним, куда он тебя повезет* («Петухов»); *– Ну, что я с этой* ***дрянью*** *сделаю*? («Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина») – значение неприкрытой злости, гнева, негодования.

Эмоциональную окрашенность имеют устоявшиеся фразеологические сочетания, пословицы, поговорки. В значении небрежно, без-

алаберно, как придется – *Билетер махнул рукой: – А не все ли равно! Мы их все-то развешивали так,* ***как Бог на душу положит...*** («Ихневмоны»). В значении пожелания, просьбы при расставании на долгий срок – *Прощайте, господин.* ***Не поминайте лихом*** *– нету здесь нашей вины ни в чем!..* («Ихневмоны»). В значении неодобрения, презрения к адресату – *Здорового ты* ***дурака свалял****, братец ты мой!* («Черты из жизни рабочего Пантелея Грымзина»). В значении возмущения, недовольства – *Совершенно невероятно! Ведь это, кажется, у* ***черта на куличках*** («Мопассан»).

Использование данных выражений свидетельствует о том, что лексика А. Т. Аверченко приближена к разговорному стилю, это делает произведения живыми и непосредственными, отражает жизнь простых жителей, сближает читателя с героями произведений.

Эмоциональность высказываний непосредственно зависит и от частей речи, использованных при их выражении. Говорящий, оценивая свое высказывание в целом или отдельные его части с точки зрения отношения их к объективной действительности, использует модальные слова:

1. Модальные слова, указывающие на эмоциональное отношение к событию:

К сожалению*, только ваши стишки не подошли* («Поэт»); *– О-о, – горько засмеялся Петухов, – к* ***сожалению****, в своем* («Петухов»); ***К сожалению****, у меня тогда не было таких денег…* («Мопассан») – в приведённых примерах говорящий испытывает чувства сожаления, сочувствия к собеседнику или самому себе.

2. Слова, выражающие различную степень уверенности: – ***Конечно****, лжете. Я вас прекрасно видел* («Ложь»); – ***Действительно****, так и есть у меня* («Неизлечимые»).

3. Слова, выражающие различную степень неуверенности, нерешительности: – ***Пожалуй****, не удерет* («Дружба»); *Это,* ***наверное****, и есть главный агент* («Автобиография»); ***Может быть****, это и смягчит мою вину* («Два преступления г-на Вопягина»).

В рассказах наиболее часто употребляются модальные слова со значением неуверенности, сомнения.

В произведениях А. Т. Аверченко придаёт особое значение эмоциям героев. Большую роль в создании эмоционально-экспрессивных предложений играют частицы. Благодаря частицам субъект речи может ярко выражать чувства и эмоции в высказываниях. «*– Вы бы, господин, если так экономите, то* ***уж*** *не кричали бы, –* ***ведь*** *у вас каталог-то не нашей, а чужой выставки* (На «Французской выставке за сто лет») – частицы передают пренебрежение к адресату; *– Скажи ей, что это корректура,* ***что ли*** («Мопассан») – частица ли наполняет высказывание безразличием, равнодушием; *– Да* ***ведь*** *он, ваша милость, слепой* («Слепцы») – чувство непосредственности высказывания; *– А почему*

***же** ваши глазки не смотрят прямо*? («Тайна») – с помощью частицы же прослеживается заигрывание героя.

Частица является самой частотной служебной частью речи, используемой для создания эмоционально-экспрессивных предложений в рассказах А. Т. Аверченко.

Рассмотрим наименее встречающуюся в текстах часть речи – междометие, которая так же непосредственно выражает чувства, волеизъявления героев. В рассказах А. Т. Аверченко встречаются такие междометия как *ах, эх* в различных значениях.

*– **Ах**, какой вы веселый кавалер, – говорила восхищенная испанка* («Сухая масленица») – эмоции восхищения.

*– **Ах**, ты звал полировщика?! Миленький! Ты мог бы сказать мне, и я бы...* («Специалист»); *– **Ах**, это вы! Я думал – горничная.* («Мопассан») – удивление.

*– **Эх** вы! Просвещенные мореплаватели!; – **Эх**, вот возня с этим народом!* («Резная работа») – междометие *эх* в примерах усиливает негативные эмоции.

Художественная речь должна восприниматься читателем не только зрительно, но и на слух, в своем живом интонационном звучании. Именно в нем произведения словесного искусства могут до конца раскрыть все эмоционально-образное богатство своего идейного содержания.

На синтаксическом уровне экспрессивность может создаваться посредством изменения порядка слов и / или при помощи особых – экспрессивных – синтаксических конструкций [Малинович 1989: 59]. В художественном произведении нарушение словорасположения обусловливается, как правило, перенесением акцентов на необходимые говорящему моменты высказывания: *– Да вот они тут висят! – **ткнул он** пальцем на стены* («Ихневмоны»).

Наиболее экспрессивными среди простых предложений являются однокомпонентные структуры – подлежащные – *Какой вздор*! («Ихневмоны»);– Извозчик! К исправнику! Знаешь? («Октябрист Чикалин») или сказуемные. («Ихневмоны»).

Выразительность и напряжённость создают восклицательные предложения:– *Уверяю вас*! («Двойник»);– *Ну, идем, что ли*! («Дружба»), а так же риторические вопросы – *Разве теперь мастера пошли*? *Жулики*! («Дружба»);– *А то скандал сделаю*! *Думаете, не сделаю*? («Дружба»).

Так же следует отметить безличные предложения, в которых отсутствие субъекта, провоцирует ощущение безысходности, стихийности, зависимости от внешних неконтролируемых обстоятельств: *– Плохо*! *– сказал Иванов* («История болезни Иванова»); *– Да ведь больно, вероятно* («Специалист»).

Таким образом, в формировании эмотивного содержания текста задействованы все уровни языка. С помощью вербальных средств создаётся экспрессивность, позволяющая читателю не просто «прочитать» эмоцию, но «пережить» её вместе с персонажем и автором. Рассказы А. Т. Аверченко наполнены живыми чувствами как героев, так и самого автора.

Библиографический список

1. Аверченко, А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Т. Аверченко. – М. : Худож. лит., 1999. – 912 с.

2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Наука, 2009. – 384 с.

3. Малинович, Ю. М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса / Ю. М. Малинович. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1989. – 216 с.

Г. С. Кривошеев
(г. Старый Оскол, Россия)

ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И АКСИОЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Рассматривается междисциплинарный статус понятия ценности относительно проблемного фокуса общегуманитарных, лингвокультурологических и аксиологических исследований. Проводится анализ содержания понятия ценности с учётом содержания понятия оценки, выявляются параметры совпадения данных категорий и способы их взаимоопределения в соответствии с исследовательским фокусом лингвокультурологии и аксиолингвистики.

Ключевые слова: ценность, когнитивная лингвокультурология, аксиолингвистика, оценка

В пространстве современной гуманитарной науки приобретает особое междисциплинарное значение такое понятие, как ценность. Каждая научная отрасль понимает под ним относительно схожие, а иногда и абсолютно различные понятия. К примеру, сущность категории ценности в философии, психологии и менеджменте рассматривается совершенно с разных точек зрения. Так, А. Маслоу утверждает, что в контексте психологических исследований ценность связана с выбором, т.е. «выбранные» ценности и есть ценности [Илюшина 2012: 136]. В теории менеджмента это понятие определяется как набор стандартов и критериев, которым человек следует в своей жизни [Кужева 2008: 88]. Философия же определяет данную категорию по-разному, в част-

ности, классическим считается определение Платона: древнегреческий философ выделял такие высшие ценности, как *честность*, *справедливость* и *добродетель*. В обыденном значении ценность понимается как социальный ориентир, как то, к чему можно и нужно стремиться. Но в терминологической функции лексема *ценность* имеет абсолютно иное значение.

В современной науке о языке когнитивно-дискурсивный подход предоставляет достаточно оснований в пользу того, что структуры знания, мнения, верования, стоящие за реальной речью реального homo verbo agens, изъясняющегося на данном естественном языке, имманентно сопряжены с оцениванием и совершаются в единстве сознательного с бессознательным, креативного с устойчивым: вербально-семиотическое регулирование взаимоотношений в жизненном мире ценностно определено [Бабаянц 2013: 32]. Потому понятие ценности и характеризуется высокой степенью актуальности рассмотрения в современном языкознании.

Для классической лингвистики категория ценности не столь актуальна - вместо неё зачастую используется понятие оценочности, которое соотносится с понятием коннотата как элемента лексического значения. Коннотативный компонент семантики участвует в построении лексического значения как в качестве одного из микрокомпонентов его сложной иерархической структуры. В свою очередь соотношение понятий *ценность* и *оценка/оценочность* в своих трудах демонстрирует Н. Д. Арутюнова. Под оценкой понимается особый когнитивный акт, в ходе которого выявляется отношение субъекта к оцениваемому объекту для установления его значения для жизни и деятельности субъекта, т.е. так определяется ценность [Серебренникова 2011: 25].

Для когнитивной лингвокультурологии понятие ценности является ключевым, доказательством чему служит само определение данной отрасли языкознания. Так Н. Ф. Алефиренко трактует когнитивную лингвокультурологию как научную дисциплину, изучающую способы и средства репрезентации в языке объектов культуры, особенности представления в языке менталитета того или иного народа, а также закономерности отображения в семантике языковых единиц ценностно-смысловых категорий культуры [Алефиренко 2010: 29]. В свою очередь, В. В. Воробьёв определяет лингвокультурологию как научную парадигму, исследующую единство культуры и языка в его функционировании и отображающую данный процесс как «целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты, отражающие новую систему ценностей» [Светоносова 2007: 39]. В любом случае ценностно-смысловые катего-

рии, исходя из этих определений, являются главенствующими при определении этнокультурных смыслов единиц языка.

Ценность для современной лингвокультурологии осмысливается с учётом аксиологической теории, развивающейся в научном пространстве философии, аксиологии и психологии. Однако, отличия в целях, задачах и научной направленности лингвокультурологии порождают необходимость иного взгляда на проблему ценностно-смыслового восприятия мира. Следовательно, пересматривается и содержание понятия ценности как фактора этнокультурно обусловленного смыслообразования.

Несмотря на то, что практически для любой науки гуманитарного цикла характерно наличие философской базы и учёт общей понятийной составляющей термина, в лингвокультурологии понятие ценности характеризуется весьма специфическим содержанием, отличным от обыденной и общефилософской трактовки данной категории. Для лингвокультурологии ценность является основной доминантой, однако учёные-лингвокультурологи дают в своих трудах различные варианты определения данного понятия. Так, с точки зрения В. В. Воробьева, ценность охватывает широкий круг материальных и духовных явлений и благ, являющихся своеобразным «знаменателем» личности и необходимых условий её формирования [Маслова 2013: 251]. О. И. Коурова выдвигает следующее определение: «Лингвокультурная ценность – это языковая система, отличающаяся устойчивостью, культурной коннотацией, представляющая общечеловеческие понятия» [Коурова 2011: 120].

В свою очередь, Н. Ф. Алефиренко, говоря о ценности как о значимости некоего объекта для субъекта, отмечает, что в таком случае ценность уподобляется значению. Учёный, опираясь на труды С. Н. Виноградова, определяет ценность как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей». Под выраженностью в данном случае понимается языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, т.е. словесная реализация ценностной модели человеком [Алефиренко 2010: 99].

Однако, не только лингвокультурология рассматривает ценность как основополагающий термин в своей теоретической базе. Молодой отраслью языкознания, объявляющей категорию ценности ключевой в своей структуре, является аксиологическая лингвистика. Основными разработчиками теории аксиолингвистики являются такие учёные как С. Г. Павлов, Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипьев, Л. Г. Викулова и др.

На данный момент в определении аксиолингвистики существуют наблюдается несколько подходов. Так, с одной стороны, аксиологическая лингвистика – это сфера знания, предметом которой является во-

площение ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении реципиентов [Джамбаева 2013: 30]. В таком случае это полноценное и самостоятельное направление в языкознании, стоящее наравне с социолингвистикой, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой и т.д. В пользу данной точки зрения свидетельствуют отдельно составленная методическая база и самостоятельная теоретическая система. Объектом лингвистической аксиологии один из её основоположников, С. Г. Павлов, считает комплекс «язык – сознание – общество – культура – человек».

С другой стороны, аксиологическая лингвистика - не только самостоятельная дисциплина, но и общий подход, характерный для других лингвистических направлений. В таком случае аксиологическую лингвистику можно считать исследовательским подходом, применяемым в рамках ряда лингвистических наук: этнолингвистики, лингвокультурологии, анализа социального дискурса, политической лингвистики и др. Однако на определение в аксиологической лингвистике понятия ценности это не влияет. В целом, для аксиолингвистики ключевыми являются такие понятия как оценивание, оценка, ценностная ориентация, ценностный смысл и ценность. Именно они формируют общее исследовательское направление. С данных позиций в терминологической базе на первое место выводится понятие ценность. Для аксиолингвистики, как и для многих наук гуманитарного цикла, характерно построение своей терминологии на определённой философской базе. Понятие ценности также не является исключением и базируется на общефилософском подходе, в частности, выраженном в неокантианстве. Так, Г. Лотце. считал, что ценность - это то, что должно относиться к миру должного. Однако общефилософская мысль начинает развиваться и в трудах современных учёных-аксиолингвистов, появляются новые трактовки категории ценности. Так Е. В. Вотинцева и Ф. Г. Фаткулина считают, что ценность является не свойством определённого предмета, а отношением личности к какому-либо конкретному объекту, предмету или событию. Исходным для оценочного отношения при этом является утверждение, признанное в качестве стандарта, нормы, несоответствие же ему будет обозначаться терминами «хорошо» и «плохо» [Вотинцева 2015:1353]. В исследованиях Т. А. Светоносовой ценность понимается как биполярная категория, т.е. рассматривается система ценность-антиценность. Для примера исследователь опирается на политический дискурс, где антиценности – это то, что для общества нежелательно, тормозит развитие государства. Ценности же в свою очередь несут человечеству исключительно благо и прогресс [Светоносова 2006: 99].

Если рассмотреть тематическое пространство реализации системы «ценность-антиценность» в языке как соотношение осмысленного

как ‘плохого’ и ‘хорошего’, то следует отметить некоторые области бытования ценностей, выделяемые современными исследователями:

1. Область истины – ложь/ правда.
2. Область прекрасного – прекрасное / уродливое.
3. Область этики – добро / зло, хорошо / плохо.
4. Область гедонизма приятное / отвратительное.
5. Область практики – полезно/бесполезно.

Таким образом, в ходе уточнения понятия ценности применительно к лингвокультурологическим и аксиолингвистическим исследованиям, обнаруживается существенная специфика понимания сущностной стороны данного термина. Так, для лингвокультурологии ценность является объективным этноязыковым содержанием языковой единицы, соотносимым с её когнитивным основанием, а для лингвокультурологического подхода к трактовке содержания понятия ценности не характерна общефилософская тенденция к градации ценностей на «положительные» и «отрицательные».

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология, ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
2. Бабаянц, В. В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии / В. В. Бабаянц // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2-х ч. – Тамбов : Грамота, 2013. – Ч. I, № 6 (24). – С. 32–35.
3. Вотинцева, Е. В. Аксиологические проблемы современной лингвистики / Е. В. Вотинцев, Ф. Г. Фаткуллина // Вестник Башкирского университета. – Уфа : Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2015. – С. 1352–1355.
4. Джамбаева, Ж. А. К вопросу о разработке психолингвистического направления аксиологической лингвистики / Ж. А. Джамбаева // Cuadernos de Rusistica Espanola. – Гранада : Universidad de Granada, 2013. – С. 29–36.
5. Илюшина, И. Н. Проблема ценностей и ценностных ориентаций в психологии / И. Н. Илюшина // Вестник университета (Государственный университет управления) – М. : Изд-во Гос. ун-та управления, 2012. – С. 136–138.
6. Коурова О. И. Концепция лингвокультурной ценности // Проблемы истории, филологии, культуры / О. И. Коурова. – Магнитогорск : Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова, 2011. – С. 119–123.
7. Кужева, С. Н. Роль ценностей в управлении развитием / С. Н. Кужева // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-тета им. Ф. М. Достоевского, 2008. – С. 87–91.
8. Маслова, В. А. Принципы и приемы исследования концептов / В. А. Маслова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Симферополь : Изд-во Таврического национального ун-та, 2013. – Т. 26, № 1 – С. 249–253.
9. Светоносова, Т. А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология : черты и различия / Т. А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. тр. – М. : МГИМО-Университет, 2007. – С. 39–46.

10. Светоносова, Т. А. Методика лингвистического исследования ценностей в политическом дискурсе / Т. А. Светоносова // Политическая лингвистика – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2006. – С. 99–106.

11. Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов : кол. моногр. / отв. ред. Л. Г. Викулова. – М. : Тезаурус, 2011. – 352 с.

В. В. Кузьмич
(Мозырь, Беларусь)

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРИ БЛИЗКОРОДСТВЕННОМ ДВУЯЗЫЧИИ

Аннотация. Поэтический текст (дискурс) – это одно из средств межкультурной коммуникации. Именно поэтому особый интерес представляют переводы художественных текстов с одного языка на другой. Предпринимается попытка проследить взаимодействие оригинального и переводного текстов в ситуации близкородственного двуязычия.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, близкородственное двуязычие, дескрипторы языковой личности, поэтический перевод

Говоря об особенностях перевода стихотворных текстов на близкородственный язык, необходимо учитывать, что переводчик должен быть личностью, которая сопоставима по масштабам с переводимым автором. Известный афоризм, что переводчик в прозе – раб, а переводчик в поэзии – соперник, подтверждает мысль о том, что переводчик соревнуется с поэтом, пытаясь передать адекватно как можно больше составляющих переводимого текста.

В последние годы в лингвистике текста концептуальном стало понятие «Сильная языковая личность» (СЯЛ). Для СЯЛ всегда характерно не речемыслительное **воспроизводство,** а речемыслительное **творчество.**

СЯЛ, по мысли Ю. Н. Караулова, это некий сверхчувствительный и сверхотзывчивый к своему времени «инструмент» (писатель, поэт, деятель культуры, политик и т.д.), стоящий в оппозиции к усредненной языковой личности [Караулов 1987].

В данной статье мы рассматриваем лингвоментальные особенности языковой личности Марины Цветаевой и их преломление в переводах белорусской переводчицы Валентины Околовой.

Концепт СЯЛ имеет достаточно четкие параметры. В работах современных лингвистов к таким параметрам (дескрипторам) относят следующие лингвоментальные составляющие: 1) образность; 2) эмотивность; 3) оценочность; 4) экспресивность; 5) афористичность; 6) фоновые знания, т.е. экстралингвистические данные, общий фонд знаний отправителя и получателя сообщения.

Понятие эквивалентности рассматриваем в трех аспектах:

– экстралингвистическом;
– лингвистическом;
– собственно эстетическом.

Эквивалентность в экстралингвистическом, то есть внеязыковом аспекте определяется соответствием отображаемых в переводе жизненных реалий, то есть реальной канвы событий. Особо важное значение этот аспект приобретает в случаях перевода реалий культуры, быта народа, когда нет соответствующих обозначений в языке переводчика, и тогда в перевод приходится включать экзотизмы.

Эквивалентность на языковом, в частности на лексическом уровне не измеряется семантической и стилистической степенью соответствия слов. Языковая эквивалентность имеет отношение не только к лексике, но и к другим уровням языка. А именно, слова, близкие по значению, часто имеют разные морфологические характеристики и, как следствие, возникают различия в синтаксическом строении предложений. Выявление языковой и эстетической эквивалентности текста и перевода мы пытаемся провести через дескрипторы СЯЛ.

Так как экстралингвистический и лингвистические аспекты перевода поэтических текстов подчинены принципу эстетической эквивалентности, то главной задачей становится определение степени соответствия переводного текста оригинальному в плане выражаемого образного содержания.

Приведем сопоставительный анализ стихотворения «Вчера ещё в глаза глядел...».

Оригинальный текст стихотворения хорошо известен, поэтому здесь приводится только перевод Валентины Околовой.

Ты ўчора ўсе ў мой бок глядзеў,
А сёння – позіркі раскосыя!
Ты ўчора ноч са мной сядзеў,
А сёння сэрцы – безгалосыя.

Разумны ты. Дурніца я.
Жывы, а я нібы распятая.
За ўсіх жанчын віна мая:
«А ў чым, мой любы, вінавата я?!»

І слёзы ей – вада, кроў – боль,
Вада крывёй, слязьмі памылася!
Ці ж маці? Мачыха – любоў:
Суда не знае і не міласці.

Развозяць мілых караблі.
Дарога зімамі занятая.
І стогн стаіць па ўсей зямлі:
«А ў чым, мой любы, вінавата я?»

Ты ўчора ж каля ног ляжаў,
Раўняў з Кітайскаю дзяржаваю.
Раптоўна ручанькі разняў...
Лес, як капейка стаў іржавая?
Дзетазабойцай на судзе
Стаю – нямілая, заклятая.
І ў пекле вырвецца з грудзей:
«А ў чым, мой любы, вінавата я?»

Спытаю ноч, начлежны дом:
«За што, за што цярплю, гаротная?»
Адцалаваў цішком, тайком –
«Сягоння з іншай... я ж свабодная?»

Жыць прывучыў мяне у агні.
З ільдамі стэпу я засватана!
Вось колькі, любы ўсей віны!
А ў чым, мой любы, вінавата я?

Хай цень ступае за табой!
Мой зрок цяпер не палюбоўніцы!
Дзе адступаецца любоў,
Туды прыходзіць смерць-садоўніца.

Спадуць на долі карані -
Плады (ад яблыні) багатыя...
– За ўсе даруй, за ўсе ввіні, –
У чым, мой любы, вінавата я!

Дескриптор «образность» означает выраженное словами, наглядное представление о предмете, ряд признаков которого сознательно выделен для передачи авторской мысли. Изобразительные средства создания образности – эпитеты, метафоры, метаморфозы, олицетворения и другие тропы и фигуры. Наиболее информативна образность лексическая. Она отражает ясно осознаваемую автором ассоциативную связь повторно номинируемого предмета с тем предметом, имя которого используется для образной номинации.

В первой строфе текста мы обнаруживаем метафору: *Все жаворонки нынче – вороны!* Эмотивный смысл метафоры – обобщенное сравнение всего хорошего (жаворонки) со всем плохим (вороны). В русском языке слово жаворонок воспринимается как нечто весеннее, связанное с жизнью. Ворон же – птица несчастья. Этот образ исчезает в переводе. Переводчик, стремясь передать чувство, владеющее героиней стихотворения, использует другую метафору: *А сёння сэрцы-*

безгалосыя, т.е. переводчик переводит метафору метафорой. К. И. Чуковский [Чуковский 1987] назвал подобное использование «неточная точность», когда воспроизводится не форма, а чувство, заложенное в подлиннике.

Образным является также эпитет М. Цветаевой *остолбенелая.*

Переводчик отказывается от буквального перевода, заменяя эпитет сравнением: *нібы распятая*. Белорусское слово *«аслупянець»* имеет явно негативную коннотацию, оттенок просторечности и грубости. И в данном случае переводчик выбирает нужный эквивалент. Сравнение передает тот же эмотивный смысл, который заложен в подлиннике.

Прямые образные соответствия находим в переводе в 4, 5, 6 строфах:

Увозят милых корабли – развозяць мілых караблі; Вчера ещё у ног лежал, равнял с Китайского державою – Ты ўчоры каля ног ляжаў, раўняў з Кітайскаю дзяржаваю. Жизнь выпала – копейкой ржавою; Лёс(судьба) як капейка стаў іржавая. Детоубийцей на суду стою. Дзетазабойцай на судзе стаю.

В то же время в седьмой строфе В. Околова отклоняется от первоисточника: *Спрошу я стул, спрошу кровать – Спытаю ноч, начлежны дом.* Лирическая героиня стихотворения не находит защиты у людей, она чувствует себя настолько одинокой, что готова обратиться к неодушевленным предметам. В переводе же этот образ пропадает.

Исчезает также очень яркий образ – метафора казни любимой: *Отцеловал – колесовать; другую целовать... то есть разлюбленную нужно казнить страшной казнью – колесованием.*

Переводчица эту метафору не использует: *Адцалаваў цішком, тайком. Сягодня з іншай.*

В остальных строфах переводчик старается не отклоняться в образной структуре от первоисточника: *степь заледенелая – льды стэпу.*

Смерть – Садоўніца – смерць – садоўніца.

Однако яркую метафору *В срок яблоко спадает спелое* переводчик не смог передать адекватно. Смысл цветаевской метафоры в том, что ситуация разрешится сама, если пришло время. В. Околова, используя то же семантическое поле «яблоня, плоды яблони», вкладывает несколько иной смысл: любовь как бы она не закончилась, не бесплодна, то есть в переводе явно как бы приглушается отчаяние последней строфы.

Таким образом, рассматривая дескриптор «образность», можно сказать, что переводчику лишь частично удалось передать лингвоментальные составляющие текста М. Цветаевой.

Библиографический список

1. Булахов, М. Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков / М. Г. Булахов. – Минск : Вышэйшая школа, 1979.

2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981.

3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987.

4. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3. – С. 66–71.

5. Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Худож. лит., 1987.

6. Цвятаева, М. «Две песни». Лирика / М. Цвятаева. – Минск : Полымя, 1994.

М. Л. Лаптева
(г. Астрахань, Россия)

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Представлен лингвокультурологический подход к описанию фразеологических единиц и культуры в их постоянной взаимосвязи и взаимовлиянии, что основывается на интерпретации базовых для данной области исследования понятий сквозь призму идеи национального («своего») в оппозиции к инородному («чужому») культурному наследию, языку и обществу.

Ключевые слова: «свое / чужое», национальная культура, фразеология.

Несмотря на то что история вопроса, касающегося языка как средства выражения культуры, берет начало еще в трудах Я. Гримма и В. Гримма, идеи которых развивались Л. Вайсгербером, В. фон Гумбольдтом, Э. Сепиром, а также отечественными лингвистами А. Н. Афанасьевым, Ф. И. Буслаевым, А. А. Потебней и др., до сих пор находятся неизученные грани, которые заставляют исследователей в очередной раз обращаться к проблеме связи языка, культуры и национальной личности, составляющей основу лингвокультуроло-гических концепций многих ученых-лингвистов: Н. Ф. Алефиренко, Э. Бенвениста, Н. Н. Болдырева, Г. О. Винокура, В. В. Воробьева, В. З. Демьянкова, Л. Г. Золотых, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой, В. Н. Телия, Г. В. Токарева и др. Интерес к исследованию феномена «язык и культура» объясняется стремлением проникнуть в тайну языкового сознания и показать языковую систему в целом и фразеологическую в частности в виде проекции экстралингвистической реальности.

Понятие «национальная культура» основывается на таких категориальных признаках, как (а) один и тот же язык, (б) определенная однородность нации, (в) сходство духовно-психического склада народа, (г) единый исторический путь развития и, как следствие, (д) особая система ценностей, идей, культурных установок и стереотипов. «Важным компонентом национальной культуры являются аспекты поведе-

ния ее носителей – ритуалы, этикет, реакции на различные ситуации (социальные роли), в которых главным «действующим лицом» является слово» [Маслова 2007: 165]. Будучи, наряду со словом, номинативной единицей языка, фразеологическая единица также признается одной из вербальных интерпретант элементов национальной культуры. Действительно, кодируя особенности мировосприятия представителей определенной национальной общности, фразеологизмы способны наиболее ярко передавать национальную специфику языка. Сравним выражение разных стадий восприятия и осознания окружающего, переданное с помощью исконно русских фразеологизмов с компонентом «аз» – названием первой буквы русского алфавита, ставшей для носителей русского языка символом начала, основ знаний: ***ни аза*** – ‘не знать, не понимать, не смыслить’, ***с азов*** – ‘начальные, самые элементарные сведения о чем-л.’, ***от аза до ижицы*** – ‘от начала до самого конца’, ***сидеть на азах*** – ‘осваивать какое-л. дело с самого начала, приступать к изучению чего-л. с самых основ’ и др.

В качестве базового нами принимается положение о том, что фразеологические единицы – это культурно маркированные знаки, большинство из которых обладает национально-культурной спецификой. Определенные культурные факторы способствуют и появлению данных единиц в языке. Пройдя своеобразную культурную адаптацию, фразеологизмы становятся частью национальной языковой культуры. Например, русской традиции печь белый (пшеничный) хлеб – калач – обязан язык появлению широко употребительного в разговорной речи метафорического выражения ***тертый калач*** по отношению к человеку, которого «терла» и «мяла» жизнь. Так, тертым калачом изначально называли калач, приготовленный из особого теста, которое долго трут и мнут, чтобы получить при выпечке пористый мякиш [Фелицына 1990: 61].

Особое внимание следует уделить поиску ответа на вопрос о том, что именно из культурного фонда, в первую очередь проникает во фразеологические знаки естественного языка, какая информация становится значимой для процесса культурно-языкового синтеза. Другими словами, обнаруживая культурные семы в семантической структуре тех или иных фразеологизмов, определяя механизмы оязыковления объектов культуры, можно не только реконструировать диахронию культурных представлений в языке, но и установить степень значимости и актуальности, с одной стороны, культурных «переживаний», а с другой стороны, и самих языковых фактов для современного языкового сознания членов лингвокультурного сообщества.

Константами культуры являются фразеологизмы, относящиеся к концептообразующей сфере «Свое / Чужое», в которой сфокусированы многие культурные формы национального сознания, т.е. совокупности представлений о природных объектах, артефактах, ментефактах, мифо-

логии, традициях, поведенческих характеристиках, религиозном коде и др. Так, значение одноструктурных выражений ***Вот так штука!***; ***Вот так фунт!***; ***Вот так клюква!*** на когнитивно-дискурсивном уровне мотивируется семантикой входящих в их состав переменных компонентов, называющих реалии как «своей», так и «чужой» культуры. Сравним: 1. Фразема ***Вот так штука!*** первоначально употреблялась как возглас удивления по поводу фокуса, забавной проделки, шутки (штука из нем. *Stuck* в значении ‘шутка, проделка, фокус’) [ИЭС 2007: 771]. 2. Фразеологическое значение единицы ***Вот так фунт!*** восходит к обычаям розничной торговли, когда торговцы стремились обмануть покупателей, используя гири, весившие меньше обозначенного на них веса (фунт = 409,5 г) [Там же: 726]. 3. Выражение ***Вот так клюква!*** (как и ***развесистая клюква***), по одной из версий, имеет конкретного автора – французского журналиста, который, описывая своё путешествие по России, вспоминал, как пил чай в тени развесистой клюквы [ФС 2008: 169].

В целом национально-культурное своеобразие фразеологической системы того или иного языка объясняется (а) особенностями лингвокреативного мышления, (б) этноязыковой спецификой интерпретации познаваемого мира и (в) особенностями вторичной концептуализации и категоризации отражённых в нашем сознании представлений о ценностно-смысловом статусе жизненно значимых объектов [Алефиренко 2008: 162]. Следовательно, фразеологизмы являются уникальными составляющими национального языка, которые объективируют особенности национальной картины мира, национального мировидения, а также выступают репрезентантами национально-культурного самосознания.

В. А. Маслова утверждает, что в фундаменте национальной культуры «лежат общечеловеческие компоненты, обусловленные биологической и психологической природой человека, инвариантными свойствами человеческих социумов, но отбор объектов, способы их присвоения и интерпретация обладают своей национальной спецификой» [Маслова 2004: 19]. Так, значимыми и актуальными для русской лингвокультурной общности стали мировые библейские образы, нашедшие отражение во фразеологическом корпусе русского языка. Например, царь Соломон (***соломоново решение*** – ‘мудрое решение сложного вопроса’); Иуда (***иудин поцелуй*** – ‘предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви, дружбы’, ***иудино племя (отродье)*** – *бран.* ‘о предателях, изменниках’); блудный сын (***блудный сын*** – ‘о человеке, покинувшем какое-л. содружество людей, привычные занятия в поисках новой среды и позднее (обычно после неудач) вернувшемся к прежнему’); терновый венец (***терновый венец (венок)*** – ‘мученичество, страдания’); запретный плод (***запретный плод <сладок>*** – ‘о чем-л. недозволенном, недоступном, а потому особенно желанном’) и мн. др.

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, относят (а) традиции как устойчивые элементы культуры; (б) обычаи и обряды, выполняющие функцию неосознанного приобщения к доминирующим в данном обществе нормам и ценностям; а также (в) быт; (г) повседневное поведение (привычки); (д) мимический и пантомимический коды, используемые некоторой лингвокультурной общностью; (е) искусство. Например, к группе фразеологизмов, в которых отразились обычаи русского народа, примыкают единицы ***бить /забить (ударить) во все колокола, всем миром, каши не сваришь, красный угол, ломать шапку, мерить на свой аршин, играть в прятки*** и мн. др.

В настоящее время, на наш взгляд, практически невозможно найти ни одной национальной общности, которая не испытала бы на себе воздействия культур других народов. С одной стороны, наблюдается тенденция культурной глобализации, а с другой стороны, на этом фоне особенно обостряется стремление к культурной самобытности, осознанию собственной неповторимости и сохранению культурной традиции. Границы национальной культуры остаются открытыми, проницаемыми, а потому в результате контактов между различными культурами в культуре-восприемнике появляются черты, нормы и т.п., ранее для нее нехарактерные и осознаваемые членами этнолингвистического сообщества как «чужие». Анализ специфики культур в оппозиции «Своё / Чужое» показывает, что «своя» культура – это норма, она наделена положительными качествами, она адаптивна, «чужая» же культура воспринимается как отклоняющаяся от нормы.

Как полагает Ю. М. Лотман, доминирование одной культуры над другой сопровождается неприязнью принимающей культуры [Лотман 1982: 121]. Главная причина непонимания при межкультурном общении – различие национальных сознаний коммуникантов [Тарасов 1996: 8; Уфимцева 2000: 53]. Следовательно, воспринимаемое носителями данной культуры как чуждое их национальному сознанию, закрепившимся в обществе ценностям и установкам, прошедшее процесс культурной идентификации со стороны принимающей культуры, относится к заимствованным, или инокультурным, компонентам культуры. По мысли М. М. Бахтина, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин 1979: 335]. В русском языке активно употребляется большое количество устойчивых выражений, которые отражают процесс непосредственного влияния «чужой» культуры на фразеологию русского языка: ***китайская грамота, уйти по-английски (не прощаясь), американский дядюшка, французский поцелуй, немецкая аккуратность, африканские страсти*** мн. др.

Выбранный подход к описанию объектов конкретного (в нашем случае – русского) языка и культуры в их постоянной взаимосвязи и взаимовлиянии основывается на интерпретации базовых для данной области исследования понятий сквозь призму идеи национального в оппозиции к инородному («чужому», «иному») культурному наследию, языку и обществу. Противопоставление «Своё / Чужое», как нам представляется, базируется не на отрицании того, что отнюдь не свойственно русскому лингвокультурному сообществу, а на выявлении национально-специфического через сравнение с общекультурным, определении роли инокультурного в национальной культуре и на доказательстве взаимообогащения языков и культур в рамках мировой культуры.

Таким образом, в нашем понимании, национальная культура в самом общем виде имеет трёхслойную структуру. Ядро национальной культуры составляют национально-специфические компоненты, выделяются также две зоны, или два культурных слоя – универсальный и инокультурный. В каждом из представленных слоев особое место отводится национально-специфическим фразеологизмам, являющимся по своим ценностно-смысловым характеристикам (а) результатом своеобразного языкового кодирования объектов окружающего мира (этнокультурные), (б) отражением общего поступательного развития человеческой культуры и цивилизации (интернациональные), (в) итогом сложного процесса межкультурной коммуникации, сопровождающейся проникновением элементов «чужой» культуры в «свою» (инокультурные).

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Элпис, 2008. – 271 с.

2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство 1979. – 335 с.

3. ИЭС – Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ : Люкс, 2007. – 926 с.

4. Лотман, Ю. М. «Изгои» и «изгойничество» как социально-психологиче-ская позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: («Своё» и «чужое» в истории русской культуры) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1982. – Вып. XV.

5. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2004. – 208 с.

6. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре : монография / В. А. Маслова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.

7. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М. : ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.

8. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 2000. – С. 135–171.

9. Фелицына, В. П. русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко ; под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – М. : Рус. яз., 1990. – 220 с.

10. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 472 с.

А. Ч. Мойский
(г. Минск, Беларусь)

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПЕРЕВОД РУССКОЙ КЛАССИКИ МАКСИМОМ ТАНКОМ

Аннотация. Белорусский поэт Максим Танк является автором переводов около 30 русских писателей. Перевод не является самостоятельным оригинальным произведением, но он позволяет проанализировать межлитературные связи между писателями разных народов, определить особенности их языковой картины мира. Она в свою очередь влияет на перевод и другие виды интерпретации текста, такие переработка, или адаптация.

Ключевые слова: перевод, переработка текста, языковая картина мира, интертекстуальность, прототекст.

Многие авторы кроме собственного творчества профессионально занимаются интерпреатацией чужих текстов. Исследователи межлитературных связей классифицируют виды таких интерпретаций, где среди интертекстуальных приемов выделяют перевод. Однако перевод нельзя считать собственно новым произведением. Он связывает писателя и переводчика, авторов разных стран, вписывает национальную литературу во всемирный контекст, но не является самостоятельным текстом.

Немецкие ученые У. Бройх, М. Пфистер и Б. Шульте-Митделих предлагают в своей классификации к интертекстуальным фигурам отнести заимствования, переработку тем и сюжетов, явную и скрытую цитацию, аллюзию, пародию, использованаие эпиграфов и т.д. В этом перечне есть и перевод, но не в качестве приема для создания оригинального произведения, а как одна из форм передачи авторского текста. В предложенной немецкими исследователями классификации встречаются не только инсценировка, экранизация, но даже плагиат. Последнее явление также может рассматриваться в качестве интертекстуального приема, несмотря на отсутствие самого творческого начала в нем. Так, известный белорусский литературовед, профессор В. Рагойша отдельно рассматривает в своих работах эпигонство и плагиат. Но, как и другие ученые, на первое место филолог ставит переработку, влияние, наследование и заимствование, которые относит к генетиче-

ским связям. Перевод он называет конкретной литературной связью в одном ряду с отзывами и рецензиями, объясняя появление этих текстов личными отношениями между писателями. Кроме того, В. Рагойша выделяет типологические связи – идейно-художественные совпадения в литературе разных народов, обусловленные не влиянием одного народа на другой, а близостью их жизненных обстоятельств, цикличностью развития художественной литературы [Рагойша 2001].

Таким образом, перевод является интертекстуальным приемом, но среди средств интерпретации текста он не пополняет контекстуальное пространство художественного мира творчества автора. Украинский исследователь А. Волков отдельно изучает художественный перевод и собственно авторское подчеркивание неочевидной литературной связи, но концептуальное переосмысление первоисточника в собственном оригинальном произведении называет «відштовхуванням» [Лексикон загального та порівняльного літературознавства; керівник проекту 2001: 99] Такое ‘отталкивание’ по сути и есть рецепция, к которой перевод не может относится, но в нем можно проследить употребление концептов языковой картины мира своего народа, найти отличия от картины мира других. Эти концепты становятся не просто спасательным кругом для поэта при переводе рифмованных и ритмических конструкций, а помогают и читателю понять мысль автора первоисточника. Переводчку необходимо универсально владеть языком, на котором создан прототекст. Тогда это позволяет исследователю проанализировать разные языковые картирны мира, поэтому стоит рассмотреть переводы Максима Танка на русский язык, которым он владел в совершенстве, как и польским.

Белорусский поэт XX века Максим Танк преимущественно переводил произведения близких народов бывшего СССР: с русского, украинского, азербайджанского, грузинского, казахского, калмыцкого, латышского, литовского, молдавского, таджиксого, татарского, узбекского, эстонского языков. Поэт побывал во всех этих странах, где не только знакомился с местными писателями и их произведениями, но и записывал фольклор, следствием чего стали переводы народных песен, например, с армянского и туркменского языков. Активная общественная деятельность позволила белорусскому писателю посетить ряд европейских стран, Южную и Северную Америки, где для перевода поэт выбирал, по его мнению, самый актуальные произведения своего времени. Так, в переводе Максима Танка вышли произведения Дж. Байрона, П. Неруды, Ф. Лорки и других авторов. Очевидно, что побелорусски они зазвучали благодаря языкам-посредникам, ведь Ч. Айтматова поэт переводил, например, с аварского, Х. Мальтинского – с идиш, М. Цзедуна – с китайского, а также у него есть переводы с лужицкого, лакского, македонского, турецкого, хинди, японского и других языков.

Как отмечал и сам автор, лучшими получаются переводы с языка, который досканально знаешь сам, поэтому среди переводов Максима Танка можно встретить произведения более 20 украинских поэтов, около 30 русских писателей и более 100 польских.

В большинстве случаев Максим Танк интересовался поэзией, но у него есть и несколько переводов произведений в прозе. Это рассказы Максима Горького «Данко» (из «Старухи Изергиль»), «Песня о буревестнике», «Песня о соколе» и переводы с польского языка произведений Янины Броневской «Путешествия медного грошика» и Елены Сельм «Победа».

Переработка, или адаптация наиболее близка к переводу, но в данном случае можно говорить о появлении нового произведения, которое являтся осовремениванием или онациональванием известного сюжета. При последнем варианте также происходит репрезентация языковой картины мира народа.

Во время многочисленных путешествий Максима Танка всегда интересовало фольклорное наследие и национальная литература. Чтобы познакомить более широкий круг белорусских читателей с творчеством других народов поэт либо переводил их произведения, либо адаптировал с помощью онациональвания сюжета и образов, если считал, что стихотворение теряет художественность при о обычном переводе.

«Звяры там з лесуном пужаюць падарожных, / Там вадзянік жыве ў глыбі азёр, /Чараўніком прыкуты да скалы арол, / Галосіць вецер там між пуцявін дарожных» [Танк 2006: 34] – в этом танковском сонете «Заснула казка на акне маім астрожным…» встречаются концепты из языковой картины мира белорусов. Однако известно, что это переработка-онациональвание стихотворения Я. Полонского «Зимняя дорога», на что указывает эпиграф произведения. В прототексте вместо «вадзянікоў» и «лесуноў» – жар-птица и живая вода, более распространенные в русском фольклоре.

Максим Танк в своих стихотворениях часто оставлял на языке оригинала эпиграфы, так как считал ненужным размещать перевод общеизвестных строк. Но со многими произведениями русской классики молодой поэт познакомился в переводе на польский язык, так как вырос на Мядельщине в Западной Беларуси, которая до 1939 года относилась к Польше. Об этом он вспоминает в дневниках «Листки календаря»: «В старых своих бумагах нашел переписанную еще в 1932 году в переводе Ю. Тувима на польский паэму В. Маяковского «Облако в штанах». И чернила выцвели, и текст стал невыразительным. Нужно будет по-новому переписать ее или, лучше, выучить наизусть. Эх, если бы мог где я найти эту вещь на русском языке!» [Танк 2009: 32]. Поэтому и в эпиграфах к стихотворениям 1930–1939 гг., не включенных в сборники, можно встретить эпиграфы из произведений М. Горького или В. Маяковского па-польски: «Zginęła Pompea, gdy rozdrażniono

Wezuwjusza..» [Танк 2006: 202]. Это эпиграф к стихотворению «Снежны шлях» из поэмы «Облако в штанах» В. Маяковского: «Погибла Помпея, / Когда раздразнили Везувий» [Маяковский 1977: 91]. В стихотворении Максима Танка героиня говорит, чтобы просто не молчать, а лирический герой в свою очередь пытается сбежать («Ты гаварыла – каб штось гаварыць, / каб перарваць званка песеньку медную» [Танк 2006: 202]), а у В. Маяковского она раздражает героя («Знаете – / я выхожу замуж» [Маяковский 1977: 90]), но он пытается демонстрировать спокойствие. Чувствуется и стилистическое влияние русского классика, ведь в своем стихотворении Максим Танк в погоне за дактилической ритмикой часто использует инверсию, свойственную В. Маяковскому, как в примере приведенном выше.

Несколько стихотворений В. Маяковского было переведено Максимом Танком на белорусский язык, отразив тем самым отличия языковой картины мира двух братских народов. Например, показательным в этом плане является «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». «Ні капуста не цешыць, ні чаю булькатанне» [Танк 2010: 494] – в переводе Максима Танка звучит строка “Ни щи не радуют, ни чая клокотанье” [Маяковский 1982: 140]. Дело в том, что белорусы квасят, тушат и делают из капусты множество блюд, но щи – это суп из национальной русской кухни, поэтому его нет в языковой картине мира белорусов. Максим Танк это тщательно проработал и даже сокращения на кранах с водой в произведении – «хол.» и «гор.» – подал как «гар.» и «сцюд.» от слова «сцюдзёны».

Среди недостатков перевода можно отметить недостаточно богатую рифму Максима Танка, который тоже оригинально рифмует слова «не нова – жыллёвы», «рады – улада», но В. Маяковский в отличие от переводчика стремится к максимальному созвучию: «лишне – жилищный», «сажа – стажа». Местами это созвучие вводит дополнительный подтекст, как рифма «власть – влазь». Максим Танк, будучи поэтом-экспериментатором, все же не достигает уровня старшего собрата по перу.

Недостатком нельзя назвать отсутствие некоторых фразеологических соединений в переводе или их замена белорусскими аналогами. Так, фразеологизм «словом, сидишь, пока охота» заменяется концептом не в переносном, а в прямом смысле «ахвота» – ‘желание’, ‘нужда’. А вот устойчивое «извиняюсь за выражение» заменяется белорусским «выбачайце за слоўца». Эта замена органично вписывается в стиль В. Маяковского, который любит в целях иронии использовать уменьшительно-ласкательные суффиксы, что не всегда удается сохранить в переводе: «Воду стираешь с мокрого тельца» [Маяковский 1982: 14] – «Ваду сціраеш з мокрага цела» [Танк 2010: 494].

В целом Максим Танк очень удачно сохраняет рваный ступенчатый слог В. Маяковского в одних переводах, и классические амфибрахии и ямбы А. Пушкина в других. Белорусский поэт даже посмел усо-

вершенствовать стихотворение «Узник», использовав дополнительную аллитерацию со звуками «к», «в» и «р», что создает атмосферу дополнительного скрежетания засовов и скрипа решеток в поэтическом образе:

Сяджу я за кратамі дні і гады,
Спазнаўшы няволю арол малады.
Мой сумны таварыш махае крылом,
Дзяўбе пад акном акрываўлены корм [Танк 2010: 515].

В известном стихотворении Александра Сергеевича «Я памятник воздвиг себе нерукотворный…», которое само по себе является переложением оды Горация, Максим Танк также вводит концепты языковой картины мира белорусов. Так, устаревшее «пиит» в значении «поэт» в белорусском языке имеет чудесный эквивалент «пясняр», который часто использовал в своих произведениях знаменитый писатель Янка Купала. Максим Танк переводит: «І слаўны буду я, пакуль на цэлым свеце / Жыць будзе хоць адзін пясняр» [Танк 2010: 520]. Фразеологические обороты в данном стихотворении местами вредят пушкинскому возвышенному стилю («хлуснёй паганай»), но в целом делают перевод более национально прорисованным, характерным белорусскому языку, ведь в языковой картине белорусов чаще встретишь выражения «не пераймайся», «не мазоль ты языка» ці «дурня не чапай» (существуют разные варианты перевода Максимом Танком этого стихотворения), чем «не оспаривай глупца».

Максим Танк в публицистических статьях не раз отмечал превосходство переводных произведений над влияниями, которых авторы, по его словам, боятся зря. Поэт подчеркивал, что с помощью перевода можно учиться стихосложению: «Видимо, хороший переводчик, как и хороший поэт, явление – редкое. А перевод часто определяет судьбу поэта» [Танк 2009: 407].

Во время переводов Макисм Танк тоже поддавался влиянию автора прототекста и позже использовал его идеи, литературную технику в своих произведениях. Так, в 30-е годы он использовал не раз революционные идеи В. Маяковского, а подборка танковских стихов, написанных в Соединенных Штатах Америки, роднится с впечатлениями и настроением Владимира Владимировича, посетившего также в свое время США. В переводе Максима Танка прозвучали на белорусском не только классики, но и его современники Михаил Дудин, Михаил Исаковский, Александр Прокофьев, Всеволод Рождественский, Николай Тихонов и другие.

Таким образом, мастерство переводчика нельзя недооценивать, так как и в этой деятельности необходим максимально творческий подход. Перевод также включает страну во всемирный литературный процесс и отражает особенности языковой картины мира народа, поз-

воляет понять достижения зарубежной классики, познакомить соседей с произведениями отечественных художников слова и наладить более крепкие межлитературные связи.

Библиографический список

1. Лексикон загального та порівняльного літературознавства; керівник проекту/ ред. А. Волков. – Чернівці : Золоті литаври, 2001. – 636 с.

2. Маяковский, В. В. Стихи / В. В. Маяковский. – Минск : Юнацтва, 1982. – 190 с.

3. Маяковский, В. В. Стихотворения, поэмы, пьесы / В. В. Маяковский, Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 512 с.

4. Рагойша, В. П. Тэорыя літаратуры ў тэрмінах : дапам. / В.П. Рагойша. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 2001. – 384 с.

5. Танк, М. Поўны збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларуская навука, 2006–2012. – Т. 1: Вершы (1930–1939). – 2006. – 374 с.

6. Танк, М. Поўны збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларуская навука, 2006–2012. – Т. 5: Вершы (1972–1982). – 2008. – 444 с.

7. Танк, М. Поўны збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларуская навука, 2006–2012. – Т. 9: Лісткі календара. Дзённікі (1941–1959). – 2009. – 592 с.

8. Танк, М. Поўны збор твораў : у 13 т. / М. Танк. – Мінск : Беларуская навука, 2006–2012. – Т. 11: Пераклады. – 2010. – 1026 с.

Т. И. Песчанская
(г. Актобе, Казахстан)

КОНЦЕПТ РОДНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой языковую картину мира. Концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним. Формирование интеллекта зависит от языкового формирования; прежде всего, насколько оно охватывает элементы, которые выходят за рамки личного опыта.

Ключевые слова: языковая личность, общественное познание, мировидение, языковое сообщество, языковая картина мира, языковая способность, миропонимание.

Языки конкретных народов передают закрепленное в их понятийном фонде устройство действительности конкретным людям, а в их языковом владении и в каждом случае применения языковых средств имеет место преходящая форма выражения и реализации живущего в сообществе культурного явления, причем язык всегда воплощается лишь в языковом организме конкретного человека и проявляется в его

мышлении и говорении; но он не может осуществиться полностью ни в одном из своих носителей, ведь никто не владеет всем своим родным языком [Weisgerber 1964: 339].

Установка на язык как форму общественного познания – это еще одна интерпретация положения В. Гумбольдта. Поскольку ко всякому объективному восприятию с неизбежностью примешана субъективность, то можно уже независимо от языка рассматривать всякую человеческую индивидуальность как собственную позицию мировидения. Однако эта индивидуальность становится таковой еще в большей степени при помощи языка, поскольку слово само превращает себя по отношению к душе, а объект и привносит новое, отчуждающееся от субъекта своеобразие, так что в понятии оказывается заложенным трояко: впечатление от предмета, способ восприятия его в субъекте, воздействие слова как языкового звука. В этом последнем с необходимостью господствует во всяком языке сплошная аналогия, поскольку и на язык в той же нации воздействует однородная субъективность, то во всяком языке заложено своеобразное видение мира.

Это выражение ни в коем случае не переходит меру простой истины. Ведь взаимосвязь всех частей языка между собой и взаимосвязь всего языка и нации столь тесная, что, если однажды эта взаимосвязь примет определенное направление, то из этого неизбежно должно произойти сплошное своеобразие. Но язык является мировидением не только потому, что он вынужден сравняться по понятийному объему с миром, поскольку он должен быть способен выразить всякое понятие, а еще и потому, что только преобразование предметов, предпринимаемое языком, делает дух способным понять неразрывно связанную с понятием мира взаимосвязь [Радченко 2004: 133].

Точка зрения Й. Л. Вайсгербера: «Насколько мало похожи два народа своими людьми, судьбами, возможностями, трудами и целями, настолько же мало могут походить друг на друга два языка в своем содержании, и заложенные в них картины мира носят черты своих создателей со всеми их особенностями».

Главная возможность языка в том, что он сообразно со своей внутренней формой передает всем своим носителям общее миропонимание, миропонимание, которое во многом отличается от миропонимания других языков. Миропонимание – понятие, часто фигурировавшее в раннем варианте концепции Й. Л. Вайсгербера. Рассуждая том, что именно черпают носители из своего родного языка, он замечает, что общение – конечно, и оно есть предпосылка для всякого ин сообщества более высокого порядка. Однако и основу общения: все члены одного языкового сообщества прошли тот путь, по которому они с усвоением родного языка научились оценивать мир чувств и духовного и овладевать им. Из этого возникают те предпосылки духовного сообщества, которые следует определить прямо – таки как миропони-

мание родного языка: из общего родного языка каждый носитель перенимает это достояние, и возможности родного языка в отношении языкового сообщества заключаются именно в том, что он носит в себе эту картину мира, передает ее всем членам языкового сообщества путем осуществляемого членами языкового сообщества изучения языка. В этом смысле оправдано определение языка конкретного народа как формы общественного познания, действующей в сообществе силы, которая представляет собой основу для всякого мнения и мыслительного освоения явлений всех сфер жизни, ежедневного окружающего мира, разных областей духовной жизни.

Родной язык – не самоцель, а та основа, на которой некая группа людей объединяется в сообщество ради исторического действия – выработки культурных ценностей и ради этого – исчерпания возможностей языкового сообщества. Полученный от сообщества языковой материал должен, естественно, служить целям конкретного человека, но при этом в такой форме, которая одновременно содействует целям сообщества или хотя бы не вредит ему. Позиция носителя языка характеризуется соответственностью за общее достояние и содействием всему сообществу, проявляясь в любви к родному языку и в участии в судьбе языковых товарищей [Вайсгербер 1993: 103–104].

Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [Маслова 2004: 66].

Следовательно, в процессе овладения языками мы обладаем различными картинами мира, различными способами восприятия мира. По мнению Ю. Д. Апресяна, каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. В картине мира отражаются наивные представления о внутреннем мире человека, в ней конденсируется опыт интроспекции десятков поколений и в силу этого служит надёжным проводником в этот мир.

Ю. Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, часто искажая их. Изучая семантику слов, можно выявить специфику когнитивных (мыслительных) моделей, определяющих своеобразие наивной картины мира.

Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений. Так, довольно часто для обозначения и передачи состояния эмоционального подъема говорящий использует фразеологизм воспарить душой, не осознавая, что это средство языка связано с архаическими представлениями о наличии внутри человека животворящей субстанции – души, которая мыслилась в мифологической картине мира в виде пара и могла покидать тело, перемещаясь к небесам [Апресян 1995]. Каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как «языковой промежуточный мир» то как «языковая репрезентация мира», то как «языковая модель мира», то как «языковая картина мира». В силу большей распространенности выбирают последний термин.

Понятие картины мира (в том числе и языковой) строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Явления и предметы внешнего мира приставлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А. Н. Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: это – «смысловое поле», система значений. Тогда картина мира – это система образов.

М. Хайдеггер писал, что при слове «картина» мы думаем прежде всего об отображении чего-либо, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир понятый как картина». Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения. Картина мира может быть представлена с помощью пространственных (верх – низ, правый – левый, восток – запад, далекий – близкий), временных (день – ночь, зима – лето), количественных, этических и других параметров. На ее формирование влияют язык, тради-

ции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.); она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку – в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях.

В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир. картина мира, закодированная средствами языковой семантики, со временем может оказываться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения [Маслова 2004: 64–65].

В своем использовании языка человек, естественно, обладает некоторой свободой, но свобода эта состоит в известном просторе выбора и использования языковых средств; однако она не достигает основ, самого создания языковых средств. Даже у творческих языковых личностей, обогащающих язык новыми мыслительными средствами, обнаруживается не столько сила творчества исходя из личного гения, сколько более дар раскрытия, формирования уже заложенных в данном языке возможностей. Что же касается языковой способности человека, то она выступает как основа важной части человеческого познания, а язык представляет собой форму человеческого познания, под которой подразумеваются «все те формы, которые можно суммировать как интеллектуальные, поскольку они основаны на упорядочивающей, сплачивающей отдельные явления в обозримое осмысленное целое деятельности разума.

Более того, формирование интеллекта зависит в значительнейшей мере от нашего языкового формирования; прежде всего, насколько оно охватывает элементы, которые выходят за рамки нашего личного опыта. Всякое мышление развивается лишь во взаимосвязи языка, всякая деятельность интеллекта и воображения, всякая эмоциональная и волевая жизнь высшего порядка возникают лишь во взаимосвязи человеческого общества [Weisgerber 1964: 188–189]. Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным,

самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру.

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

2. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер. – М. : МГУ, 1993. – 223 с.

3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2004. – 208 с.

4. Радченко, О. А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольтианства / О. А. Радченко. – М. : Едиториал : УРСС, 2005. – 312 с.

5. Weisgerber, S. Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung / S. Weisgerber. – Düsseldorf, Schwamm, 1964. – S. 345–376.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. Е. Баженова
(г. Самара, Россия)

СЛОВА СО ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫМИ ОСНОВАМИ В САМАРСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Поднимается проблема адекватного представления слов со звукоподражательными основами в диалектном словаре. Представлено описание тематической группы слов, обозначающих звуки, издаваемые животными, в самарских говорах. Особое внимание уделено проблеме словарного толкования глаголов-зоофонов.

Ключевые слова: диалектная лексика, региональный словарь, междометия, тематический принцип классификации, Среднее Поволжье, самарские говоры.

Изучение диалектной лексики по отдельным тематическим группам активно внедряется в практику диалектологических исследований. Переход от описания отдельных диалектных лексем и лексико-семантических групп к систематизации лексики отдельных регионов по тематическому принципу обусловлен задачей картографирования и определения локализации диалектных лексем на всей территории распространения русского языка.

В тематическом словаре самарских говоров большую группу составляют слова, образованные от звукоподражаний: *гунде́ть* ‘плакать, ныть, настойчиво просить что-н.’, *отдука́ть* ‘отхлестать’, *черя́баться* ‘царапаться’, *чикова́ть* ‘издавать звуки, характерные для сороки, трещать; часто, быстро говорить’, *ка́вкать* ‘лаять (о собаке)’, *ми́кать* ‘издавать характерные звуки (об овце)’, *тро́хать* ‘ходить по домам, поздравляя со старым новым годом, с обрядовыми словами *трох-тарара́х*’, *дры́зглый* ‘дряблый, раскисший’, *бурдли́вый* ‘ворчливый’, *алилёшная* ˙о песне: свадебная величальная, содержащая припев *алиле́й-лёли*’, *бума́* ‘суматоха’, *тутóня* ‘кукла’, *чиля́к* ‘воробей’, *тя́тенька*, *тятя́нька* ‘отец’, *егу́н* ‘характеристика человека, произносящего в окончаниях прилагательных, местоимений и порядковых числительных *ого, его*, а не общепринятое *ово*, *ево*’, *те́женьки* ‘гусята’, *трыщи́ха* ‘птица (какая?), издающая резкие звуки’ и др. Такие слова отмечаются едва ли не во всех тематических группах, и больше всего таких слов в разделах «Животный мир», «Животноводство», «Птицеводство».

Основу лексической выборки тематического словаря самарских говоров составила картотека к бывшему X тому «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), в лексической части вопросника к которому особое внимание уделялось подзывным и отгонным словам и обозначениям криков домашних и диких животных, поэтому междометия и слова со звукоподражательными основами составили довольно многочисленную группу. В последние десятилетия, когда сбор диалектной лексики производился по специальной программе «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), объем данных значительно увеличился. Междометия и первичные звукоподражания в выборке представлены единичными случаями, зато немало производных слов, обозначающих обращение к животным, например: подзывные слова: *га́ла* (к гусям), *бара́ша* (к овцам), *ша́нька* (к лошадям), *тёлынька* (к телятам), *ку́тя* (к щенятам), *коняша* (к жеребятам); отгонные слова: *ха́сь, хо́сь* (свиньям), *ппре́* (корове), *кы́тош* (овцам), *ти́гаш* (гусям) , *тпря, тырря* (овцам) и др.

Разряд слов со звукоподражательными основами отличается разнообразием и продуктивным словообразованием во всех разновидностях русского языка. Слова, обозначающие природные звуки и крики, а также любые звуковые впечатления, относятся к эмоциональной сфере языка и представляют собой условные преднамеренные воспроизведения разнообразных звучаний и звуков, сопровождающих действия. Одним из показателей условности служит разнообразие звукоподражательных слов и междометий в различных языках. В литературном языке акустические характеристики воспринимаемых и воспроизводимых звуков носят отпечаток сознания говорящего и слушающего, кроме того, семантическая составляющая дополняется целым спектром различных оценочных характеристик [Васильев 1981]. В диалектном языке это разнообразие умножается на количество региональных различий, зафиксированных на территории, охватываемой ЛАРНГ (показательно большое количество зафиксированных слов со значением криков животных в [Ганичева 2016]). Диалектологи отмечают, что в местных говорах более разнообразны по семантике слова, передающие природные звуки, в первую очередь те из них, которые относятся к живым существам [Попкова 1996; Ганцовская 2016; Колосько 2015; Наумова, Денисова 2011; Мызникова 2016].

Как отмечают составители словарей, главная задача диалектолога, работающего со словами, производными от звукоподражаний, заключается в точном определении семантической основы диалектных слов и их фонетической природы [Колосько 2016: 121]. Эта задача иногда сочетается с решением целого ряда проблем.

Первая проблема возникает на этапе отбора слов для диалектного словаря. В данном разряде слов нередки случаи фиксации окказио-

нальных словоупотреблений. Окказиональные слова являются результатом индивидуального словотворчества на основе средств ономатопеи. Например, слова *бучáла* ‘стиральная машина’, *бумбýмкалка* ‘транзистор, магнитофон’, *рóкать* ‘издавать нестройные музыкальные звуки’ являются индивидуальными обозначениями звуков, издаваемых механизмами. Среди подзывных слов немало таких, которые представляют собой оригинальные имена животных, используемые в качестве междометий: *лю́ся-лю́ся* (свинье), *мáшка-мáшка* (овце), *махóр-махóр* (овцам). Звукоподражательные окказионализмы встречаются в СРНГ [Колосько 2015: 118–119] и в других региональных словарях, и общепринятое отношение к подобным словам ещё не сложилось.

Не менее сложной является проблема семантического описания и определения объема лексического значения эмоциональных обозначений действий. Глаголы, образованные на основе звукоподражаний, не всегда можно точно истолковать традиционными лексикографическими приемами. Например, синонимическое толкование явно недостаточно при определении значения слов *козикáть* ‘щекотать’, *раздрягáться* ‘раздеться’, *тýкнуть* ‘ударить’, *стебáть* ‘есть, хлебать’, *укóцкать* ‘убить’, *чубáхаться* ‘плескаться’. Первичная семантизация диалектных лексем произведена собирателями без учета значения звукоподражательных основ и их производных, которые позволяют уточнить словарное описание. Например, глагол *козикáть* обозначает действие, сопровождаемое звукоподражанием *кызы-кызы*, – так забавляют ребенка, шутливо щекоча его и показывая пальцами «козу». Слово *раздрягáться* мотивируется глаголом *дрягаться* ‘делать резкие, отрывистые движения; дергаться, биться’ [СРНГ 08: 225], поэтому *раздрягáться* означает ‘сбросить с себя одеяло во сне, делая резкие движения ногами’. Экспрессивный глагол *тýкнуть* с учетом значения звукоподражательной основы ‘стукнуть’ [Фасмер IV: 116] в конкретном случае экспрессивно обозначает действие глушения рыбы – ‘оглушить ударом по голове’. Ср. употребление данного слова в вконтексте: *Пусть на сушу идуть, тогда мы их тукнем. (Зуевка Нефтегорского р-на*). Слово *стебáть* образовано от междометного глагола со значением ‘ударять, хлестать, стегать’ [СРНГ 41: 104-105] лексико-семантическим способом, следовательно, имеет значение ‘быстро, жадно есть, хлебать’. Диалектная лексема *укóцкать*, по-видимому, имеет значение ‘прибить, избить’, так как мотивируется звукоподражательной основой глагола *кóцнуть* ‘ударить’ [СРНГ 15: 121], которая присутствует в данном слове в сочетании с формантом -ка-. Этот суффикс в одноструктурных словах, образованных от междометий (ср.: *ойкать*, *баюкать*), имеет значение повторяющегося действия, о чем говорит и употребление слова в контексте: *Сё-тки укóцкаю я эту собачонку*. (Гавриловка Алексеевского р-на). В слове *чубáхаться* оче-

видна междометная основа *чу-* и звукоподражательная основа *бах* [Фасмер IV: 376], следовательно, диалектное слово имеет значение ‘плескаться на мелководье, барахтаясь в воде’. Данный перечень можно продолжить.

Среди звукоподражательных глаголов встречаются омонимичные лексемы, образованные от разных, но фонетически близких ономатопеических основ. Ср. записанные примеры словоупотреблений: *Лягушка* ***ква́хчить****. Курица* ***ква́хчет****, когда на яйца сесть собирается; Ишь ты, как* ***курлы́чут****, окаянные (о лягушках*). *Журавли* ***курлы́чут*** и т.п. Ср. также: *потара́кать* ‘поговорить’, *тара́чить* ‘издавать характерные для курицы звуки, кудахтать’. Для адекватного словарного толкования слов данного разряда следует указывать на их звукоподражательный характер, с тем чтобы можно было учитывать их семантическую специфику.

Составители диалектных словарей обращают особое внимание на сложность лексикографического представления зоофонов – слов, обозначающих крики диких и домашних животных и птиц. Например: *ка́вкать* ‘лаять (о собаке)’, *ква́ять* ‘квакать’, *муча́ть* ‘мычать (о корове)’, *куку́кать* ‘куковать’, *ня́вчить* ‘мяукать’, *во́ять* ‘выть (о волке)’. Но таких случаев, когда в словарном определении значения диалектного слова можно использовать синонимическое толкование, немного. В большинстве случаев возникает проблема передачи звукового значения зоофона, обозначающие крики птиц (*чикова́ть, чалыка́ть, гу́ркать, га́ркать, гу́тать, те́нькать, трели́ть*), лягушки (*ква́ктать, ква́кчить, ква́чить, чва́кать, курлы́кать, турлы́кать, турча́ть, тырча́ть, ква́ркать, кува́ркать* и др.), лошади (*мигого́кать, мигугу́кать, гогота́ть*), курицы (*кодкуда́кать, кудкуда́кать, кудкуда́хтать, са́кать, сакота́ть, скара́жить, тата́кать, тара́чить, куда́чить, куда́ктать, квохта́ть, квокта́ть, кока́чить* и др.), гуся (*кога́чить, хака́чить, кага́кать, гага́кать*), сверчка (*сверка́ть*) и т.п.

Множество лексико-семантических вариантов зоофонов, относящихся к отдельным видам, заставляет задуматься о необходимости единой матрицы для их лексикографической подачи. Например: «звук, характерный для…»; «издавать характерные звуки (о …)». В отдельных случаях потребуется конкретизация значения, например, при толковании некоторых звукоподражательных глаголов, обозначающих крики курицы. В самарских говорах крики, издаваемые курицей, снесшей яйцо, обозначаются глаголами *куда́ктать, куда́кать, кодкуда́кать, тата́кать*; глаголом *скара́жить* обозначаются характерные звуки кур, которые просят есть; словами *са́кать, сакота́ть* передаются характерные звуки курицы, готовящейся сесть на яйца. Наседка, водящая цыплят, *кло́хчет (кло́хчиет), ква́хчет, ква́кчет*, поэтому её в самарских говорах часто называют *клу́шкой*, реже *ква́чкой*, при обращении к ней используют подзывное слово *клу-клу*.

Данный разряд диалектной лексики значительно расширяет лексико-семантическую базу исследования самарских говоров, кроме того, в системе слов-зоофонов просматриваются черты региональной специфики и общие системные особенности, выявленные при изучении данных общеславянского атласа и макроатласов русского языка.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного Отделением гуманитарных и общественных наук РФФИ и Правительством Самарской области проекта №18-412-630004 «Диалектное слово в русских говорах самарского Поволжья».

Библиографический список

1. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола (глаголы речи, звучания и поведения) / Л. М. Васильев. – Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1981. – 72 с.

2. Ганичева, С. А. Диалектные аффиксальные парадигмы глаголов-зоофонов (на материале «Лексического атласа русских народных говоров») / С. А. Ганичева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – Вып. 3(35). – С. 13–19.

3. Ганцовская, Н. С. Лексика животного мира междуречья Костромы и Унжи как материал для лексического атласа русских народных говоров (наименования птиц) / Н. С. Ганцовская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 154–163.

4. Колосько, Е. В. Диалектная лексика со звукоподражательной основой в архивных материалах по Ленинградской области / Е. В. Колосько // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) – 2015. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 291–297.

5. Колосько, Е. В. Лексикографическое представление диалектных звукоподражательных слов / Е. В. Колосько // Славянская диалектная лексикография : материалы конференции. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 116–128.

6. Мызникова, Я. В. Особенности лексики животноводства и птицеводства в говорах Ульяновской области / Я. В. Мызникова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) – 2016. – СПб. : Нестор-История, 2016. – С. 384–390.

7. Наумова, Е. В. Семантический анализ диалектных глаголов звучания (на материале русских говоров Мордовии) / Е. В. Наумова, Л. Н. Денисова // Вестник Мордовского университета. – 2011. – № 1. – С. 37–39.

8. Попкова, Л. М. К вопросу об употреблении глаголов звучания в псковских говорах / Л. М. Попкова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) – 1994. – СПб. : ИЛИ РАН, 1996. – С. 119–123.

9. СРНГ: Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова.– М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2014.– Вып. 1–47.

10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986.

С. В. Кезина
(г. Пенза, Россия)

ЦВЕТОЛЕКСЕМА «ОБЛАКОТНЫЙ» В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(к вопросу об эвентуальных причинах устаревания слов)

Аннотация. На примере цветолексемы-архаизма *облакотный* раскрываются эвентуальные причины выхода лексики цвета из активного употребления в истории русского языка: неясность этимологии и распад словообразовательного гнезда. Предложена и обоснована этимология цветолексемы *облакотный*, выдвинута гипотеза о существовании в русском языке цветолексем-омонимов.

Ключевые слова: цветолексема, облакотный, этимология, словообразовательно гнездо.

Эвентуальные причины выхода слов из активного употребления продолжают оставаться в центре внимания современной лексикологии. Лексика цвета русского языка, восходящая к индоевропейскому периоду и активно изучающаяся в течение длительного времени, является достаточно надёжным фактическим материалом для решения этой проблемы.

Можно предположить, что к причинам устаревания цветолексем относятся неясность этимологии и выход из активного употребления фрагмента словообразовательного гнезда (или всего словообразовательного гнезда). Рассмотрим с этих позиций цветообозначение *облакотный*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. читаем: "Облакотный, прил. Голубой (?) Тёлогрёя, камка луданъ, облакотной цвёт, на горностаях. ... Ср. блакитный" [СРЯ XI–XVII вв., 12: 66].

Рассмотрим этимологию слова *облакотный*. Сравнение со словом *блакитный*, предложенное словарём XI–XVII вв., позволяет выделять в цветолексеме приставку о- и корень блак-. "Блакитный, прил. Голубой. ... На седмом знамени земля жёлтая, кругомъ земли поля чертетая, на земли кругъ блакитной, въ кругу индрак блакитной, на кругу 4 репья, 2 звёзды розных цвётовъ ..." [СРЯ XI–XVII вв., 12: 66]. В. И. Даль приводит слово *блакитный* в словарной статье к *блаватка*: "Блаватка ж. (польс. или нём. blau) птрб. раст. Centaurea cyanus, василёк, синовница, синецвётка, лоскутница, волошки, черлохъ, растущее особ. во ржи. Блакитный, мал- и бёл-рус. голубой" [Даль, I: 90]. Автор рассматривает лексемы *блаватка* и *блакитный* как однокоренные и восходящие к индоевропейскому корню *bel̆: bōl̆, на что указывает родство с немецким blau и одинаковый исторический корень бла-. Отметим, что этот корень, выводимый у Даля из родственных слов, указывает на старославянское происхождение слова *блакитный*, а следовательно, и *облакотный*. Сказанное позволяет расширить словообразовательное гнездо примерами из родственных языков и разных источ-

ников русского языка: русск. диал. *белые глаза* «серые или голубые глаза» [СРНГ, 2: 233], польск. *białasy*, слвц. *belasý* «голубой» [Фасмер, I: 148], польск. *biały* «белый» [там же: 149], лит. *baltas, balas* «белый» [там же], слвц. *biely* «белый», «светлый», «седой» [ЭССЯ, 2: 79], англ. *blue* «синий, голубой» [Черных, I: 277], лат. *flavus* «огненного цвета, огненно-желтый» [там же: 65], англ. *black* «чёрный» [РАС: 700], др.-в.-нем. *blach* «чёрный» [Черных, I: 63], фр. *blanc* «белый» [там же], фр. *bleu* «синий» [Черных, I: 277]. В истории русского языка, как показывает фактический материал, родственные слова актуализировали семы "голубой, синий", "серый", "белый", "тёмный" (далее у слова *болкатый*). В современном русском языке актуализируется только сема "цвета снега, молока, мела" у слова *белый*.

Следами восточнославянского варианта исследуемой лексемы являются слова *болочно* "сёро, облачно, пасмурно" [Даль, I: 110] и *бологo* "благо", восходящее к *bolgъ. О. Н. Трубачёв в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера замечает: "Если бы можно было предположить для слав. *bolgъ знач. «прекрасный, лучезарный", то мы могли бы допустить родство с лат. fulgor, flagrō "горю, пылаю, накаляюсь", которое сопоставляется с др.-инд. bhargas "лучезарный блеск" и др." [Фасмер, I: 188].

В Словаре М. Фасмера фиксируется название растения, сохраняющее западнославянский фонетический вариант развития корня *b$\breve{e}$l: b$\breve{o}$l, – *блокитный*. Лексема входит в название растения *блокитные очки*. Так называется «вероника дубровка» «из-за голубых, напоминающих по форме глаза цветов» [Фасмер, I: 176]. В курских говорах русского языка сохраняется слово *блокитна*, обозначающее веронику-дубровку [СРНГ, 3: 27].

Обращает на себя внимание и цветолексема *болкатый*, которую можно квалифицировать как общеславянский вариант перечисленных слов со значением цвета. В Словаре русского языка XI–XVII вв. *болкатый* фиксируется в значении «темнокожий» в тексте Хожения Афанасия Никитина: «А всё нагы, да босы, да болкаты» [СРЯ XI–XVII вв., 1: 282]. Материалы говоров и исторических словарей аккумулируют все возможные фонетические варианты родственных цветолексем (что бывает очень редко), закономерно развитые в разных славянских диалектах в праславянский период их истории, что с большой долей вероятности позволяет выводить лексему *облакотный* от слов с корнем бла(к)-, восходящих к индоевропейскому *b$\breve{e}$l: b$\breve{o}$l.

Анализ цветолексем-когнатов *облакотный*, *блакитный*, *болкатый*, *болочно*, *блокитный* показывает, что их словообразовательное гнездо распалось и это, безусловно, способствовало выходу лексемы *облакотный* из активного употребления. Другой причиной устаревания перечисленных цветолексем является неясность этимологии, включающая и соотнесённость со старославянским словом *облако* (*обволаки-*

вать), для которого есть и русское *болоки* (ср. *болочно*). Образование от *облако* не объясняет цветовую семантику однокоренных слов в индоевропейских языках. Тем не менее в смоленских и курских говорах сохранились примеры, обнаруживающие непосредственную связь с облаком как предметом-эталоном цветонаименования. Смоленское *облакитовый* обозначает «светло-серый, напоминающий цвет облака. Облакитовое сукно, серое, облачного цвета» [СРНГ, 22: 83]. Курское *облакитный* называет «синевато-серый оттенок облака» [Силаков 2014: 89].

Итак, словообразовательное гнездо, развитое в истории русского языка и сохраняющее все звенья праславянских фонетических изменений, является достаточным основанием, чтобы утверждать а) все исследуемые цветолексемы восходят к индоевропейскому *bel̆: bol̆; б) слово *облакотный* – старославянское по происхождению. Не исключено также, что имело место и параллельное развитие омонимичного цветонаименования, производного от *облако*. Гипотеза может быть подтверждена или опровергнута в результате изучения семантики цвета у слов, восходящих к индоевропейскому *vel̆:vol̆ (если *облако* связывать с *волочить*). Заметим сразу, что в современном русском языке таких слов со значением цвета нет.

Все проанализированные цветолексемы (*облакотный*, *блакитный*, *облакитный*, *облакитовый*, *болкатый*, *болочно*, *блокитный*) устаревают, ни одна из них не вошла в современный русский язык. Эвентуальными причинами устаревания, как мы уже сказали, могли явиться распад словообразовательного гнезда и неясность этимологии, следствием которой стали «непрозрачность» признака номинации и невозможность соотнести слово с предметом-эталоном цветонаименования.

Библиографический список

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 2000. – Т. 1–4.

2. РАС – Русско-английский словарь: около 55 000 слов / под общ. рук. А. И. Смирницкого. – 16-е изд., испр. ; под ред. О. С. Ахмановой. – М. : Рус. яз., 1991. – 768 с.

3. Силаков, Е. С. Изучение цветовой символики славянского искусства как средство приобщения обучающихся к народной культуре / Е. С. Силаков // Славянские языки и культура. История и современность : материалы межд. науч.-практ. конф. 15–17 мая 2014 г. ; под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 88–91.

4. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. – Вып. 1–46.

5. СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1–30.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. I–IV.

7. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз.,1994. – Т. 1–2.

8. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праслав. лекс. фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1974. – Вып. 1–40.

Е. А. Лобанкина
(г. Пенза, Россия)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЕНТЕНЦИИ В АФОРИЗМАХ А. В. СУВОРОВА

Аннотация. Показана роль русских пословиц при создании афоризмов А. В. Суворовым. Рассматриваются приёмы трансформации фольклорных сентенций в изречениях генерала.

Ключевые слова: афоризм, пословица, языковая личность, конкретизация значений.

Афоризмы великого русского полководца Александра Васильевича Суворова прочно вошли в нашу жизнь, благодаря актуальности, искромётной меткости, живому языку [Абакумова 2014: 7]. Отличительной особенностью высказываний генералиссимуса являются близость к фольклору, лаконичность и смысловая насыщенность суждений. Это объясняется стремлением А. В. Суворова создать основательную практическую инструкцию по стратегии воинского дела, которая будет понятна не только офицерам, но и простым солдатам [Никитин 2004: 57]. Такой вошла в историю его книга «Наука побеждать», которая стала основным источником изучения афористики А. В. Суворова.

Использование фольклора полководцем при создании афоризмов вполне объяснимо и оправданно. В желании «говорить с солдатами одним языком» А. В. Суворов обращается в своих наветах к вековой народной мудрости, отражённой в многочисленных пословицах и поговорках.

Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, под пословицей следует понимать «краткое народное изречение с поучительным содержанием», под поговоркой – «образный оборот, который метко характеризует человека, его поступки, явления жизни» и является частью пословицы [Ожегов, Шведова 2006: 568, 530].

В работе «Лексика и фразеология «Науки побеждать» А. В. Суворова на фоне других учебных книг XVIII в. о военном деле (Н. Г. Курганов 1777 г.; Е. Д. Войтяховский 1796 г.)» М. В. Васильева отмечает, что в сугубо чистом виде пословицы в текстах «Науки побеждать» встречаются нечасто. Полководец предпочитает искусно

вплетать их в свои изречения, трансформируя, обогащая новыми языковыми элементами [Васильева 2017: 38].

В исследовании М. В. Васильева зафиксировала отражение вариативности следующих пословиц: *Всякое дело мастера боится*; *Ученье – свет, а неученье – тьма*, *Стыдно сказать, а грех промолчать!*; *Голова хвоста не ждёт*. Отмечен синоним пословицы *За битого двух небитых дают* в виде: *За учёного трех неучёных дают*.

Настоящая работа отражает намеренное желание А. В. Суворова внести яркий, самобытный акцент в свои высказывания, а возможно, и навеки «вписать» их в культурную летопись искренне любимой им России.

Отметим, что ранее нами были выделены тематические группы высказываний полководца: «Нравственные ценности и нравственные пороки человека», «Воинская тактика», «Воспитание военнослужащих», «Отношение к России и русским», «Автоафоризмы» [Лобанкина 2017: 75]. И в каждой из этих групп встречаются афоризмы, имеющие в своей основе русские пословицы. Рассмотрим несколько примеров. Известно, что одной из главных человеческих ценностей А. В. Суворов считал ***время***: *Время драгоценнее всего, Выше денег время страшно, Деньги дороги, жизнь человеческая ещё дороже, а время дороже всего* [Суворов 1980: 8].Полководец, одним из секретов успешных атак и сражений которого являлись натиск и быстрота, ценит время дороже человеческой жизни. Высказывания полководца восходят к известным пословицам. Так, в одном из самых ранних источников – «Собрание 4291 древних российских пословиц» по редакцией А. А. Барсова (1770 г.) – можно найти следующее высказывание: *ВременемЪ фортуна обогатитЪ, а другимЪ и вовсе погубишЪ. Времени не поворотишь…*[Собрание 4291 древних российских пословиц 1770: 30].

В сборнике М. И. Михельсона «Ходячие и меткие слова» (1896 г.): *Время – деньги (ср. золотое время), Всё хорошо в своё время* [Михельсон 1896: 43].

В Большом словаре русских пословиц В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой читаем: *Время дороже золота – Рыбн. 1961, 141; Спир. 1985, 101; Ан. 1988, 51. Время дороже денег – Раз. 1958, 207. Время – деньги – Мих.1 – 126-127, Раз. 1957, 208; Жук – 1966, 90, БМШ – 2000, 95-96* [Мокиенко 2010:163].

В сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля находим: *Время деньгу даёт*; *Пора да время дороже золота* [Даль 2000: 260].

Важно отметить, что полководец не просто копирует народные пословицы, он запечатлевает в своих изречениях суть вековой мудрости, близкой, «исторически» родной сознанию и ментальности русского человека. Фольклорные сентенции обретают в афоризмах новое зву-

чание, конкретизуются, освобождаются от архаичных форм. Что интересно, А. В. Суворову удаётся создать такие конструкции, в которых народная мудрость усиливается, становится подчёркнутой. Так, полководец не ограничивается обозначением важности времени в русском фольклоре, он намеренно фиксирует в своём высказывании титульность этой ценности, закрепляя мысль о том, что время следует ценить дороже человеческой жизни.

Интересно фольклорное происхождение афоризма А. В. Суворова, посвящённого воспитанию военнослужащих: ***Служба и дружба – две параллельные линии – не сходятся***.

В сборнике В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» находим: *Дружба дружбой, а служба службой*; *По службе нет и дружбы*; *Службу служить – другу не дружить*; *Дружба не служба, а кому дружить, на того служить*; *Живёт – не тужит, никому не служит*; *На службе нет родни. Во фронте нет родни* [Даль 2000: 132-133].

В Большом словаре русских пословиц В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой зафиксированы следующие высказывания: *Служба – тужба*; *Хороша служба за друга, да друг-от каков?* ДП 1 , 102; Д 1 , 145 [Мокиенко 2010: 830].

В интерпретации А. В. Суворова сфера уставных межличностных отношений сродни математической формуле, «выведена за скобки» обычных человеческих взаимоотношений, выражена сравнением – «две параллельные линии», наделена дополнительной категоричностью. Заимствованные слова, неологизмы, специальная лексика гармонично дополняют друг друга в афоризмах А.В. Суворова, превращаясь в хлёсткие крылатые выражения. Что интересно, прилагательное *параллельные* на момент рождения высказывания полководца было довольно «новым» в русском языке, образовано от*параллель.* В словаре М. Фасмера находим: «**параллель** ж., впервые у Петра I; см. Смирнов 2018. Через франц. Paralléle или нем. Parallelж. из лат. parallelus от греч. παράλληλος «идущий вдоль другого», далее из παρά «возле, рядом» +ἀλλήλων «взаимно, друг друга» (из ἄλλος «другой, иной»); см. Шульц-Баслер 2, 333; Клюге-Гетце 432 и сл.» [Фасмер 2009: 204].

Безусловно, в интерпретации А. В. Суворова русская пословица не только не потеряла изначального смысла – народная мудрость, напротив, была подкреплена научным аргументом. Что интересно, в некоторых случаях полководец предпочитает трансформировать высказывание из образного, снабженного прецедентностью и отсылкой к исконно русским символам в более конкретное понятие. В этом плане интересен афоризм полководца ***Два хозяина в одном дому быть не могут***.

В сборнике М. И. Михельсона находим: (<…> Двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ нелѣзутъ (о неуступчивыхъ) <…>

Ср. Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:

Отстань отъ насъ!

Ты видишь: двѣ волчихи

Не водятся въ одномъ оврагѣ...

А. С. Пушкинъ. Русалка. 1. Дочь.

Ср. Головы двухъ барановъ неумѣстятся въ одномъ котлѣ. Крымскій Ханъ Менгли-Гирей В.К.Іоанну Васильевичу [Михельсон 1896-1912:55].

В сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля читаем: *Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся)* [Даль 1989:74]; *Два Демида, а оба не видят*; *Два кота в одном мешке не улежатся*; *В узкий проём не лезут вдвоём.*

В приведённых пословицах закреплена мысль о естественном соперничестве двух людей, связанных единой целью. Однако у А. В. Суворова высказывание обретает более конкретный смысл. Полководец подчеркивает, что именно *два хозяина* не могут вместе быть в *одном дому*. Используется приём лексической замены. Подразумевается, что управленческая миссия должна быть возложена исключительно на конкретное лицо, во избежание возникновения двусмысленных, непродуктивных ситуаций, разного рода проволочек. Чёткость действий для полководца была важна не только на поле боя, но и в быту. Таким образом, автор конкретизирует понятие.

В тематической группе «Воспитание военнослужащих» особый интерес представляет афоризм А.В. Суворова ***«Солдат – не разбойник».***Полководец, вошедший в историю как настоящий «отец» русской армии, отличался искренней заботой о солдатах, уделял пристальное внимание материальному обеспечению войска, дисциплине уставных отношений между офицерами и младшим составом. ***«Кто не бережёт людей – офицеру арест»,*** – считает А. В. Суворов.

Интересно, что в ранних справочниках среди пословиц, посвящённых солдатам и солдатскому быту, зафиксировано немало изречений, отражающих отрицательные стороны воинского быта, в том числе мародерство и воровство. Так, «Собрание 4291 древних российских пословиц» читаем: СолдатЪ что багорЪ, что зацепилЪ, то и потащилЪ [Собрание 4291 древних российских пословиц 1770: 260].

В словаре В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой-помещены следующие изречения: *Солдат – бесстыжие глаза* – ДП 2, 179; Тан – 186, 141. *Солдат не крадет, а под полою, случится, унесёт* – Д 3, 249; *Солдат не украл, а просто взял (а так взял)* ДП 2, 179; Д4, 265; *Солдат как волк: где попало, там и рвет* ДП 2, 178; Д 4, 265; Ил 1915, 284; *Солдат – добрый человек, да плащ его хапун* ДП 2, 179; Д 3, 122 [Мокиенко 2010: 850].

В знаменитой «Науке побеждать» А. В. Суворова, в разделе «Словесное поучение солдатам», находим известный афоризм в полной

версии: *Обывателя не обижай: он нас поит и кормит. Солдат – не разбойник*. Современному читателю более привычна и известна последняя часть высказывания. Лаконичным утверждением с отрицательной частицей *не*, построенным на контрасте по отношению к многочисленным пословицам о солдатском воровстве, А. В. Суворов перечёркивает тянущийся столетиями за служилым людом шлейф склонности к противоправным поступкам.

Яркое отражение фольклорных сентенций в заветах великого генералиссимуса подтверждает тот факт, насколько остро и глубоко полководец чувствовал душу русского человека, ценил по-настоящему живой и щедрый русский язык, знал цену словам. Среди наиболее распространённых приёмов, которые автор использует при трансформации пословичных текстов, выделим лексические и грамматические замены. В тематической группе «Воинская тактика» читаем: *Стоянием города не берут***.**В то же время в словаре В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой находим: *Лежаньем города не возьмешь* – С.-рус. – Рыбн. 1961, 48; Ан. 1988, 160 [6; С. 475]; *Мешканьем города не возьмёшь* – Ан. 1988, 178 [Мокиенко 2010: 533].Ср.: *Стояньем гОрода не возьмешь* [Даль 2000:143].

У Суворова *стояние* заменяет устаревшие слова мешканье/стоянье/лежанье, глагол *не берут* (в 3 л., мн. ч.) заменяет *не возьмешь* (во 2 л., ед. ч.), *города* (в вин. пад., мн. ч.) приходят на смену *гОрода (в род. пад., ед. ч.).* Афоризм полководца, отразивший народную мудрость о вреде промедления в серьёзных делах, обрёл экспрессивную смысловую акцентуацию, новую форму. Замены А. В. Суворова неслучайны, в них запечатлено переосмысление великим воином завета предков, его субъективное восприятие народной мудрости.

В тематической группе о жизни и нравственных ценностях находим изречение: *Недорубленный лес опять вырастает*. В словаре В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой зафиксировано: *Недорубленный лес опять подрастает* – ДП 1, 167; ДП 2, 2010; Соб. 1956, 36; Ан. 1988, 232. *Недорубленный лес скоро вырастает* – ДП 2, 10; Д 1, 474 [Мокиенко 2010: 479].

Выражение, посвящённое тщетности незавершённых, небрежно выполненных дел, у А. В. Суворова имеет смысловое ударение на наречии *опять*, тем самым подчеркивая неизбежное многократное повторение действия, не принесшее результата при отсутствии должных усилий. При этом генерал выделяет именно *неизбежность повторения* действия, а не *скорое* возвращение исходной ситуации. Интересно и смысловое различие глаголов *вырастает* и *подрастает.* Если первый ассоциируется с чем-то полностью восстановившимся целым, в данном случае – *выросшим лесом;* то глагол *подрастает* указывает на действие, находящееся в динамике. Таким образом, мы видим замены,

обусловленные стремлением подчеркнуть конкретность высказывания.

Таким образом, анализ материала показал, что многие русские пословицы лежат в основе афоризмов А.В. Суворова, именно в его интерпретации они стали понятными современному читателю. Основными приёмами трансформации русских пословиц являются лексическая и грамматическая замена.

Библиографический список

1. Абакумова, О. Б. Прагматические функции пословиц в тексте/дискурсе (на материале имитации бытового диалога в художественном фильме и художественном тексте) / О. Б. Абакумова // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород Великий : НовГУ, 2014. – № 77.

2. Васильева, М. В. Лексика и фразеология «Науки побеждать» А. В. Суворова на фоне других учебных книг XVIII в. о военном деле (Н. Г. Курганов 1777 г.; Е. Д. Войтяховский 1796 г.) / М. В. Васильева. – Санкт-Петербургский гос. ун-т. – 2017. – 101 с. – URL: https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/8157/1/DIPLOM.docx (дата обращения: 01.09.2018).

3. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 607 с.

4. Лобанкина, Е. А. Тематическое разнообразие афоризмов А. В. Суворова / Е. А. Лобанкина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 26–28 октября 2017 г. / под ред. Г. И. Канакиной, И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017. – С. 73–78.

5. Михельсон, М. И. Ходячие и меткие слова : сб. рус. и иностр. цитат, пословиц, поговорок, послович. выражений и отд. слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. – СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1896. – 598 с.

6. Мокиенко, В. М.. Большой словарь русских пословиц : около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; Междунар. ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское об-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024.

7. Суворов, А. В. Наука побеждать / А. В. Суворов. – М. : Воениздат, 1980.

8. Никитин, О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): лингвистические очерки : монография / О. В. Никитин. – 3-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2017. – 266 с.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : А ТЕМП, 2006.

10. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Ходячие и меткие слова : сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. – СПб. : Тип. Ак. наук. М. И. Михельсон, 1896–1912.

11. Собрание 4291 древних российских пословиц / под ред. А. А. Барсова. – М. : Печатаны при Императорском Московском Университете, 1770. – 329 с.

12. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3: Муза-Сят :ок. 5500 слов / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – 830 с.

А. С. Сидорова
(г. Пенза, Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РУССКИХ ЧАСТУШКАХ

Аннотация. Живая связь частушек с историей, культурой и традициями народа наиболее четко прослеживается в употреблении в них имён собственных. Рассматривается функционирование личных имён в составе частушек как жанра устного народного творчества.

Ключевые слова: имена собственные, частушки, фольклор, формы имени.

Частушка – единственный жанр русского фольклора, собирание и исследование которого ведется практически с момента его зарождения. В конце XIX – начале XX в., когда частушки получают повсеместное распространение, они публикуются в периодической печати и в книгах. Первый специальный сборник частушек «Песни деревенской молодежи» составлен известным собирателем-фольклористом Д. К. Зелениным в 1903 г. Сборник начала XX в. «Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского уезда» был опубликован искусствоведом П. А. Флоренским. Затем одно за другим выходят собрания Н. И. Симакова, В. В. Князева, Е. Н. Елеонской. В советское время частушки печатают в газетах, журналах, сборниках фольклора наряду с другими жанрами устного народного творчества.

Частушка относится к лирическому роду поэзии, выражает определённые отношения, передаёт различные мысли, чувства и настроения прямо, непосредственно, ярко. «Частушки – песни для себя и про себя, о моём, нашем отношении к другому человеку, другим людям» [Частушки 1990: 18].

Частушка импровизационна, экспромптна, рассчитана на диалог с тем, кто её слушает или читает. Её художественная форма отличается ярким жанровым своеобразием. В ней своеобразно сочетаются традиции и нововведения.

Язык частушки позволял высказать самое заветное, передать мысли и чувства друзьям и подругам, родным и близким, напомнить любимому или любимой о своих желаниях и возможностях, назначить встречу, свидание, признаться в любви, рассказать о своих переживаниях по случаю измены «ягодиночки» (дроли, ухажёра, залётки).

Важной особенностью содержания частушек является необычная широта их тематики, эмоциональное разнообразие. Образно-тематический диапазон частушек поистине безграничен. В них находят яркое выражение и острая публицистическая мысль, и интимное любовное чувство, и едкая убийственная сатира, и мягкий дружеский юмор.

В книге «Частушки», материалы которой составляют нашу выборку, представлены записи разных областей: Архангельской, Белгородской, Владимирской, Вологодской, Воронежской, Казанской, Кировской, Костромской, Ленинградской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Псковской, Саратовской, Ярославской и т.д.

В частушке часто употребляются антропонимы как часть национально-культурного концепта. Если в лирических песнях личные имена встречаются редко, то в частушках они используются очень широко. В нашей выборке из 4820 частушек 261 содержит личные имена, таким образом, число антропонимов составляет ≈5,4 %. При этом наиболее употребительными оказываются мужские имена, встречающиеся в 189 частушках из всего списка, а женские имена представлены только в 48. Вероятно, это связано с тем, что частушки чаще использовались девушками и, естественно, создавались с ориентацией на девичье исполнение, обращённое к юношам.

Впрочем, 17 частушек содержат и мужские, и женские имена, например, *«Кабы в эту воду мёду, / Вода сладкая была б. / Кабы Олечке да Васю, / Пара славная была б».*

Многие учёные уверены в том, что «в абсолютно антропоцентрическом художественном тексте личные имена собственные создают особое тематическое поле и выполняют дополнительные смысловые функции» [Исаева, Катермина 1999: 213–214]. В народных частушках личные имена используются, как правило, в различных формах. Будучи эмоционально-экспрессивными, разговорные формы личных имён своей эмоциональностью, своей экспрессией окрашивают всю речевую структуру частушки, придавая ей оттенок интимности. Социально значим и сам характер используемых в частушках личных имён.

Среди мужских имён самыми распространёнными оказываются: *Николай* (61 частушка), *Иван* (50 частушек), *Василий* (23 частушки), *Алексей* (18 частушек), *Александр* (17 частушек), *Михаил* (15 частушек).

Имя Николай имеет наибольшее число форм – 12. Самые частотные: Коля (41 частушка), Коленька (13 частушек). Остальные формы употребляются гораздо реже: Колька, Колюшенька, Колюшка, Микола, Миколушка, Никола, Николай, Николаша, Николенька, Николка. Например, *«Раньше я любила Колю, / Называла Николай. / А теперь, така зараза!- / На глаза не попадай».*

Имя Иван употребляется чаще всего в формах Ваня (в 26 частушках), Ванюша (в 6 частушках), Ванюшка (в 5 частушках), Иван (в 5 частушках), Ванечка (в 5 частушках). Например, *«Чёрно платьице кроила, / Окоротила перёд. / Раньше был залётка Ваня, / Теперь Ваня, да не тот!».* Менее употребительные формы: Ванюха, Ванька, Иванушка, Иванушко. В большинстве случаев, как и формы имени Николай, употребляются в положительно окрашенных контекстах.

Имя Василий встречается преимущественно в разговорных формах Вася (в 11 частушках), Васенька (в 6 частушках) и нейтральной Василий (в 5 частушках). Например, *«Ты играй-ка, милый Вася, / Я к тебе подвинуся. / Будет сердце разрываться - / Прямо в речку кинуся».* Васька, Василий, Васёк – менее частотные формы. Частушки с этим именем в большинстве случаев имеют яркую положительную экспрессивно-оценочную окраску.

Имя Алексей встречается в 6 формах, наиболее употребительные из них: Алёшенька (в 9 частушках) и Алёша (в 7 частушках). Причём большинство частушек носят положительный эмоционально-экспрессивный характер, например, *«Миленький, хорошенький, / Тебя зовут Алёшенькой. / Купи-кося гостинчиков / Да пару апельсинчиков».* Формы Алексей, Алёшка, Олеша, Олешка в частушках пользуются меньшей популярностью.

Следующим по употреблению является имя Александр, встретившееся в 10 разных формах, наиболее частотные из которых – Шурочка, Сашенька, Шура. На каждую из этих трёх форм приходится по 3 частушки. Например, *«Ты не сватай, Сашенька, / Не отдаст мамашенька / Экую молоденьку, / Чёрную смородинку».* Формы Санька, Сашка, Санечка, Шурка, Санушка, Санушко, Саша используются реже. Стоит отметить, что частушки с этим именем часто носят отрицательную экспрессивно-оценочную окраску.

Имя Михаил завершает подборку наиболее употребительных мужских имён. Всего встречается в 4 формах, преимущественно в разговорных: Миша, Мишенька, а Мишка и Михаил менее частотные. Например, *«Не ругай меня, мамаша, / Что люблю я Мишеньку. / На меня тоска напала, / Как роса на вишенку».*

Перечислим остальные мужские имена, встретившиеся в нашей выборке: *Григорий, Фёдор, Владимир, Семён, Пётр, Павел, Степан, Ярослав, Сергей.* Имена *Леонид, Анисим, Борис, Агафон, Вильгельм, Кузьма, Сидор, Митрофан, Виктор* употребляются только в 1 частушке. Например, *«Гриша. Гриша спит на крыше. / Пойду Гришу разбужу. / Горя много накопилось, / Пойду Грише расскажу»; «Володенька молоденькой, / Не пей воды холодненькой, – / Вода холодненька, Володенька, / Умрешь молоденькой!»; «По дорожке узенькой / Шла я с парнем Кузенькой. / Ничего, что узенька, / Хороший парень Кузенька».*

Среди женских имён, встретившихся в нашей выборке, наиболее популярны имена Мария (14 частушек), Анна (в 12 частушках), Анастасия (в 6 частушках), Александра (в 6 частушках). Напомним, что процент женских имён от всех встретившихся в нашей выборке оставляет ≈18,3 %. Стоит отметить, что частушки с женскими именами гораздо реже имеют положительную, поэтическую эмоциональную окраску, чем частушки с мужскими именами.

Имя Мария употребляется чаще всего в формах Маша (в 5 частушках), Маня (в 3 частушках). Также встречаются Маруся, Манюшка, Машка, Мария, например, *«У меня милашка Машка / Рукодельницей была: / В решето коров доила, / Из кармана чай пила».*

Имя Анна встречается в 8 формах. Наиболее употребительные из них: Аня, Анюта, Анютка, Аннушка, Анюточка, Нюшка, например, *«Как у нашей Нюшки / Чистота в избушке: / Тараканы по стенам, / По полу лягушки!».* Формы Нюшенька, Нюра – менее частотны.

Практически самое популярное современное имя – Анастасия – встречается в 7 формах: Асенька, Ася, Настасья, Настька, Настюха, Настя, Тося. Все они встречаются по 1 разу. Например, *«Я Настасью провожал, / Только раз поцеловал. / Мне пришлось помаяться – / Краска не смывается».*

Имя Александра употребляется в 4 формах, из которых чаще всего (в 3 частушках) встречается форма Шура. Шурочка, Санюшка, Сашенька – редко встречающиеся формы в русских частушках, например, *«Шура, аленький цветочек, / Шура, ягодка моя / Не с росой ли ты спустилась, / Не во сне ли вижу я?».*

Перечислим остальные женские имена, встретившиеся в нашей выборке: *Агриппина/ Аграфена, Акулина, Анисья, Валентина, Варвара, Вера, Галина, Евдокия/ Авдотья, Екатерина, Елизавета, Есения, Ефросинья, Зинаида, Клавдия, Лидия, Любовь, Ольга, Прасковья, Софья, Степанида, Тамара, Татьяна.* Например, *«Наша Зиночка с корзиночкой / Ходила по грибы. / Она сбилася с дороженьки, / Попала не туды»; «Галя – имечко хороше, / Галя – этак, / Галя – так. / Познакомиться хотел я – / Подойти не знаю как»; «У меня милашка Клашка, / Клашка – вдовушкина дочь. / Провожала меня Клашка/ До крылечка кажду ночь».*

В частушках иногда встречаются сразу несколько форм одного имени. В нашей выборке таковых частушек встретилось 30, например, *«Нету Коленьки-Николеньки, / Нету Колиных речей. / Охти-ахти, не мог прийти, / Не мог товарища найти».*

Особо выделяются 4 частушки, содержащие как имя, так и фамилию человека, например, *«Ты подуй-ка, мать-погода, / Со поля пшеницына, / Принеси-ко, мать-погода, / Коленьку Кослицына».*

Среди частушек, собранных в Пензе и Пензенской области и отражённых в выборке, лишь в 8 встречаются личные имена: Коля, Мишенька, Анюта, Катя, например, *«Кабы знала, не срывала / Несозревшу вишенку. / Кабы знала, не любила, / Не спознавши Мишеньку».* В пяти из них повторяется имя Николай в одной и той же форме Коля, например, *«Отпустили пташку в поле, / А теперь хотят поймать. / Дали волю любить Колю, / А теперь хотят унять».*

Более 50 лет назад исследования имён жителей г. Пензы провёл известный советский лингвист и ономаст В. А. Никонов. В 1961 г. самыми частыми именами пензенцев были: у мальчиков – Сергей, Алек-

сандр, Владимир, Юрий, Михаил, у девочек – Ольга, Ирина, Татьяна, Наталья, Елена (имена приведены в порядке убывания по частотности называния). За полвека изменения произошли разительные – пятёрка лидеров не имеет ничего общего. В 1961 г. наиболее популярные сейчас имена Анастасия, Артём, Егор, Илья, Кирилл, Никита, Полина были настолько редки, что их исследователь включал наряду с другими редкими именами в группу прочие [Никонов 1974: 72–75].

За шесть месяцев текущего 2018 года популярными именами на Пензенской земле стали: Александр, Анастасия, Артём, Виктория, Егор, Иван, Полина и София. Редкими именами сейчас являются: Татьяна, Филипп, Эдуард, Ян. Как можно увидеть, ранжированный список популярных имён в частушках и популярных имён для называния детей в Пензенской области не совпадает, за исключением имён Александр, Анастасия, Иван [Управление ЗАГС Пензенской области (Электронный ресурс)]. Возможно, это связано с тем, что частушки создавались, в основном, в деревне.

Таким образом, личные имена составляют достаточно заметную группу слов, употребляемых в частушках (≈5,4 % от общего количества). При этом употребляются личные имена чаще всего не в исходных, нейтральных формах *Николай, Иван, Василий* и т.д., а в разговорных формах с ласкательным экспрессивным оттенком (*Коля, Коленька, Вася, Васенька, Ваня, Ванюша)*, реже – с грубовато-фамильярным (*Колька, Гришка, Васька, Ванька, Манька, Нюшка, Дунька)*, так как всё-таки молодые люди чаще поют о своих любимых. Все эти именные формы с ласкательными и грубовато-фамильярными экспрессивными оттенками служат выразительным средством в формировании частушки, её речевой экспрессии в целом. В силу своей характерности для русского села, деревни все эти имена несут в то же время и обобщённую социально-этническую смысловую нагрузку, ярко характеризуют народно-песенный, частушечный социум.

Библиографический список

1. Исаева, Л. А. Языковая личность А. С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей / Л. А. Исаева, В. В. Катермина // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век). – Краснодар, 1999.

2. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А.. Никонов – М. : Наука, 1974. – 278 с.

3. Управление ЗАГС Пензенской области. – URL: http://zags.pnzreg.ru/news/1117/

4. Частушки. – М. : Сов. Россия, 1990. – Библиотека русского фольклора. – Т. 9.

И. П.Удалов
(г. Пенза, Россия)

ФОРМЫ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕМОНИЧЕСКИХ СИЛАХ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Аннотация. Проанализированы инфернальные образы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и их связь с фольклорной традицией. Рассматривается фольклорное происхождение демонических персонажей, их характерные черты, источником которых стало устное народное творчество. Говорится о том, как представлен в романе «Мастер и Маргарита» булгаковский фольклоризм.

Ключевые слова: М. А. Булгаков, инфернальные образы, Воланд, фольклор.

Мировоззрение Булгакова наиболее полно воплотилось в его «последнем закатном романе», как назвал сам автор роман «Мастер и Маргарита». Исследователи В. В. Агеносов, И. З. Белобровцева, М. Л. Гаспаров выделяют особую жанровую разновидность романа «Мастер и Маргарита» – роман-миф. В этом произведении автор создаёт инфернальные образы Сатаны и его свиты. При генезисе демонических образов писатель пользуется русскими народными приданиями, сказочным материалом, в которых идёт речь о «нечистой силе». В народных поверьях существовало несколько персонификаций духа зла, которым были присущи разные функции. Их описание можно встретить в книге «Абевега русских суеверий…»: «чорт, дьявол, бес, сатана – сим вымышленным особам простолюдины определяют разные степени достоинства и уверяют, что чорт – смущает, бес – подстрекает, дьявол-иудит, а сатана знамением творит для колебания крепко в вере пребывающих» [«Абевега…» 1786: 317]. В романе М. А. Булгакова представлена иерархическая система в ведомстве Князя Тьмы, которую можно выстроить следующим образом: Воланд – Сатана, Азазелло – дьявол, Коровьев – черт, Бегемот – бес, Гелла – ведьма. Руководит всеми представителями «нечистой силы» сам Воланд. Он – носитель судьбы, это связано с давней традицией в русской литературе, связывавшей судьбу, рок, фатум не с богом, а именно с дьяволом. Наиболее ярко это проявилось у М. Ю. Лермонтова в повести «Фаталист». У М. А. Булгакова Воланд олицетворяет судьбу, карающую Берлиоза, Сокова и других, преступающих нормы христианской морали. Это первый дьявол в мировой литературе, наказывающий за несоблюдение заповедей Христа.

В народных поверьях образу дьявола присваиваются следующие характеристики. Исследователь С. Максимов указывает на распространенное в народе мнение о хромоте черта, объясняя это «сокрушитель-

ным падением всего сонма с неба» [Максимов 1991: 153]. У Булгакова Воланд «прихрамывает» [Булгаков 1987: 633] и жалуется на боль в колене, хотя и объясняет Маргарите причину своей хромоты знакомством с одной ведьмой» [Булгаков 1987: 620]. Таким образом Булгаков «очеловечивает» дьявола. Отмечена и особенность голоса Сатаны, он «сиплый, очень громкий, с примесью устрашающих и зловещих тонов» [Максимов 1991: 157]. Голос Воланда поражает Маргариту, он «был так низок, что на некоторых слогах давал оттяжку в хрип» [Булгаков 1987: 616]. Как отголосок известного народного поверья можно воспринимать и подкову, которую Князь Тьмы дарит Маргарите. Таким образом, в образе иностранного консультанта, мы видим детали, помогающие постичь инфернальную природу этого персонажа. Сохранен М. А. Булгаковым и мотив «левой», дьявольской стороны. Согласно народной традиции, искуситель находится у человека с левого бока. Этим можно объяснить боль в левом виске у Мастера и Маргариты после общения с Воландом.

Происхождение слуг Воланда также отчасти определяется русскими народными верованиями. Так, на страницах романа появляется «черный, как сажа или грач» кот, оказывающийся слугой Сатаны. По народным поверьям, нечистая сила чаще всего принимает облик чёрной кошки.

К русским народным преданиям о ведьмах и колдовстве, восходит, несомненно, полет Маргариты на щетке. В данном случае мы имеем дело и со значимыми литературными реминисценциями. Мы имеем в виду мотивы творчества Н. В. Гоголя, которые проявляются на протяжении всего романа в виде многочисленных отсылок к различным произведениям писателя. Это следующие «фольклорные» мотивы: хоровод русалок («Майская ночь»), полет на метле («Ночь перед Рождеством»), чудесное избавление от нечистой силы благодаря крику петуха («Вий») [из книги со статьями]. Таким образом, заметим, что большую роль в использовании писателем мифологических мотивов сыграл не только фольклор, но и литературная традиция.

Кроме того, фольклорным, сказочным является быстрое, почти мгновенное перемещение в пространстве в романе, чудесные превращения бесов. Мотив полета был очень значимым и многоплановым для М. А. Булгакова. Как указывают И. З. Белобровцева и С. К. Кульюс, «мотив высоты обыгрывается, начиная с первых вариантов романа до окончательного текста» [Белобровцева, Кульюс 2007: 65]. Образы «горизонтальных» полетов сменяются «вертикальным», «последним полетом», соответствующим в мистической концепции романа образу «духовной лестницы». В финале романа используется образ летящих вороных коней, который также имеет мифологическое значение. В древности мотив езды на коне трактовался как переход в иное цар-

ство. Так, в рамках текста создается авторский миф об инобытии, о возможности освобождения как пересечении границ земного и обретении посмертного существования.

Таким образом, мы видим, что, создавая демонических персонажей, Булгаков использовал формы русских народных суеверий и представлений о нечистой силе. Поэтому в романе «Мастер и Маргарита» нам встречаются хромающий дьявол с хриплым, низким голосом, ведьма, чёрный кот. Булгаков создал иерархию демонов, основываясь на народных представлениях, сохранил мотив «левой» стороны, где по приданию находится искуситель. При создании демонологической линии был использован и сказочный материал: мотивы жизни и смерти, живой и мертвой воды. Булгаковский фольклоризм предстает в романе и как прямое заимствование мотивов, образов, и как тонкая стилизация [Малкова 2011: 218–223]. В одном случае перед нами продолжение традиций, в другом – преодоление. В романе Дьявол выполняет нетрадиционную для него роль: посылая сиракузское вино, он исцеляет героев от душевных страданий. В этом выразилось свойственное Булгакову ощущение цельности мира, неразрывности света и тьмы, добра и зла. Мы можем сказать, что в демонологической линии романа «Мастер и Маргарита» силою гения М. Булгакова преломились традиции народных верований и русская фольклорная стихия с ее сказочностью и реальностью, комизмом и трагизмом.

Библиографический список

1. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, колдовства, шаманств и пр. – М., 1786.

2. Максимов, С. В. Крёстная сила. Нечистая сила. Неведомая сила / С. В. Максимов. – Кемерово, 1991.

3. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита : романы // М. А. Булгаков. – М. : Современник, 1987. – С. 383–748.

4. Белобровцева, И. З. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий / И. З. Белобровцева, С. К. Кульюс. – М., 2007.

5. Малкова, Т. Ю. Мифопоэтическая основа демонических образов и мотивов в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Т. Ю. Малкова // Молодой ученый. – 2011. – Т. 1, № 2. – С. 218–223.

Я. В. Устян
(г. Пенза, Россия)

ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ МИФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Рассматривается исследование наименований славянских богов высшего уровня с точки зрения современного русского языка. Представленный

анализ генетической связи между именами славянских персоналий и лексическими единицами русского языка позволит в дальнейшем расширить этимологическую базу, а также более подробно изучить и описать особенности функционирования славянских наименований в произведениях устного народного творчества и литературы.

Ключевые слова: славянская мифология, ономастическое пространство, персоналии славянской мифологии, однокоренные слова.

Славянская мифология, мифология древних славян – это совокупность мифологических представлений славян (праславян) времени их единства (до конца 1-го тыс. н. э.) [Бычков 2001: 26]. Исследованию персоналий в славянской мифологии посвящены работы Ю. В. Андреева («Поэзия мифа и проза истории»), Бычкова А. А. («Энциклопедия языческих богов»), Т. А. Волошиной («Языческая мифология славян»), В. Замаровского («Боги и герои античных сказаний»), Б. А. Рыбакова («Язычество Древней Руси»).

Славянская мифология характерна тем, что она – всеобъемлюща и представляет собою не отдельную область народного представления о мире и мироздании (как фантазия или религия), а находит воплощение даже в быту – будь то обряды, ритуалы, культы или земледельческий календарь, сохранившаяся демонология (от домовых, ведьм и леших до банников и русалок) или забытое отождествление (например, языческого Перуна с христианским святым Ильей). Поэтому, практически уничтоженная на уровне текстов до XI века, она продолжает жить в образах, символике, ритуалах и в самом языке.

Учёные различают в славянской мифологии несколько уровней. Высший уровень характеризуется обобщённым типом функций богов. К нему относятся такие праславянские бога, как Перун и Велес, Сварог, Даждьбог, Ярило, Хорс, Стрибог, Лада, Леля.

Обратимся к ономастическому пространству славянской мифологии с целью сопоставить наименования персоналий в славянской мифологии с языковыми фактами, известными современному русскому языку.

Перун – бог-громовежец. Считается, что имя Перун происходит от глагола *perti, *pьrǫ «ударять, бить» (ср. рус. переть, болг. пера, перем «бью, колочу») и суффикса деятеля -unъ (ср. бегун, прыгун и так далее). По нашей версии, от слова Перун могли произойти слова перо, перья и все производные от них.

Имя Велеса восходит к древнейшему корню «вел» со значением «мёртвый». Но поскольку с миром мертвых связывались представления о магической силе, обладатель которой подчиняет себе людей, то этот же корень означает могущество и встречается в словах «власть», «велеть», «владеть», «великий». По мнению многих исследователей, имя

этого бога происходит от слова «волохатый» – мохнатый, что ясно указывает на связь божества со скотом, покровительством которого он являлся. (Также, возможно, что слово «волхв» происходит от имени этого бога и от обычая его жрецов одеваться в вывороченные мехом наружу «волохатые» шубы для подражания своему божеству). Нисхождение в иной мир приносит герою всеведение, особую мудрость, нередко связанную с поэтическими особенностями, поэтому Велес – одновременно бог мудрости и поэзии (вещий певец Боян в «Слове о полку Игореве» назван внуком «внуком Велеса»). Велес есть «воля», связующая самые противоречивые тенденции – к созиданию и к разрушению. Он бог волшебства, мудрости и искусства, покровитель ремесел и повелитель мертвых. Велес – бог ведающий и ведущий для всех, кто следует путями магии. Слово «волосы» предположительно является также родственным имени бога Велес.

Сварог связан с небесным огнем и небесной сферой. Имя бога происходит от ведического «svargas» – небо; также в этом слове представлен и корень **«var»** – горение, жар. В связи с этим можно предположить, что от имени этого славянского божества произошли слова с корнем -вар-: ***варить, утварь, варежки, варёный, отвар, повар, заварка, варенье и т.п.***

Чернобог (Кощей) связан со смертью и миром мертвых. Кощей как раз и управляет этим миром и не случайно царство Пекельное именуют еще и Кощным. В православии заменен злым святым Касьяном, чей день отмечался 29 февраля: «Касьян на что ни взглянет – все вянет. Касьян на скот взглянет, скот валится; на дерево – дерево сохнет», «Касьян на народ – народу тяжело; Касьян на траву – трава сохнет; Касьян на скот – скот дохнет», «Касьян все косой косит». Обращает на себя внимание родство слов ***кочерга, кощей*** и ***кошмар***. Кощ – случай, жребий (ср. Макощ). ***Кощь*** (жребий) – ***Кощей Бессмерный – кощеевой*** (управитель казаков) – ***кочерга*** (палка, символ управления костями мертвецов). Предполагалось, что Чернобог кочергами ворошит угли в пекле, чтобы из этой мертвой материи народилась новая жизнь.

Имя бога Даждьбог означает «дающий Бог», «податель всех благ» и никак не связано со словом «дождь», как ошибочно можно предположить. Часто употребляемая фраза «дай бог» служит отражением древнего имени Дажьбога (в древнерусское «даждь»).

Ярило (яростный) – неукротимый, огненный, яровать – неистовать. Корень **-яр-** присутствует в таких сочетаниях, как ***ярмо, яровая пшеница*** (посаженная весной), ***яровые хлеба, ярость, яра (весна).*** Очень часто корень **-яр-** можно встретить в составе топонимов (***Красный Яр, Зелёный Яр*** и др.).

Хорс – божество солнечного светила, но не солнечного света и тепла, он представлял собою некое дополнение к образу Дажьбога-солнца, подателя земных благ. С культом Хорса был связан ритуаль-

ный весенний танец – хоровод (движение по кругу), обычай печь на Масленицу блины, напоминающие по форме солнечный диск, и катать зажженные колеса, так же символизирующие светило. Приветствуя Хорса, славяне водили хороводы и строили ему святилища – ***хоромы***, ***хоромины***. С именем Хорса, вероятно, связаны такие слова, как ***хорошо***, ***хор***, ***хоругвь***, ***хоронить***, ***похороны***.

Стрибог – древнее верховное божество пространства, а затем и просто властитель воздушной стихии, времени. Индоиранское «бог» (авестийское «бага») в этом имени объединено со славянским «стръга» – распространять, простирать. Согласно восточно-славянской традиции, Стрибог является в образе гусляра, перебирающего струны, с луком за спиной, а на поясе – сагайдак со стрелами. Несомненна связь со словами ***стрела***, ***струна***, ***стремя***, ***стремительный*** (один из главных эпитетов Ветра в сказках), а также со словами ***стриж*** (быстрый), ***стричь***.

Марена (Мара, Морана, Марцана и т.д.) – богиня плодородия и жатвы, а также зимы и смерти. Для изгнания Мары использовалась кочерга и опахало. От её имени произошли слова: ***мор***, ***морока***, ***море***, ***кошмар***, ***мрак***, ***мрачный***, ***муравей***, ***мурава***, ***мерзость***, ***мерещиться***, ***умереть***, ***смерть***, ***сумерки***, ***смердеть***.

Лада – покровительница родов, женщин, детей, брака, любви, женских дел, пар, урожая, плодородия. Лада считается семейным божеством, широко распространенным в славянском фольклоре. Имя Лада имеет отношение к установлению порядка: ***ладить***, ***налаживать*** и т.д. Все слова с корнем **-лад-** образовались от имени этой богини.

Леля – богиня девичьей любви, покровительница влюблённых, красоты, счастья, дочь Лады. От этого имени в русском языке образовалось слово ***лелеять***. Праздник «лельник» обычно праздновали 21 апреля, на кануне Юрьева дня. Эти дни называли также Красной горкой, поскольку местом действия становился холм, расположенный неподалеку от деревни. Там устраивали небольшую деревянную или дерновую скамью. На неё сажали самую красивую девушку, которая исполняла роль Лели. Справа и слева от девушки на холме на скамью укладывали приношения. До сих пор принято называть девушек ***Лёля*** или ***Ляля*** (как отголосок древнего культа).

Анализируя славянскую мифологию, можно обнаружить немало свидетельств того, что представления и верования древних славян очень ярко отражаются в современном языке и используются как в литературе, так и в разговорной речи, причем в разных пластах, от просторечия до местных говоров. Многие вошедшие в литературную речь выражения получили новое, не присущее их истинному источнику значение, но корней не потеряли.

Библиографический список

1. Бычков, А. А. Энциклопедия языческих богов: мифы древних славян / А. А. Бычков. – М., 2001. – 400 с.

2. Волошина, Т. А. Языческая мифология славян / Т. А. Волошина, С. Н. Астапов. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 448 с.

3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 4: Т – Ящур: около 4500 слов / М. Фасмер. – М. : АСТ : Астрель, 2009. – 860 с.

Р. В. Ширшаков, А. Ю. Бизина
(г. Пенза, Россия)

ГОВОР СЕЛА СЮЗЮМСКОЕ СОСНОВОБОРСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Анализируются наиболее яркие фонетические, грамматические и лексические особенности речи жителей села Сюзюмское Сосновоборского района Пензенской области, которые позволяют определить место данного говора в современной системе диалектного членения языка.

Ключевые слова: русская диалектология, диалектное членение русского языка.

Совхоз «Сюзюмский» был организован в сентябре 1932 года. В первые годы организации совхоза численность рабочих достигала 215 человек, сельхозугодий было 1425 гектаров, из них 1300 гектаров пашни. Совхоз был назван по названию ближайшей к нему станции «Сюзюм». Начали строительство жилья для рабочих, и в совхоз стали переезжать люди из соседних сёл: Николо-Барнуки, Малая Садовка, Большая Садовка, Козловка, Балук. В 1996 году совхоз был переименован в село. На территории села находятся: 3 магазина, детский сад, сберкасса, почтовое отделение, дом культуры, библиотека, общеобразовательная школа. Всего населения – 374 человека.

Экспедиционное обследование было совершено летом 2018 года.

Фонетические особенности

Особенности вокализма

В обследованном населённом пункте представлено неполное оканье, которое является характерной чертой северного наречия [Колесов 1990: 61], например: *гъвори́т*, *съмол’о́т’е*, *нъход’и́л’ис’*, *пръгор’э́лъ*, *атгърод’и́л’и*, *хлъпота́т’*, *ръзгова́р’ивълъ*, *гълово́й*, *пъсмотр’э́л*, *към’иссова́л’и*, *пъловóд’и*, *авдов’э́л’ъ*.

Гласные фонемы неверхнего подъёма в 1-ом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке *е*. [Касаткин 1989:48].

Например: *д’ержа́л’и, в’еч’ер’и́нку, б’его́м, ув’езл’и, в’ез’д’е́, л’ежа́л’и, отм’ача́л’и, пр’ин’есу́т, л’еп’о́шк’и.*

Особенности консонантизма

Заднеязычный *г* носит взрывной характер: *год, напугалась, головой.* В слове *по-бо*ɣ*а́тому*, звук *г* фрикативного образования. В данном случае под влиянием норм церковнославянского языка.

Аффрикаты *ц* и *ч* различаются: *отец, ночь, чуть, начали, отмечали, овцы, жеребец, душица.*

Звук *в* на конце слова и перед глухим согласным чередуется с *ф*: *фс’о́, фс’а́к’им, кла́ссоф, морко́фь, домо́ф.*

Зафиксирован случай произношения твёрдого долгого шипящего: *ја́шшык’и.*

Морфологические особенности

В дательном падеже множественного числа существительных в говоре имеется только одно окончание для всех основ: *по горам, по тропочкам, по фамилиям.*

В речи местных жителей форма предложного падежа имени существительного мужского и среднего рода второго склонения имеет окончание –и: *на гул’а́н’и, в интернати*.

Формы дательного и творительного падежей множественного числа имен существительных и прилагательных различаются: *по ф’с’а́к’им гора́м - ф’с’а́к’им’и гора́м’и.*

Личное местоимение «я» в форме родительного и винительного падежей единственного числа имеет окончание *-а*: *м’ин’а́.*

Безударные окончания третьего лица множественного лица глаголов первого и второго спряжений совпадают: *смо́тр’ут, заста́в’ут.*

Глаголы в форме третьего лица настоящего времени единственного и множественного числа имеют в окончании твёрдый звук *т*: *хочет, идёт* и др.

Наблюдается отсутствие звука j в интервокальном положении с последующим стяжением гласных в ряде форм глаголов и прилагательных, употребление стяжённого окончания в местоименном прилагательном: *знат, делат, бывалошны п'эс'н'и, глуп'ен'к'и был'и, как'и.*

Особенности синтаксиса

В говоре употребляются конструкции с двумя предлогами – *из, с*, как и в литературном языке: *из ниток, с поля, с собой, с сумочкой*.

Зафиксирована общерусская модель «глагол + в + существительное в винительном падеже» словосочетания с пространственным, временным и объектным значением: *отсылать в Сибирь, в школу не ходила, в больницу поеду.*

В говоре в соответствии с литературной частицей «*то*» выступает частица «ти»: *пра́з’н’ик’и-т’и, д’е́тцв’и-т’и.*

Отмечается употребление в функции прямого объекта формы именительного падежа одушевлённых существительных во множественном числе: *и у́тк’и держа́ла*.

Лексические особенности

В речи жителей обследованного населенного пункта выявлена общеупотребительная лексика и диалектные слова.

В говоре встречаются следующие типы диалектизмов:

- собственно словарные:

шоболы. Истасканная одежда. *Денег не было. В школу в шоболах ходили*.

скомле́ть. Сильно безнадёжно болеть, чахнуть. *Все братья уж лежат, а я всё скомлею.* В СРНГ с тем же значением отмечено в Тверской, Московской, Ульяновской областях [СРНГ2004:71]

отгу́лки. Гулянье на третий день свадьбы. *Гуляли. День, два,на третий день отгулки отгуливали.* Зарегистрировано в Донецкой области.[СРНГ1989:156]

– словообразовательные:

вдого́нь. Вдогонку. *А она за нами вдогонь* побежала. В СРНГ отмечено в Архангельской, Владимирской, Смоленской, Тамбовской, Самарской областях.[СРНГ1969:87]

быва́лошны. Прежде бывшие, минувшие. *Песни бывалошны пели.*

По данным СРНГ отмечено во Владимирской, Архангельской, Костромской, Нижегородской областях *[*СРНГ 1968:336]

усва́тали. Сосватали. *Что ж усватали меня и всё.*

– грамматические:

це́рквя. *Церквя-то у нас была в селе.*

помидо́ра. Помидор. *Капуста, морковь, лук, помидора - это всё сажали.*

– семантические:

гуля́ть. Праздновать. *Собирались, гуляли, отмечали престольны праздники*. В том же значении в СРНГ отмечено в Нижегородской области [СРНГ 1972:224]

сви́ть. Сшить. *Мама совьёт из каких-нибудь ниток.*

лежа́ть. Умереть. *Все братья уж лежат.*

признава́ть. Чтить. *Раньше признавали праздники, это сейчас не признают.*

песо́к. Сахар. *Лепёшки песком посыпет.*

Подробно о типах диалектных слов смотреть в кн. Р. В. Ширшакова «Типы диалектных слов» [Ширшаков 2017].

В соответствии с современной группировкой говоров русского языка, представленного в труде К. Ф. Захаровой, В. Г. Орловой «Диалектное членение русского языка», говор села Сюзюмское Сосновоборского района Пензенской области относится к среднерусским окающим говорам [Захарова, Орлова 2004: 76].

Библиографический список

1. Захарова, К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – 2-е изд., стер. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

2. Касаткин, Л. Л. Русская диалектология : учеб. для студентов пед. институтов по специальности «Русский язык и литература» / Л. Л. Касаткин. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1989.

3. Колесов, В. В. Русская диалектология : учеб. пособие для филологических факультетов / В. В. Колесов. – М. : Высш. шк., 1990.

5. Ширшаков, Р. В. Типы диалектных слов : учеб. пособие / Р. В. Ширшаков. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2017.

6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М. ; Л. ; СПб., 1965–2016. – Вып. 1–49.

Е. В. Яснова
(г. Пенза, Россия)

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА В. И. ДАЛЯ «ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)

Аннотация. Рассмотрены вопросы частотности и специфики употребления пословиц, обусловленных концептом «семья». Проведенный анализ позволил проследить за особенностями пословиц данной тематики, отобранных на материале сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа».

Ключевые слова: пословица, концепт, лексема, семья.

Пословица – это один из самых распространённых жанров русского фольклора. С конца прошлого столетия и до наших дней она была и остаётся одной из характерных примет народного быта, в особенности сельского. Она – один из немногих живых жанров русского фольклора.

Пословица – малая форма народного поэтического творчества, «облачённая в краткое, ритмизованное изречение, несущее обобщённую мысль, вывод, иносказание с дидактическим уклоном» [Кумахов 1991: 104].

Русские пословицы, как всем известно, – это народная мудрость, пришедшая к нам из жизненного опыта. В них отражается ценное, родное каждому русскому человеку, поэтому довольно часто можем встретить в них лексемы родства.

На основе сборника В. И. Даля «Пословицы русского народа», который представлен в двух томах, нами проанализировано 1000 пословиц [Даль 1984].

Нами были выделены следующие тематические группы пословиц, относящихся к концепту «семья»: *отец, мать, сын, дочь, дети,*

родители, муж (жених), жена (невеста), сестра, брат. Самые большие из них – жена (276 употреблений): «*С доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне*», «*Жена мужу подруга, а не прислуга*», «*Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою*», «*Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать*», «*Одному с женой радость, а другому горе*», «*Клад да жена на счастливого*» и др.; *муж* (170 употреблений): «*Где муж, там и жена*», «*За добрым мужем, как за каменной стеной, за худым мужем и забора нет*», «*Был у меня муж Иван, не приведи бог и вам*», «*Муж да жена – одна сатана*» и др.

Отметим, что лексема «*мать*» (109 употреблений) – женщина-родитель по отношению к своему ребёнку. Многозначный термин различного восприятия в социальном, культурном или религиозном контексте. Примеры данной лексемы многообразны в разных проявлениях. Например, «*Без матери и отца изба не красна*», «*Добрая мать добру и учит*», «*Дитя не плачет, мать не разумеет*» и др. Есть и другая вариация этой лексемы – «матушка – устаревшая форма лексемы «*мать*». Например, «*Нет милее дружка, чем родная матушка*», «*При солнышке тепло, при матушке добро*», «*Куда матушка, туда и дитятко*» и др.

Лексема «*дети/родители*» (96 употреблений): «*Всякому свое дитя милее*», «*На что и клад, коли дети идут в лад*», «*С детьми горе, а без них вдвое*» и др.

Лексема «*отец*» (86 употреблений): «*Отец любит детей, пока любит жену*», «*Отец чем детей делает, тем и жалеет*», «*Где хороший отец, там и сын молодец*», «*Как отец относится с матери, так и дети относятся к ней*», «*Трезвый отец – детям образец*» и др.

Лексема «*сын*» (55 употреблений): «*Сын мой, а ум у него свой*», «*Сынами славен, дочерьми честен*», «*Один сын – не сын, два сына – полсына, а три сына – не дочь*», «*Хороши сыночки, а ласковей дочки*», «*Из-за плохого сына бранят и отца*» и др.

Лексема «*брат*» (46 употреблений): «*Брат – брат, сват – сват, а денежки не родня*», «*Два брата родные и оба Ивановичи*», «*Брат он мой, а ум у него свой*», «*Брат сестре не указ в стряпне*», и др. Отметим, что такое числовое соотношение лексем в родовой категории обусловлено тем, что в современном мире ценности семьи меняются и само слово «семья» обретает менее значимое понятие.

Заметим, что в пословицах семья и её члены характеризуются как позитивно, так и негативно. Например, «*Родных много, а мать роднее всего*», «*Нет милее дружка, чем родная матушка*», «*Без матери и отца изба не красна*», «*Добрая мать добру и учит*» или «*У кого есть бабушка и дед, тот не ведает бед*», «*Для внука дедушка – ум, а бабушка – душа*». Но в пословицах отражаются и человеческие пороки. «*С плохим мужем жить – только век дожить*», «*Не за то батька сына бил, что он пил, а за то, что опохмелялся*» и др. Такие пословицы учат будущие поколения не поступать плохо, быть благороднее, чище.

Для русского человека семья и ее члены ценны и негативного в пословицах меньше, чем хорошего, что отрадно для русского народа как нации. Ведь в России семья ценится больше, чем в Европе. Среди самых важных традиционных ценностей для русского человека главное – семья.

Во-первых, в брак в России вступают гораздо раньше, чем в Европе: к 25 годам девушки обычно замужем, часто за своими сверстниками, и имеют ребенка. В Европе в этом возрасте молодые люди еще заняты только собой и своей жизнью: образованием, развлечениями, карьерой.

Во-вторых, для европейца понятие «моя семья» обычно включает мужа, жену и их детей. Для русского человека это понятие более широкое. Если вы спросите у своего русского партнера о его семье, то, наверное, он назовет жену, детей, родителей, бабушку и дедушку, брата или сестру. Некоторые русские могут назвать даже собаку, кошку или попугая, которых тоже считают членами семьи.

В-третьих, система совместного проживания пары без официальной регистрации отношений, столь привычная на Западе, постепенно входит в быт, но пока еще не очень популярна (только 10 %). Однако постепенно система таких «гражданских» браков становится привычной в студенческой семье.

В-четвертых, у русских особое отношение к детям. К примеру, французы тоже очень чадолюбивы. Если для Европы ребенок в 15–16 лет – взрослый человек, способный решать свои проблемы самостоятельно, то для русских в этом возрасте он еще «неразумное дитя». Русских приводят в ужас рассказы о том, что в Европе или в Америке дети, достигнув совершеннолетия, уходят из семьи и ведут свою жизнь, не посвящая в нее родителей. Такое резкое противопоставление в понимании семьи русскими и европейцами отражено и в пословицах [Сергеева 2012: 12].

Не стоит забывать, что пословицы – отголосок прошлого нашего народа, его мудрость, которую мы, современные люди, должны приумножать. Конечно, были времена, когда даже книги представляли собой огромную редкость, и все, чем располагал человек – это его собственный разум и речь. Потом, когда распространилась литература, печать, даже телевидение, кладовую мудрости стали пополнять «авторские» пословицы и поговорки – крылатые фразы героев любимых фильмов, меткие обороты в текстах книг. Но значение пословиц в нашей жизни осталось прежним: подсказка на перепутье, утешение в беде, напоминание о том, о чем нельзя забывать. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи своеобразный окрас, выразительность и неповторимость. Речь современного человека обедняется, так как в ней отсутствуют пословицы и поговор-

ки. Нашему поколению необходимо научиться употреблять их, чтобы сохранить этот удивительный язык для будущих поколений.

Библиографический список

1. Аничков, Е. В. Песня: Народная словесность / Е. В. Аничков // История русской литературы ; под ред. Е. В. Аничкова, Е. К. Бороздина, Д. Н. Овсянико-Куликовского. – М., 1908. – 123 с.

2. Артеменко, Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования / Е. Б. Артеменко. – Воронеж, 1988. – 342 с.

3. Даль, В. Пословицы русского народа : сб. В. Даля : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1984. – 634 с.

4. Кумахов, М. А. Изучение языка фольклора / М. А. Кумахов // Фольклор в современном мире. Аспекты и пути исследования. – М., 1991. – 322 с.

5. Сергеева, А. В. Русские стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – 4-е изд., испр. – М., 2012. – 32 с.

Ю. А. Акямсова
(г. Пенза, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБСУЖДЕНИЮ РАССКАЗОВ А. С. ГРИНА НА УРОКАХ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В СРЕДНИХ КЛАССАХ

Аннотация. Предлагаются методические подходы к обсуждению рассказа А. С. Грина «Каждый сам миллионер» с использованием технологии развития критического мышления через чтение и письмо.

Ключевые слова: современные образовательные технологии, стратегии чтения, читательские умения.

Творчество А. С. Грина – уникальное явление в литературе. Этого писателя, как справедливо утверждает В. Ковский, отличает «твердая нравственная программа» [Ковский]. В рассказах Грина в полной мере проявляется тревога автора о духовности реального мира, в котором сталкиваются добро и зло, прекрасное и уродливое, воплощена мечта о возрождении человеческой души.

В программах по литературе в средних классах творчество А. С. Грина представлено повестью-феерией «Алые паруса» (например, программа под редакцией В. П. Чертова, 5 класс; программа под редакцией В. Я. Коровиной, 6 класс; программа под редакцией А. Г. Кутузова, 8 класс), рассказом «Гнев отца» (программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой, 6 класс); для самостоятельного чтения рекомендуется рассказ «Зеленая лампа» (программа под редакцией В. Ф. Чертова, 5 класс). Знакомство с рассказами Грина на уроках внеклассного чтения даст возможность учащимся обогатить представление о своеобразии прозы писателя. Мы предлагаем обратиться к рассказу «Каждый сам миллионер» в 9 классе.

Рассмотрим, каким образом организуется деятельность учащихся в процессе знакомства с данным произведением.

Цели урока – расширение и углубление представлений школьников о поэтике прозы Грина; поддержание у учащихся интереса к чтению книг писателя; создание атмосферы творческой деятельности; формирование ценностных ориентаций, любви и уважения к литературе.

Полагаем целесообразным рассматривать данное произведение, используя технологию развития критического мышления через чтение

и письмо, представляющую собой «систему стратегий, объединяющих приемы учебной работы по видам учебной деятельности независимо от конкретного предметного содержания» [Муштавинская 2014: 22].

На стадии вызова с целью актуализации опорных знаний, пробуждения интереса к новой теме, активизации деятельности учащихся предлагаем школьникам, во-первых, составить ассоциативный ряд к имени писателя: Какие ассоциации возникают у вас при произнесении имени А. Грина? Чем они вызваны? Во-вторых, по первому предложению произведения предположить, о чем пойдет речь в рассказе: «Когда Скоков пришел к полному, тысячу раз проверенному убеждению, что такому заурядному, как он, такому незначительному, тихому человеку суждено до конца дней служить в канцелярии на семидесяти пяти рублях жалованья, он наметил для себя в будущем некий торжественный и блестящий скачок».

Такая работа, организованная в рамках стратегии предтекстовой деятельности «Прогнозирование», создает для учащихся мотивацию к чтению, происходит развитие такого важного читательского умения, как антиципация, то есть умения предвосхищать содержание произведения.

На стадии осмысления школьники получают новую информацию.

Чтение текста рассказа организуем с использованием стратегии «Двухчастный дневник»: в левой части дневника школьники записывают те цитаты из текста, которые произвели на них большее впечатление, вызвали определенные эмоции, т.е. «цитаты, на которых они "споткнулись". Справа они должны дать комментарий: что заставило записать именно эту цитату». Такая работа развивает у учащихся рефлексивное восприятие текста.

С помощью двухчастных дневников текст последовательно разбирается. Школьники приходят к следующим выводам.

Грин рассказывает читателю историю некоего Скокова, заурядного, тихого канцелярского служащего. Однажды ему в голову приходит мысль вознаградить себя за долгие годы нищенского существования одним днем роскошной жизни миллионера. Счастье Скокову мнится в виде ресторанного зала, цветов, музыки, изысканных яств и развлечений. Кроме того он рассчитывал получить от «дня наслаждений» проценты: воспоминания, которые будут скрашивать его полную лишений жизнь в будущем. Чтобы накопить нужную сумму, Скоков вынужден в течение десяти лет вести поистине аскетический образ жизни: тьма и уныние, скупость и голод. Наутро, после пробного перед «скачком» вечера, Скоков пережил горькое разочарование: « ему было жаль этих десяти лет, ведь в них он мог получить то несложное счастье, о котором думал так много и представлял его земным раем».

Писатель пытается найти ответы на такие вопросы: в чем смысл жизни? что такое счастье? как нужно жить: настоящим днем или будущим? ставит проблему истинных и ложных ценностей, проблему одиночества.

Человек всегда находится в поисках смысла своей жизни. Конечно, он проходит через ошибки. Самое главное заключается в том, чтобы человек искал и находил более глубокое содержание жизни: в полезной деятельности, в одухотворенности, в таких действиях, которые бы сохраняли его достоинство. Ясно, что скоковский смысл жизни – не идеал.

Авторская позиция выражена в характеристике настроения Скокова, когда он пробовал блюда: «Его настроение было настроением полного животного счастья». По мнению Грина, человек живет не столько для того, чтобы вкусно есть, хорошо одеваться, сколько для того, чтобы наполнять свою жизнь и жизнь окружающих духовностью. Счастье – это чувство, которое делает жизнь человека полноценной и радостной, это психологическое состояние, когда человек ощущает удовлетворение от своей жизни. Надежды Скокова не оправдались, возможно, он стал более несчастным, чем в годы мрачного и голодного ожидания будущего наслаждения.

Послетекстовая деятельность, по справедливому замечанию Г. В. Пранцовой и Е. С. Романичевой, «включает рефлексивный анализ, направленный на прояснение смысла изученного материала, на основании имеющихся представлений, а также в соответствии с категориями знаний… Но этот анализ малоэффективен, если он не обращен в словесную или письменную форму… В процессе выполнения различных видов письма… происходит, с одной стороны, отбор информации, наиболее значимой для понимания сути изучаемой темы (изучаемого произведения). С другой – с помощью письма выражаются новые идеи и информация, самостоятельно выстраиваются причинно-следственые связи» [Пранцова, Романичева 2013: 68-69].

Следуя данному умозаключению ученых-методистов, на стадии рефлексии предлагаем школьникам написать рецензию на рассказ А. С. Грина «Каждый сам миллионер».

Таким образом, предложенные методические подходы дают обучающимся возможность расширить представление о художественном мастерстве А. С. Грина, о моральных ценностях, отстаиваемых писателеам, осознать нравственные истины, совершенствовать читательские умения.

Библиографический список

1. Ковский, В. Блистающий мир Александра Грина / В. Ковский. – URL: http://www.fandom.ru/about_fan/kovskiy_1.htm (дата обращения: 10.09.2018).

2. Муштавинская, И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя : учеб.-метод. пособие / И. В. Муштавинская. – СПб., 2014. – 144 с.

3. Пранцова, Г. В. Современные стратегии чтения: теория и практика : учеб. пособие / Г. В. Пранцова, Е. С. Романичева. – М. : ФОРУМ, 2013. – 368 с.

И. Ю. Гац
(г. Мытищи, Россия)

ПРИНЦИПЫ АДАПТАЦИИ ДИДАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Исследование автора проводится в рамках апробированной концепции формирования общеучебной компетенции школьников в условиях современной лингвообразовательной среды. В качестве основополагающего научного способа избран метод лингвометодического подхода к анализу факторов современной языковой ситуации. Представлен один из промежуточных результатов исследования – теоретически обоснованы принципы отбора учебного материала для уроков русского языка: принцип актуальности, принцип ситуативности, принцип интертекстуальности.

Ключевые слова: методика русского языка, дидактический материал по русскому языку.

Фундаментальные исследования крупных специалистов в области лингвометодики проводятся в связи с решением актуальной задачи – определение содержания русского языка в современной России (О. М. Александрова, А. Д. Дейкина, Н. Д. Десяева, Т. К. Донская, О. Е. Дроздова, Ю. Н. Гостева, С. И. Львова, Н. Л. Мишатина, др.). Анализ методических материалов приводит к заключению, что структурирование школьного курса русского языка, формирование предметного содержания в последнее десятилетие происходит с учётом потребностей социального сообщества, с учётом факторов нового информационного-коммуникативного пространства [Александрова 2014; Александрова 2016; Десяева 2016; Добротина 2017]. Включённость школьника в различные виды активной деятельности, осознание подростком деятельностного характера выполняемой им учебной задачи определяют дидактические предпочтения учителя, то есть обучающий выбирает намеренно такой путь представления условий учебной задачи, который бы напрямую был связан с жизненной ситуацией, с пополнением жизненного опыта.

Осознание социальной природы и коммуникативно-эстетической функции языка возможно только через повседневную, основанную на индивидуальном стиле деятельности, лингвистическую практику носителя языка. В соответствующих работах автор статьи доказал, что по-

нятие благоприятных условий для формирования практических лингвистических умений школьников в современной языковой ситуации обоснованно связывается с соблюдением учителем определённых *методических условий*:

– углубление лингвистических знаний обучающихся об активных языковых процессах; внутренняя интеграция лингвистических понятий, изучаемых в основных разделах курса русского языка, и понятий, характеризующих выразительность речи, её эстетический аспект (звукопись, индивидуально-авторское употребление, парцелляция и т.д.);

– организация интерактивной деятельности, нацеленной на применение обучающихся лингвистических знаний в жизненных ситуациях;

– организация учебно-исследовательской лингвистической деятельности обучающихся для приобретения ими нового опыта.

Мотивированный к деятельностной организации занятия по русскому языку, учитель опирается на основные положения, а именно на принципы отбора учебного языкового материала. Предлагаемая группа ситуационно обусловленных принципов, реферативно обозначенная в этой статье, подтверждает идею адаптивного развития системы обучения русскому языку, связанную с формированием общеучебной компетенции школьников. Эти принципы были сформулированы на основе установленных закономерностей в современном лингвообразовательном пространстве во время теоретического изучения проблемы.

Ситуационно обусловленные принципы дидактического реконструирования учебного материала вытекают из необходимости отражения при обучении родному языку проявлений активных языковых процессов. Актуальный дидактический материал, извлечённый из современных источников и адаптированный в образовательных целях, выполняет функцию средства действия субъекта. К ситуационно обусловленным принципам относятся: а) принцип ситуативности – ситуативное предъявление лингводидактического материала; б) принцип актуальности – отбора актуального в условиях современной языковой ситуации дидактического материала; в) принцип интертекстуальности в обучении русскому языку.

Принцип ситуативности предъявления дидактического материала при обучении русскому языку поддерживает положение о возникновении текста в локальной социокультурной ситуации. Текст как смысловая единица существует только в определённом внеязыковом окружении – контексте, который находит выражение в тексте при посредстве живой деятельности. Ситуативный принцип указывает на целесообразность такой организации дидактического процесса, при которой статическим представлениям о языке противопоставляются динамические, конкретнее – процедурные приёмы и действия школьников с языковым материалом. Исследование активных процессов в современном рус-

ском языке, освоение языковой игры как лингвокультурологического явления требует представления принципа отбора актуального в современной языковой ситуации материала с целью его дидактического реконструирования. На основе этого принципа в лингвометодической обучающей среде языковая игра рассматривается в разных аспектах: а) как модель коммуникативной деятельности (языковая шутка в художественном тексте); б) как практическая деятельность школьников (металингвистическая деятельность, языковая рефлексия); в) как один из способов самовыражения в сетевом коммуникативном пространстве; г) как разновидность повседневной языковой практики школьников. В качестве дидактической единицы предлагается рассматривать языковую игру как особую форму лингвокреативного мышления (приёмы создания комического: абракадабра, алогичность, каламбур, небывальщина, пародия, парадокс, перенесение, снижение высокого, словотворчество, столкновение несоединимого), культурно-речевые понятия уместности, соразмерности и чувства такта в речевом поведении личности, а также детский игровой фольклор. Установленный принцип вводится в методическую систему лингвистической подготовки с целью воспитания языкового эстетического вкуса современных школьников, понимания ими переплетения нормированного языка и намеренных аномалий, ситуационных образований, функций и форм реализации языковой игры в художественном тексте.

Принцип интертекстуальности в обучении русскому языку логично вытекает из теоретических посылок, сформулированных в предшествующем исследовании автора: успех совместной учебной деятельности зависит от понимания интертекстуальных связей, в которые вступают участники коммуникации. Производство нового личного смысла путём улучшения текстов строится только в совместной деятельности, в коммуникации обучающего и обучающихся. Принцип интертекстуальности обусловлен появлением специфически новых форм передачи и восприятия данных, информации, текстов, основанных на явлениях интертекстуальности и гипертекстуальности. Преобразуя тексты, извлечённые из интернет-пространства, школьники осваивают понятие информационного поиска, определяют, какой из видов информационного дефицита: фактографический, документальный, концептографический – и с помощью каких алгоритмов устраняется. На уроке русского языка чаще привлекаются задания на информационную переработку текстов электронных словарей («Словопедия», «Энциклопедии & Словари», «Национальный корпус русского языка», «Этимология и история слов русского языка», «Грамота.ру», «Dic.academic.ru», «Onlinedics.ru», «Slovari.ru», «Polyglossum», «RoyalLib.ru», «Вавилонская башня»). В этом случае происходит трансляция лингвистической информации, её видоизменение и преобразование. Исходная лингвистическая информация поддаётся интерпретации и трансформации со

стороны школьника. На основе выбранного, затем преобразованного под учебные задачи школьники составляют собственные высказывания – металингвистические суждения, подразумевающие аргументацию, центром которой становится утверждение лингвистического характера. В письменной форме выражается языковая толерантность автора в виде позиций: уместно / неуместно; можно / нельзя; этично / неэтично; правильно / неправильно. Интерпретация лингвистической информации – её объяснение, толкование, разъяснение смысла, всегда включает фоновые знания личности. Интерпретируя текст или речь, субъект демонстрирует собственную когнитивную картину мира. В этой ситуации привлекается личный опыт, обобщается известное, пережитое, восстанавливается какая-либо информация, соотносимая с темой, выдвигаются собственные предположения. Трансформация лингвистической информации предполагает её преобразование, изменение существенных свойств исходной информации. Приёмы трансформации – это сжатие нескольких сообщений в одно синтаксическое построение, пропуск полной и широкой аргументации исходного текста, включение предложений со вторичными предикатами, использование средств повторной номинации, включение новой информации в тему сообщения и т.п. В ходе эксперимента привлекались конкретные задания, основанные на определённых видах трансформаций: разные виды пересказа, в том числе с включением дополнительных компонентов; пересказ с обобщением (выражение какого-либо свойства, мотива); пересказ пересказа (изложение изложенного кем-либо); лингвистический комментарий (лексический, морфологический и синтаксический уровни). Металингвистическое суждение представлялось школьниками в одной из трёх форм: а) декларативной, словесной; б) описательной, констатирующей, без оценки или обобщения; в) процедурной, при которой суждение включает оценку и описание последовательности лингвистических действий. Качество созданного учеником текста или высказывания лингвистического характера оценивается на языковом, речевом и концептуальном уровнях. Необязательно, чтобы металингвистическое суждение школьника всегда было бы абсолютно оригинальным. Важно в принципе, что металингвистическое суждение носит индивидуальный характер. Кроме того, подобные суждения всегда начинаются с вопроса для себя: «Что я знаю об этом лингвистическом объекте или явлении?», «Какую ошибку (орфоэпическую, лексическую, грамматическую, стилистическую) допустил и почему?», «Что мне помогло преодолеть лингвистическое затруднение и почему у меня это получилось?», «Чего я не знал и почему?». Фокусирование на подобных металингвистических суждениях стимулируют природную любознательность школьников, приобщает их к интеллектуальной рефлексии, то есть к осмыслению собственной деятельности. Школьник с позиции стороннего наблюдателя над лингвистическими процессами

переходит на позицию непосредственного участника текстовой коммуникации.

Профессиональный опыт убеждает в решении: чтобы материал, изъятый из реального коммуникативного пространства, оказался на уроке русского языка полезным, стал учебным, он должен, во-первых, обладать так называемой языковой корректностью, во-вторых, быть развёрнутым в коммуникативном плане, в конце концов, соответствовать лингвометодической цели обучения. Учитель исходит из программы-максимум – воспитание языковой личности школьника, способной воспринимать, преобразовывать и создавать высказывания, адекватные задаче общения. Ситуационно обусловленные принципы отбора дидактического материала: принцип актуальности, принцип ситуативности, принцип интертекстуальности – помогут учителю русского языка организовать активную речевую практику обучающихся.

Библиографический список

1. Александрова, О. М. Закономерности становления содержания филологического образования в современном социуме / О. М. Александрова, С. И. Львова, Ю. Н. Гостева ; науч. ред. О. М. Александрова. – М. : Экон-Информ, 2014. – 275 с.

2. Александрова, О. М. Становление содержания школьного курса русского языка в современной России: к проблеме стандартизации содержания обучения / О. М. Александрова, Ю. Н. Гостева // Русский язык в поликультурном мире: X Междунар. науч.-практ. конф. : сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь, 2016. – С. 3–11.

3. Десяева, Н. Д. Современная языковая ситуация и её отражение в содержании обучения русскому языку / Н. Д. Десяев // Актуальные вопросы методик преподавания русского языка и русского языка как иностранного: колл. моногр. / отв. ред. И. В. Текучёва. – М. : Спутник+, 2016. – С. 91–98.

4. Добротина, И. Г. Современный учебник. Использование дидактического материала учебника для формирования мотивации к чтению в условиях современной информационно-образовательной среды / И. Г. Добротина // Русская словесность. – 2017. – № 2. – С. 82–86.

И. А. Кондратьева
(г. Пенза, Россия)

ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СМЫСЛОВОМУ ЧТЕНИЮ ТЕКСТОВ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО НАПИСАНИЯ СОЧИНЕНИЯ

Аннотация. На протяжении всего периода обучения в школе смысловое чтение является ведущим видом деятельности ученика, который обеспечивает ему успешность в освоении того или иного предмета, являясь при этом основой для формирования универсальных учебных действий. Все зависит от того, как ребенок подготовлен к усвоению информации, насколько правильно он ее воспринимает и понимает.

Ключевые слова: смысловое чтение, текст, приемы работы, восприятие информации, творческая работа.

Умение работать с текстом необходимо каждому, потому что от этого напрямую зависит степень усвоения новой информации. Трудности, связанные с восприятием текста, обусловлены несколькими факторами. Важнейший из них – умение ученика осознанно прочитать текст, а затем решить стоящую перед ним задачу. В связи с этим учителю необходимо работать над приемами, помогающими формировать смысловое чтение. Для учителей русского языка и литературы это архиважная задача, поскольку на уроках учащиеся на основе прочитанного создают вторичный текст, и, как правило, это сочинение. Именно сочинение стало основной формой итоговой аттестации в 9 и 11 классах по русскому языку и литературе. Кроме того, не стоит забывать о результативности участия обучающихся в творческих конкурсах, предполагающих написание подобного рода работ.

Рассмотрим некоторые приемы обучения смысловому чтению текстов на примере работы с произведением. Так, в процессе изучения сказа Н. С. Лескова «Левша» шестиклассники испытывают определенные трудности, связанные не только с языком повествователя, но и пониманием прочитанного. Учитель может использовать исторический комментарий при чтении эпизода, когда после смерти царя Александра I на трон вступает Николай I: «Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение...» Смятение – это декабристское восстание 1825 года, и ученики, анализируя данное событие, рисуют образ царя. Однако далее император проявляет себя как искренне любящий каждого русского человека: «Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный…», «...он на своих людей надеется...», «Я знаю, что мои русские люди меня не обманут». У обучающихся может сложиться опять-таки ложное представление о данной исторической личности. Оказывается, что «Николаем движет не столько национальный интерес, сколько тщеславное желание продемонстрировать миру преданность ему его подданных… Своекорыстный патриотизм Николая... в контексте сказа подвергается безусловному осмеянию, как и легковесное англоманство Александра» [Столярова 1996: 7]. Во многом объясняется и развязка сказа. Смерть Левши – это и есть истинное отношение императора к русским людям, ведь не случайно писатель одновременно показывает состояние и дальнейшую судьбу двух героев: Левши и «аглицкого» полшкипера. Привлечение дополнительных источников (исторических, литературоведческих) помогает учащимся выявить идейную составляющую произведения, установить причинно-следственные связи и отразить это в творческой работе.

В процессе работы над вышеуказанным произведением, акцентируя внимание на образах, обучающиеся затрудняются анализировать текстовые характеристики персонажей. В помощь можно использовать следующую таблицу:

Образ Левши	Пример из текста	Комментарий
Является искусным мастером	«...оружейники три человека, самые искусные из них, один косой Левша...»	Левша – один из талантливейших мастеров, хороший оружейник
Неказистый, страдает косоглазием	«…один косой Левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны…»	Автор акцентирует внимание на внешности героя, выделяя отдельные детали
Левша очень беден	«Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются,порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится»	Несмотря на свой талант, Левша одевается очень скромно, не придает значения внешнему виду, одежда для него не главное
Решительный, смелый	«Если государю угодно меня видеть, я должен идти…»	
Лучший мастер своего дела	«…я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты…»	Мастер чувствует ответственность за свою работу Среди трех тульских мастеров Левша самый талантливый. Он выполняет тончайшую работу: выковывает не саму подкову для блохи, а гвоздики к подкове, при этом ставит на гвоздиках свое имя
Преданный Родине	«…спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные…» «…наша русская вера самая правильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы…»	Левша верен своей Родине, и никакие уговоры не смогут изменить его отношение к Отечеству, он гордится предками

Данный прием ориентирует учащихся на осознанное, вдумчивое чтение, поскольку им необходимо «следить» за образом во время всего знакомства с произведением, а также помогает самостоятельно прокомментировать мысль автора, что облегчает создание вторичного текста.

Таким образом, при работе над этой проблемой учитель в рамках изучаемого произведения может подобрать группу приемов, которые

поспособствуют в дальнейшем учащимся «открыть» произведение, «увидеть» героев, проникнуть в авторский замысел. И тогда у ребенка возникнет желание поделиться открытиями, высказать свое мнение. Это во многом и определяет успех при написании творческой работы, а возможно, поможет учащемуся раскрыть свой потенциал.

Библиографический список

1. Столярова, И. В. Лесков. Полное собрание сочинений : в 30 т. Вступительная статья к т. 1 / И. В. Столярова. – М., 1996.
2. Через чтение – к развитию личности: материалы науч.-практ. конф, 17 октября 2007 г. – Шацк : Шацкий муниципальный р-н, 2008.

М. И. Кувшинова
(г. Пенза, Россия)

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ РУССКОГО ЯЗЫКА, ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. Рассматривается проблема реализации межпредметных связей на уроках русского языка. Русский язык в качестве учебного предмета вступает в непосредственные межпредметные связи с такими учебными предметами, как география и история. Эта связь может проявляться при изучении топонимов. Работая с топонимами на уроках русского языка, учитель-словесник способствует повышению интереса у школьников к предмету «русский язык», помогает учащимся овладеть умениями и навыками по русскому языку.

Ключевые слова: топоним, межпредметные связи, учебный предмет, русский язык, география, история.

В настоящее время вопросу реализации межпредметных связей в процессе обучения в уделяется особое внимание как учеными, так и учителями-практиками. Все они единодушно отмечают, что межпредметные связи способствуют глубине и прочности знаний, расширяют кругозор учащихся, содействуют воспитанию у них устойчивых познавательных интересов.

Русский язык принадлежит к числу тех учебных дисциплин, где вопрос о межпредметных связях разработан недостаточно глубоко и многопланово. В опубликованных статьях чаще всего рассматриваются связи русского языка с литературой, как предметом наиболее близким, родственным, значительно реже – с другими учебными дисциплинами. Причем устанавливаемые контакты преследуют обычно цели: обогащение словаря учащихся предметной терминологией, работу над правильным и выразительным чтением, закрепление навыков правописа-

ния. Наиболее распространенным способом реализации межпредметных связей оказывается использование на занятиях по русскому языку текстов из разных школьных учебников.

Современная действительность нуждается в более широком подходе: активном установлении связей русского языка с самыми разными школьными предметами; определении особенностей контактов с тем или иным предметом, так как специфика каждого из них находит разное выражение в отборе содержания, типах упражнений и других конкретных приемах реализации; осуществлении связей не только в практических аспектах обучения (обогащение словаря, выработка навыков правописания и т.п.), но и в плане углубления теоретического изучения тех или иных языковых явлений; поиске новых возможностей в развитии речи учащихся. Межпредметные связи позволяют строить познавательную деятельность учащихся на основе общенаучных идей и методов. Они формируют общие способности учиться и раскрывают общие принципы построения науки [Беленький 1977: 58].

Русский язык принадлежит к числу тех учебных дисциплин, где вопрос об осуществлении межпредметных связей особенно важен. Межпредметные связи отражают комплексный подход к воспитанию и обучению, позволяют вычленить как главные элементы содержания образования, так и взаимосвязи между учебными предметами [Максимова 1987: 25].

Межпредметные связи – это, во-первых, целевые и содержательные совпадения, объективно существующие между учебными дисциплинами, во-вторых, организационные формы использования данного материала в процессе изучения тех или иных явлений.

Общее содержание контактирующих предметов держится на одинаковых понятиях, например: звук, слово, морфема, часть речи, словосочетание, предложение, буква, текст, стиль и т.д., во втором случае – на смежных понятиях. Так, общее содержание в русского языка и истории выражается в следующем: на уроках русского языка мы говорим о развитии языка, устаревших словах, новых словах, национальном языке, диалектах, а в истории – о развитии общества, новых явления в жизни общества, нации, народа. Такую же параллель можно провести между русским языком и географией: в русском языке анализируем группы языков народов России, славянские языки, а в географии знакомимся с народами мира, народами, населяющими Россию, языковыми семьями.

Говоря о межпредметных связях трёх учебных дисциплин – русского языка, географии и истории, невозможно не обратиться к такому понятию как топоним. Топонимика имеет важную культурно-историческую ценность, её источниками являются некоторые данные, используемые в истории, географии и лингвистике [Суперанская 2014: 21]. В топонимике отражаются природные реалии, особенности освое-

ния определённой территории, мировосприятие и мировоззрение людей [Никонов 2011: 52]. Все топонимы обладают общим свойством – они отражают в определенной мере социальные, экономические и географические аспекты жизни человеческого общества [Мурзаев 2013: 12]. Возможно повышение внимания и интереса учащихся к предмету путём анализа топонимов Пензенской области – нашей малой родины.

Топонимика Пензенской области – совокупность географических названий, включающая наименования природных и культурных объектов на территории Пензенской области [Полубояров 2010: 6]. Данный материал можно использовать на уроках русского языка при изучении раздела «Лексика» при изучении происхождения слов. Результаты глубокого анализа происхождения топонимов покажет школьникам, что в топонимии региона можно выделить три основных пласта [Пензенская энциклопедя 2001: электронный ресурс]: финно-угорский (Пенза, Исса, Пичилей, Сура и др.), тюркский (Ахуны, Вершаут, Сыромяс, Тарханы и др.), славянско-русский (Кузнецк, Каменка, Сосновка,Чемодановка и др.).

Интересным для школьников может быть и рассмотрение топонимов Пензенского края с точки зрения мотивации. Чаще всего топонимы мотивированы именем или фамилией человека (например, деревня Александровка Башмаковского района, основанная на землях Александра Львовича Нарышкина; село Титово Пачелмского района, одним из владельцев которого был Данила Иванович Титов). Истории имена этих людей стали известны после того, как появились наименования рассматриваемых населённых пунктов. Так, топоним Александровка появился в 1800 г., т.е. при жизни Александра Львовича (1760–1826). Топоним Титово появился в начале 18 в., как раз в то время, когда Данила Иванович Титов владел землями, на которых расположено село Титово.

Встречаются на карте Пензенской области и населённые пункты, названия которых мотивированы особенностями местности. Так, посёлок Завраг назван по местоположению «за оврагом».

Весомую группу составляют топонимы, мотивированные названиями водных источников. Например, посёлка Исса в Иссинском районе происходит от названия реки Иссы, по обе стороны которой расположен посёлок. А название реки в свою очередь происходит от буртасского ис – «вода, река».

Кроме того, на территории Пензенского края разнообразный растительный и животный мир, и некоторые топонимы отражают природу данной местности. Растения и животные, имея тесную связь с историей человечества, играют огромную роль в жизни человека и хозяйстве, поэтому особый интерес представляет группа топонимов, мотивированных названиями объектов флоры и фауны. Например, посёлок Журавли и село Соколовка Никольского района, посёлок Волчий и деревня Лисовка Пензенского района, село Каргалейка Шемышейского

района (происходит от мордовского слова карго – «журавль, гусь, ворона», вообще крупная птица; и лей – «речка»). В этой группе наименований отметим и посёлок Берёзовка Колышлейского района, посёлок Дубрава Земетчинского района и т.д.

По вышеприведённым примерам можно сделать вывод о тесной связи русского языка, истории и географии. Интеграция предметов – одно из направлений активных поисков новых педагогических решений. Межпредметная интеграция с использованием краеведческого материала активизирует мыслительную деятельность школьников, вызывает большой интерес к истории Пензенского края.

При изучении раздела «Словообразование» также может быть задействован материал по топонимике Пензенской области. Топонимы можно рассмотреть с точки зрения их образования. Ведущую роль здесь играет аффиксация. Наибольшую активность имеют суффиксы -анск, -инск, -енск, -овск, -евск, -ов(а), -ов(о), -ев(а),-ев(о), -ин(а), -ин(о): посёлок Замокшанский (Мокшанский район), посёлок Ильинский (Наровчатский район), село Покровское (Белинский район), село Гурьевское (Иссинский район), село Грабово (Бессоновский район), деревня Надеждино (Колышлейский район) и др. Достаточно продуктивна модель, где в одном названии объединяются два признака объекта (сложные и составные топонимы): село Зеленодольское (Никольский район), село Мокрая Поляна (Никольский район) и др.

Таким образом, межпредметные связи функционируют в процессе обучения как существенный фактор активации учебно-познавательной деятельности учащихся, которые качественно преобразуют все ее компоненты. Межпредметные связи – важнейший фактор оптимизации процесса обучения, повышение его результативности, устранение перегрузки учителей и учащихся. Используя межпредметные связи русского языка, географии и истории на уроках, педагог подготовит учащихся грамотных в широком смысле этого слова, вооруженных навыками пользования устной и письменной речи в такой степени, в какой это будет им необходимо для творческой, производственной и общественной деятельности.

Библиографический список

1. Беленький, Г. И. О воспитательно-образовательных аспектах межпредметных связей / Г. И. Беленький // Советская педагогика. – 1977. – № 5. – С. 56–61.

2. Максимова, В. Н. Межпредметные связи в учебно-воспитательном процессе современной школы / В. Н. Максимова. – М. : Просвещение, 1987.

3. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. – М. : Мысль, 2013.

4. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. –2-е изд. – М. : ЛКИ, 2011.

5. Полубояров, М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики / М. С. Полубояров. – М. : ФОН, 2010.

6. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий / А. В. Суперанская ; отв. ред. Г. В. Степанов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2014.

7. Топонимия / Пензенская энциклопедия. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. – URL: http://www.twirpx.com/file/1792884/grant/ (дата обращения: 12.09.2018).

Е. И. Логинова
(г. Пенза, Россия)

СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Аннотация. Предлагаются оригинальные методические подходы к изучению рассказа Чехова «Случай из практики» в 10 классе. Особое внимание уделяется проблеме использования современных стратегий чтения.

Ключевые слова: стратегии чтения, речевая деятельность, творческая деятельность, поэтика рассказов Чехова.

Имя Антона Павловича Чехова известно во всем мире не потому, что его рассказы коротки и забавны, а потому, что они глубоки по содержанию. Маленький рассказ у писателя «вырастает до высоты эпического повествования» [Дунина 2012: 30].

Для старшеклассников особенно интересны зрелые произведения А. П. Чехова, в которых в малой форме передана вся жизнь человека. Одно из таких произведений – рассказ «Случай из практики», знакомство с которым школьникам предлагается в 10 классе (программа под редакцией В. Ф. Чертова). Рассмотрим, каким образом организуется деятельность учащихся в процессе изучения данного рассказа писателя.

Целью урока станет создание условий для развития у школьников культуры читательского восприятия художественного текста, понимания авторской позиции; совершенствование умений анализа литературного произведения как художественного целого; воспитание духовно развитой личности, готовой к самопознанию и самосовершенствованию; формирование гуманистического мировоззрения, гражданской позиции, любви и уважения к литературе.

Работу с художественным текстом начинаем с использования стратегии предтекстовой деятельности «Линии сравнения или антиципация». До чтения учащиеся читают утверждения и отмечают слева заранее составленное представление о чем-либо, используя следующие значки: «++» – согласен полностью, «+» – согласен частично, «–» – не согласен. Мы предлагаем следующие суждения:

1. Словом можно вылечить неизлечимые болезни.
2. Богатство может быть причиной нервных припадков.

3. Фабрика работает для счастья гувернантки.

4. Забота матери может вызвать слезы дочери.

5. Порядки на фабрике сравнимы с порядками в остроге.

Предложенная работа создает для учащихся мотивацию к чтению, происходит развитие такого важного читательского умения, как антиципация. После чтения рассказа учащиеся заполняют третью графу таблицы и делают вывод, изменилась ли их точка зрения на те или иные суждения после знакомства с произведением.

В рассказе писатель раскрывает суть явления капитализма на примере судьбы Лизы Ляликовой – человека, который чувствует ответственность за все, что происходит в жизни. Совестливость и честность не позволяют ей воспользоваться всеми прелестями роскошной жизни и превратиться в счастливую невесту с богатым приданым. Все это преследует ее как кошмар.

Осмысление учащимися особенностей проблематики рассказа возможно при использовании приема аналитической беседы, в ходе которой будет осуществляться анализ ключевых эпизодов рассказа: приезд ординатора Королева на фабрику, знакомство с семьей Ляликовых, встреча с больной, ночь на фабрике, разговор с Лизой, отъезд врача. Анализируя сюжетно-композиционные особенности рассказа, учащиеся отмечают психологические детали, позволяющие увидеть душевное состояние доктора Королева и дочери владельцев фабрики.

В ходе беседы учащиеся отмечают такую черту поэтики рассказа, как отражение в названии произведения внимания автора к обыкновенному, будничному, но случившемуся неожиданно, осознают значение фигуры доктора Королева не только в развитии сюжета, но и в раскрытии авторского замысла, отношение к явлению капитализма в целом. Вслед за писателем учащиеся задумываются, может ли богатство принести человеку настоящее счастье.

Осмыслению и более глубокому проникновению в художественную ткань сюжета служит работа с отрывком из «Записной книжки» А. П. Чехова, в котором отражается отношение писателя к фабрике, рабочим и хозяевам. «Взглянешь на фабрику где-нибудь в захолустье. И тихо, смирно, но если взглянуть вовнутрь, какое непроходимое невежество хозяев, тупой эгоизм, какое безнадежное состояние рабочих, дрязги, водка, вши» [Чехов 1980: 81]. Сравнение записи автора с текстом рассказа позволяет школьникам убедиться в том, что задачей писателя было не показать бесчеловечные условия работы на фабрике, а изобразить одинокого человека и его страдания.

Переломным моментом в развитии действия становится ночлег доктора в чужом доме, хотя Королеву этого не хотелось. Именно ночью ординатор осознает весь масштаб трагедии жизни Лизы Ляликовой. Важным в раскрытии замысла становятся внутренние монологи Королева. Острое ощущение неблагополучия, нездоровой обстановки вокруг рисует

в сознании ординатора образ фабрики-дьявола – жуткого чудовища, поглощающего человеческую жизнь: «Хорошо чувствует себя здесь только одна гувернантка, и фабрика работает для ее удовольствия. Но это так кажется, она здесь только подставное лицо. Главный же, для кого здесь все делается, – это дьявол» [Чехов 1977: 81].

Доброта и ум Королева позволяют Лизе увидеть в докторе чистую, открытую душу, проникнуться к нему доверием и поверить в его обещание: «Хорошая будет жизнь лет через пятьдесят» [Чехов 1977: 85]. Доброта и способность разделить боль с другим человеком становятся лучшим лекарством для страдающей девушки.

Логическим продолжением работы над анализом образов рассказа станет такой прием психологического анализа, как составление партитуры чувств. Расшифровка художественных деталей в разных эпизодах рассказа с целью выявления внутренних переживаний героя позволяет наглядно представить помощь Королева в лечении Лизы Ляликовой. Работа по составлению партитуры чувств способствует осуществлению глубокого текстуального анализа произведения и приближению учащихся к пониманию внутреннего облика художественного героя. Продуктом психологического анализа станет ось в системе координат, берущая начало от эпизода приезда доктора на фабрику и продолжающаяся до кульминационного диалога героев ночью и отъезда. Вертикальная ось представлена палитрой чувств главного героя. Горизонтальная ось указывает основные эпизоды рассказа. Так, по приезде доктора в фабричный поселок героя пленяла красота природы, «тихое настроение кругом» [Чехов 1977: 75]. Во время знакомства с семьей и диагностики больной ему «стало скучно» [Чехов 1977: 78], он пожимает плечами, но постепенно меняется его отношение к девушке: первое впечатление «существа несчастного, убогого» [Чехов 1977: 77] сменяется сочувствием к «мягкому страдальческому выражению, которое было так разумно и трогательно» [Чехов 1977: 77]. Поворотная в развитии сюжета ночь на фабрике демонстрирует новые чувства Королева: «металлические звуки» отзываются в его душе «странно и неприятно» [Чехов 1977: 79], и он представляет «чудовище с багровыми глазами» [Чехов 1977: 81]. Отъезд героя по палитре чувств соотносится с эпизодом приезда: своей добротой и чуткостью он помог больной душе, и теперь ему «приятно» [Чехов 1977: 85] ехать в тихое весеннее воскресное утро на тройке и мечтать о светлой и радостной жизни.

Финал рассказа светлый и оптимистичный: герои верят, что наступит то время, когда «жизнь будет такою же светлою и радостной, как это тихое, воскресное утро» [Чехов 1977: 85].

Для формирования речевой активности, развития творческих способностей учащихся считаем целесообразным создание амплификации, «дописывание» финала произведения. Такая работа способству-

ет более глубокому постижению идейно-художественного своеобразия рассказа А. П. Чехова, осмыслению произведения. Кроме того, такой вид работы позволит читателю «примерить» на себя роль писателя; ученик «развивает и совершенствует речевые умения, приобретает речевую свободу, получает удовольствие от деятельности и ее результата. Для него письменное "общение" с произведением может стать и интеллектуальным развлечением, и креативной игрой» [Романичева, Пранцова 2017: 92].

Таким образом, предложенные подходы дают учащимся возможность рассмотреть произведение в единстве содержания и формы, призваны более глубокому осмыслению школьниками поэтики рассказов А. П. Чехова, формированию речевых умений, обогащению эмоциональной сферы, развитию индивидуальных и личностных качеств.

Библиографический список

1. Дунина, Е. В. Коллизия греха и покаяния в рассказе А. П. Чехова «Случай из практики» / Е. В. Дунина // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, май 2012 г.). – М. : Буки-Веди, 2012. – 130 с.

2. Романичева, Е. С. От «тихой радости чтения» – к восторгу сочинительства : монография / Е. С. Романичева, Г. В. Пранцова. – М. : Библиомир, 2017. – 232 с.

3. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1977. – Т. 10. – 496 с.

4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1980. – Т. 17. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. – С. 7–105.

С. С. Пашковская
(г. Пенза, Россия)

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В качестве материалов исследования языковой картины мира отобраны рекламные тексты, которые интересны с лингвистической и культурологической точки зрения. Фонетический, лексический, грамматический и лингвокультурологический анализ рекламы интересен и эффективен на уроках русского языка как иностранного.

Ключевые слова: языковая картина мира, рекламный текст, обучение русскому языку как иностранному.

В качестве материалов исследования языковой картины мира отобраны рекламные тексты, которые интересны с лингвистической и культурологической точки зрения. Реклама – новое явление современной культуры.

Рекламные тексты привлекают исследователей не только как специфический жанр публичной (книжно-литературной речи), в котором нет никаких ограничений с точки зрения языковых средств, но и как интересный лингвистический материал для работы в иноязычной аудитории. Для анализа современной российской рекламы на уроках РКИ необходимо рассмотреть некоторые теоретические положения рекламы не только как лингвистического, но и как специфического текста.

В истории развития рекламы были интересные периоды взаимопроникновения рекламы и литературы. Известный факт использования в США литературного текста «Война миров» в качестве рекламного: вкрапление информации о товаре в оригинальный текст. Воздействие на слушателей, относящихся с большим доверием к звучащему тексту (неумение критически воспринимать информацию), было очень сильным. Упоминание бренда аккуратно было «встроено» в текст: страницы романа подавались в виде информационных блоков с «вкраплением» рекламы. Многие жители Америки, включившие новостные программы, на полном серьезе воспринимали информацию о напавших на землю пришельцах. Рассматривался вариант спасения – спуститься в бомбоубежище и … воспользоваться рекламируемым товаром. Рекламодатели, отличившиеся творческим подходом, учли все, кроме вероятной паники.

Реклама проникла в художественные тексты современной литературы. Иногда трудно отличить в литературном произведении рекламу от реалии. Реалии – это часть реальности, повседневности, а реклама мистифицирует, восхваляет то, чего (так часто) нет на самом деле. На продвинутом этапе обучения можно предложить иностранным студентам подумать: есть ли реклама ресторана в тексте А. С. Пушкина «Евгений Онегин». «*К Talon помчался: он уверен, что там уж ждет его Каверин*…» – блестящие строки поэта о прекрасном ресторане того времени. Вслед за литературоведами предположим, что это не реклама, а часть повседневности, той реальности, в которой живет герой А. С. Пушкина.

Во время вводно-фонетического курса русского языка иностранные студенты (когда знакомятся с «Ты и Вы» А.С. Пушкина) узнают об огромной любви россиян к поэту, поэтому ни студенты, ни мы, носители языка, не удивляемся тому, что великий поэт А.С. Пушкин был «встроен» в рекламную коммуникацию и столетия спустя: «*Пока недремлющий брегет не прозвонит ему обед*». Реклама, отражающая языковую картину мира носителей русского языка, стала успешной и удачной рекламой часов.

Имя и творчество А. С. Пушкина активно эксплуатируется в рекламе на русском телевидении и сегодня. Вспомним рекламную кампанию «Майского чая» с портретом А. С. Пушкина и слоганом: «Нам есть что любить. Нам есть чем гордиться». Новогодняя коллекция чая в

шарах – елочных украшениях с иллюстрациями сказок поэта. А на экранах телевизоров – С. Безруков (в образе поэта) читает строки из романа «Евгений Онегин»: «*По ча4шкам/ темною струе4/6ю/ уже души6стый чай бежа1л, /и сли2вки/ мальчик подавал*…» (ИК-4; ИК-6; ИК-1; ИК-2- интонационные конструкции русского языка по теории Е. А. Брызгуновой; /- синтагматическое членение).

Фонетический, лексический, грамматический и лингвокультурологический анализ рекламы интересен и эффективен на уроках РКИ.

Рассмотрим, на наш взгляд, неудачную попытку рекламодателей использования классических литературных текстов с целью привлечения покупателей через *узнаваемость*: «*Зима2// Крестья4нин,/ торжеству3я,/ к Махееву поехал через ле1с// Его лоша4дка / снег не чу1ет// Лоша5дка/ чует майоне5з!//*». Звучание рекламного текста соответствует «шедевру»: несколько пародийное чтение с взвинченными интонациями (ИК- 4; ИК-5; ИК-3) на фоне мультипликационных кадров, где в конце ролика крестьянин и «лошадка» ложками едят майонез из банок около избушки с надписью «Махеевъ»! Это прием *использования литературного текста* в рекламе. При узнавании классического текста в голове носителя русского языка происходит неконтролируемый «всплеск» симпатии к рекламируемому товару (даже несмотря на пародийную интерпретацию любимых текстов поэта). Общий *культурный цитатник* (из книг, фильмов и т.д.) объединяет народ, создает единый «культурный багаж», формирует национальную языковую картину мира.

Использование литературных текстов в рекламе имеет положительную тенденцию – узнаваемость культурного кода нации, что важно для единения народа (и очень трудно для понимания носителей другой культуры, другого языка, другой языковой картины мира).

Новый вид рекламы – «встроенность» «проплаченного» товара в сюжет и канву литературного текста. Например, детектив «Филе из золотого петушка» (отсылка к «раскручиваемому» товару «Филе из золотого петушка», название которого, в свою очередь, является отсылкой к сказке А. С. Пушкина). Для носителя русского языка все прозрачно и понятно, у иностранца, знающего русский язык (но не культуру и литературу), такой общей картины не будет.

В произведениях, ориентированных на мужскую и женскую аудиторию, появилась скрытая реклама огромного количества брендов. Виктор Пелевин придумал слоган для своего романа: «Квас не кола!», заимствованный производителем кваса и превратившийся: «Квас не кола! Пей Николу». Реклама кваса «Никола» (игра слов, приемы омонимии). Сравним: «Быть русским по приколу» (омонимично «при» (в значении – «гони») колу! Языковая игра скрыта от иностранных учащихся, скрыт общий подтекст.

Итак, можем сделать вывод о национально – специфическом контексте рекламы, ориентированной на некий культурный код нации и культурный цитатник текстов, отражающих некую ментальную программу народа.

После знакомства с рекламой российских копирайтеров можно предложить подумать студентам над переводной рекламой. Почему западная реклама (профессионально сделанная, но противоречащая русскому менталитету) не пользуется успехом в России. У многих думающих людей в России вызывает отторжение одна из самых популярных реклам на Западе. Вспомним слоган компании L Oreal, которому более сорока лет: «Ты этого достойна!» Достойна чего? Очень непонятная в русском контексте и в русской культуре фраза. Текст написан в Америке в 70-ых годах, в период расцвета феминизма. Копирайтер Илон Шпехт предложила достаточно большой текст, который приведем в сокращении: *«Я пользуюсь самой дорогой краской для волос в мире. Я не беспокоюсь о деньгах... На самом деле, я не против того, чтобы потратить на L Oreal еще больше. Потому что я этого достойна*». Попытка оправдаться? Это извинение перед мужем за потраченные на себя деньги? Текст странный для современного носителя русской культуры, так как много исторических, социальных, экономических различий западной и русской культуры. Во Франции текст рекламы также был принят неоднозначно – оценивался как «всплеск» американского феминизма.

Еще одна противоречащая русскому менталитету, но «прижившаяся» на российском телевидении реклама. В 1992г. в России появилась французская фирма «Данон», которая запустила на российский рынок (вместе с продуктом) слоган: «И пусть весь мир подождёт…» Слоган стал жить в русскоязычной среде своей жизнью: в кино, в общении, в интернете, в шутках. Слоган прижился, испытав на себе воздействие русской культуры и национального стереотипа. В интернете этой фразой характеризуют неадекватные поступки людей, забывших о нормах поведения в обществе.

В нашем исследовании не стоит задача разграничения национально маркированных и переводных реклам на русском телевидении, но мы не могли не затронуть вопрос непонимания и неприятия носителями русского языка переводных реклам, не учитывающих культурные различия. Россия исторически коллективистская страна и насаждаемый западной культурой индивидуализм противоречит русской соборности, русскому единству. «И пусть весь мир подождет!» – слоган, который нарушает все нормы и правила поведения в российском обществе. Россия (по классификации Г. Хофштеде) – страна коллективисткая, с высокой дистанцией власти (уважением и принятием авторитета вышестоящего), феминная (в которой приняты сочувствие к слабому, желание помочь, а не сбросить «с дистанции»; взаимопонимание и вза-

имопомощь между людьми). И вода камень точит. Такая реклама (если провести лингвистический анализ) отчасти разрушает морально-нравственные ценности, сложившиеся и принятые в российском обществе. Молодое поколение, не имеющее навыка критического анализа, быстро усваивает западные нормы, что, в свою очередь, приводит к непониманию между поколениями, которые будут ориентированы на разные ценности.

Рекламные тексты отражают языковую картину мира носителей языка. Знакомство с рекламным текстом на уроках РКИ методически обосновано, эффективно и интересно.

Рекламные тексты можно использовать на практических занятиях русского языка как иностранного, на практической грамматике, на уроках по теории и практике межкультурной коммуникации, на практических занятиях по фонетике и интонации русского языка и т.д. Приведем задания на материале рекламных текстов.

Рассмотрим средства выразительности речи.

- *Аллитерация*-повторение согласных
- Лексический повтор

Например:

3/4 2 3

«*Нет ничего долговечнее / батареек «Energizer» // Они работают, и*

3/4 3/6

работают, / и работают...»); – аллитерация - [б]- [р]- [т]-[н]; мы видим, как обыгрывается звучание слова «Energizer».

Реклама компании *«Energizer» стала битвой за розового кролика.* Кролик Duracell с ярко выраженными антропоморфными чертами (кролик – спортсмен) и заводная игрушка-кролик Energizer, который ритмично бьет в барабан, а голос за кадром произносит ритмичный маршевый слоган компании : «*Все еще иде2т/, иде2т /и иде2т//*».

Лингвистически узнаваемый текст, хотя и с другим лексическим наполнением. Два слогана – предложения, построенные по принципу синтаксического параллелизма с лексическим повтором глаголов. Для слоганов характерен ассонанс и аллитерация. Небольшой текст с приятным и бодрым голосом за кадром.

Была попытка изменить на слоган: «*Позити5вная эне5ргия*» (по-русски звучит не очень убедительно, несмотря на преобладание звонких и сонорных согласных, ассоциативно не воспринимается с долго работающими батарейками: [п]-[т]- и гласный [и] «закрывают» собой звуковое пространство более «энергичных» звуков. В 2016 году была запущена реклама с обновленным кроликом и старым надежным слоганом. Рейтинг узнаваемости кролика и слогана – 98 %.

Розовый кролик Duracell тоже претерпел изменения. В рекламном тексте игрушечные звери характеризуют кролика – спортсмена одним

словом. По-английски звучит более энергично и обоснованно, чем по-русски. Вот что получилось: «*Неисчерпа2емый//. Неустабнный//. Сумасше2дший//. Безубмный//. Грацио4/бзный//. Неостанови2мый//. Выно2сливый*//». Отнюдь не самая хорошая характеристика! По-русски звучит неубедительно. Неприятны не только значения названных прилагательных (кроме выносливый и грациозный), но и их фонетическое оформление («сумасшедший» и «безумный» имеют отрицательную окраску).

Борьба двух компаний за «розового кролика», слоганы и покупателей продолжается 45 лет (с1973!) года.

На уроке отрабатывается лексический материал, выразительные средства речи, фонетические и интонационные особенности звучащего текста, а также коммуникативные задания: «подумать», «обсудить», «предложить свою рекламу» и т.д.

Рассмотрим еще варианты заданий на уроке РКИ.

Тематическая линия – интеграция одной идеи, имеющей отношение к главной концепции, по всему тексту рекламы.

Например, реклама 7days (30 секунд)

Мама с дочкой на кухне. Мама говорит дочке, а та крупными буквами пишет в блокноте 7days после каждой маминой реплики ставит «галочку»

Ты запи3сываешь / Нам нужно что-то на за3втрак / к ча4/бю/ что-нибудь вам с собо3й / в шко/4/блу/ и / конеч4/бно же /люби4/бмое па3пино / ла4комство // – интонация, не по нормам русского литературного языка (по мнению В. С. Елистратова, «английское взвинчивание», необоснованное употребление интонационных конструкций незавершенного высказывания). Для норм литературного языка характерна понижающаяся интонация завершения. Почему многие русские любят старые фильмы и спектакли 50 – 60 гг.? Секрет прост – «терапевтическая» интонация. «ТА-ТА-ТА вниз; ТА-ТА-ТА вниз» – можно закрыть глаза, даже не вслушиваясь в смысл текста, успокоиться. *Проблемное задание*: согласны ли вы с теорией исследователя Б. В. Томашевского, что все звуки русского языка делятся на легкие и затруднительные [Томашевский 1983]. Наиболее легкими являются: 1) гласные; 2) сонорные, за исключением звонкого [р]; 3) звонкие фрикативные [в], [ж], [з]; 4) глухие аффрикаты; 5) кроме того, благозвучная речь, в которой гласные сменяются согласными; 6) не встречается подряд несколько гласных и несколько согласных. Речь, наполненная такими звуками, как [ч], [ш], [ц], [щ], [к], считается неблагозвучной. Благозвучие становится ощутимым, если вводится некоторое звуковое однообразие, что достигается путем повторения звуков.

В качестве неудачной рекламы, нарушающей законы благозвучия и вызывающей негативное отношение к продукту, можно назвать «Чевапчичи от кампании «Мираторг»».

Традиционное балканское блюдо очень неблагозвучно и неудачно обыграно в рекламном тексте, как результат – неприятие самого продукта.

Что2/ это//?Чева2пчичи/, чева2пчичи/, чева2пчичи//

Неблагозвучное слово повторяется с разной интонацией: вопросительной (ИК-3,4,6) утвердительной (ИК-1), экспрессивной (ИК-5).

Еще вариант этой же рекламы: «Не *успе4/бете вы сто раз сказать //: «Чева4/бпчичи/ , как все3/ будет гото2во….». Дети кричат: «Чева4/бпчичи, чева4/бпчичи…»*

А вот реакция носителей русского языка на эту рекламу: «Так и хочется в телевизор запустить чем-нибудь…». «Чириканье какое-то!». «Птичий язык!». «Какое гадкое слово «чевапчичи»». «Ну и названьице! Будто чихнул кто-то!». «Реклама отбила все желание пробовать!» «Продукт, наверное, такой же отвратительный, как это слово». «Нет! Покупать не буду. Неприятное название!» «Ужасно отвратительное слово! Надо исключить его из рекламы». И это еще самые мягкие отзывы носителей языка.

Это странное название – вкусное блюдо (по оригинальному рецепту) балканской (сербской) кухни, но в связи с фонетическим неблагозвучием звуков – продукт вызвал негативную реакцию носителей русского языка.

И это неслучайно! Повтор согласных (аллитерация) или повтор гласных (ассонанс) целенаправленно воздействуют на человека. Употребление звуков «как некий эквивалент выражения называется звуковой метафорой». Некоторые звуковые повторы способны вызывать не только определенные эмоции, но и некие образы. Изучается «воздействующий потенциал отдельных звуков человеческой речи – фоносемантика». Считается, что образуется ассоциативная составляющая звуков и передающих их букв. Эти непосредственные связи между звуком и смыслом весьма смутны, с трудом поддаются прояснению и могут опровергаться множеством примеров, но они ощущаются, передаются и по крайней мере отчасти обладают общезначимостью – таковы, например, звуко-изобразительные ассоциации (рокот – Р, плавность и тягучесть – Л и т.д.)». «Например, звук [р] воспринимается как динамичный, решительный, мужественный; звуки [п] и [б] – как солидные, основательные и надежные; [л] и [н] – как женственные, легкие, нежные. Замечено было, что звук [о] производит впечатление мягкости и расслабленности, даже эмоциональной теплоты (т-о-о-лстый к-о-о-т). Преобладание звуков [а] и [э] в речи говорящего, как правило, ассоциируется с эмоциональным подъемом. Недаром этот эффект используют признанные поэты-песенники. А вот звук [ы] производит впечатление чего-то мрачного, неприятно непонятного, сходное ощущение возникает и от обилия согласных, особенно шипящих». А. П. Журавлев считает приятными, хорошими (а,о,м,ю) и неблагозвучными (щ,ф,х). Выде-

ляет женственные (ф,ю) и мужественные (д,а,х,о,р), горячие и холодные [Журавлев 1991: 87]. Разработана специальная компьютерная система VAAL, которая позволяет оценить эмоциональное воздействие звуков на человека. Программа VAAL негативно оценила рекламу одной косметической фирмы: *И моя ко4/6жа / нежнее шеблка//...* Повторяемость неблагозвучных [к,ж,ш]. В восприятии носителей русского языка данная реклама не вызывает негативной реакции, возможно, семантика лексических единиц «нежнее шелка» или использование приемов аллитерации и ассонанса смягчает неблагозвучие согласных.

Итак, фонетико-интонационный, лексический и грамматический материал рекламы, анализ выразительных средств речи, культурных традиций, особенностей восприятия и отражения языковой картины мира носителей русского языка – все это позволяет сделать *вывод*. Рекламный текст – богатый аутентичный материал для работы на уроках русского языка как иностранного.

Библиографический список

1. Журавлев, А. П. Звук и смысл /А. П. Журавлев. – М., 1991.

2. Томашевский, Б. В. Стилистика : учеб. пособие / Б. В. Томашевский. – 2-е изд. – Л. : ЛГУ, 1983.

Л. П. Перепелкина
(г. Пенза, Россия)

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. Предлагается методика урока по формированию у школьников коммуникативных умений следующих групп: коммуникация как взаимодействие, коммуникация как сотрудничество, коммуникация как условие интериоризации.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, коммуникативная деятельность, творческая деятельность; работа в малых группах.

Модернизация школьного образования выдвинула принципиально иные требования к учебному процессу и его результатам. Основополагающей стала деятельностная парадигма, которая в качестве цели образования определила формирование универсальных учебных действий – познавательных, регулятивных и коммуникативных.

С точки зрения А. Г. Асмолова, коммуникативные универсальные действия «обеспечивают социальную компетентность и учет позиции других людей, партнера по общению или деятельности, умение

слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем, интегрироваться в группу сверстников и продуктивно взаимодействовать и сотрудничать со сверстниками и взрослыми» [Асмолов 2011: 8].

В связи с этим подходом выделяются следующие группы коммуникативных универсальных действий: коммуникация как взаимодействие; коммуникация как сотрудничество; коммуникация как условие интериоризации.

Рассмотрим пути организации коммуникативной деятельности школьников при изучении фольклорной пьесы «Озорник Петрушка» на уроке литературы в 5 классе (программа под редакцией Т. Ф. Курдюмовой).

К теме «Фольклорный театр» школьники обращаются впервые, поэтому на этапе мотивации предлагаем учащимся прослушать аудиозапись народной песни «По улице мостовой», после чего – ответить на вопросы: Какие ассоциаци возникли у вас при прослушивании музыкального произведения? Какое настроение вызвала у вас эта песня? Учащиеся отмечают, что в момент прослушивания песни воображение рисует шумное, красочное ярмарочное гулянье. Песня вызывает радостное настроение, ощущение праздника.

После слова учителя, содержащего информацию о том, что неотъемлемой частью народных гуляний был кукольный театр, театр Петрушки, и одной из пьес этого театра была «Озорник Петрушка», школьники формулируют тему и задачи урока.

Индивидуальные сообщения учеников расширят представления учащихся о кукольном театре и любимце публики Петрушке и дополнят материал вступительной статьи, с которой они знакомились самостоятельно, новыми сведениями. В этом случае цель коммуникации – передача информации слушателям и восприятие этой информации слушателями. Это приводит ученика к осознанию важности коммуникативных умений в жизни человека и своей причастности к процессу распространения знаний.

С целью сформировать у школьников элементарное представление о понятии «пьеса» предлагаем организовать работу в парах: Что же такое «пьеса»? Обсудите в парах этот вопрос, а потом предложите формулировку этого понятия. Запишите определение. Прочитайте фрагмент статьи учебника. Сравните ваше определение с тем, что дано в словарной статье. Какие отличительные черты пьесы вам удалось выделить?

Цель коммуникации в данном случае – достижение общей цели.

Седующий этап урока отводится чтению, анализу фольклорной пьесы «Озорник Петрушка» и творческой деятельности – сочинительству сценки из пьсы о Петрушке.

Анализ пьесы направляется следующими вопросами и заданиями: Перескажите содержание одной из сценок пьесы. Какими словами характеризует себя сам герой? Справедлива ли такая самохарактеристика? Какое определение Петрушке дают другие персонажи? Докажите, что Петрушка – действительно озорник. Что помогает герою победить Султана, Капрала, Доктора, Старуху? Только ли скалочка? Подтвердите свой ответ репликами героя. Что делает эти реплики смешными?

В процессе беседы школьники отмечают, что Петрушка предстает озорником, весельчаком. Он ловко разбирется со своими «противниками», помогает ему в этом не только скалочка, но и такие черты характера, как смекалка, хитрость, находчивость. Герой характеризует себя так: «Я – на все руки, со мной нет скуки!... Я – малый веселый: пою, свищу кричу, шучу, играю, скачу, прыгаю!», что вполне соответствует его характеру. Учащиеся отмечают комический эффект, выделяют (на доступном им уровне) приемы, характерные для «народной смеховой культуры» (М. М. Бахтин): драки, избиения, остроумные и алогичные сочетания слов, обыгрывание глухоты партнера и др.

Далее организуется работа в малых группах, результатом которой станет создание сценки из пьесы о Петрушке по заданному вступительному монологу героя и разыгрывание ее в классе. Каждая группа получает задание и инструкции по его выполнению. В этом случае реализуются такие цели коммуникации, как выбор единой точки зрения и достижение общей цели.

Задания для всех групп одинаковые:

Задание 1. Придумайте сценку из пьесы о Петрушке.

Ученик Петрушка (1 группа)

Действующие лица:

Петрушка

Директор гимназии

Учитель математики

Учитель литературы

Доктор

Сцена 1

Петрушка. *Здравствуйте, господа! Вот пришел я к вам сюда. Ушел я от хозяина, расплатился он со мной вчистую – дал мне мошну пустую, уплатил за сутки – день да ночь, и я ушел прочь. Приключилась со мной такая оказия. Иду я по улице, гляжу – гимназия. А сам-то я семи пядей во лбу, дай, думаю, сюда зайду…*

Петрушка в цирке (2 группа)

Действующие лица:

Петрушка

Директор цирка

Дрессировщик

Акробат

Сцена 1

Петрушка. *А вот и ребятишки! Здорово, парнишки! Бонжур, славные девчушки, быстроглазые вострушки! Я ваш старый знакомый – мусью фон-гер Петрушка. Я жонглер и акробат, дрессировщик и клоун, рассмешить всегда всех рад. Тра – ля – ля! Ха – ха – ха! (смеётся). Эй, барин, вы кто?..*

Петрушка на киностудии (3 группа)

Действующие лица:

Петрушка

Режиссер

Актёр

Зритель

Сцена 1

Петрушка. *Доброго здравия, господа почтенные, здравствуйте! Я прибыл первый раз сюда господ повеселить, посмешить! Прогулялся, промотался, в кармане только рупь остался. Иду на свидание, гляжу – патрет на здании. Барин на патрете улыбается, он в кино снимается. А сам-то я семи пядей во лбу, я тоже в кино сниматься могу…*

Задание 2. Распределите роли внутри группы: художники, режиссер, актеры (исполняющий роль Петрушки и другой выбранный для сценки персонаж).

● Задание для художников: оформите афишу к пьесе о Петрушке. Для этого познакомьтесь с лексическим значением слова «афиша»:

Афиша (фр.) – вид рекламы, объявление о спектакле, концерте, вывешиваемое в публичных местах. Цель афиши – привлечь внимание зрителей, вызвать интерес к спектаклю или концерту, сообщить основную информацию о нем [Словарь театральных терминов].

При оформлении афиши к пьесе ответьте на следующие вопросы: Что такое афиша? Каково ее назначение? Какую информацию она должна содержать?

● Задание для режиссера: подготовьте инсценированное представление пьесы.

Инструкция к выполнению задания.

1. Распределите роли среди актеров.

2. Отметьте особенности исполнения той или иной роли: с какой интонацией следует произносить речь героя? Почему?

3. Проведите с актерами «репетицию».

● Задание для актеров: разыграйте сценку из пьесы о Петрушке.

Памятка для актеров.

1. Помните о том, что в драме главное – общение героев друг с другом и со зрителями.

2. Посмотрите, что собой представляет каждая сцена: монолог или диалог.

3. Старайтесь интонацией, мимикой, жестами передать характер героя.

Задание 3. Разыграйте сценку пьесы о Петрушке в классе.

Подобная работа предполагает организацию такой коммуникативной деятельности, в которой каждый учащийся вступает в активное взаимодействие с другими членами коллектива. Формируются такие умения, как умение договариваться; находить общее решение практической задачи, высказывать и аргументировать собственное мнение; доброжелательно относиться друг к другу.

На этапе синтеза школьники отвечают на вопросы: Почему Петрушка стал народным героем и любимцем публики? Почему уличные представления возрождаются в наше время?

На этапе рефлексии учащимся в парах предлагается обсудить ответ на вопрос: Что нужно знать и уметь, чтобы поставить пьсу на сцене?

В качестве домашнего задания школьникам предлагается продолжить работу над сочинительством пьесы о Петрушке (работа в группах).

Таким образом, предложенные методические подходы позволяют учителю сформировать у школьников такие коммуникативные умения, как организовывать сотрудничество и совместную деятельность со сверстниками и учителем, находить общее решение, учитывать позиции других людей, использовать языковые средства в связи с задачей коммуникации, владеть монологической контекстной речью и др.

Библиографический список

1. Асмолов, А. Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий : пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская. – М. : Просвещение, 2011.

2. Словарь театральных терминов. – URL: https://studopedia.ru/12_74958_obrazovanie ---sistema-protsess-i-rezultatvospitaniya-obucheniya-i.html (дата обращения: 10.09.2018).

Т. И. Песчанская, А.К. Тастанбаева
(г. Актобе, Казахстан)

ПРИОРИТЕТЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В современной языковой ситуации необходимо учитывать основные аспекты единого мировое образовательное пространство, которое пред-

ставляет собой: один из ведущих факторов непрерывности образования; совокупность глобальных компонентов содержания, средств и методов обучения, характерных для мирового сообщества.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход; речевая и языковая компетенция; профильное обучение; модульная форма; модуль; зачетно-модульная форма.

Формирование в Казахстане как в суверенном государстве открытого общества с развитыми международными связями, настоятельная потребность интеграции в мировую культуру определяют новый социальный заказ общества по отношению к владению иностранными языками. Одной из важнейших проблем, в этой связи, является учёт принципа изучения иностранного языка с опорой на родной язык обучающихся. Следует выделить группу приоритетных иностранных языков для массового изучения во всех звеньях образования и определить их удельный вес в общеобразовательной подготовке (к сожалению, в настоящий момент приоритеты всё больше отдаются английскому языку, а такие иностранные языки, как: немецкий, французский исчезают из общеобразовательных школ и вузов страны, особенно региональных). Необходимо также изучение языков ближайших соседей (например, китайского), а также основных языков (условно называемых «редкими»), тех стран, с которыми Казахстан поддерживает наиболее тесные дипломатические и культурно – экономические отношения. Очевидно, Республика не будет нуждаться в очень большом количестве специалистов, владеющих так называемыми «редкими» языками.

Важной проблемой является проблема непрерывного обучения иностранным языкам. Этому должно способствовать многозвенное образование: дошкольные учреждения, общеобразовательная и профессиональная школы, школы с углубленным изучением отдельных предметов, в том числе школы нового типа, языковой и неязыковой вузы, система повышения квалификации, поствузовское обучение и самообразование. Дальнейшей разработки требует проблема преемственности как в плане содержания обучения, так и в плане методическом: дифференцирование целей, задач и требований к формированию умений и навыков иноязычной речевой деятельности, а также определения иерархии ведущих видов речевой деятельности на разных уровнях языкового образования [Михеева 2010: 6].

Ведущим в обучении должен стать системно - деятельностный подход, который обеспечивает формирование речевой и языковой компетенций с учетом всех аспектов, включая стратегическую компетенцию. В целом необходимо шире использовать современные компьютерные, в том числе, мультимедийные программы, интерактивное видео, телекоммуникационные системы. При этом нельзя пренебрегать более традиционными средствами обучения. Необходимо применять

адаптивную технологию обучения, целью которой являются проблемные и личностные ситуации, создаваемые учителем на уроке и стимулирующие мыслительную активность и самостоятельный поиск школьников. Указанные формы работы реализуются в организации профильного обучения иностранным языкам.

Анализ научной литературы показывает, что наиболее перспективной инновационной формой организации профильного обучения многие исследователи считают модульную форму. Модуль определяется в дидактике как «относительно законченные и самостоятельные части информации» [ПЭС 2002: 264]. Следовательно, модульное обучение предусматривает изменение формы представления учебного материала, который структурируется на модули, то есть относительно самостоятельные блоки, «что должно придать образовательному процессу большую гибкость и адаптивность. Привычные для традиционной школы «протяжённые» учебные курсы с жёсткой структурой уже не могут в полной мере соответствовать возросшей познавательной мобильности учащихся» [Рыжаков, Филатова 2004: 6].

В каждом модуле должны быть указаны цели и / или планируемые результаты обучения и должна предусматриваться контрольная работа, которая позволяет выявить уровень освоения материала модуля и получить зачет, что дало основание назвать данную форму зачетно - модульной.

Учащийся может сам выбирать для себя набор модулей, часть которых является обязательной для изучения. Он может сам определять последовательность работы над ними и с помощью преподавателя выстраивать свой индивидуальный план, который может предусматривать:

• посещение занятий в группе;

• слушание лекций;

• участие в семинарских занятиях, конференциях;

• индивидуальную работу над материалом модуля в собственном режиме;

• участие в групповой или индивидуальной проектно-исследовательской деятельности по проблематике модуля;

• участие в профессиональных практиках;

• посещение консультаций преподавателя.

Из этого далеко не полного перечня видно, что формы организации деятельности учащихся весьма разнообразны. Существенно, что в целях связи теории с практикой могут использоваться профессиональные пробы, предусматривающие реальное практическое использование иностранного языка, участие в международных форумах, интернациональных молодёжных проектах (например, в контексте диалога культур).

Введение модульной организации обучения влечет за собой изменения в системе оценивания учебных достижений учащихся. Так,

например, в США большое распространение получила накопительная система оценивания – система образовательных кредитов. Один кредит (одна зачетная единица примерно за 30–40 учебных часов) даётся за освоение одного модуля содержания обучения, за освоение следующего модуля – ещё один кредит. Это позволяет осуществлять накопительную оценку результатов обучения [Миролюбов 2010: 322–323].

Применительно к обучению иностранным языкам используется и рейтинговая система оценки, также получившая распространение в зачётно – модульной системе организации профильного обучения. Именно поэтому модульная форма организации обучения часто называется зачётно – модульной, или модульно – рейтинговой.

В качестве объектов контроля в профильном обучении иностранным языкам выступают коммуникативные умения во всех основных видах иноязычной речевой деятельности, а также лексико-грамматические знания и навыки. Количество заданий и количество баллов, которые учащиеся могут получить за выполнение каждого задания, определяются трудностью задания.

Таким образом, зачётно – модульная / модульно-рейтинговая организация профильного обучения позволяет организовать познавательную активность учащихся, ставит их в ситуации выбора и побуждает к принятию самостоятельных решений как в выстраивании своей индивидуальной программы обучения, так и в проведении контроля своих достижений. Она способствует развитию рефлексии. Всё это обеспечивает не только индивидуализацию обучения, которая и развивает самостоятельность учащихся, их автономию и субъектность учения [Миролюбов 2010: 324].

Как отмечают исследователи, механизмы организации образовательного процесса, отражённые в модульно построенной программе, дают возможность преобразовать функции внешнего управления по отношению к учебной деятельности обучаемого в самоуправление. Эта характеристика учебной деятельности может рассматриваться как одна из главных целей современного образования [Рыжаков, Филатова 2004: 6]. На уроках иностранного языка в школах, в которых мы проводили исследования, активно используется проектная методика. Учащиеся вовлечены в креативно-производственный и дифференцированный подход, что, несомненно, сказывается на качестве обучения. Одним из способов организации учебного материала является проблема. Учащиеся знакомятся с путями её решения, попутно усваивая соответствующий языковой материал, принимают участие в обсуждении, ищут свои решения, делают выводы. Учащиеся сравнивают свою культуру и культуру страны изучаемого языка и определяют, как она влияет на наше мировоззрение.

В учебно-методическом комплексе по иностранному языку страноведческие знания составляют содержательную основу. Большинство

текстов являются аутентичными, широко используются средства зрительной наглядности: слайды, фотографии, письма, вывески, рекламные объявления, карты. Знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит путём сравнения имеющихся ранее знаний и понятий с вновь полученными, со знаниями о своей стране, о себе самих. Материал учебников даст учащимся возможность не только сравнивать зарубежного сверстника и самих себя, чужую страну и свою, но и выделять общее и специфичное, а это способствует развитию понимания и доброго отношения к стране, её людям и традициям.

Сравнение же требует от учащихся проявления собственного мнения, собственной активной позиции по любому вопросу. На этапе творческого применения языкового материала учащимися целесообразно обратиться к методу проектов.

Целью работы учителей иностранного языка является «Формирование человека, который умеет адаптироваться в иноязычной среде». Одним из важных средств для решения поставленной задачи является работа с аутентичными текстами. Читая иностранных авторов, обучающиеся видят и оценивают чужой для них мир, исходя из своего мировоззрения и мировосприятия. Они начинают глубже осознавать свою собственную культуру, своё мировоззрение, свой подход к жизни и людям. Работа с такими текстами делает учащихся восприимчивыми и более чувствительными к своему и чужому. Учащиеся начинают понимать, что они другие, осознают, чем они отличаются от жителей страны изучаемого языка.

Учитель отмечает, что не каждый аутентичный текст представляет чужой мир одинаковым образом. Эти тексты побуждают учащихся активизировать элементы, единства и структуры своего собственного мира для объяснения чужого мира в тексте. Работа над аутентичными текстами является одним из основных условий для того, чтобы учащиеся могли свободно применять свои знания, умения и навыки в конкретной жизненной ситуации, могли понимать, ценить и уважать как чужую культуру, так и свою собственную культуру. Страноведческий материал выступает не только как средство знакомство с иноязычной культурой, но и включает учащихся в мыслительную деятельность, требующую своего оформления определёнными языковыми средствами.

В условиях модульной системы обучения и современного методического подхода, ориентированного на личность, потребности и интересы самого обучающегося, необходимо шире использовать резервы самостоятельной работы, учебное сотрудничество обучаемых, наиболее перспективными формами которого можно считать профессионально ориентированную проектную работу; крайне важным при этом является также обучение межкультурной коммуникации в области изучаемых языков. В связи с этим необходимо учитывать аспекты такого

явления как единое мировое образовательное пространство (МОП), которое представляет собой:

- во-первых, один из ведущих факторов непрерывности образования при сохранении основополагающих элементов его системы, дающей формально равные образовательные возможности;
- во-вторых, совокупность глобальных компонентов содержания, средств и методов обучения, характерных для мирового сообщества в целом при передаче культурного опыта от старших поколений к младшим.

Мировое образовательное пространство представляет собой особо сложную взаимосвязанную, саморазвивающуюся макросистему. Оно объединяет большое число национальных образовательных систем, различных по своим культурным традициям, по уровню целей и задач, а также по своему качественному состоянию [Михеева 2010: 36–37].

Таким образом, востребованность иностранного языка в современном мире, признание изучения иностранного языка приоритетным направление модернизации содержания образования служит существенным аргументом для разработки системы непрерывного обучения иностранным языкам.

Библиографический список

1. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / под ред. А. А. Миролюбова. – Обнинск : Титул, 2010. – 464 с.

2. Михеева, Н. Ф. Методика преподавания иностранных языков : учеб. пособие / Н. Ф. Михеева. – М. : РУДН, 2010. – 73 с.

3. Педагогический энциклопедический словарь / под ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 528 с.

4. Рыжаков, М. В. Зачетно-модульная система обучения как вариант организации профильного обучения на старшей ступени школы / М. В. Рыжаков, Л. О. Филатова // Профильная школа. – 2004. – № 6. – С. 6–11.

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

М. Н. Байкова
(г. Пенза, Россия)

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОСТОВЕРНОСТИ/НЕДОСТОВЕРНОСТИ В НАУЧНОМ (ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ) ТЕКСТЕ

Аннотация. Рассматривается функционирование вводных слов со значением категорической и проблематической достоверности в текстах российских лингвистов; роль вводных единиц со значением достоверности-недостовер-ности в выражении модальности научного (лингвистического) текста.

Ключевые слова: научный текст, вводные конструкции, модальность, достоверность, недостоверность.

В современной лингвистике одним из центральных является вопрос о средствах выражения субъективной модальности. Известно мнение некоторых учёных (А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, Г. В. Колшанского, И. И. Мещанинова, В. З. Панфилова и др.), что основными средствами выражения данной категории являются вводно-модальные слова, так как они составляют комплекс языковых средств, выражающих определяемую с точки зрения говорящего степень соответствия содержания высказывания действительности [Тагильцева 2006: 46].

Основное место в парадигме типовых субъективно-модальных значений принадлежит значению достоверности-недостоверности [Орехова 2011: 19].

Согласно классификации Е. Н. Ореховой, выделяются два оттенка значения достоверности: в зависимости от того, насколько говорящий доверяет источнику передаваемой информации, содержание предложений относится к полюсам категорической или проблематиче-ской достоверности, а информация, которой владеет говорящий, квалифицируется как соответствующая или не соответствующая истинному положению дел. Модальность достоверности-недостоверности можно представить как шкалу, на которой по степени нарастания уверенности субъекта речи располагаются модально-квалификативные смыслы: сомнение, предположение, допущение, мнимость, уверенность [Орехова 2011: 19].

Вводные слова со значением достоверности-недостоверности имеют частую употребляемость в научном тексте.

Источником языкового материала послужили тексты российских лингвистов, вошедшие в учебное пособие «Актуальные проблемы современной лингвистики» под редакцией Л. Н. Чурилиной, среди которых Е. С. Кубрякова, В. Б. Касевич, Ю. Г. Панкрац и другие.

В работах этих и других лингвистов активно используются вводные конструкции со значением достоверности-недостоверности, применяющиеся для создания модального плана высказывания. Примерно половину проанализированных вводных конструкций с семантикой достоверности в текстах названных выше лингвистов составляют единицы со значением категорической достоверности, а именно **уверенности** (безусловно, конечно, разумеется и др.), что характеризует авторов как рассуждающих, убеждённых в правильности своей позиции личностей: *Здесь, **безусловно**, привлекают настойчивые попытки добиться такого лингвистического описания, которое было бы адекватно ментальным структурам носителя языка* (В. Б. Касевич)*; Автор настоящей работы хотел бы подчеркнуть обратное: когнитивная лингвистика, **конечно**, существует <...>, а в ее рамках формируется и особое понимание интересующего нас термина <...>* (В. И. Писаренко); ***Действительно**, с точки зрения индивида, чьи-либо друзья образуют важную социальную категорию: это люди, на которых можно положиться, когда надо найти помощь и поддержку* (А. Вежбицкая).

Вводные конструкции со значением проблематической достоверности (вероятно, может быть, пожалуй и др.) используются учёными-лингвистами реже. Такие конструкции реализуют следующие квалификативные смыслы: сомнение, предположение, допущение, мнимость, границы между которыми, по справедливому замечанию Е. Н. Ореховой, условны [Орехова 2011: 20]. Так, связь значений предположения и допущения прослеживается в предложении: *Синонимичным обозначению «внутренний лексикон» является и название «ментальный лексикон», и для зарубежной лингвистики, **пожалуй**, более привычно именно второе обозначение* (Е. С. Кубрякова), а семантика вводных конструкций типа сомнение коррелирует с квалификативным смыслом мнимости: ***Как кажется**, наиболее полное представление о сути этой системы дано в концепции Р. И. Павилёниса, согласно которому она – «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном и возможном мире» <...>* (Е. С. Кубрякова)*; Принципы протекания процессов синтаксирования при речепорождении, **по всей вероятности**, во многом аналогичны основным механизмам распознавания при восприятии речи* (В. Б. Касевич).

Квалификативные смыслы группы вводных конструкций со значением проблематической достоверности отличаются размытостью, не вполне чёткой определённостью признакового состава, что приводит к

пересечению выражающих их смыслов, наложению значений, при этом сомнение в большей степени тяготеет к неуверенности.

Несмотря на то что вводные слова синтаксически не связаны с членами предложения, они могут быть частью его структуры. Так, в предложении *Одна из причин отказа от внутринаучной рефлексии является, **видимо**, общей для парадигматически оформленных наук* (Р. М. Фрумкина) вводное слово по смыслу тесно связано с последующими словами и не может быть переставлено в другое место предложения без искажения его смысла.

Кроме того, вводные конструкции со значением достоверности-недостоверности функционируют в предложениях с «прогностическим» модусом [Ваулина, Старовойтова 2007: 2]: в придаточной части подобных предложений автор называет условие, выполнение которого может стать, с его точки зрения, реально прогнозируемой предпосылкой возникновения ситуации, составляющей диктумное содержание главной части: *Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть «культурную» специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его семантические «обертоны», – **без сомнения**, таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм* (А. А. Леонтьев)*; Если вспомнить, что первоначальное значение древнегреческого слова «синтаксис» – «военный строй», **может быть**, будет уместным провести, хотя и отдаленную, аналогию с функциями единиц, составляющих этот строй* <…> (Г. А. Золотова).

В научных (лингвистических) текстах можно заметить случаи, в которых автор выступает будто бы от лица двух людей, высказывания которых имеют, соответственно, диктумное и модусное содержание. Так, учёные выдвигают мысль о том, что эмоции являются сложной системой, и далее соглашаются с этим: ***Действительно**, чтобы испытать, например, страх, человек должен воспринять или хотя бы умственно представить некоторое положение вещей и оценить его как опасное для себя или каких-то других объектов, находящихся в его личной сфере* (В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян).

Наконец, вводные единицы со значением достоверности-недостоверности выполняют в предложениях конструктивную функцию, образуя элемент их структуры. Так, предложение *Так называемые сугубо интеллектуальные понятия, например, понятия в научной теории, часто – **а возможно**, и всегда – основаны на метафорах, имеющих физическое и/или культурное основание* (Дж. Лакофф, М. Джонсон) без вводного слова и примыкающего к нему союза синтаксически распадается.

Итак, в текстах российских лингвистов содержится примерно одинаковое количество вводных слов разрядов категорической и проблематической достоверности. Вводные конструкции последней категории в языке приобретают разные оттенки, часто имеющие смежные значения. Данные языковые единицы являются важным способом выражения модуса и, соответственно, субъекта автора.

Библиографический список

1. Ваулина, С. С. Сложноподчиненные условные предложения как экспликатор авторской модальности в публицистическом тексте (на материале «Книги о скудости и богатстве» А. Т. Посошкова) / С. С. Ваулина, Н. В. Старовойтова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. – № 6. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slozhnopodchinennye-uslovnye-predlozheniya-kak-eksplikator-avtorskoy-modalnosti-v-publitsisticheskom-tekste-na-materiale-knigi-o (дата обращения: 21.09.2018).

2. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Орехова Е. Н. – М. : Моск. гос. обл. ун-т, 2011. – 26 с.

3. Тагильцева, Ю. Р. Субъективная модальность и тональность в политическом интернет-дискурсе : дис. … канд. фил. наук / Тагильцева Ю. Р. – Екатеринбург : Уральск. гос. пед. ун-т, 2006. – 251 с.

А. П. Василенко
(г. Брянск, Россия)

АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассмотрены английские фразеологизмы, образно номинирующие интеллектуальную сферу человека. Выявлены некоторые критерии фразеологической оценки уровня интеллекта, основные познавательные процессы, отражающие этот уровень. Делается вывод о том, что в основном фразеологические единицы, представляющие интеллектуальную сферу, концентрируются на состоянии или действии человека.

Ключевые слова: фразеологизм, значение, английский язык, соматический компонент, тематическое поле «интеллектуальная сфера».

Интеллектуальная сфера человека характеризуется определенными способностями, качеством ума, познавательными процессами, мыслительными операциями. Во фразеологическом фонде английского и русского языка содержится большое количество таких фразеологизмов. Фразеологические единицы, представляющие интеллектуальную сферу, как правило, передают состояние того, о ком идет речь, или его действие по отношению к кому или чему-либо, что и характеризует этот интеллектуальный потенциал.

Одним из критериев интеллекта является наличие или отсутствие умственных способностей. В данном аспекте среди рассматриваемых фразеологизмов нашлось немало тех, которые отображают интеллектуальные возможности через состояние человека (*to be a bright spark* ‘блистать умом’, *to be as bright as a button* ‘блистать умственными способностями’, *to be as sharp as a needle* ‘быть умным, проницательным’, *to be as clever as a cartload of monkeys* ‘быть чертовски умным’, *to be quick in the uptake* ‘быстро соображать’, *to be soft in the head* ‘быть слабоумным’, *to be slow in the uptake* ‘туго соображать’).

Интеллектуальная сторона раскрывается во фразеологизмах с компонентами, обозначающими части тела, например, *to have one’s head screwed on* ‘хорошо соображать’, *to have nothing between one’s ears* ‘быть глупым’. Также ярко раскрывает интеллектуальный потенциал фразеологизмы с возможностью или невозможностью выполнения действия (*not to know enough to come in out of the rain* ‘быть недалеким человеком’, *cannot put two words together* ‘не уметь связать двух слов’) [Литвинов 2007: 11-13].

Что касается мыслительных операций, то встречается большое количество фразеологизмов, которые выражают интеллектуальные возможности через действие: *to have a bee in one’s bonnet* ‘помешаться на какой-то идее’, *to give food for thought* ‘давать пищу для размышления’, *to think about a problem in the cold light of the day* ‘обдумывать проблему в спокойной обстановке’, *to cross smb’s mind* ‘прийти в голову’, *to bring smth. home to smb.*‘ доказывать кому-то’, *to pit one’s wits against smb.* ‘помериться силами в споре с кем-то’, *to keep to the point* ‘придерживаться темы’, *to drag smth. in* ‘притянуть аргумент за уши’, приводить неудачные доводы, *to be getting away from the subject* ‘отклоняться от темы’, *never try to prove what nobody doubts* ‘не пытайся доказывать то, в чем никто не сомневается’, *to lay great store by smth.*‘придавать большое значение чему-то’, *to lay little store by smth.* ‘не придавать большое значение чему-то’, *to leave nothing to chance* ‘не полагаться на волю случая’, *to leave smth. out of account* ‘не принимать в расчет’, *to make light of smth.*‘недооценивать’, *to take an idea on board* ‘понимать идею’, *to hit home* ‘доходить до чьего-то понимания’, *to know which side one’s bread is buttered* ‘понимать свою выгоду’, *to get to grips with smth.* ‘серьезно заняться чем-то, разобраться в чем-то’, *to get one’s mind* ‘понять что-нибудь новое’, *not to know whether one is coming or going* ‘не осознавать происходящего’, *to see the light* ‘понимать что-то после длительного периода непонимания’, *to have smb. pegged* ‘раскусить кого-либо’, *to fly by these at of one’s pants* ‘руководствоваться чутьем и инстинктом, не имея опыта или информации’, *to jump to conclusions* ‘делать поспешные выводы’, *live and learn* 'век живи – век учись’, *learn to creep before you leap* ‘сначала научись ползать, а потом

уж скакать', *learn to say before your sing* 'научись говорить, прежде чем приступать к пению', *soon learnt, soon forgotten* 'наскоро заучишь – скоро забудешь', *never offer to teach fish to swim* 'не берись учить ученого', *to drive smth. into smb's head* 'втолковывать кому-то что-то' [Литвинов 2007: 15–22].

Отметим, что такой мыслительный процесс как «учиться» часто выражают пословицы и поговорки, афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме [Кунин 1996: 176].

Также встречаются фразеологизмы, выражающие мыслительные операции через состояние. Например, процесс понимания может быть выражен следующим образом*: to be ahead of the game* 'быть впереди всех, быть хозяином положения', *to be beyond smb's ken* 'быть за пределами чьего-то познания', *to be at a loss* 'быть в замешательстве', *to be in two minds* 'колебаться в выборе альтернативы', *to be at the end of one's rope* 'быть в отчаянии, зайти в тупик', to be at the end of one's tether 'исчерпать все возможности, дойти до точки', to be at one's wits end 'не знать, что делать, как поступить'.

Встречаются фразеологизмы, содержащие «действие» в связке с соматическим компонентом. Например, *to keep one's head down* 'сконцентрироваться и напряженно работать над чем-то', *to see smth. in one's mind's eye* 'отчетливо представлять себе что-то в мыслях', *to keep one's feet on the ground* 'не терять голову, устоять', *to keep a cool head* 'не терять голову', *to scratch one's head* 'почесать затылок', *to put one's heads together* 'объединить усилия для решения проблем', *to knock a story or idea on the head* 'опровергнуть сообщение', *to drag smth. by the head and shoulders* 'говорить что-то, не относящееся к делу', *to get it into one's head* 'вбить себе в голову', *to put one's finger on smth.* 'дать ответ на вопрос', *to go over smb's head* 'быть выше чьего-то понимания', *to get one's brain* 'войти в курс дел'; *to rack one's brains* 'ломать голову над чем-то', *to ride two horses at the same time* 'руководствоваться противоречащими идеями', *top lay it safe* 'избегать риска' [Кунин 1996: 23–28].

Фразеологизмы, характеризующие человека как «дурака, ненормального», чаще всего выражаются через состояние: *to have bats in one's belfry* 'быть не в своем уме, спятить', *to be out of one's box* 'быть не в своем уме, спятить', *to be out of one's head* 'быть не в своем уме', *to be mad as a hatter* 'быть очень странным, не в своем уме', *to be out of one's tree* 'быть сумасшедшим', *to be off one's trolley* 'сойти с колен, спятить' [Литвинов 2007: 13–14].

Таким образом, были указаны некоторые фразеологические единицы в английском языке, описывающие интеллектуальную сферу человека через его состояние, действия, действия в сочетании с соматическими компонентами (*head, ears, eyes, feet, shoulders, brain, finger*).

Фразеологизмы отражают мыслительные процессы человека (думать, доказывать, понимать, принимать решение, учиться). Причем выражаться они могут как через фразеологизмы образа действия, так и через фразеологизмы образа состояния.

Библиографический список

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. языка / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.

2. Литвинов, П. П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых словосочетаний / П. П. Литвинов. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 288 с.

Н. А. Гильдеева
(г. Пенза, Россия)

ЧАСТИЦА *ЧТО НИ НА ЕСТЬ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Анализируются особенности функционирования частицы *что ни на есть* в современном русском языке. Частица рассматривается с точки зрения происхождения (образования), сочетаемости со знаменательными словами. Обращается внимание на стилистическую окраску частицы: отмечается наличие у неё экспрессивного потенциала. На основании анализа языкового материала *что ни на есть* квалифицируется как фразеологизированная частица.

Ключевые слова: частица, стилистическая окраска, экспрессивность, фразеологизированная частица.

Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В. Н. Ярцевой даёт следующее определение понятию частицы: «Частицы – разряд неизменяемых служебных слов, выражающих отношение высказывания и/или его автора к окружающему контексту, выраженному или подразумеваемому: так называемые модальные частицы» [Ярцева 1990: 580]. В. В. Виноградов утверждает, что частицы «обычно не имеют вполне самостоятельного реального или материального значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значения других слов, групп слов. Лексическое значение совпадает с их грамматическими, логическими и экспрессивно-стилистическими функциями» [Виноградов 2001: 544].

Класс частиц активно пополняется за счёт перехода в него слов других частей речи (иногда сразу нескольких). Так могут образовываться составные частицы. Одна из них ***что ни на есть*** (или её вариант ***что ни есть***). Она соответствует приведённым выше определениям, так как не имеет собственного номинативного значения, не

является членом предложения и служит для усиления значения признака в высказывании: *...Самые* ***что ни на есть бесхитростные*** *и не претендующие на совершенство тексты, ориентированные на различные аудитории* (М. Арапов); *Это вопрос самый* ***что ни на есть актуальный*** *для проводимой экономической политики и для той повестки дня, которая будет стоять в 2004 году* (Д. Орлов); *Подготовка поверхности – момент самый* ***что ни на есть ответственный*** (Е. Волкова); *Наша школа, даже самая передовая и самая* ***что ни на есть элитная****, – это чёткая иерархическая структура вроде армейской, где главное – беспрекословное выполнение заданий учителя* (А. Фенько).

Рассматриваемая частица образовалась на базе нескольких частей речи: вопросительно-относительного местоимения *что*, усилительной частицы *ни*, предлога *на* и глагола *есть* в результате утраты ими живых синтаксических связей и ослабления их собственной семантики.

Анализ языкового материала показал, что в большинстве случаев частица *что ни на есть* употребляется с качественными прилагательными, так как служит для усиления признака: *Миша Козаков – не полуеврей, не полурусский, не четвертьфранцуз, а* ***самый что ни на есть чистокровный*** *АРТИСТ* (Г. Горин); *Жизнь у Тимофеевых продолжалась, видимо, с довоенных времён самая* ***что ни на есть простая*** (Д. Гранин); *Детей эта женщина забрать не пожелала, ибо, не будучи, очевидно, сведущей в генетике, запоздало, но, тем не менее, уяснила, что от такого корня побеги будут самые* ***что ни на есть злосчастные*** *(*М. Палей); *Я обратно шёл, три яблока ей самых-самых, ну* ***что ни на есть*** *самых* ***крупных*** *сорвал* (Ю. Домбровский). Как можно заметить, чаще всего это прилагательные в форме составной (аналитической) превосходной степени: *Тут она им сказки по Сахарову* ***самые что ни на есть озорные*** *преподнесла!* (Ю. Домбровский); *Это была* ***самая что ни на есть самобытная*** *живопись аборигенов* (Д. Гранин); ***Самый что ни на есть плохой*** *участок...* (Б. Окуджава); *Я стал сочинять любовные романсы* ***самого что ни на есть унылого*** *содержания и порою при этом пускал слезу* (В. Ходасевич). На основании этого справочно-информационный портал «Грамота. РУ» квалифицирует *самый что ни на есть* как неразложимое сочетание (фразеологизм). Однако частица *что ни на есть* употребляется и с формами положительной степени, без вспомогательного слова *самый*: *И вот я читаю эти* ***что ни на есть мирные, вечные*** *слова* (В. Катанян); *На прошлую выставку, что скоро после «Положения» была, со всех собирали, приказ был, чтобы* ***что ни на есть лучший*** *хлеб представить в казну на просмотр – ну и собрали* (А. Энгель-гардт); *А я вот так полагаю, что та самая офицерская горячка,* ***что ни на есть заразительная****, оттого и денщик захворал, и лекарь* (Е. Салиас).

Частица *что ни на есть* рассматривается во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова. В словарной статье отмечается просторечный характер частицы и наличие экспрессии [Фёдоров 2008: 225]. Указанная стилистическая окраска вызывает сомнение, так как просторечие лежит за пределами литературного языка и свойственно неграмотной речи. Анализируемая нами частица активно используется в текстах самого различного содержания, отнюдь не просторечного. Так, при рассмотрении языкового материала мы находим примеры её употребления в текстах разных стилей:

1) в публицистическом: *А это самая* ***что ни на есть*** *политика»* (Н. Вардуль); «*Династия» занималась самым* ***что ни на есть*** *полезным для Отечества делом* (М. Федотов, С. Сухова); *Украинская власть в её нынешнем парламентско-президентском варианте – это самая* ***что ни на есть*** *махровая олигархия, которая рассматривает страну сквозь призму своих частно-корпоративных интересов* (С. Уралов); *Поднявшись на трибуну, Борис Надеждин призвал сенаторов «не пребывать в столь расслабленном состоянии», заметив, что рассматриваемый закон отнюдь не рамочный, как предпочитают говорить его авторы,* ***а что ни на есть базовый*** (О. Тропкина);

2) в художественном: *Тогда, в мае пятнадцатого, до этих формулировок было ещё далеко, но рота, в которой служил прапорщик Старшов, оказалась в самой* ***что ни на есть*** *низине из низин* (Б. Васильев); *А достоверность в повести самая* ***что ни на есть*** *реальная* (В. Розов); *Россия – это не легенда, увы, а* ***самая что ни на есть*** *реальность* (В. Соловьёв); *Душа не имеет силы, воздействующей на материальные объекты, а поскольку человеческий организм самый* ***что ни на есть*** *материальный объект, то в своих методах лечения он и следует этой доктрине* (А. Маринина).

3) и даже в научном: *Но и бесконечное десятичное разложение какого-либо действительного числа, и любая цепочка десятичных знаков, являющаяся началом такого разложения, суть объекты самые* ***что ни на есть*** *математические* (В. Успенский).

А. И. Молотков во «Фразеологическом словаре русского языка» так определяет функцию сочетания *что ни на есть*: «Выражение усилия какого-либо признака или качества кого-либо или чего либо» [Молотков 1994: 156]. Кроме того, сочетание *что ни на есть* упоминается в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой [Евгеньева 1981–1984: 686]. Данные о сочетании *самый что ни на есть* в словарях отсутствуют. Основываясь на этом, мы считаем целесообразным классифицировать *что ни на есть* как фразеологизированную частицу.

Класс частиц-фразеологизмов пока мало изучен, но частица *что ни на есть* – не единственный представитель данного класса. Наличие фразеологизированных единиц среди служебных частей речи позволяет сделать вывод о взаимосвязи морфологии и фразеологии в системе современного русского литературного языка.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов ; под ред. Г. А. Золотовой. – М., 2001. – 544 с.
2. Евгеньева, А. П. Словарь русского языка : в 4 т. / А. П. Евгеньева. – М., 1988. – Т. 4. – 686 с.
3. Молотков, А. И. Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – СПб., 1994.
4. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Фёдоров. – М., 2008. – 225 с.
5. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева. – М., 1990. – 580 с.

Р. Р. Грдзелян
(г. Ереван, Армения)

«ГРАММАТИКА» СЛОВА *СОЛНЦЕ*

Аннотация. Рассматривается проблема описания тех грамматических характеристик слова, которые обусловлены его этноспецифическими особенностями. Различное видение одного и того же природного объекта (явления) и различное «смысловое наполнение» именующего его слова сказываются на тех или иных грамматических характеристиках, на выборе той или иной синтаксической конструкции.

Ключевые слова: грамматика слова, этноспецифическая грамматика, национальная ментальность.

Среди множества типов грамматического описания можно выделить грамматику, ориентированную на выявление и описание этноспецифических особенностей выбора той или иной грамматической формы. Такая грамматика, вероятно, обречена на фрагментарность, на «точечное» описание морфологических форм или синтаксических конструкций, которые в данном языке оказываются предпочтительными, когда предметом мысли становится, например, слово-концепт. При подобных описаниях, вероятно, трудно проследить закономерности выбора той или иной грамматической формы. Однако в результате множество подобных описаний приведет к созданию уникального для каждого языка мозаичного «грамматического полотна», которое, возможно, и станет основой для более аргументированной «этноспецифической» грамматики.

Предметом нашего рассмотрения является слово *солнце* в русском и армянском языках. Будучи наименованием уникального природного объекта, оно значимо для обеих лингвокультур. Однако армянское [arev] наделено бóльшими смыслами, шире употребляется в переносных значениях, чем русское *солнце*. Об этом свидетельствуют

прежде всего лексические характеристики. Русское слово имеет следующие переносные значения: ‘О ком-чем-н. очень дорогом, ценном, являющемся источником жизни, счастья для кого-н. (книжн.). Ты мое солнце. || Источник, средоточие чего-н. (ритор.)’. Солнце правды [Ушаков – эл. ресурс]. В Словаре Т.Ф. Ефремовой несколько расширен круг переносных значений: ‘То, что является источником жизни, счастья для кого-л., чего-л. // Источник средоточения чего-л.’; ‘Тот, кто является предметом поклонения, восхищения, любви. // Тот, кто прославился в какой-л. области деятельности; знаменитость’ [Ефремова – эл.ресурс]. Армянское слово имеет такие переносные значения, как ‘жизнь’, ‘радость, счастье’, ‘тот, к кому устремлены помыслы, кого обожествляют’ [Агаян: 1, 126]. Имея приблизительно схожие переносные значения, эти слова, тем не менее, обладают разным удельным весом в дискурсе. Кроме того, в словарях армянского языка зафиксировано множество композитов с корнем [-арев-], ср. некоторые их значения: ‘солнцеокий’, ‘солнцеликий’, ‘прекрасный, как солнце’, ‘светящийся счастьем’, ‘бодрый, здоровый’, ‘рожденный солнцем, счастливый’, ‘с несгибаемой волей’, ‘зов, доходящий до солнца’ [Агаян: 1, 126-128]. Немаловажно и то, что армянское слово [арев] имеет синонимы – [areg], [aregak], [arpi], - что, в свою очередь, влияет на характер словоупотребления, особенно в художественном тексте при метафоризации и наращивании смыслов [Грдзелян: 43-45].

Анализ толкований исследуемых слов, их употреблений, а также этимологические данные позволяют утверждать, что солнце может мыслиться говорящим как 1) имеющий относительно четкие границы видимый природный объект, на который можно указать и который можно описать; 2) погодное явление, источник теплоты, зноя; 3) природная среда обитания человека, точнее – ее доминантная составляющая. Известно, что окружающая человека природа во всех ее проявлениях – ландшафт, климат – формирует менталитет этноса, способ его мировосприятия и мировидения. С этой точки зрения «говорящй по-армянски» и «говорящий по-русски» по-разному «видят» солнце и по-разному его воспринимают. Для русскоговорящего слово *солнце* - прежде всего уникальный природный объект, дневное светило, которое видится ему в небе разным в разное время суток и в разную погоду, но это, несомненно, и погодное явление. Для говорящего по-армянски слово [арев], в первую очередь, является наименованием среды его обитания. Тогда как, например, его синоним [aregak] – прежде всего наблюдаемый в небе космический объект, солнце-звезда. Нам представляется, что именно этим фактом обусловлены некоторые синтаксические особенности русских и армянских «солнечных» текстов.

Так, солнце, мыслимое как природный объект, в предложении чаще всего встречается либо в позиции объекта, либо в позиции субъ-

екта. Объект – это то, на что направлена познавательная деятельность субъекта, его наблюдают и описывают, то есть он неминуемо мыслится отчужденно, отстраненно, обособленно. Таким образом, человек может видеть, наблюдать и описывать объект, но не переживать его как состояние. Такое восприятие солнца характерно, прежде всего, для «более северного» русского народа. Возможно, этим обусловлено наличие большого количества русских текстов, направленных на описание объекта «солнце». При этом слово *солнце* получает множество определений и эпитетов, ср.: *яркое, ослепительное, блеклое, тусклое, чистое, мутное, слабое, мягкое, сильное, обильное, злое, палящее, скупое, алое, румяное, багровое, пунцовое, зеленое, белое, розовое, красное, красно-бурое, рябоватое, оловянное, восходящее, закатное, утреннее, полуденное, вечернее, южное, северное, весеннее, осеннее, зимнее, июньское, сентябрьское, прекрасное, вежливое северное, жуткое тропическое, круглолицее, гулкое, подслеповатое, пьяное, насмешливое* и т.д.

Армянские тексты реже направлены на описание солнца. Несмотря на богатый лексический, синонимический потенциал, в них слово [арев] чаще всего употребляется без определений, ср. относительно редкие и не столь разнообразные, как в русском языке, определения: *‘чистое, прозрачное, ясное’, ‘яркое, горячее, раскаленное’, ‘красное’, ‘закатное сверкающее, горящее золотом’, ‘зимнее’, ‘весеннее, с тоской по весеннему солнцу’, ‘горячее’, ‘сладостное’, щщдшп ‘яркое, ослепительное, светозарное’, ‘яркое, пламенное’, ‘вечно пламенное’, ‘вечно жаркое’, ‘с ароматом глины’, ‘хорошее’, ‘доброе’.* Кроме того, в армянском языке определения к слову [арев] чаще выражают имманентные признаки объекта, активизирующие и усиливающие семантические компоненты, присущие самому слову, ср.: ‘горячее’, ‘раскаленное’, ‘горящее золотом’, ‘ослепительное’, ‘пламенное’, ‘жаркое’, но не приписываемые наблюдателем, например, такие, как ‘алое’, ‘утреннее’, ‘северное’, ‘насмешливое’ [см. об имманентных признаках в Николаева 2000: 397]. Солнце «говорящим по-армянски», прежде всего, мыслится как неотъемлемая составляющая микромира человека, как нечто, находящееся «внутри» него или «обволакивающее» его. Возможно, именно поэтому словом *солнце* в армянском языке именуется еще и сама жизнь, есть множество выражений с ним, и пожелать долгих лет жизни, например, можно также, сказав: «Многих вам солнц!», вместо выражения «Клянусь жизнью» можно употребить выражение «Клянусь своим солнцем».

Солнце в русских текстах часто выступает и как активно действующий субъект. Этот факт также свидетельствует о том, что солнце в языковом сознании «говорящего по-русски» легко «отчуждается» и, прежде всего, воспринимается как природный объект, а не природное явление, ср.: *солнце восходит, выходит, садится, клонится к закату, спускается к синему морю, погружается в океанские пучины, выныри-*

вает из морских глубин, появляется, выглядывает, проглядывает, карабкается все выше, пробивается сквозь облака, прячется за облаками, заходит за тучу, брызгает, бьет / валит / заглядывает в окна, заливает комнату, ударяет в лицо, бьет в глаза, ползет по небу, разгорается на небе, отражается в небесах, маячит в небе, искрится/ дробится в воде, тонет в озере, высвечивает деревья, играет на снегу, горит, палит, жжет, жарит, припекает, лупит, сияет, светит, мерцает, блестит, слепит, берет выходные, висит на одном месте, увязает в мутной тине горизонта, плывет в тумане и т.д.

В армянских текстах, безусловно, солнце тоже бывает активно действующим субъектом, но при этом подобные случаи встречаются несравнимо реже. Так, проанализировав более тысячи текстов в Восточноармянском национальном корпусе [ВАНК – эл. ресурс], мы выявили лишь порядка 10–20-ти текстов, где солнце выступает активным деятелем, ср.: солнце ‘всходит’, ‘всходит, появляется на горизонте’, ‘виднеется’, ‘заходит’, ‘заходит, опускается за горизонт’, ‘сияет, сверкает, блестит’, ‘сияет, становится ярче’, ‘сверкает, блестит, сияет’, ‘испускает лучи’, ‘коснулось чего-л.’, ‘смеется, радуется’.

В подавляющем же большинстве армянских «солнечных» текстов утверждается бытие солнца в окружающем человека пространстве, факт его наличия / отсутствия или описывается некоторое состояние природы, погоды. При этом чаще употребляются нераспространенные предложения, ср. подстрочный перевод текстов: (1) *На дворе солнце* (Р. Атаян); (2) *Было солнце (солнечно), душно…* (С. Аладжанян); (3) *Здесь сухо, солнце* (З. Халапян); (4) *– Какое солнце! – прошептал он* (Гр. Матевосян); (5) *На дворе светло, спарапет… Солнце, жара* (П. Зейтунцян); (6) *Было солнце (солнечно), холодно, но приятный воздух* (В. Петросян); (7) *Но вокруг меня было так блёкло, тускло, не было слов и не было солнца* (Е. Чаренц). Следует отметить, что в армянском языке слово *արև* может выступать в том числе и как прилагательное: частеречная омонимия – характерная особенность армянского языка. Поэтому при переводе на русский язык существительное [арев] в некоторых контекстах может быть переведено словами *солнечный, солнечно, жаркий, жарко*, ср.: (1) *На дворе солнце / солнечно / жарко*; (2*) Было жарко, душно*; (4) *Какое солнце!*

Однако и в подобных русских текстах существительное *солнце* по своим семантическим и функциональным характеристикам максимально приближено к прилагательному *солнечный*. Например, в сравнительно редком для русского дискурса типе описания погоды *«Днем было солнце»* (Б. Пильняк) существительное *солнце* легко может быть заменено предикативом *солнечно*. Данное предложение может быть также трансформировано, ср.: *«Был солнечный день»*. В данном случае существительное *солнце*, предикатив *солнечно* и прилагательное *солнечный* передают состояние природы, а существительное *солнце* в при-

веденном выше тексте с функционально-семантической точки зрения выступает своего рода окказиональным адъективом. Ср. другие примеры: *(1) За окном по-прежнему было солнце, но уже не такое яростное…* Е. Чижов; *(2) И утром было солнце и, соскакивая с кровати, – хотелось танцевать и прыгать и кричать от радости*. Л. Вертинская; *(3) Вчера было солнце, и все таяло*… Ю. Казаков; *(4) Кругом было солнце, зной*… В. В. Вересаев.

В армянском языке слово [арев], реализуя значение ‘погодные условия’, встречается также в безличной конструкции [Арев арец] ‘стало / сделалось солнечно’, которая с функционально-семантической точки зрения стоит в одном ряду с такими русскими конструкциями, как «Вечереет», «Дождит», «Вьюжит» и не имеет точного аналога в русском языке.

Таким образом, особенности национальной ментальности проявляются не только в наличии ключевых идей, воплощенных в словах-концептах, но также в выборе грамматической конструкции при их употреблении. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что «солнце» в русском и армянском языках, имея в целом одинаковые значения, в языковом сознании «говорящего по-русски» и «говорящего по-армянски» получает различные воплощения. В первом случае – солнце прежде всего видимый в небе уникальный природный объект, во втором же случае – прежде всего природная среда обитания, состояние природы, погодная характеристика. Различное же в***и***дение одного и того же природного объекта / явления и различное «смысловое наполнение» именующего его слова сказываются на тех или иных грамматических характеристиках, на выборе той или иной синтаксической конструкции.

Лабиринты языкового мышления этноса «подводят» к воплощению мысли в той или иной грамматической форме, которая, таким образом, выступает «хранителем» этноспецифических форм мысли.

Библиографический список

1. Восточноармянский национальный корпус (ВАНК). – URL: http://www.eanc.net/EANC/search/?interface_language=ru

2. Грдзелян, Р. Р. Концепт «солнце» в армянской лингвокультуре / Р. Р. Грдзелян // Апробация. – 2015. – № 1 (28). – С. 43–45.

3. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь Ефремовой / Т. Ф. Ефремова. – URL: http://efremova-online.ru

4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: www.ruscorpora.ru

5. Николаева, Т. М. От звука к тексту / Т. М. Николаева. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 680 с.

6. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь Ушакова / Д. Н. Ушаков. – URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72359

7. Агаян, Эд. Толковый словарь современного армянского языка / Эд. Агаян. – Ереван : Айастан, 1976. – Т. 1, 2 (на армянском языке).

Г. К. Касимова
(г. Пенза, Россия)

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ *ЛОМАТЬ*

Аннотация. Рассматривается анализ структуры лексических значений многозначных девербативов словообразовательного гнезда с вершиной ***ломать***. Сопоставляется семантическая парадигма имен действия с суффиксами *-нuj-* и нулевым. Выявляется несовпадение семантического объема параллельных дериватов от одного мотивирующего глагола.

Ключевые слова: имена действия, девербативы, структура слова, семантическая парадигма.

Структура лексических значений многозначных слов издавна является объектом многих исследований. Еще А. М. Пешковский писал: «Семантическое единство слова заключается не в наличии у него некоего «общего» значения, как бы подчиняющего себе более частные, выделяемые обычно в толковых словарях значения, а в определенной связи этих отдельных самостоятельных значений друг с другом и их закрепленности за одним и тем же знаком» [Пешковский 1959: 83].

При анализе имен действия выявляются разные типы полисемии, в соответствии с которыми отдельные ЛСВ объединяются в структуре полисеманта. В задачи нашего изыскания входят вопросы, касающиеся формирования структуры лексических значений, в частности, типы полисемии многозначных девербативов, соотношение семантического объема и структурирования значений дериватов одной словообразовательной парадигмы. Объектом нашего исследования являются nomina actionis с исходным значением процессуального признака, входящие в словообразовательное гнездо с вершиной ***ломать.***

Исследование проводилось на материале Словаря русского языка в 4-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), данных Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова. Иллюстративный материал извлечен из Словаря русского языка под ред. А. П. Евгеньевой и Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Как известно, существительные с отвлеченным процессуальным значением обычно относят к сфере синтаксической деривации, при которой в семантике дериватов сохраняется исходное денотативное значение мотивирующих глаголов. Семантика мотивирующего глагола включается в структуру лексического значения девербатива в полном или частичном объеме [см. Мирошникова 2001]. Таковыми в рассматриваемом словообразовательном гнезде являются *взламывание, выламывание, надламывание, обламывание, подламывание, проламывание, разламывание, разломка*. Как видим, большая часть из них образована

при помощи суффикса *-нij-*. Вторичных предметных номинаций в их структуре не наблюдается.

Иначе сформирована структура имен действия, образованных при помощи нулевого суффикса

Глагол ***ломать*** относится к семантической группе со значением физического воздействия на объект с целью его разделения, разрушения. В качестве обязательных семантических валентностей глагола выступают субъект и объект действия: *кто* ***ломает*** *что?* Также предполагается результат и место, на которое направлено действие. В производных глаголах *изломать, надломать – надломить, обломать, разломать* эти валентности сохраняются. Кроме того, приставка в глаголе *изломать* придает ему значение интенсивности совершения действия, распространения его на несколько объектов. Приставка в глаголе *надломить* придает ему значение неполноты действия, в глаголе *разломать* – совершение действия до конца, в полном объеме.

В процессе формирования лексических значений девербативов, в первую очередь, транспонируется общекатегориальное процессуальное значение глагола, которое впоследствии, будучи номинализацией действия, выступает мотиватором для развития вторичных предметных номинаций. Они, как правило, образуются вследствие актуализации семантических компонентов глагольной пропозиции путем метонимических переносов.

Анализ показал, что по радиальному типу полисемии сформирована семантическая парадигма имен действия *излом, надлом, облом, разлом.*

Так, у девербатива ***излом,*** включающего в свою семантическую парадигму четыре ЛСВ, представлено транспозиционное значение опредмеченного действия (1 ЛСВ), которое является полимотивированным. Этот ЛСВ выступает мотивирующим для метонимического значения места действия (2 ЛСВ), термина, относящегося к специальной лексике (3 ЛСВ), а также метафорического значения (4 ЛСВ), основанного на сходстве формы с предметом, полученного в результате действия, названного мотивирующим глаголом *изломать*.

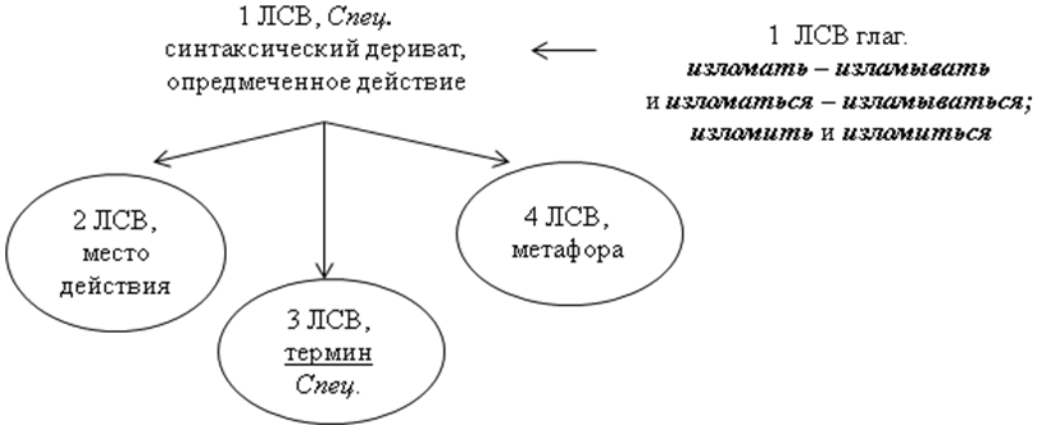
′**1.** *Спец. Действие по глаг.* изломать—изламывать (в 1 знач.) *и* изломаться–изламываться (в 1 знач.); *действие по знач. глаг.* изломить *и* изломиться. *Испытание на излом.*

2. Место перелома, разлома′. *И море вздымало зелёные на изломе волны, обрушивало на берег, где сидели толстые чайки, нахохлившиеся на ветру.* Г. Я. Бакланов. В месте светлом, в месте злачном, в месте покойном (1995). НКРЯ.

′**3.** *Спец.* Характер, вид поверхности минерала, металла на месте разлома, раскола и т. п. *Мелкозернистый излом чугуна. Волокнистый излом. Определение минерала по излому.*

4. Резкий, идущий под углом поворот, изгиб чего-л. *Излом бровей*′. *Черты изломов на реке становились всё выше; льдины, выбрасываемые течением на края заберегов, – всё толще.* В. Г. Короленко. Мороз (1900–1901). НКРЯ.

Схематически структуру лексического значения девербатива *излом* можно представить следующим образом:



Аналогичным образом сформирована структура лексических значений и других рассматриваемых девербативов с радиальным типом полисемии. Их семантическая парадигма будет различаться набором вторичных номинаций, который предопределен семантическими валентностями и пропозициональной структурой мотивирующих глаголов.

В семантической парадигме имена действия *надлом*, *облом*, *разлом* наличествует значение места действия, детерминированное семантической валентностью мотивирующих глаголов:

Надлом: ′**2.** Надломленное место, трещина, образованные надламыванием. *Надлом в кости. Надлом балки*′.

Облом: ′**2.** Место слома′.

Разлом: ′**2.** Место, по которому разломлено что-л. *Линия разлома*′.

Кроме метонимического (актантного) значения места действия, в словарях в структуре рассматриваемых имен действия выявляются метафорические значения, сформированные на основе сходства эмоционально-психологического восприятия:

Надлом: ′**3.** *перен.* Резкое ослабление душевных и физических сил в результате какого-л. переживания, потрясения и т. п.; надрыв′.

′**4.** *перен.* Чрезмерная, болезненная резкость в проявлении какого-л. чувства; надрыв ′.

Облом: ′**5.** *Прост.* О неуклюжем, неотесанном, грубом человеке′. *Случай рассказывали: едет в трамвае парень, облом такой, мордоворот, сидит боком и выставил ногу в проход, пройти нельзя.* А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010. НКРЯ.

В разговорной речи девербативе ***облом*** часто функционирует в метафорическом значении ′неудача, разочарование в надеждах, срыв

планов′: *Только у этой Киры из-за ее жадности каждый раз облом выходил.* Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004). НКРЯ.

Разлом: **′3.** *перен. Разг.* Отсутствие единства, согласия; разлад′. *Кстати, разлом между местным и пришлым населением нарастал и в самой Средней Азии.* С. Лолаева, А. Рябов. Средняя Азия в русском и российском восприятии // «Неприкосновенный запас», 2009. НКРЯ.

Помимо рассмотренных существительных, в структуре которых содержится три и более ЛСВ, в анализируемом словообразовательном гнезде следует назвать и такие, в семантической парадигме которых содержится два ЛСВ: *вылом*, *ломка*, *подлом*, *полом*, *поломка*, *пролом*, *слом.* Объединяет эти девербативы вторичная номинация места, которая предопределена семантикой мотивирующего глагола:

Вылом. 1. *Действие по знач. глаг.* Выломать–выломить–выламывать. **2.** Место, где выломано; пролом.

Ломка. 1. *Действие по глаг.* ломать (в 1, 3 и 4 знач.). *Ломка характера. Ломка старого быта.***2.** *обычно мн. ч. Устар.* Место, где производится добыча камня, мрамора и т. п. *Мраморные ломки.*

Подлом. 1. *Действие по знач. глаг.* Подломить–подломать–подламывать; *действие и состояние по глаг.* Подломиться–подламываться (в 1 знач.). **2.** Место, по которому что-л. подломлено.

Полом. *Разг.* и *спец.***1.** *Действие по глаг.* поломать (в 1 знач.). *Полом инструмента.* **2.** Поломанное, поврежденное место.

Поломка. 1. *Действие по знач. глаг.* поломать; *действие и состояние по глаг.* поломаться (в 1 знач.). **2.** Поломанное, поврежденное место.

Пролом. 1. *Действие по знач. глаг.* Проломить–проламывать *и* проломиться–проламываться. *Пролом льда.* **2.** Проломленное место, отверстие в чем-л.

Слом. 1. *Действие по глаг.* сломать (*см.* ломать в 1 и 4 знач.); *действие и состояние по глаг.* сломаться (*см.* ломаться в 1 и 2 знач.). **2.** Место, по которому что-л. сломано.

Проведенное исследование показывает, что в словообразовательном гнезде с вершиной *ломать* представлены имена действия с суффиксами *-нӣ-* и нулевым. Большая часть существительных с нулевым суффиксом предстает многозначными дериватами, семантическая парадигма которых включает процессуальные и субстанциональные значения. Параллельные дериваты от одного мотивирующего глагола не совпадают в семантическом объеме, и вторичные значения по-разному распределяются в парадигме девербативов. Члены одной словообразовательной парадигмы не являются лексически тождественными, что свидетельствует о неравнозначности суффиксов *-нӣ-* и нулевого, которые избирательно относятся к семантике мотивирующего глагола, включающегося в структуру лексического значения имени действия.

Библиографический список

1. Мирошникова, З. А. Системные отношения в словообразовании / З. А Мирошникова. – Рязань, 2001.
2. Пешковский, А. М. В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? / А. М. Пешковский // Избранные труды. – М., 1959. – С. 74–100.

Н.С. Куприянова
(г. Пенза, Россия)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРЕДИКАТИВА *СМЕШНО*

Аннотация. Среди наиболее частотных языковых единиц, реализующих концепт *смех* в современном русском языке, особо выделяется предикатив *смешно*, активно функционирующий в разговорном, публицистическом и художественном дискурсе. Рассматриваются системные свойства данной единицы: выявление парадигматических и синтагматических особенностей предикатива *смешно* на лексическом и грамматическом уровне.

Ключевые слова: концепт *смех*, предикатив, парадигматические и синтагматические связи лексических единиц.

Предикатив, по определению П. А. Леканта, – «аналитическая «гибридная» часть речи с собственным категориальным значением состояния», совмещающая категории имени прилагательного (род, число) и глагола (наклонение, время, лицо, число) [Лекант 2011: 20–27]. Грамматическая семантика состояния, свойственная предикативу *смешно*, подкрепляется его лексической семантикой. Когнитивные свойства смеха образуют в русском языковом сознании сложный многоуровневый концепт, концепт-фрейм, который на лексическом уровне находит отражение в значительном по объёму лексико-семантическом поле, ключевыми семантическими категориями которого являются категории процесса, состояния, субъекта, оценки. Если процессуальная природа смеха подтверждается самим количеством языковых единиц (преобладанием глаголов в лексико-семантическом поле «смех» – они отражают разнообразные виды и способы выражения смеха за счёт словообразовательных средств, семантики аффиксов), то смех как состояние получает актуализацию в предикативе *смешно* и его синонимах. Значимость этого состояния для носителей языка подтверждается в первую очередь частотностью употребления данной единицы.

Вероятно, в силу словообразовательных связей, производности предикатива *смешно* и его тесной связи с производящим словом – именем прилагательным – толкование лексического значения в толковых словарях русского языка осуществляется обычно как толкование лек-

сико-семантического варианта (обычно 2-го или 3-его) внутри словарной статьи либо прилагательного *смешной*, либо наречия *смешно*. При этом обязательно подчёркивается связь лексического значения с синтаксической функцией – функцией предиката. Например:

«Смешно в знач. сказуемого, кому-чему и с ифн. О желании смеяться, о позыве к смеху у кого-н. *Шалун уж заморозил пальчик, ему и больно и смешно, а мать грозит ему в окно* [ТСРЯ 2000]; ***«Смешно*** 2. безл. в знач. сказ., кому. О желании смеяться, испытываемом кем-л. *Мне тоже стало смешно, и мой смех вызвал у него ответный*. М. Горький, Хозяин. 3. безл. в знач. сказ. Нелепо, странно. *Смешно было бы требовать, чтоб сердце в восемнадцать лет любило*...» [МАС]; ***«Смешно*** 1. нареч. Соотносится по знач. с прил.: смешной. 2. предикатив 1) а) Оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как вызывающих смех, насмешку, ироническое отношение. б) Оценка чего-л. как такого, что производит комическое впечатление, способно рассмешить. 2) Оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как представляющихся странными, нелепыми» [НТССРЯ 2000]; ***«Смешно*** I.1. нареч. к Смешной. 2. Нелепо, странно. *Смешно рассчитывать на чью-л. поддержку*. Смешно *требовать каких-л. гарантий.!*II. в функц. безл. сказ. кому. О желании смеяться, испытываемом кем-л. *Тебе смешно, а нам не до смеха. Человек ушибся, а вам смешно. Смешно было наблюдать за игрой малышей*» [БТСРЯ 1998].

Анализ функционирования номинаций смеха в разговорном дискурсе позволяет сделать вывод о том, что наибольшую активность, по сравнению с другими единицами ЛСП смеха, проявляет безличный предикатив *смешно* и его многочисленные лексические и фразеологические синонимы. Фактически все подобные единицы зафиксированы в современных словарях синонимов: *забавно, потешно, уморительно, смехотворно, комично; цирк да и только, смеху будет!, три «ха-ха», комически, остроумно, лопнешь со смеху, смех да и только, карикатурно, просто смех, прямо смех, нелепо, обсмеешься, прикольно, курьезно, смеху было!, шапито, и смех и грех, анекдотично, и в цирк ходить не надо, и смех и горе, обхохочешься, преуморительно, пресмешно, курам на смех, животики надорвешь, смеху подобно, смехота, умора, потеха, цирк* и т.п [Абрамов 1999]. Основная функция лексем данного синонимического ряда – выразить общую оценку явления (ситуации, речевых и неречевых поступков, привычек, характера, внешности человека). Нельзя не обратить внимание на расширение синонимического ряда с доминантой *смешно*, наблюдаемого в письменной неофициальной интернет-коммуникации. причём синонимами не только вербальными, но и паравербальными. Как правило, данные единицы функционируют в комментариях и представляют собой вполне сложившуюся подсистему средств выражения оценки: примерами таких вербальных экспрессивных синонимов являются **пацталом** (ис-

кажённое *под столом* – т.е. так смешно, что упал от смеха под стол), **ржунимагу**, обозначающие громкий, одобрительный или неодобрительный, насмешливый смех, и др. К паравербальным синонимам предикатива *смешно* относятся в первую очередь разнообразные смайлы, или смайлики, – пиктограммы обозначающие эмоции, дополняющие смысл реплики (комментария), уточняющие его оценку, степень интенсивности оценки или даже замещающие реплику. Как интернациональное паравербальное средство выражения оценки смайлы данной группы подтверждают универсальность самого смеха в качестве средства оценки.

Синтагматические свойства предикатива *смешно* позволяют уточнить парадигматические признаки, его лексическую семантику. Показательными в этом отношении являются синтаксические отношения сочинительного характера, которые обычно наиболее точно характеризуют лексико-семантические связи предикатива *смешно*: 1) с сочинительным соединительным союзом *и (смешно и грустно/грустно и смешно, смешно и страшно/страшно и смешно, странно и смешно, смешно и нелепо: И грустно, и смешно; "И смешно, и грустно!" / Прикольные и интересные фото; «Коротко и смешно» (20ка120310) | AntiLoh.inf; Смешно и нелепо | Прочие фото приколы онлайн; И смешно, и страшно; Видео. Глупо и смешно!!! – Смотреть онлайн ролик «глупо и смешно!!!»...*; *и страшно и смешно* и т.п.*);* 2) с противительным союзом *а (не смешно, а грустно; не смешно, а стыдно; не смешно, а серьёзно* и т.п.*);* 3) с противительным союзом *но* (*Хоть и печально, но смешно... :); Очень старо, но смешно; РЖД-больно но смешно, смешно и больно; Жестоко, но смешно;Страшилка; мальчик тащит кошку, жалко, но смешно до слёз; KATOGA – Ужасно, но смешно* и т.п.) [http://www.yandex.ru/].

Как замечает П.А. Лекант, «семантика предикативов раскрывается в предложении, зависит от способа реализации предикативной функции (…). Соответственно следует выделять два разряда: а) предикативы состояния, б) модально-оценочные предикативы» [Лекант 2011: 20–27].

В качестве предикатива состояния *смешно* употребляются в функции аналитического (составного) сказуемого – личного или безличного: *– **Смешно** и… совестно… – говорит он, ероша свою прическу (А. П. Чехов); – Не правда ли, Соня, **смешно**? (А.П. Чехов); – Ну, уж это даже **смешно**, Андрей Ильич, – возразил доктор, повернувшись в темноте лицом к Боброву (А.И. Куприн); Чужой смех ему **не смешон**, а досаден, и всегда ему кажется, что смеются над ним (А.И. Куприн);– Ну, пошла! – рассердилась генеральша, – а по-моему, вы ещё его **смешнее** (Ф. М. Достоевский); – Пора, а то **глупо** и **смешно** (А. П. Чехов); – Как ты **смешон**! – сказал Нехлюдов, – отчего ты не скажешь, что у тебя нет денег (Л. Н. Толстой)* и т.п. Характерной

особенностью художественного текста является преобладание данной функции предикатива *смешно* в прямой речи персонажей.

В качестве модально-оценочного предикатива *смешно* употребляется в сложном глагольном сказуемом (в составе аналитической предикативной формы инфинитива), при этом его функция – выражение модально-оценочного значения аналитической предикативной формы: – *Нет, нет… Ты и сам понимаешь, что об этом* ***смешно и думать*** *(А. И. Куприн); Мне* ***смешно вспомнить****, как сильно пахло от нас троих помадой в то время, как мы стали спускаться по лестнице (Л. Н. Толстой)* и т.п. Нельзя не отметить, что в указанной синтаксической позиции предикативу *смешно* обычно присуща негативная семантика оценки разной степени интенсивности.

Исследование функционирования предикатива *смешно* в интернет-пространстве позволило определить, оценка каких процессов актуальна в современном разговорном и публицистическом дискурсе. Оказалось, что процессы, номинированные безличным инфинитивом в рамках данной структуры предиката, в первую очередь связаны с коммуникацией (речью и мышлением): ***Смешно сказать****, но никогда не пользовался чатом в Скайпе, а тут понадобилось;* ***Смешно сказать, но*** *не было билетов на поезд! А на самолет денег не хватило;* ***Смешно говорить*** *об этике применительно к самой конъюнктурной профессии! Лет пять назад об этом было бы даже* ***смешно подумать, но*** *сегодня «Анжи» фаворит в матче со «Спартаком»; Смешно подумать: обещания Чириковой – 75 % и $ миллиарды Шахова;* ***Смешно подумать, но*** *я её завидовала* [http://www.yandex.ru/] и т.п.

Таким образом, предикатив *смешно*, сохраняя и усиливая качественную семантику, обладает мощным потенциалом экспрессии и субъективности, реализующейся в художественном тексте [Савостина 2010: 98–100]. Активное функционирование предикатива *смешно* свойственно коммуникативной ситуации, для которой вербальная экспликация оценки (рациональной и эмоциональной) является определяющим свойством, т.е. в разговорной, художественной речи и публицистике.

Библиографический список

1. Абрамов, Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. А. Абрамов. – М., 1999.

2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб., 1998. (БТСРЯ).

3. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языкам / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. (НТССРЯ).

4. Лекант, П. А. Аналитическая часть речи *предикатив* в современном русском языке / П. А. Лекант // Вестник МГОУ. Сер.: Русская филология. – М., 2011. – № 2. – С. 20–27.

5. Савостина, Д. А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива / Д. А. Савостина. – М., 2010. – С. 98–100.

6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984. (МАС).

7. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 2000. (ТСРЯ).

И. Д. Леснова
(г. Пенза, Россия)

ЧАСТИЦА *СЕБЕ* В АНАЛИТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ЧАСТИЦЕЙ *ПУСТЬ*

Аннотация. Приводятся лексикографическое описание частицы *себе,* а также семантика аналитического императива с частицами *пусть себе*, широко распространенного в устной народной речи как в составе предложений, так и изолированно. Анализируются центральные значения данной конструкции (разрешение, согласие и невмешательство) и причины использования их в художественной литературе.

Ключевые слова: повелительное наклонение, императив, побуждение, аналитические конструкции, частица.

Повелительное наклонение (императив) занимает особое место в системе глагольных наклонений, что связано с его основной функцией – выражать волю говорящего в той мере, в какой она должна воздействовать на поведение и намерение слушателя. Побуждение может быть направлено как на адресата речи (при прямом императиве), так и на 3-е лицо (при косвенном или опосредованном императиве).

Побуждение к 3-му лицу выражается в русском языке аналитически следующей формой: частица *пусть* или *пускай* и глагол, совпадающий с формой изъявительного наклонения настоящего или будущего времени (*пусть / пускай красит / покрасит).* Происхождение данных частиц (*пусть* и *пускай)* восходит к повелительному наклонению 2-го лица глаголов *пустить*, *пускать*.

Широко распространёнными в устной народной речи являются аналитические императивные конструкции, осложнённые частицей *себе: И* ***пусть себе*** *Пушкин нынче* ***читает*** *друзьям поэмку про Годунова*, *есть аллюзии*, *но аллюзии*, *мой друг*, *пустяки…* (Ю. Давыдов); *Смеются? А*, ***пусть себе смеются****! Он сам улыбается*, *когда при нём говорят об этом* (Ю. Домбровский). Частица *себе* образована путём перехода возвратного местоимения *себя* в класс служебных слов, утратив своё основное лексическое значение указания на лицо, которое названо подлежащим, и изменив грамматические свойства (застала в форме дательного падежа).

Лексикографическое описание частицы *себе* представлено во многих словарях русского языка. Так, например, в Толковом словаре

под редакцией Д. Н. Ушакова приводится следующее определение частицы *себе*: «Себе (без удар.) – частица, примыкающая к предыдущему глаголу или местоимению, со значением “в свое удовольствие, в своих интересах”» [Ушаков 1940: 123]. При этом отмечается, что данная частица лишена ударения.

Словарь русского языка С. И. Ожегова, выходивший в первых изданиях под общей редакцией академика С. П. Обнорского, в этих изданиях толковал частицу как выразителя некоего усилительного значения, без дальнейших уточнений: «Себе (с ударением) – частица (разг.). Примыкает к предыдущему глаголу или местоимению как усилительная» [Ожегов 1953: 652].

В «Очерках по синтаксису русской разговорной речи» Н. Ю. Шведовой значение частицы *себе* трактовалось иначе: «Построения с *себе* имеют значение независимого, свободного, ни с чем не связанного признака» [Шведова 1960: 160–161].

Толкование семантики частицы было уточнено в изданиях Словаря С. И. Ожегова, выходивших под общей редакцией Н. Ю. Шведовой: «Себе (с ударением – Авт.) – частица, разг. Примыкает к предыдущему глаголу или местоимению, внося значение свободного, независимого действия» [Ожегов 1975: 651].

Значение свободного, независимого действия, замкнутости действия на субъекте частица *себе* реализует и в рассматриваемых нами аналитических императивных конструкциях с частицей *пусть*.

Частица *себе* чаще всего употребляется с непереходными глаголами движения, состояния и длящегося действия в форме 3-го лица, изъявительного наклонения, настоящего или будущего времени: *А эта* ***пусть себе шагает*** *деловой походкой по длинному фабричному коридору* (Л. Гурченко); ***Пусть себе течёт****, пусть надорвётся, пусть разорвётся этот кран!* (И. Грекова); *Ну и* ***пусть себе хмурится****, подумал Кеша, ничего страшного…* (В. Пелевин).

К частным значениям аналитических императивных конструкций с частицей *себе* можно отнести:

1) **невмешательство** (говорящий сообщает о том, что не будет вмешиваться в ситуацию, но самим фактом своего высказывания допускает её существование), которое зачастую дополняется значением «равнодушного, даже равнодушно-презрительного отношения к чьей-нибудь деятельности» [Заичкова 1972: 68]: *Стало быть, заподозрила, что с данной точки ведётся наблюдение некой силовой структурой. Ну и* ***пусть себе ведётся****. Государству я не конкурент* (Е. Лукин); *Передали, мол,* ***пусть себе заседают****, гоняют свой порожняк, а к нам не суются, если не хотят по сусалам получить* (А. Моторов); *Да* ***пусть себе кричит****. Когда охрипнет – перестанет!* (М. Шишкин);

2) **разрешение** и **согласие** (говорящий разрешает 3-му лицу совершить определённое действие и соглашается с тем, что некоторая ситуация будет реализована): ***Пусть себе едут****, на то они и молодые…*

На мир поглядеть хотят (Е. Чижов); *По ходу рассказа к нашему столу подсело еще несколько слушателей, но я ничего не имею против, **пусть себе слушают**, если им интересно* (М. Петросян).

При аналитическом императиве с частицей *себе* подлежащее, как правило, опущено; по составу грамматической основы такие предложения являются двусоставными неполными (подлежащее можно восстановить из предыдущего контекста): *Когда вы будете рассказывать о том, что видели и еще увидите сегодня, найдутся люди, которые скажут, что это совсем неправдоподобная сказка. И **пусть себе говорят**! Они очень скучные люди, потому что не умеют мечтать* (В. Губарев).

В разговорной речи и в художественной прозе встречается изолированное употребление частиц *пусть себе* с собственным ударением: *– Весь день сидит, гнал – не уходит… Хотел полицию вызвать, да всё-таки божья тварь, **пусть себе**…* (Д. Колодан). Подобные высказывания не выражают собственно побуждения, имеют те же значения разрешения и невмешательства, так как реплики являются реактивными, т.е. в их сфере действия находится предикат, уже названный в предыдущем предложении, который теперь может быть опущен. Например: *Однако бывают случаи, когда муж не умещается ни в какие законы и рамки, когда он сам не знает, чего хочет, и всю жизнь – как алхимик философский камень – стремится найти Женщину своей мечты, что-то среднее между Джокондой и Брижит Бардо. Ну и **пусть себе**! Это не опасно* (В. Шахиджанян).

Таким образом, аналитические конструкции с частицами *пусть себе* выражают побуждение к действию, которое характеризуется равнодушным отношением говорящего к нему. Данные конструкции широко используются в текстах художественных произведений с целью усиления разговорного характера высказываний и как стилистическое средство для придания речи героев особой выразительности и эмоциональной экспрессивности.

Библиографический список

1. Заичкова, И. Дательный беспредложный в современном русском языке / И. Заичкова. – Прага : Universita Karlova, 1972. – 265 с.

2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. акад. С. П. Обнорского. – М. : ОГИЗ, 1953. – 802 с.

3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1975. – 794 с.

4. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков ; под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1940. – Т. IV. – 622 с.

5. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 243 с.

А. А. Макарова
(г. Пенза, Россия)

АФОРИСТИКА В. О. КЛЮЧЕВСКОГО И В. Г. БЕЛИНСКОГО: ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация. Анализируется языка афоризмов В. О. Ключевского и В. Г. Белинского. Выявлены темы, преобладающие в афоризмах: человеческий разум, душевные качества человека, человеческие отношения, религия, история России, любовь к родине, человек и его деятельность. Рассмотренные афоризмы представляют интерес как на уровне лексики, так и на грамматическом уровне. В афоризмах часто встречаются индивидуально-авторские и устаревшие слова. Языковой особенностью афоризмов на грамматическом уровне является их структура.

Ключевые слова: афористика, афоризм, тематика, структура.

В современных условиях развития литературоведения и лингвистики всё более возрастает интерес к афористическому жанру. Его особенности являются предметом исследования и причиной развития отдельного направления в литературе – афористики. Это связано с тем, что в афоризме достигается предельная концентрация непосредственного сообщения, в котором мысль воспринимается окружающими слушателями или читателем [3].

Предметом исследования являются изречения, извлечённые из сборников афоризмов наших великих земляков В. О. Ключевского и В. Г. Белинского. Нами проанализировано более четырёхсот афоризмов, отражающих индивидуально-авторское видение картины мира той эпохи.

Актуальность исследования афоризмов В. О. Ключевского и В. Г. Белинского заключается в том, что их изречения являются недостаточно изученными с точки зрения их языковой специфики и тематического своеобразия.

Василий Осипович Ключевский – российский историк, заслуженный профессор Московского университета; ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по истории и древностям русским, тайный советник. Несмотря на основную деятельность, посвящённую изучению истории России, Ключевский уделял внимание изучению некоторых аспектов русского языка и литературы, в том числе сравнительной филологии и римской словесности. Учёным было написано немало историко-философских работ, посвященных классикам русской литературы: Лермонтову, Гоголю, Чехову, Достоевскому, Гончарову [2]. Его работа «Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники» является ценным источником для изучения афористики как особого жанра литературы, поскольку по дан-

ным высказываниям можно проследить не только специфику индивидуально-авторского мышления, но и особенности общественного мировоззрения того времени.

Виссарион Григорьевич Белинский – русский мыслитель, публицист, критик, философ, писатель. Значение Белинского и его влияние на развитие русской литературы очень велико. Он явился учителем и руководителем молодого поколения писателей, плеяды 1840-х годов. Его статьи-монографии о творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова содержали ряд принципиальных для революционных демократов эстетических принципов и положений: народность, соответствие действительности, верность характеру героя, современность. Афористика В. Г. Белинского представляет особый интерес для изучения, поскольку его художественная точка зрения всегда органично сочеталась с исторической и социальной. Г. В. Плеханов считал Белинского «самым глубокомысленным из наших критиков», обладавшим «чутьём гениального социолога» [3].

Так, именно в творчестве В. О. Ключевского и В. Г. Белинского можно проследить сочетание гражданских, философских и личных мотивов, выражающих злободневные проблемы духовной жизни русского общества.

Тематика афоризмов этих авторов довольно разнообразна и касается всех сфер жизни человека. Опираясь на степень важности того или иного явления в жизни человека, которое нашло отражение в афоризме, мы выделили следующие темы, преобладающие в афоризмах В. О. Ключевского и В. Г. Белинского:

1) человеческий разум (мудрость, ум, глупость): *«Русский ум ярче всего сказывается в глупостях»* (В. О. Ключевский); *«Ум – это духовное оружие человека»* (В. Г. Белинский);

2) душевные качества человека (доброта, честность, искренность и т. д.): *«Было бы сердце, а печали найдутся»* (В. О. Ключевский); *«Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть»* (В. Г. Белинский);

3) человеческие отношения (любовь, страсть, дружба, вражда и т. д.): *«Семейные ссоры – штатный ремонт ветшающей семейной любви»* (В. О. Ключевский); *«Без любви и ненависти, без симпатии и антипатии человек есть призрак»* (В. Г. Белинский);

4) религия: *«Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары»* (В. О. Ключевский); «В словах «бог» и «религия» вижу тьму, мрак, цепи и кнут» (В. Г. Белинский);

5) история России, любовь к родине: *«История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков»* (В. О. Ключевский); *«Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству»* (В. Г. Белинский);

6) человек и его деятельность (трудолюбие/лень, талантливость и т.д.): *«Не начинайте дела, конец которого не в ваших руках»* В. О. Ключевский); *«Апатия и лень – истинное замерзание души и тела»* (В. Г. Белинский).

Следует отметить, что в афоризмах В. О. Ключевского в связи со спецификой его деятельности как выдающегося историка России преобладает историческая и религиозная тематика. У В. Г. Белинского как тонкого психолога-критика чаще встречаются афоризмы, посвящённые теме любви и дружбы.

Языковые особенности проанализированных афоризмов представляют интерес как на уровне лексики, так и на грамматическом уровне.

Среди лексического своеобразия афористики данных авторов следует отметить употребление окказионализмов как выражения авторского «я»: *«Величайшая слабость ума заключается в недоверчивости к силам ума»* (недоверчивость – недоверие) (В. Г. Белинский); *«Семейные ссоры – штатный ремонт* ***ветшающей*** *семейной любви»* (ветшающая – стареющая) (В. О. Ключевский). В афоризмах окказионализмы используются в качестве одного из средств выразительности с целью наиболее ярко, точно и метко описать явления действительности.

Наряду с индивидуально-авторскими словами в афоризмах В. О. Ключевского и В. Г. Белинского часто встречаются устаревшие слова, употребление которых обусловлено историко-культурными особенностями действительности того времени: *«В чем не знаешь толку, чего не понимаешь, то* ***брани****: это общее правило посредственности»* (В. Г. Белинский); *«Разница между* ***духовенством*** *и другими русскими* ***сословиями****: здесь много пьяниц, там мало трезвых»* (В. О. Ключевский).

Распространённой языковой особенностью афоризмов на грамматическом уровне является их структура. Афоризмы, как правило, состоят из двух частей: конкретной мысли и итогового заключения. Афоризм имеет четко выраженную двучленную форму. В первой части названо какое-либо явление или понятие, во второй раскрывается его суть, поэтому преобладающей частью речи является имя существительное, которым, как правило, выражены и подлежащее и сказуемое: *«Человек – это величайшая скотина в мире»* (В. О. Ключевский); *«Апатия и лень – истинное замерзание души и тела», «Чувство – огонь, мысль – масло»* (В. Г. Белинский) или глагол, который является подлежащим и сказуемым: *«Быть соседями не значит быть близкими»* (В. О. Ключевский). Афоризм имеет как бы два аспекта, часто находящихся между собой в конфликте, поэтому часто номинации явлений в первой и второй части будут состоять в антонимических отношениях *«Авторитет и дружба – вода и огонь, вещи разнородные и враждебные; равенство – условие дружбы»* (В. Г. Белинский).

Афоризмы В. О. Ключевского и В. Г. Белинского обладают огромными изобразительно-выразительными возможностями. Часто изречения построены на основе таких изобразительных средств, как антитеза: *«Без любви и ненависти, без симпатии и антипатии человек есть призрак»* (В. Г. Белинский); хиазм: *«Он глуп оттого, что так красив, и не был бы так красив, если бы был менее глуп»* (В. О. Ключевский); градация: *«Благо тому, кто сохранит юность до старости, не дав душе своей остыть, ожесточиться, окаменеть»* (В. Г. Белинский); метафора: *«Семейные ссоры – штатный ремонт ветшающей семейной любви»* (В. О. Ключевский) и др.

Таким образом, афористика В. О. Ключевского и В. Г. Белинского имеет ряд особенностей, представляющих неиссякаемый интерес как для лингвистов, так и для литературоведов. Тематика их изречений очень разнообразна, что позволяет судить о широком кругозоре авторов, их умении лаконично отражать в своих высказываниях отношение к острым общественным и духовным вопросам. Изречения этих писателей ёмко передают колорит их эпохи, её живое языковое своеобразие. Поэтому необходимо изучать афоризмы В. О. Ключевского и В. Г. Белинского с целью в полной мере отразить их вклад в развитие духовной и культурной жизни общества.

Библиографический список

1. Афоризмы В. Г. Белинского. – URL: http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-belinskogo (дата обращения: 18.07.2018).
2. Афоризмы В. О. Ключевского. – URL: http://moiarussia.ru/luchshie-aforizmy-klyuchevskogo (дата обращения: 18.07.2018).
3. ЛЭС: Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

И. Г. Родионова
(г. Пенза, Россия)

ЧАСТИЦА *НЕТ ЧТОБЫ* С ИНФИНИТИВОМ: ЗНАЧЕНИЕ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ЦЕЛЕСООБРАЗНОГО ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются особенности образования, значения и функционирования аналитической синтаксической конструкции, представленной сочетанием частицы *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*) с инфинитивом. Отмечается эмоционально-экспрессивный потенциал высказывания, содержащего данную конструкцию.

Ключевые слова: аналитизм, аналитическая синтаксическая конструкция, частица, инфинитив, семантика целесообразности.

Усиление аналитизма в грамматическом строе современного русского языка проявляется в образовании и функционировании аналитических синтаксических конструкций, представленных сочетанием служебного слова со знаменательным. Возникновение той или иной аналитической конструкции обусловлено стремлением говорящего передать тончайшие оттенки смысла, которые невозможно выразить синтетическими средствами языка. Особенно активно происходит образование конструкций, представленных сочетанием частиц с глаголами.

Одной из аналитических синтаксических конструкций, активно функционирующих в разговорной речи, является сочетание частицы *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*) с инфинитивом для выражения нереализованного действия, которое говорящий квалифицирует как целесообразное, предпочтительное, необходимое в той или иной ситуации для достижения того или иного результата: *Софи рыщет по городу.* ***Нет***, ***чтобы*** *со мной* ***посидеть*** (П. Боборыкин); ***Нет того***, ***чтобы собрать*** *штаб,* ***осветить*** *положение,* ***прочесть*** *руководству лекцию о цинге и мерах борьбы с нею* (Б. Пастернак); ***Нет бы*** *ей* ***подражать*** *доброй старушке Полине Васильевне, подрабатывающей в аналитическом на половину ставки, или* ***влюбиться*** *в начальника отдела, импозантного пожилого ловеласа Эдика* (С. Лукьяненко).

Интересным представляется образование частицы *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*), которая во всех своих вариантах обязательно включает отрицательное слово *нет* (из *не есть*) и частицу *бы* (из *быти*), в том числе в составе подчинительного союза *чтобы*. Таким образом, оттенок отрицания действия, которое названо инфинитивом и является, по мнению говорящего, целесообразным, предпочтительным, обусловлен этимологией частицы *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*).

Отметим, что с помощью названной частицы отрицается не просто действие (для этого вполне хватило бы частицы *не*), а именно целесообразное действие, названное инфинитивом. По словам В. Н. Романовой, «…общее понятие целесообразности / нецелесообразности характеризует действие как более / менее предпочтительное для достижения определённого результата» [Романова 2008: 7]. Е. И. Дубовик отмечает: «Целесообразность предполагает возможность выбора, при котором из двух и более линий поведения субъекту предстоит избрать наиболее эффективную» [Дубовик 2001: 171]. Эта «наиболее эффективная», целесообразная, предпочтительная «линия» оказывается не выбранной субъектом: *Все смеются, а* ***нет***, ***чтобы радоваться*** (Ф. Решетников) – ср.: *Все смеются, а* ***не радуются***; *Сидят, по уши в деньгах зарывшись, а* ***нет***, ***чтобы*** *бедной девушке* ***помочь*** (А. Островский) – ср.: *бедной девушке* ***не помогают***; ***Нет***, ***чтобы стать*** *на коленки да за мать* ***помолиться***, *чтоб господь её уберёг, так ты ещё слова такие говоришь!* (В. Осеева) – ср.: *на коленки* ***не стают*** *и за мать* ***не молятся***.

Целесообразность нереализованного действия может подчёркиваться контекстом, в частности сравнением с другим субъектом (субъектами), который выбрал целесообразную линию поведения: – *Но отчего он такой кровопивец? – думается ей, –* ***нет чтобы*** *книжку* ***почитать*** *или в уголку тихонько посидеть,* ***как другие дети****! Всё бы ему разорвать да перервать, да разбить да проломить!* (М. Салтыков-Щедрин); ***Нет того чтобы, как он, читать*** *«в постели, за обедом, на улице»* (Л. Чуковская); *И службу-то себе такую нашёл:* ***нет чтобы, как и другие казаки****, в верных частях* ***служить****, а он – вишь!* (М. Шолохов).

«Выбранное» субъектом действие, как правило, тоже названо в контексте: ***Нет чтобы*** *в обстоятельного человека* ***влюбиться****, – непременно что ни на есть* ***мерзавца*** *или* ***каторжника выберут****!* (М. Салтыков-Щедрин); ***Нет чтобы служить примером*** *на производстве, а он* ***делает*** *такие* ***безобразия*** (В. Катаев); *Едва только он ушёл, бабка сразу же заставила меня насильно выпить стакан молока, съесть блин и творожную ватрушку, причём Славка –* ***нет, чтобы*** *за меня* ***заступиться****, –* ***сидел*** *на скамье напротив,* ***болтал*** *ногами,* ***хохотал*** *и* ***подмигивал*** (А. Гайдар). Ироничный оттенок высказыванию придаёт частица *лучше*, используемая в противоположном значении при назывании выбранного субъектом действия: ***Нет, чтобы подтянуть*** *всё на себе да* ***пройтись*** *по улице весело,* ***станцевать, спеть****… Нет, вы* ***лучше будете*** *семечки проклятые* ***лузгать*** *да* ***сплетничать*** *друг про дружку* (В. Шукшин).

Семантика целесообразности нереализованного действия, названного частицей *нет чтобы* (*нет того чтобы, нет бы*) с инфинитивом, может быть выражена в высказывании совершенно отчётливо: ***Нет бы*** *спокойно* ***посмотреть****: воткнута ли вилка прибора в сеть!* (Д. Донцова), а может сочетаться с другими значениями: а) оптативности: *«Вот для кого попало песни пишешь, – с неожиданной обидой заявил он, – а вот* ***нет чтобы*** *для моих гениальных пьес что-нибудь* ***написать****!»* (А. Городницкий); б) косвенного побуждения в разных формах – просьбы, совета и др.: *Видишь, что старшего товарища заносит, и сидишь, как воды в рот набрал.* ***Нет чтобы оказать*** *дружескую* ***помощь*** (А. Маринина) – ср.: *окажи дружескую помощь*; *Вы сами, Катька, виноваты во всём: обвиняете ребят, что они за городскими начинают приударять, а вас забывают. А* ***нет, чтобы подумать****: а почему так?* (В. Шукшин) – ср.: *подумайте: а почему так*; в) оценки, выраженной словами с оценочной коннотацией: *Обрадовалась, что замуж вышла, дождалась. А* ***нет, чтобы*** *об жизни* ***подумать****.* ***Бесстыдница****!* (А. Островский). Каждое из названных значений в конкретном высказывании проявляется в большей или меньшей степени.

Синтаксическая функция аналитической конструкции, представленной частицей *нет чтобы* (*нет того чтобы, нет бы*) с инфинити-

вом, зависит от способа выражения субъекта, который не реализовал названное целесообразное действие.

Если субъект представлен формой **дательного падежа**, то аналитическая конструкция выполняет функцию главного члена односоставного инфинитивного предложения: ***Ему***, ***дураку***, ***нет бы*** *струментик* ***собрать*** *да* ***уйти*** *потихоньку* (В. Белов); *Что за народ*, ***нет того***, ***чтобы всем*** *дружно* ***собираться*** (П. Романов). Ср.: «…в инфинитивных <…> предложениях потенциальный субъект имеет (или предполагает) форму дательного падежа» [Лекант 2007: 153]. Рассматриваемая аналитическая конструкция функционирует в роли главного члена односоставного инфинитивного предложения и при опущенном дательном субъекта. «Данная словоформа является облигаторным компонентом модели инфинитивного предложения и не варьируется, а её значимое отсутствие представляет собой модификацию данной модели», – отмечает П. А. Лекант [Там же: 154]: ***Нет чтобы подумать****: окопы же люди делают, готовятся к смертному бою, так неужели в такой момент и вот так о войне перед этими людьми говорить?!* (С. Залыгин); *Каждый шаг, каждый вздох – борьба со стихиями*, ***нет того***, ***чтобы*** *просто* ***пробежаться*** *или просто* ***подышать****!* (А. Эфрон); ***Нет того чтобы*** *за женой начальника* ***поухаживать*** (Ф. Абрамов); *А* ***нет бы подумать*** *об изменении судьбы собственной* (Б. Васильев).

«Так как инфинитив потенциально содержит в себе отношение к лицу, то возможны модальные употребления его в функции всех основных наклонений глагола», – отмечал В. В. Виноградов. По словам учёного, «инфинитив приобретает всё более широкие права экспрессивного, переносного замещения личных форм глагола» [Виноградов 1972: 475]. При субъекте-подлежащем в форме **именительного падежа** аналитическая синтаксическая конструкция, включающая частицу *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*) с инфинитивом, выступает в роли осложнённого простого глагольного сказуемого. «Такое употребление инфинитива обычно рассматривается как несогласованная форма простого глагольного сказуемого» [Лекант 2011: 4]: *Я неделю провалялся в постеле, а* ***вы***, ***нет чтоб проведать****, жив ли, дискать, мой сосед Буркин* (М. Загоскин) – Ср.: *а вы* ***не проведали***; *Ведь как с ним случалось: займёт кто-нибудь у него пятёрку и не отдаёт, и не отдаёт, а* ***он нет чтобы потребовать*** *собственное, ещё и стесняется должника, обходит стороной, чтобы тот не подумал, будто из-за пятёрки Устинов его преследует* (С. Залыгин) – ср.: *а он* ***не потребует*** *собственное*.

Значение нереализованного целесообразного действия сохраняется и в тех случаях, когда место инфинитива занимают формы прошедшего времени, которые, в силу употребления в прямом значении наклонения, являются менее экспрессивными по сравнению с инфинитивом: ***Нет чтобы*** *в саду* ***всё*** *разом* ***поспело****, а всякой ягоде, всякому*

фрукту свой черёд определён (М. Салтыков-Щедрин); ***Нет, чтобы посидела** с людьми да **поговорила**, а то сидит одна али ходит бог знает где!* (Н. Златовратский).

Высказывание, содержащее аналитическую конструкцию, включающую частицу *нет чтобы* (*нет того чтобы*, *нет бы*) с инфинитивом и имеющую значение нереализованного целесообразного действия, как правило, имеет двухчастную структуру. Это может быть сложное предложение, состоящее из двух предикативных частей, или самостоятельные предложения в составе текста. Одна часть высказывания обязательно включает аналитическую конструкцию со значением нереализованного целесообразного действия, а во второй называется действие, реализованное вместо того, которое, по мнению говорящего, необходимо было реализовать. Между частями оформляются противительные отношения, средствами связи частей высказывания служат следующие единицы:

а) противительные союзы *а* (наиболее часто), *а то*: ***Нет чтобы** хорошему примеру **подражать**, **а** всё как бы **на смех** друг друга **поднять норовим**!* (М. Салтыков-Щедрин); ***Нет того, чтобы уважить** родителю или, к примеру говоря, **ослобонить** от бою, **а он** его же **норовит**… в это самое **направить**… да-а-а…* (М. Шолохов); ***Нет чтобы зайти** ко мне, **поговорить**, заявление **написать**. **А то приходится** всё за вас **делать*** (Б. Можаев);

б) союз-частица *так* (*дак*): *И **нет чтобы расстегнуть** самому, **так он**, любимчик семьи, как маленький, **ждёт**, чтобы Юра ему расстегнул, и в этой странной позе, с нахлобученной на голову рубашкой, **продолжает говорить*** (Ф. Искандер); ***Нет, чтобы** какую махонькую книжонку **взять**, **дак** она эдакую библию, прости господи, **стащила**!* (В. Осеева);

в) предложно-падежное сочетание *вместо этого*: ***Нет бы** просто **пожалеть** глупого ребёнка да **дать** ему, пока не приехал доктор, стакан с раствором марганцовки, **вместо этого он предлагает** прямо сейчас начинать размышлять на тему о правильности поедания шаурмы, приготовленной в антисанитарных условиях* (Д. Донцова).

Противительные отношения между частями высказывания могут быть реализованы бессоюзной связью: ***Нет чтобы** в поле **работать** – **он** с бабушкой **катается*** (Ф. Гладков); *У Наташки рука в крови, она в рёв, Петрунька злой, **нет чтобы** сестрёнку **пожалеть** – ещё **грозится побить*** (С. Залыгин).

Иногда вторая часть высказывания опускается, реализованное нецелесообразное действие не называется, говорящий как бы досадует по поводу того, что совершено «ненужное», «неправильное», нецелесообразное действие. В подобных случаях имеет место риторическая фигура умолчания, использование которой повышает эмоционально-экспрессивный потенциал высказывания. В устной речи умолчание

выражается соответствующей интонацией незавершённости, незаконченности, на письме оформляется многоточием: *Получает власть русский человек, и* ***нет того, чтобы*** *(вить бы им гнёзда) великодушно* ***распорядиться*** *ею…* (М. Пришвин).

Отметим, что порядок называния действий – нереализованного целесообразного и реализованного нецелесообразного – может быть различным: *–* ***Ты*** *что,* ***как мышь на крупу, надулся!*** *– не утерпит, прикрикнет она на него, – или уж с этих пор в тебе яд-то действует!* ***нет того, чтобы*** *к матери* ***подойти****: маменька, мол, приласкайте меня, душенька!* (М. Салтыков-Щедрин); ***Мы*** *же что-то там такое наспех* ***вызубриваем, нет того, чтобы радоваться*** *каждому новому английскому слову и* ***накидываться*** *на книги со страстью, как накидывался он* (Л. Чуковская); *А то* ***пишешь*** *неизвестно о чём,* ***а нет чтобы воспеть*** *подругу дней твоих суровых* (Е. Гинзбург).

Аналитическая синтаксическая конструкция, представленная частицей *нет чтобы* (*нет того чтобы, нет бы*) с инфинитивом, характерна для устной разговорной речи, в том числе отражённой в художественной прозе, обладает эмоциональностью, экспрессивностью, которые в тексте подкрепляются словами или фразеологизмами, имеющими сниженную стилистическую окраску: ***Нет, чтобы подале схорониться****, к городку* ***прётесь*** *все* (В. Шишков); *– А ты, мой батюшка, всё* ***шалберничаешь****, – погрозила она ему пальцем; – а* ***нет того, чтобы зайти*** *к старухе* ***посидеть!..*** (В. Крестовский); *– Вы* ***белены объелись****, – пробормотал* ***Вован****, –* ***нет чтобы*** *меня* ***пожалеть!*** (Д. Донцова).

Использование рассматриваемой аналитической конструкции в устной речи нередко приводит к пропуску глагола, который легко восстанавливается из контекста или из ситуации. Пропуск глагола делает высказывание более динамичным: *«Фу ты, какой скользкий старикашка, – подумал Растёгин, –* ***нет того, чтобы*** *начистоту», – и ударил себя по голым коленкам* (А. Н. Толстой); *– Экая сумасшедшая, – укоризненно покачала головой Варвара. – Вот завсегда так: наорёт, накричит.* ***Нет чтобы*** *ладком, как люди… Разве Анфисы вина, что немец наступает?..* (Ф. Абрамов); *Что за народ эти взрослые?* ***Нет чтобы*** *всё прямо, открыто. А то боятся своим же детям правду сказать* (А. Лиханов).

Вхождение в состав частицы компонента *чтобы* приводит к нестабильности пунктуационного оформления: нередко компоненты частицы разделяются запятой. Справочно-информационный портал «Грамота.ру» и словарь-справочник «Трудные случаи русской пунктуации» не рекомендуют разделять частицу запятой, что, на наш взгляд, является оправданным [http://www.gramota.tv/spravka]; [Пахомов 2012: 313].

В заключение отметим, что аналитические синтаксические конструкции, представленные сочетанием частицы *нет чтобы* (*нет того чтобы, нет бы*) с инфинитивом и имеющие значение нереализованно-

го целесообразного действия, в основном используются в повествовательных предложениях, иногда осложнённых восклицательной интонацией. Значительно реже конструкция функционирует в вопросительных предложениях, представляющих риторические высказывания с оттенком побуждения: *А **нет того, чтобы** до кухни **дойти**, **поздороваться?*** (В. Асеева).

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 616 с.

2. Грамота. Ру. – URL: http://www.gramota.tv/spravka/punctum?layout=item &id=58_861

3. Дубовик, Е. И. Модальное значение целесообразности в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук / Дубовик Е. И. – Белгород, 2011. – 202 с.

4. Лекант, П. А. О грамматической форме инфинитивного предложения / П. А. Лекант // Грамматические категории слова и предложения. – М. : Изд-во МГОУ, 2007. – С. 153–157.

5. Лекант, П. А. Загадочная по своему современному значению категория глагола / П. А. Лекант // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля : в 2 ч.– Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. – Ч. 1. – С. 3-9.

6. Пахомов, В. М. Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник / В. М. Пахомов, В. В. Свинцов, И. В. Филатова. – М. : Эксмо, 2012. – 576 с.

7. Романова, В. Н. Выражение модального значения целесообразности / нецелесообразности в односоставных глагольных предложениях: автореферат дис. … канд. филол. наук / В. Н. Романова. – М., 2008. – 20 с.

Ю. А. Южакова, М. В. Сомова
(г. Рязань, Россия)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ И МЕСТЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СИСТЕМЕ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ПРОСТОГО ОСЛОЖНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Рассматриваются присоединительные конструкции, их значение, способы выражения, связи и отношения с основной частью предложения, а также спорные вопросы, касающиеся рассмотрения присоединения в качестве обособленных членов предложения, характера их обособления и роли в простом осложнённом предложении.

Ключевые слова: синтаксис, присоединительные конструкции, присоединительная связь, дополнительная предикативность, осложнение простого предложения.

Вопрос о присоединительных конструкциях до сих пор остаётся в лингвистической литературе не до конца решённым. Термин «присоединение» связывают и с особой семантикой, и с видом синтаксической связи, и с синтаксическими конструкциями. Впервые на особое значение некоторых союзов – присоединительное – указал А. М. Пешковский. Л. В. Щерба противопоставил присоединение как вид связи сочинению. На специфику присоединительных конструкций одним из первых обратил внимание В. В. Виноградов. Он охарактеризовал их как «такие конструкции, в которых фразы часто не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь присоединения» [Виноградов 2001: 577].

Долгое время присоединительные конструкции рассматривались лишь как элементы разговорной речи, в то время как грамматисты исследовали в основном конструкции письменного языка. Видимо, это одна из причин, по которой присоединение не получило достаточного внимания. Хотя еще в 1950 г. С. Е. Крючков констатировал, что «присоединительные связи из устной речи все шире и шире проникают в различные жанры письменного литературного языка» [Крючков 1950: 400].

Характер присоединительного значения определяется тем, что последующие элементы высказывания возникают в сознании не сразу, а лишь после того, как высказана основная мысль. Характерная особенность присоединительных конструкций – разрыв между ними и основным высказыванием. Поэтому они стоят после длительной паузы и выделяются логически и интонационно.

Если формулировать отличительные черты пояснительных конструкций, то надо назвать следующие:

1) с коммуникативной точки зрения, с их помощью передается мысль, возникшая после основного высказывания;

2) с интонационной точки зрения, они характеризуются прерыванием синтаксической связи, особой интонацией после длительной паузы;

3) с семантической точки зрения, присоединительные конструкции имеют характер добавочных сообщений, уточняющих, поясняющих и развивающих основное высказывание.

Цель использования присоединения сформулировала Н. С. Валгина – придать речи особые смысловые и экспрессивно-стилистические оттенки, сообщить отдельным членам высказывания большую смысловую и эмоциональную нагрузку.

Обычно в школьной и вузовской грамматике присоединение рассматривается наряду с пояснением и уточнением. Однако семантика дополнительной характеристики, свойственная присоединительным конструкциям, проявляется иначе, чем в предложениях с приложениями и уточнениями. Выделительно-уточняющие пояснительные кон-

струкции строятся на базе параллельных членов, присоединительные не требуют синтаксического параллелизма, хотя и не исключают его.

Для выявления сущности присоединения важны следующие аспекты:

1) содержание, смысловая наполненность компонента высказывания;

2) способ его оформления (союзное или бессоюзное присоединение);

3) структура компонента (слово – словосочетание – предложение);

4) синтаксические связи и отношения.

1. Смысловые связи присоединительных конструкций с основным высказыванием очень разнообразны: одни пояснительные конструкции содержат важные сведения, другие имеют характер дополнительных деталей, третьи усиливают или уточняют значение частей основного высказывания. Способность обособленных конструкций не только пояснять, но и развивать основное высказывание делает их особым синтаксическим явлением. Присоединительные конструкции дают возможность усилить, выделить и члены основного высказывания, сделать их за счёт разорванных синтаксических связей более весомыми в смысловом отношении: *Чувствую мастерство. Могу овладеть темой.* ***Вплотную.*** *Ставлю вопрос о теме.* ***О революционной.*** *Думаю над «Облаком в штанах» (В. Маяковский).* В силу своей оторванности присоединительные конструкции получают большую смысловую нагрузку, чем члены одного высказывания, поэтому нельзя рассматривать данные структуры как необязательные и малозначительные. Лишним доказательством их акцентирующей функции является способность влиять на соотношение темы и ремы в сообщении, т.е. присоединительные конструкции могут быть средством актуального членения высказывания. При их участии создаётся сложное соотношение темы, ремы основного высказывания и ремы присоединительной конструкции: T – R – R. Следовательно, логико-смысловые акценты предложения становятся иными.

Но перейдет в сердца их детям
И внукам памятная песнь.
О том, как шли во имя жизни
В страде – два брата, два бойца,
Великой верные Отчизне
Тогда.
И впредь.
И до конца *(А. Твардовский).*

Широкое использование присоединительных конструкций (в частности, парцеллированных) связано с изменением ритма, с тен-

денцией к сжатости, экономности высказывания и вместе с тем к емкости и информационной или эмоциональной насыщенности: *До перевала оставалось два километра.* ***Самых крутых*** *(Из газет).*

2. Присоединительные конструкции обычно упоминаются в связи с характеристикой союзов. Бессоюзное же присоединение внутри простого предложения не нашло достаточною отражения в лингвистической литературе. Трудность изучения присоединения вызвана также многообразием структурно-грамматических типов и отсутствием определенных лексико-грамматических средств выражения (за исключением специальных союзов и союзных сочетаний: *да и*, *притом*, *причем*, *а потому* и некоторых других).

Структурно-грамматические типы присоединительных конструкций обусловлены характером используемых союзов: с присоединительными союзами и союзными словами; с сочинительными союзами в присоединительном значении; с подчинительными союзами в присоединительном значении; или бессоюзные конструкции.

Присоединительные союзы и союзные сочетания образуются соединением сочинительных союзов: *да и*, *но и*, *и то*, *а то*, *и не только... но и;* или подчинительных союзов *и как*, *как и*, *и чтобы*, а также некоторых частиц и местоименных наречий *потому*, *оттого*, *притом*, *затем*, *поэтому*, *вот*, *еще* и т.д. с союзами *и*, *а.* Присоединительное значение союзного сочетания усиливается значением второй части связующего элемента – союза, местоименного наречия, частицы – и может указывать на причину, обоснование того факта, о котором сообщается в основном высказывании: *С девушкой он вскоре поссорился.* ***И вот из-за чего*** *(Г. Успенский).*

Сочинительные союзы *и*, *да*, *но*, *или*, *а*, *тоже*, *ни... ни*, *то... то* в присоединительном значении могут передавать отношения соединительные, противительные, разделительные, обусловленные значением соответствующих союзов: *Как бы то ни было, а запруда на отмели получилась отличная. Теперь мальчик купался, не боясь. Ухватываясь за ветку, слезал с берега и бросался в поток.* ***И непременно*** *с открытыми глазами. С открытыми потому, что рыбы плавают с открытыми глазами (Ч. Айтматов); Не зря ли приехали-то?!* ***Да еще*** *с узлами, с чемоданами* (А. Коптяева).

Присоединительное значение могут приобретать подчинительные союзы и союзные местоименно-наречные слова: *если*, *потому что*, *ибо*, *что*, *который*, *как*, *как (бы)*, *когда* и др., правда, наиболее часто в результате парцелляции. *Среди прочих телеграмм будет и его.* ***Причем самая необычная*** *(С. Лапин); Я у них уже одиннадцать лет живу.* ***Как своя*** *(А. П. Чехов).* Совмещение присоединительного значения с условным, причинным или иным обстоятельственным выводит такие конструкции в группу пограничных, переходных между простыми и слож-

ными предложениями: *Потом разговаривает с консулом.* ***Если его допустят до консула...*** *(Н. Ильин).*

Бессоюзные присоединительные конструкции в школьной практике принято выделять на основе особой интонации, а также путём введения в их структуру якобы пропущенных союзов. Однако отсутствие союза соответствует определённой коммуникативной задаче автора высказывания, образованная таким способом конструкция представляет собой особое синтаксическое построение, нуждающееся в детальном изучении.

Пунктуация при присоединении тоже вызывает сложность. Часто в специальной литературе выбор знака препинания связывают со степенью длительности паузы. При **союзном** присоединении обычно употребляется запятая: *Перед вами люди, имеющие в городе власть,* ***и не малую*** *(Н. Ильин)*: иногда ставится тире: *Дело мы делаем великое и сделали уже немало, а недостатки есть –* ***и серьезные*** *(А. Чаковский*); возможно также многоточие: *Страшно признаться, но я хочу, чтоб этот человек знал, что она мне как песня...* ***И, должно быть, последняя*** *(Н. Погодин).* Бессоюзное присоединение после длительной паузы представлено в литературе как парцелляция (расчленение): *Города, начинающиеся с вокзалов... Есть у каждого города возраст и голос. Есть одежда своя.* ***И особенный запах. И лицо, И не сразу понятная гордость*** *(Р. Рождественский).*

При **бессоюзном** присоединении также может ставиться точка: *Действовать, действовать надо... Плакать потом. Ночью. Когда-нибудь (Н. Ильин)*; однако в некоторых случаях возможны и запятая, и тире. Например: *Было даже страшно,* ***иногда*** *(М. Горький)*; *Вот мазурка началась, и мы расстались –* ***до свидания*** *(М. Ю. Лермонтов).*

3. По составу присоединительные конструкции могут быть отдельными словоформами – членами предложения, сочетаниями слов, а также целыми предложениями. Неоднозначным является рассмотрение присоединительных компонентов в качестве обособленных членов предложения, однако очевидно, что по отношению к членам основного высказывания присоединительные конструкции выполняют те же функции дополнения, определения, обстоятельства, подлежащего и сказуемого. Приведём примеры:

– присоединяемое подлежащее: *А теперь в нем появилась какая-то угловатость, резкость...* ***И непреклонность*** *(А. Чаковский);*

– присоединяемое сказуемое, обычно однородное по отношению к сказуемому основной части: *Была у него такая странная мечта: он хотел превратиться в рыбу.* ***И уплыть*** *(Ч. Айтматов);*

– присоединяемое дополнение: *И прошу тебя никому об этом не рассказывать.* ***Ни маме, никому*** (Н. Ильин);

– присоединяемое обстоятельство: *Я поклялся не говорить ни слова –* ***из любопытства*** *(Л.Н. Толстой);*

– присоединяемое определение: *Чей-то голос далекий возник.* ***То глухой, то протяжный и низкий, то внезапно похожий на крик*** (К. Лисовский).

4. Присоединение – как особая разновидность синтаксической связи – отличается и от сочинения, и от подчинения. При этом связи выделенного компонента с членами основного предложения могут сохраняться и, будучи ослабленными удалённым местоположением и особой интонацией, накладываться на присоединительные связи. Структурное вычленение присоединительной конструкции из простого предложения создаёт только внешнее впечатление оторванности, вторичности, даже нарочитой необязательности присоединяемой характеристики. На практике наложение присоединения на сочинение или подчинение, даже ослабленное, является средством акцентирования содержания присоединительной конструкции. В конструкции происходит как бы разрыв возможных синтаксических объединений, в результате чего оторванные элементы получают большую смысловую нагрузку, так как приобретают грамматическую самостоятельность.

Присоединение, оформленное словом или сочетанием слов и осложняющее простое предложение, может по-разному соотноситься со структурой основной части предложения:

– может дублировать имеющийся член предложения и накладываться на его синтаксические связи, уточняя или поясняя его: *Я не рассказал* ***об англичанах. О лондонцах*** *(Ф. Абрамов);* ***Всегда*** *он таким был.* ***С детства*** *(Н. Ильин);*

– может замещать отсутствующий член предложения: *– Дай мне капли, – слабым голосом произнесла Софья Павловна. –* ***На столе. Около чернильницы*** *(Н. Ильин); Смотрю, в одиннадцатой роте сигналы учат.* ***Хором*** (А. И. Куприн);

– повторять в присоединительной конструкции член основного высказывания, распространяя его с целью сообщения ему дополнительной характеристики или расширения содержания: *Помните, Наташа, у вас голос.* ***Хороший голос*** *(Костоглодова); Кто-то должен был ее утешить.* ***Немедленно утешить*** *(Н. Ильин);*

– или выполнять роль членов, однородных с имеющимися в основном высказывании: *Ждали малоснежную зиму.* ***И не угадали*** *(А. Чаковский); А ведь он, Лиза, наш земляк.* ***Тоже волжанин*** *(Н. Ильин).*

И главное: присоединенные члены предложения имеют характер добавочного сообщения, т.е. приобретают дополнительную предикативность. Это очевидно, если присоединение содержит глагол. В остальных случаях членение текста дает возможность сосредоточить внимание на самом действии за счёт усиления значения глагола, так как оторванные члены предложения как бы предполагают его повторение: *И она запела. [Запела]* ***Сначала тихо, потом громче*** *(Р. Фраерман).* Логически выделяются именно второстепенные члены, т.е. вни-

мание сосредоточивается на качестве действия, а не на самом действии. Дополнительная предикативность присоединительных конструкций является бесспорным основанием для рассмотрения присоединения как способа осложнения простого предложения.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Современный русский язык: Синтаксис : учебник / Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 2003. – 416 с.

2. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 2001.

3. Крючков, С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке / С. Е. Крючков // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. – М. : Учпедгиз, 1950.

4. Лекант, П. А. Современный русский литературный язык : учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология». Академический учебник / П. А. Лекант. – М. : АСТ-Пресс, 2013.

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

И. А. Алешина
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА «СОН» В СТИХОТВОРЕНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «РУСАЛКА»

Аннотация. Рассмотрены языковые особенности баллады М. Ю. Лермонтова, а также дана характеристика единиц, с помощью которых выражен мотив сна в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Русалка». Всё это позволяет детально рассмотреть язык художественного произведения.

Ключевые слова: филологический анализ текста, художественный текст, баллада, ключевые единицы, мотив.

Восприятие художественного текста зависит от его понимания, которое невозможно без осознания языка произведения. Соединение литературоведческого и лингвистического анализа помогает по-особенному взглянуть на текст.

Рассмотрим балладу М. Ю. Лермонтова «Русалка», в которой проявляется один из основных мотивов в его творчестве – мотив сна. Поэт неоднократно обращается к этому жанру, а в этом произведении, написанном в 1832 году, начинает складываться стиль зрелого Лермонтова-балладника, который «безгранично раздвигает пределы балладной ситуации, и она оказывается способной «вместить» в эту жанровую форму и идею нетленности любви, и величие страсти, и романтику подвига» [Лермонтовская энциклопедия, 1999].

Русалка

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела **русалка** – **и** звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

И пела **русалка**: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок златые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело, **и** в уста мы в полуденный час,
Целовали красавца **не раз**.

Но к страстным лобзаньям, не зная зачем,
Остается **он** хладен и нем;
Он спит – и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!»

Так пела **русалка** над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака. [Лермонтов, 1984]

Характерный для творчества М. Ю. Лермонтова мотив сна возникает и в раннем романтическом произведении «Русалка». Идея безответного чувства, непонимание одного человека другим. Русалка не имеет представлений о смерти и называет её сном.

Композиционное деление на пять частей соотносится с сюжетом баллады, имеет замкнутый, кольцевой характер. Первая часть (1 строфа) – своеобразная экспозиция, из которой узнаём, где происходит действие: ночь, река, плывущая русалка. Вторая часть (2–3 строфы) – завязка. В своей песне главная героиня рассказывает о подводном царстве. Третья часть (4–5 строфы) – развитие действия. В мире русалки есть одно сокровище – витязь, «добыча ревнивой волны». Героиня и её подруги любят ласкать его, расчёсывать кудри, целовать. Четвёртая часть (6 строфа) противопоставлена предыдущей части и начинается с союза «но». Витязь не реагирует на страстные объятия и поцелуи русалок, он спит – и «не дышит, не шепчет во сне». Русалка принимает смерть витязя за сон. Пятая часть (7 строфа) – развязка, в которой нас переносят из подводного мира на поверхность.

Ключевые единицы помогают лучше понять идею произведения, они определяют два образа – русалки и мертвого витязя. Так, ключевыми единицами, характеризующими первый образ, будут «пела», «любим», «целовали», «лобзания», «тоска». Второй образ характеризуют следующие языковые единицы: «спит», «хладен», «нем», «не дышит», «не шепчет».

В романтической балладе все **эпитеты**, создающие образ сказочного мира русалок, постоянны и относятся к условно-поэтическим

(**полная** луна, **серебристые** берега, **крутые** берега, **яркие** пески, **шелковые** кудри, **синяя** или **голубая** река).

Русалка охвачена «**непонятной»** тоской, потому что любимый витязь остаётся «хладен и нем» к её поцелуям и ласкам. Она не знает, что такое смерть, и это тяготит её.

В произведении мало метафор, однако если она присутствует в тексте, то точно передаёт картину солнечных бликов на глади реки, и тот особый, неверный свет, струящийся в подводном царстве: «На дне у меня / **Играет мерцание дня**».

Ритм баллады создан **повторами**, уточняющими содержание текста и придающими ему выразительность. В тексте встречаем лексический повтор: кроме слов **русалка** (4 раза) и **витязь** (2 раза), повторяется местоимение **он** (3 раза), при перечислении действий героини повторяется союз **и** («и старалась она», «и пела») и наречие **там**. Повтор частицы **не** (**не** дышит, **не** шепчет) усиливает понимание того, что сон витязя странен, в нём нет ни единого признака жизни.

Благодаря использованию глаголов прошедшего времени (плыла, старалась, колебала, пела), создаётся достаточно устойчивая картина, как будто всё это уже происходило в прошлом. В песне же русалки употребляются глаголы настоящего времени (гуляют, есть, спит, не дышит, не шепчет). Глаголы, относящиеся к витязю, в основном глаголы несовершенного вида, то есть тем самым подчёркивается постоянство сна – смерти.

Синтаксис стихотворения отличается сложностью. Так, для перечисления богатств подводного царства в третьей части автор употребляет предложения однотипных конструкций – три простых предложения, соединенных бессоюзной и сочинительной связью. Они даны по принципу восходящей градации: русалка не просто рассказывает о своём мире, она постепенно называет сокровища по степени их значимости: от золотых рыбок и хрустальных городов до красавца-витязя, который ей милее всего.

Однородные сказуемые в описании образа этого витязя: он холоден и нем, безразличен в своём сне-смерти к ласкам русалок. Его сон неестественен, так как он «не дышит, не шепчет во сне».

С помощью слов с конкретным значением Лермонтов создаёт яркие образы подводного мира: **река**, **рыбки**, **волна**, **тростники** и др. Устаревшая лексика и старославянизмы придают тексту возвышенность, свойственную балладе: **златые**, **хладен**, **лобзанья**, **чело**, **уста**, **перси**.

Всё произведение насыщено анафорой, так как это средство выразительности особенно характерно для жанра баллады. С помощью анафоры автор создаёт размеренный ритм, воссоздающий ритм волн, бьющих о берег: «И старалась она…», «И шумя и крутясь, колебала река…», «И пела русалка …».

Анафора и инверсия в строках «Спит витязь, добыча ревнивой волны, / Спит витязь чужой стороны» подчёркивает тем самым уверенность русалки, что её возлюбленный лишь спит.

Для стихотворения характерна плавная лирическая интонация, поддержанная единоначатиями и замыкающейся повторением в концовке начальной строфы.

В начале произведения интонация действительно спокойная и размеренная, в песне русалки интонация экспрессивна. В кульминационной строфе интонация приобретает оттенок недоумения, растерянности. Это подчёркнуто и знаками препинания: восклицательным знаком, многоточием, отражающими непонимание русалки, её разочарование в любви, оставшейся без ответа. В конце стихотворения интонация вновь становится плавной, возвращая нас в мир неземных созданий.

В целом все стихотворение достаточно мелодично. Неповторимое ощущение тишины и покоя ночной реки, особую напевность придаёт аллитерация сонорных **р, л, н**: **Р**усал**л**ка п**л**ы**л**а по **р**еке го**л**убой, / Оза**р**яема по**лн**ой **л**у**н**ой. Единству мелодической линии не мешает свободной сочетание анапеста и амфибрахия (с преобладанием последнего). Разное количество стоп в строке создаёт дополнительной ритм, широко используемый в балладном стихе.

Таким образом, все языковые средства выразительности, используемые поэтом, характеризуют жанр баллады в творчестве М. Ю. Лермонтова и подчинены раскрытию мотива сна, который в данном случае идентичен смерти.

Библиографический список

1. Болдина, Н. Н. Филологический анализ произведений М. Ю. Лермонтова / Н. Н. Болдина. – Пенза, 2005.

2. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М. : Сов. энциклопедия, 1999.

3. Лермонтов, М. Ю. Сочинение : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов.– М. : Худож. лит., 1984. – Т. 1.

М. А. Асяева
(г. Пенза, Россия)

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ В РОМАНЕ И. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

Аннотация. Рассматриваются глаголы мышления и речи в русском языке и литературе, а именно в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева», которые помогают точно передать мысль героя в действии, в движении.

Ключевые слова: семантика, глагол мышления, глагол речи, Бунин.

Иван Алексеевич Бунин – один из важнейших русских писателей рубежа 19-20 веков, верный сын лучших традиций русской классики, блестящий художественный мастер не только русского, но и мирового масштаба, почетный академик императорский Академии наук, лауреат Нобелевской премии по литературе 1933-го года. И. А. Бунин по праву считается одним из самых своеобразных писателей в истории русской литературы. Он, находясь на рубеже двух веков, испытал переплетение замену древнего, милого ему образа жизни новым, прожил две революции(революции 1905-го года, Октябрьскую революцию) и две мировых войны, чем сложилась своеобразие его психики, личности и творчества. И. Бунин завоевал славу в литературной среде своей прозой.

Самым крупным из них является роман «Жизнь Арсеньева». Это произведение считается многими современниками Бунина и его исследователями автобиографией самого автора. Сам Бунин не раз оговаривался, что это автобиография не его самого, а вымышленного героя. Но биография вымышленного героя Арсеньева так удивительно сходна с биографией самого Бунина – образ воспитателя, образ отца, образ брата, отношение к театру, чувства к родной усадьбе и своему дворянскому роду, романтическая история с героиней, смерть младшей сестры, даже названия имеют (Каменка, Васильевское) ... – что невозможно не подставлять самого Бунина в Алексея Арсеньева. И к тому же весь роман написан от первого лица, авторского "я", что позволяет думать, что психология, чувства, душевные переживания центрального героя, раскрытые в произведении, являются самыми писательскими.

Все чувства, эмоции, мысли и душевное состояние передано именно с помощью глаголов мышления и речи. В современной лингвистике все больше внимания уделяется семантической значимости каждой лексемы в нашем языке. Большое внимание к семантике объясняется тем, что без всесторонней глубокой ее разработки невозможно говорить о глубоком понимании природы языка, закономерностей его развития, его связи с мышлением. Отсюда и актуальность изучения данной темы. Все мысли, эмоции и чувства человек выражает с помощью слов, в том числе и с помощью глаголов [Алиева 2016: 134].

Семантическая структура глагола наиболее гибкая и объемная по сравнению с другими частями речи. Рассмотрим подробнее лексико-семантическую группу глаголов мышления на основе «Русского семантического словаря» под общей редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой.

В Русском семантическом словаре под общей редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой представлено множество классов глагола. Они представляют собой формы проявления лексической парадигматики. Классы существуют в виде более или менее широких объединений слов, представляющих собой семантические парадигмы, более объемные и более сложные, чем словесные оппозиции, которые входят

в такие парадигмы в качестве составных частей. В основе любого объединения (класса) слов лежит принцип сходства слов по каким-либо общим компонентам. Типы классов слов чрезвычайно разнообразны и взаимосвязаны. С этой точки зрения можно выделить три типа классов слов: формальный, формально-семантический и семантический [Кузнецова 1989: 64]. Самым важным с точки зрения лексической системы типом классов слов является последний из них, называемый лексико-семантическими группами. Лексико-семантической группой именуется самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом.

Рассмотрим подробнее класс глаголов мышления. В Русском семантическом словаре Н. Ю. Шведовой этот класс представлен в количестве около 1200 языковых единиц и делится он на 6 множеств:

- Верование;
- Мысль, воображение, сомнение, суждение;
- Познание, осведомленность;
- Внимание, интерес, влечение;
- Память;
- Вера, доверие, надежда [Шведова 1998: 230].

Каждое из множеств делится еще на группы. Исключением является лишь множество «Верование», которое не делится и представляет собой 174 глагола мышления. Это составляет 14, 5 % от общего количества глаголов мышления.

Глаголы речи также делятся на множества:

- Глаголы вопроса;
- Глаголы комментирования;
- Глаголы называния;
- Глаголы речи по языкам [Шведова 1998: 212].

Глаголами речи обычно называют глаголы, выражающие процесс говорения в его различных проявлениях. Но так как процесс говорения включает выражение чувств, восприятие, мышление, звучание и т.д., то лексико-семантическая система глаголов и фразем говорения представляется как сложное многоаспектное и многослойное поле, границы которого трудно определимы. Л. М. Васильев, давший глубокое, многоаспектное описание парадигматической семантики глаголов речи, включает в систему глаголов говорения около 1500 лексических единиц (глаголы и фраземы). Выбор этих глаголов осуществляется интуитивно на основании их соотнесенности с такими денотатами, как речь, чувства и т.д., что создает определенные и весьма значительные трудности при переводе этих глаголов [Васильев 1971: 212].

Таким образом, глаголы мышления и речи в русском языке имеют место и точно помогают передать мысль в действии, в движении.

В художественном тексте И. Бунина выявлено около 1000 глаголов мышления и речи, которые сопровождают реплики героев или используются для описания особенностей их речи. Они могут указывать на жанр высказывания, определять характер прямой речи и при этом выполняют в тексте ряд важных функций – информационную, эмоциональную, апеллятивную (директивную). Употребленные вместе со словами-распространителями, глаголы говорения в художественном тексте могут указывать на громкость голоса, интонацию говорящего, его чувства, отношение к собеседнику во время произнесения той или иной реплики. Следовательно, они служат в романе Бунина для характеристики героев, их коммуникативного поведения, играют важную роль в раскрытии образов.

Таким образом, глаголы мышления и речи в русском языке и в литературе имеют место и точно помогают передать мысль в действии, в движении.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М., 1967.

2. Алиева, Г. Ю. Перевод неречевых глаголов, употребляемых в значении речевых / Г. Ю. Алиева. – М., 2016.

3. Баудер, А. Я. Части речи структурно-семантические классы в современном русском языке / А. Я. Баудер. – Таллин, 1982.

4. Варина, В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц / В. Г. Варина // Принцип и методы семантических исследований. – М., 1976.

5. Василевич, А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте / А. П. Василевич. – М., Наука, 1987.

6. Васильев, Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи / Л. М. Васильев // Ученые записки Башкирского ун-та. – Уфа, 1971.

7. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М., Высш. шк., 1981.

8. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М., 1969.

9. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М., 1988.

10. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – СПб., 1996.

11. Панфилов, В. З. Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М., 1971.

12. Чикобава, А. С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции / А. С. Чикобава // Язык и мышлений. – М., 1967.

М. П. Болотская
(г. Пенза, Россия)

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОЦИЙ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования личных местоимений, участвующих в выражении чувств и переживаний лирического героя в текстах стихотворных произведений В. С. Высоцкого.

Ключевые слова: Высоцкий, авторская песня, репрезентация эмоций, личные местоимения.

Тексты авторских песен В. С. Высоцкого построены в трех «режимах»: от 1-го лица единственного и множественного числа («я» и «мы»), от 2-го лица единственного и множественного числа («ты» и «вы»), от 3-го лица единственного и множественного числа («он» и «они»): количественно преобладает личное местоимение первого лица единственного и множественного числа, реже используются местоимения второго и третьего лица.

Так как эмоции могут быть испытываемыми (переживаемыми) и обозначаемыми (выражаемыми), исследователи различают «связь эмоций и языка с точки зрения его чувственного содержания (внутренние/переживаемые эмоции) и его способности выражать/называть эмоции и чувства» [Мягкова 2000: 90]. Тексты типа «я» содержат повествование о себе, опираются на предельную психологическую точность воспроизведения собственного душевного состояния; языковые единицы в них выступают непосредственными репрезентантами эмоций. В. С. Высоцкий использует в текстах стихотворных произведений личные местоимения для выражения чувств и переживаний лирического героя, свойственных и собственному «я»: *На ослабленном нерве* ***я*** *не зазвучу –* ***Я*** *уж свой подтяну, подновлю, подвинчу!* («Мне судьба – до последней черты»); *И* ***я*** *намеренно тону, Зову*: *«Спасите наши души!» И если* ***я*** *не дотяну. – Друзья мои, бегите с суши!* («Упрямо я стремлюсь ко дну…»); *Много* ***во мне*** *маминого, Папино – сокрыто,* ***Я*** *из века каменного, Из палеолита. Но по многим отзывам* ***Я*** *– умный и не злой, То есть в веке бронзовом Стою одной ногой* («Много во мне маминого…»). Кроме того, «я» довольно часто используется в обобщенно-собирательном значении, как уникальное и многоликое «я», охватывающее характерные для советской эпохи человеческие типы, помогая лирическому герою отождествить себя с окружающими: ***Я*** *сам с Ростова,* ***я****, вообще, подкидыш –* ***Я*** *мог бы быть с каких угодно мест, И если ты, мой Бог,* ***меня*** *не выдашь, Тогда моя Свинья* ***меня*** *не съест.* («Летела жизнь»); ***Я*** *когда-то умру –* ***мы*** *когда-то всегда умираем. Как бы так угадать, чтоб не сам – чтобы в спину*

ножом... («Райские яблоки»). Поэт легко примеряет на себя характеры и судьбы других людей, реальных и выдуманных, смешных и серьёзных; их заботы, проблемы, профессии и жизненные принципы, демонстрирует их способ мышления: ***Я*** *оправданья вовсе не ищу, – Пусть жизнь уходит, ускользает, тает. Но* ***я*** *себе мгновенья не прощу, Когда* ***меня*** *он вдруг одолевает. Но* ***я*** *собрал ещё остаток сил, Теперь его не вывезет кривая:* ***Я*** *в глотку, в вены яд себе вгоняю – Пусть жрёт, пусть сдохнет –* ***я*** *перехитрил* («Меня опять ударило в озноб…»). Мастерство поэта «растворяться» в лирическом герое, создавая у читателя/слушателя ощущение абсолютного правдоподобия, заметно осложнило жизнь Высоцкого. Его стали напрямую отождествлять с героями песен и, как правило, не с положительными персонажами: «И из-за того, что мои персонажи выпивают и поют всякие неприличности, у многих людей возникает желание перевести это на меня» [Высоцкий 2000: 35].

Поэтические произведения, созданные в 1975–1980 гг., отличаются осмыслением жизненного пути человека. Личное местоимение «я» в мировоззренческой картине поэта настолько тесно связано с местоимением «мы», что нередко «мы» используется вместо «я»: *Зачем, живя на четверых,* ***мы*** *встали, распрямили спины?* («Упрямо я стремлюсь ко дну»); ***Мы*** *строим школу, чтобы грызть науку дерзко,* ***Мы*** *всё разрушим изнутри и оживим,* ***Мы*** *серость выбелим и выскоблим до блеска, Всё теневое* ***мы*** *перекроем световым!* («Гимн школе»); ***Мы*** *затравленно мчимся на выстрел И не пробуем – через запрет?!* («Охота на волков»); *А* ***мы*** *шумели в жизни и на сцене:* ***Мы*** *путаники, мальчики пока, – Но скоро* ***нас*** *заметят и оценят. Эй! Против кто? Намнём ему бока!* («Я никогда не верил в миражи…»). В. С. Высоцкий, являясь голосом народа, выражает его настроение и переживание (уже сам жанр авторской песни определяет эту тесную связь с людьми).

Взаимоотношения автора и героя в песнях Высоцкого часто построены на том, что «авторское сознание шире и мысль движется дальше, хотя и в этом же направлении, что и мысль персонажа». Усложняется ситуация тем, что «голоса» могут и вступают «в мировоззренческие противоречия между собой» [Скобелев, Шаулов 1991: 29]. Высоцкий не возвышается в творчестве над своими героями, он как бы растворяется в них. Образ автора, его отношение к изображаемому может выдать ирония – одна из ярких особенностей идиостиля поэта. Образы автора и героя часто становятся у барда взаимопереходящими. Нередко ролевой герой ставится Высоцким в гущу общественных событий, даже мирового значения, что позволяет ему высказаться и оценить смысл происходящего с точки зрения обывателя: *Волхвы пророчили концы печальные: Мол змеи в черепе коня живут… А мне вот кажется, дороги дальние, Глядишь, когда-нибудь и совпадут* («Олегу Ефремову к его 50-летию»); *Плывут у нас по Волге ли, по Каме ли Таланты – все при шпаге, при плаще, – Руслан Халилов, мой сосед по ка-*

мере, – Там Мао делать нечего вообще! («Лекция о международном положении»).

Хотя в произведениях, ведущих повествование от 2-го лица, многие эмоции передаются опосредованно, важно отметить, что тексты типа «ты» и «вы» повествуют не только о реальном или виртуальном собеседнике (***Ты*** *меня и из рая ждала* («Райские яблоки»); *Где же* ***ты****, желтоглазое племя мое* («Конец “Охоты на волков”»); *День смерти уточнили мне они… **Ты** эту дату, Боже, сохрани* («Две просьбы»); ***Вы*** *собаки – и смерть вам собачья!* («Конец “Охоты на волков”»); ***Вы*** *– втихаря хихикали, А я – давно вовсю!* («Общаюсь с тишиной я…»), но и об участнике той же эмоциональной ситуации, в которой находится сам говорящий (*Я – снова я, и* ***вы*** *теперь мне верьте…* («Две просьбы»)).

По утверждению исследователей, «режим «ОН»… опирается не только на субъективный опыт (собственные эмоции и их выражение в подобных ситуациях), но и на устойчивые ментальные (национальные) схемы речевого поведения, культурные стереотипы, отраженные в литературе, кинематографии и т. д.» [Романов 2004: 239]. Хотя В. С. Высоцкий дает своим героям определенную самостоятельность, равноправие, возможность высказаться и поступить так, как те считают правильным, он считает, что задача поэта заключается в создании препятствия, сталкиваясь с которым персонажи вынуждены сделать свой выбор. Отношение Высоцкого, а вслед за ним и читателей, складывается именно от исхода этого выбора. Автор, создавая образ своего героя, наделяет его определенными чертами характера, с которыми приходится считаться. Тексты песен В. С. Высоцкого типа «он» моделируют эмоциональное состояние 3-го лица по аналогии с собой или по типичности повторяющейся эмоциональной ситуации: ***Он*** *не двойник и не второе «я»… **Он** плоть и кровь – дурная кровь моя…* («Меня опять ударило в озноб»).

При анализе различных текстовых «режимов» важными являются морально-этические критерии, которые задаются самим автором, его позицией. Творчество Высоцкого подчинено утверждению общечеловеческих законов, неизменных для всех времен. Все многообразие тем, мотивов и образов реализуют, по сути, эту основную идею его поэзии.

Библиографический список

1. Высоцкий, В. Монологи со сцены / В. Высоцкий. – Харьков, 2000.

2. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е. Ю. Мягкова. – Курск, 2000.

3. Романов, Д. А. Репрезентация эмоций в тексте (формы и функционирование) // Текст: семантика, форма, функция: материалы межвуз. науч.-практ. конф. 6–7 октября 2004 г. – Тамбов, 2004.

4. Скобелев, А. В. Владимир Высоцкий: мир и слово / А. А. Скобелев, С. М. Шаулов. – М., 1991.

Л. Б. Гурьянова
(г. Пенза, Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Аннотация. Рассматриваются различные средства репрезентации персонажей драматических произведений: имена, отчества, фамилии, прозвища.

Ключевые слова: персонаж, антропонимы, замысел, сюжет.

Глубокий и всесторонний анализ художественного произведения невозможен без осмысления использования автором собственных имен, которые помогут ему выразить субъективное отношение к создаваемым персонажам, изображаемым характерам, типам личности. Имена собственные, которые широко используются в драматических произведениях, тесно связаны с литературным направлением, жанром, темой произведения, творческим своеобразием художника слова.

Методом сплошной выборки из драматических произведений XVIII–XX вв. мы получили 991 оним, из которых 391имя, 231 отчество, 352 фамилии, 17 прозвищ.

Чаще всего персонажи названы по имени. По происхождению имена являются греческими: **Фекла** (славная), **Клеопатра** (слава отца), **Архип** (начальник конницы), **Филимон** (любимый), **Мирон** (благоухающий), **Василий** (царственный) и др.; латинскими: **Матрена** (почтенная дама), **Марина** (морская), **Лукьян** (светящийся), **Климентий** (милостивый) и др.; древнееврейскими: **Анна** (благодать), **Матвей** (божий человек) и др.; славянскими: **Борис** (борец за справедливость), **Вадим** (спорщик) и др.

Иногда драматурги используют одни и те же имена. Так, **Софья** (мудрая) встречается и в «Ябеде» В. В. Капниста, и в «Бригадире» и «Недоросле» Д. И. Фонвизина, и в «Горе от ума» А. С. Грибоедова.

В пьесах одно и то же имя может встречаться в различных формах, например, **Анна** (В. В. Капнист «Ябеда»), **Аннушка** (А. Н. Островский «Без вины виноватые»), **Анюта** (А. О. Аблесимов «Мельник-колдун, обманщик и сват»).

Иногда драматурги используют имена, которые по-разному пишутся и произносятся: **Гаврило** (А. Н. Островский «Бесприданница») и **Гаврила** (А. П. Чехов «Иванов»), **Михайло** (А. Н. Островский «Праздничный сон до обеда») и **Михаил** (А. П. Чехов «Иванов»), **Хавронья** (П. А. Кропотов «Фомушка – бабушкин внук» и М. Матинский «Санкт-Петербургский гостиный двор») и **Февронья** (Н. В. Гоголь «Ревизор»).

Имя может использоваться как в полной, так и в уменьшительной форме. Использование драматургами уменьшительных форм имени

может указывать на ласковое отношение к младшим в семье: **Капочка, Устинька** (А. Н. Островский «Праздничный сон до обеда»), **Липочка** (А. Н. Островский «Свои люди – сочтемся»). Среди действующих лиц встречаются лакеи, служанки, горничные и т.д. Иногда их называют ласково: **Лизанька** (А. С. Грибоедов «Горе от ума»), **Аннушка** (А. Н. Островский «Таланты и поклонники»), но чаще используются формы с суффиксом **к**, указывающим на пренебрежительное отношение к ним, например, **Петрушка** (А. С. Грибоедов «Горе от ума»), **Химка** (А. Н. Островский «За чем пойдешь, то и найдешь»), **Тришка** (Д. И. Фонвизин «Недоросль»).

Нередко исследователи указывают на причины выбора имени персонажа. Так, О. Гончарова считает, что имена в комедии И. А. Крылова «Подщипа» вызывают ассоциации с карточной игрой: «цыганка раскидывает карты и этим располагает судьбу героев». Так, имя **Слюняя** в его внутренней семантике может быть соотнесено со словом «слюнка»: так называлась крапленая карта. Имя **Подщипы** явно связано с глаголом «обдергивать», «подщипывать», что также входит в словесный ряд шулерской или «неправильной» игры (обдернуться – взять не ту карту). Имя **Трумфа** еще более определенно: это слегка искаженное немецкое Trumpf – «карточный козырь». Так мир театральной игры оборачивается для драматурга карточным шулерством, обманом. Одновременно подобный обман, «мир наизнанку» характерен и для атмосферы карнавала обрядово-зрелищных форм смеховой культуры» [mybiblioteka.su›Том-3›2-18125.html].

Несмотря на то, что драматурги называют персонажи интуитивно, нет ни одного имени, которое бы не добавляло новые характеристики герою.

Нет случайных имен в пьесе «Гроза» А. Н. Островского. Всем в доме заправляет **Марфа Игнатьевна Кабанова**, которая носит древнееврейское имя, обозначающее «госпожа, хозяйка дома», и отчество, образованное от греческого имени Игнатий, что означает «незнающий, игнорирующий». Именно так и ведет себя она с домашними, распоряжаясь их судьбами. Ведь ей не может противостоять ни Тихон («тихий»), ни Катерина («чистая, непорочная»). Не очень слушает мать только дочь Варвара («чужестранка, дикая, пришедшая из чужих земель»). Неспособен помочь своей любимой Катерине и Борис, племянник Дикого, так как имя его символично: так звали одного из первых русских мучеников, причисленного к лику святых.

В пьесе А. Н. Островского «Бесприданница» в именовании **Хариты Игнатьевны** Огудаловой значимым оказывается все. Харитами (от греческого харис – «изящество, прелесть, красота») величали цыганок из хора, а Игнатами называли в Москве каждого цыгана. Отсюда и сравнение ее дома с цыганским табором. Не просто Ларисе (от греческого – «чайка») с такой матерью.

Юлий Капитонович Карандышев, жених Ларисы, – маленький чиновник с большими амбициями. Это подчеркнуто и при помощи имени и отчества в контрасте с фамилией: Юлий – имя знатного римского императора Цезаря, Капитон – от латинского – «голова».

В произведениях А. Н. Островского можно найти много персонажей с говорящими именами.

В пьесе «Свои люди – сочтемся» каждое имя символично. Главного героя зовут **Самсон Силыч** Большов. Известно, что имя Самсон переводится с греческого как «сильный, могучий», а отчество Силыч ассоциируется со словом сила. Это человек, уверенный в своем могуществе. Рядом с ним его верная жена Аграфена Кондратьевна, имя которой означает «горестная». Понятно, что ей непросто, ведь муж попадает в долговую яму, а зять и дочь становятся полноправными хозяевами всего имущества, но противостоять им она не способна.

Их любимая дочь носит имя **Олимпиада** (от греческого «дочь бога Олимпа»), ведь отец сначала мнил себя властным человеком. Вот только в сложной ситуации она будет вести себя не как дочь, а как человек расчетливый и жадный. На первый план выходит значение уменьшительной формы имени Липочка, которое ассоциируется со словами *фальшивка, подделка*. Таким людям всегда придут на помощь в желании обмануть близких стряпчий **Сысой Псоич** Рисположенский, который, как пес, служит не закону, а тому, кто больше заплатит.

Обращение по отчеству предполагает, что человек достиг определенного возраста и положения в обществе, например, **Павлин Павлинович** Куролепов, именитый купец, Матрена Харитоновна, жена его (А. Н. Островский «Горячее сердце»).

Нередко драматурги используют стяжение формы отчества, что исторически сложилось в практике литературной устной речи, например, **Исавна** (П. А. Плавильщиков «Бобыль»), **Еремевна** (А. Д. Копиев «Обращенный мизантроп, или Лебядянская ярморка»), **Михевн** (А. Н. Островский «Последняя жертва»), или его просторечную форму, например, **Фоминишна** (А. Н. Островский «Свои люди сочтемся»), **Ильинишна** (А. Н. Островский «Без вины виноватые»).

Частотным является прием использования одинаковых имени и отчества для персонажей: **Сергей Сергеевич Скалозуб** (А. С. Грибоедов «Горе от ума»), **Сергей Сергеевич Паратов** (А. Н. Островский «Бесприданница»), **Лукьян Лукьяныч Чебаков** (А. Н. Островский «За чем пойдешь, то и найдешь»), **Антон Антонович Сквозник-Дмухановский** и **Лука Лукич Хлопов** (Н. В. Гоголь «Ревизор»), **Борис Борисович Симеонов-Пищик** (А. П. Чехов «Вишневый сад»), **Василий Васильевич Бессеменов** (А. М. Горький «Мещане»). Этот прием усиливает значение имени.

Не менее интересны и фамилии, которые драматурги присваивают своим персонажам.

В 1764 году В.И. Лукин написал комедию «Мот, любовию исправленный», в которой вывел на русскую сцену персонажей с весьма характерными фамилиями: **Добросердов, Правдолюбов, Злорадов, Докукин, Безотвязный, Пролазин.**

Чаще всего в пьесах персонаж сопровождается характеристикой, данной ему драматургом, которая может содержать статус героя, указание на его возраст, черты характера, родственные отношения и т.д. В пьесах XVIII века такие комментарии минимальны, так как характеристика героя драматического произведения содержится прежде всего в фамилиях.

Они могут указывать либо на положительные черты героев: **Здравосмыслов** (А. И. Клушин «Алхимист»), **Праволов**, **Прямиков, Добров** (В. В. Капнист «Ябеда»), **Щедров** (Н. П. Николаев «Розана и Любим»), **Честин** (П. А. Плавильщиков «Бобыль»), **Добролюбов** (Д. И. Фонвизин «Бригадир») и др., либо на отрицательные черты персонажей: **Разгильдяев** (А. И. Клушин «Алхимист»), **Верьхоглядов**, **Легкомыслов** (В. И. Лукин «Щепетильник»), **Злорадов, Докукин**, **Безотвязный** (В. И. Лукин «Мот, любовию исправленный»), **Хватов** (П. А. Плавильщиков «Бобыль») и др.

Причем, среди фамилий, характеризующих положительные черты характера персонажей, встречаются как полные совпадения, так и незначительные различия.

Так, в пьесах В. И. Лукина «Щепетильник» и П. А. Кропотова «Фомушка-бабушкин внук» действуют герои по фамилии **Чистосердов**, в пьесах М. Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор» и В. В. Капниста «Ябеда» используется фамилия **Прямиков**. В пьесе П. А. Кропотова «Фомушка-бабушкин внук» среди действующих лиц встречается **Добровидов**, в пьесе В. В. Капниста «Ябеда» – **Добров**, а в пьесе Д. И. Фонвизина «Бригадир» – **Добролюбов**.

Нередко фамилия, характеризующая персонажа, сопровождается указанием на его профессию или род занятий, усиливая восприятие героя: лекарь **Смертодав**, живописец **Сгорепьянов** (А. И. Клушин «Алхимист»), прокурор **Хватайко** (В. В. Капнист «Ябеда»), стряпчий **Пролазив** (В. И. Лукин «Мот, любовию исправленный»), богатый купец **Сквалыгин** (М. Матинский «Санкт-Петербургский гостиный двор»).

Эту традицию продолжает и Д. И. Фонвизин в комедии «Недоросль», используя фамилии **Правдин, Стародум и Скотинин, Простаков и Вральман.**

Продолжателем дела Д. И. Фонвизина в плане фамилий можно назвать А. С. Грибоедова. В 1818 году он написал небольшое произведение «Проба интермедии», посвященное театральной проблематике, где герои-актеры носят необычные фамилии: **Алегрин, Резвушков, Припрыжкин, Свисталова, Диезина**, а фамилии героев пьесы «При-

творная неверность» (вольный перевод комедии французского драматурга Н. Т. Барта) автор русифицировал: дал «старому франту» фамилию **Блёстов**, а двум другим персонажам - **Рославлев и Ленский**.

Виртуозным мастером в деле нарекания своих героев говорящими именами был и Н. В. Гоголь. В его комедии «Ревизор» встречается прием использования двойной фамилии персонажа. Если в реальности такие фамилии чаще принадлежали знатным людям: Мусины-Пушкины, Голенищевы-Кутузовы, Воронцовы-Дашковы, Муравьёвы-Апостолы, то на сцене – отрицательным персонажам.

Так, городничий **Сквозник-Дмухановский** предстает перед нами человеком, склонным к продувному мошенничеству, о чем свидетельствует и его фамилия: ведь сквозник (по Далю) в переносном значении «хитрый пройдоха», «опытный плут», в прямом значении – «сквозняк», «сквозной ветер», а дмухати по-украински значит «дуть». Не отличается примерным поведением и судья **Ляпкин-Тяпкин**, у которого в ведомстве все ляп да тяп.

Говоря о творчестве А.Н. Островского, следует отметить, что у него нет ни одной случайной фамилии, они связаны с идейной нагрузкой образа и являются «говорящими».

Фамилия у А. Н. Островского может указывать:

- на внешний вид человека: Пузатов, Бородавкин, Плешаков, Курчаев, Белотелова;
- на манеру поведения: Гневышев, Громилов, Лютов, Грознов;
- на образ жизни: Баклушин, Погуляев, Досужаев;
- на социальное и материальное положение: Большов, Великатов;
- на жизнь, полную лишений и нужды: Гольцов, Мыкин, Тугина, Кручинина.

Символический смысл имеют фамилии и в пьесе «Бесприданница». Фамилия **Кнуров** происходит из диалектного слова кнур – «боров, хряк, кабан». В пьесе же это крупный делец с громадным состоянием, который, не стесняясь, делает то, что ему захочется. Так, его покровительство Ларисе связано с тем, что он готов как ювелир огранить этот бриллиант, но, по сути, разыграв ее судьбу в орлянку, он предлагает ей быть содержанкой.

Фамилия **Вожеватов** происходит от слова вожеватый в значении «развязный, беспардонный». Он один из представителей богатой торговой фирмы, который знает Ларису с детства. Василий Данилович вроде бы сочувствует ей, но помощь требует средств, с которыми он не хочет расставаться, а жениться на ней, бесприданнице, он не намерен. Проиграв пари с Кнуровым, он не переживает, считая, что деньги целее будут.

Сергей Сергеевич **Паратов** этимологически связан с прилагательным поратый – «бойкий, сильный, дюжий, усердный». В пьесе драматург дает ему характеристику, связанную с его финансовым со-

стоянием – «богатый барин, из судоходцев». Он миф, который создан в воображении Ларисы: она наделяет его романтическими чертами характера, а он расчетлив и трезв. Ради своей прихоти он увозит Ларису с обеда, устроенного ее женихом, проводит с ней ночь на пароходе, не собираясь на ней жениться. Ему абсолютно все равно, как сложиться ее жизнь, а свою он предопределил, потому что должен заключить брак по расчету.

А. П. Чехов является продолжателем традиций русской драматургии. Многие фамилии героев его пьес являются говорящими, хотя это скорее исключение, чем правило.

Сын и мать в пьесе «Чайка» носят фамилию **Треплевы.** Автор намекает на ее происхождение, ведь сын Константин говорит о матери: «Имя её постоянно треплют в газетах, – и это меня утомляет». Поклонником актрисы является беллетрист **Тригорин**. Вероятно, фамилия связана с его писательской деятельностью: чувствуется перекличка и с названием имения А. С. Пушкина Тригорским, и словосочетанием *три горя.*

В пьесе «Три сестры» герой **Соленый** явно имеет говорящую фамилию: ведь его шутки, солоны, примитивны, неуемны, а фамилия чем-то напоминает кличку.

В пьесах А. М. Горького прием говорящих фамилий фактически сходит на нет. Фамилий персонажей становится меньше, ведь действие многих его пьес происходит в «семейных гнездах».

Так, Васса Петровна, глава семейства, владелица пароходной компании, неслучайно носит фамилию **Железнова**. В ее некогда дружной семье царит разлад: ее муж спился и замечен в отношениях с малолетней девицей, брат беспечен и ничем не занят, сноха Рашель пытается увезти за границу внука Колю, единственную отраду бабушки. Ее железная хватка заставляет ее отравить мужа, донести на Рашель, совершить неблаговидные поступки ради детей и семьи. Но драматург заканчивает пьесу неожиданно: Васса, не справившись с тяготами жизни, умирает.

Таким образом, говорящие имена в русской литературе, начиная от Лукина и Сумарокова и заканчивая Чеховым и Горьким, являются элементом создания стиля писателя. От наивных и одномерных (Обдиралов, Добряков) драматурги переходят к более психологически сложным и обоснованным (Молчалин и Фамусов). В конце 19 – начале 20 века говорящие имена трансформируются, ещё более усложняются, соотносятся с героями пьес сложными ассоциативными связями, но вовсе не исчезают из отечественной драмы, так как по природе своей обречены прямо или опосредованно называть, характеризовать героев литературных произведений.

В драматических произведениях некоторые герои имеют прозвища, которые помогают оценить индивидуально-характерологиче-

ские черты человека и являются единственным средством их обозначения. Они выполняют не только номинативно-опознавательную функцию: будучи связаны с тематикой произведения, жанром, общей композицией и характером образов, они несут определенную стилистическую нагрузку.

Одним из героев А. Н. Островского является **Шмага** («Без вины виноватые»). Его прозвище не выдумано драматургом, а взято им из документа 1705 года, в котором рассказывалось о неком Василии Теленкове по прозвищу Шмага пьяный. Драматург воспользовался этим историческим именем, потому что знал обычай давать незначительным театральным работникам прозвища, которые часто совсем вытесняли подлинную фамилию.

Насыщена прозвищами пьеса А. М. Горького «На дне». Оказавшись в ночлежке, многие из героев потеряли человеческий облик и как следствие этого – имя и фамилию, теперь их величают по прозвищу.

У каждого из героев есть мечта. Так, **Актер** мечтает о том, чтобы вылечиться от алкоголизма и, может быть, снова вернуться на сцену, где он когда-то так блистал. Это единственный герой, у которого известно имя Константин и сценический псевдоним – Сверчков-Заволжский. И хотя все это в прошлом, он все равно мечтает о прежней славе.

Рядом с ним на дне жизни оказывается и **Барон**. Вероятно, в прошлом он занимал достаточно высокое положение в обществе. Его предки были знатного дворянского рода. Сам герой сохранил аристократические черты поведения, хотя и не самые лучшие. Он тоскует о прошлой сытой жизни, хотя и совершает непорядочные поступки: помогает Квашне, потому что от неё может перепасть порция пельменей; дразнит и насмехается над Настей, а сам клянчит у неё деньги и спит с ней; у Луки спрашивает «пачпорт», а у самого документов давно и в помине нет.

Совсем другим человеком оказывается Васька **Пепел**, который мечтает о свободной и вольной жизни. Он желает так жить, «чтобы самого себя можно мне было уважать». Однако в самом его прозвище «Пепел» заключен двойной смысл. С одной стороны, подчеркивается его основательная испепеленность, а с другой – дается намек на какие-то живые искры, а может быть, и пламя надежды, таящееся под этим пеплом.

Слесарь с говорящим прозвищем **Клещ**, с одной стороны, рабочий человек, который подгоняет ключи к старым замкам, с другой стороны, человек, утративший жалость и сострадание. Чего стоит его равнодушное отношение к больной жене Анне! Ему приходится нелегко , он ,как клещ, вгрызается в жизнь, пытаясь выжить.

Таким образом, автор располагает достаточной свободой при выборе того или иного антропонима для любого из своих персонажей. Но мнимая произвольность антропонима на самом деле является осознан-

ной или интуитивно угаданной необходимостью выбора именно этого, а не другого имени. Изучение семантического ореола, окружающего антропоним литературных героев на этапе создания их автором и затем – восприятие его читателем на сегодняшний день является интересной и актуальной проблемой.

Изучение особенностей функционирования собственных имен позволяет глубже понять идейное содержание произведения, определить авторское отношение к герою.

Библиографический список

1. Гончарова, О. М. Национальные традиции в инновационных текстовых моделях русской литературы XVIII века (комедия И. А. Крылова «Подщипа») / О. М. Гончарова // «Власть традиции» и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века. – СПб., 2004. – С. 96–129. – URL: mybiblioteka.su›Том-3›2-18125.html

К. А. Каткова
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАБОТЕ Д. С. ЛИХАЧЁВА «ПИСЬМА О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ»

Аннотация. Рассматривается специфика функционирования односоставных обобщённо-личных предложений в работе Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном». Проанализированы грамматические, семантические особенности обобщённо-личных конструкций, использованных публицистом, а также причины употребления автором именно этого типа односоставных предложений.

Ключевые слова: односоставное обобщённо-личное предложение, публицистический текст, семантика обобщения.

Глагольные и именные односоставные предложения широко используются в текстах разных жанров. Особенности односоставных предложений привлекает многих поэтов, прозаиков и публицистов. Данные синтаксические конструкции обладают выраженными экспрессивными качествами, динамичностью, способностью приблизить печатный текст к разговорному, подчиняясь закону экономии речевых средств, свойственному устной речи, дают возможность избежать излишнего повторения местоимений, имён существительных. «Односоставные предложения – такие же значимые отрезки, единицы языка, как и двусоставные. Они так же выражают форму мысли и служат целям общения. Как синтаксические единицы они подчинены всем закономерностям, существующим в синтаксисе» [Галкина-Федорук 1959: 109].

Наибольшим экспрессивным потенциалом среди односоставных предложений обладают обобщённо-личные конструкции. Возможность представить действие, относящееся ко всем лицам данного языкового сообщества, определяют достаточно широкую сферу употребления обобщённо-личных предложений. Данные конструкции широко используются в устной речи, их стилистические свойства создают возможность для широкого использования в текстах художественных произведений и в речи публицистической. Они помогают придать высказыванию характер объективности суждения.

Обобщённо-личными называются такие односоставные предложения, действие которых относится к обобщённому лицу, а сказуемое выражено личным глаголом в форме 2-го лица (реже – другими личными формами) [Бабайцева 2004: 152].

Для понимания роли обобщённо-личных конструкций в работе публициста важна семантика данного типа односоставных предложений. «Письма…» адресованы не кому-либо конкретно, а всем читателям. Семантика обобщённо-личных предложений определяется тем, что они отражают не конкретные события и процессы, реально происходящие в действительности, а обобщённую внеязыковую ситуацию, нелокализованную во времени, для которой обязательна повторяемость. Общим значением данных конструкций, представленных в «Письмах…», является утверждение независимого признака, приписываемого любому деятелю: *В материальном мире большое* ***не уместишь*** *в малом*.

Обобщённо-личные конструкции употребляются тогда, когда в предложении говорится о личном, но обобщённом действии, поступке безотносительно к точному обозначению действующих лиц. Свойственная данному типу односоставных предложений сема обобщенности действующего, но не вербализованного субъекта и соотнесённость представленного действия, состояния со многими лицами способствуют выражению интимных мыслей публициста, его настроений, глубоких личных переживаний, которыми он желает поделиться с читателем: *Интересуешься у него, как же так получилось? Да как про это* ***расскажешь****; Как часто* ***не видишь*** *самого главного.*

Обобщённо-личные синтаксические конструкции обладают наибольшим экспрессивным потенциалом среди односоставных предложений. Их использование как бы вовлекает читателя в описываемые события, автор отождествляет себя с аудиторией. Этот эффект важен для Д. С. Лихачёва, так как в его работе присутствует агитационная составляющая, своего рода призыв.

Д. С. Лихачёв обращается к обобщённо-личным предложениям при выражении только тех наблюдений, которые представляются ему обязательными, бесспорными, поскольку вытекают из объективных особенностей наблюдаемых явлений и ситуаций: ***Перестанешь***

учиться – не сможешь и учить*; Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если* ***будешь*** *ему* ***верен.*** Таким предложениям свойственен афористически-назидательный характер. В них нет членов, связанных с конкретной ситуацией, в частности указательных слов. Основным семантическим компонентом в данных конструкциях является личная причастность любого лица к наблюдениям, составляющим содержание этих предложений, в них обобщается жизненный опыт говорящего или усвоенный им коллективный опыт.

Высшая степень обобщения опыта проявляется в пословицах, поговорках, в неких правилах жизни для всех [Лекант 1986: 84]. В работе Д. С. Лихачёва представлен данный тип обобщённо-личных конструкций: *Есть русская пословица: «****Береги*** *честь смолоду»; В одной старой книге сказано: «****Чти*** *отца своего и матерь свою, и* ***долголетен будешь*** *на земле».*

Главный член в обобщённо-личном предложении выражает действие и указание на его отнесённость к обобщённому деятелю и к лицу, а также вневременность. Эти значения отражены в личных формах 2-го лица единственного числа, 3-го лица множественного лица, 1-го лица множественного числа, 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, 1-го лица множественного числа повелительного наклонения со значением побуждения к совместному действию.

Основным способом выражения главного члена обобщённо-личных предложений в работе Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном» является глагольная форма 2-го лица единственного числа настоящего и будущего времени, а также синтаксически неразложимые сочетаниями слов с перечисленными формами: *Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых* ***не найдёшь*** *в самых лучших исторических словарях русского языка*; *В материальном мире большое* ***не уместишь*** *в малом; Надо быть честным в незаметном и случайном: тогда только* ***будешь честным*** *и в выполнении своего большого долга; Поэтому ученому, инженеру, экономисту – человеку любой профессии следует заботиться, когда* ***пишешь****, прежде всего о точности мысли.* В отличие от глаголов 1-го лица, «в которых отчётливо сохраняется отношение к конкретному субъекту речи», значение глаголов 2-го лица «более неопределённо и растяжимо» [Бабайцева 1968: 48]. В переносном значении эти формы теряют отношение к конкретному производителю действия и приобретают обобщённое значение.

«Письма…» включают обобщённо-личные конструкции с главным членом, выраженным формой 2-го лица единственного числа повелительного наклонения: ***Не будьте смешными***; *Тогда* ***поможем*** *им всем миром!*

Совсем редко в работе используются обобщённо-личные предложения со сказуемым, выраженным формой 1-го лица множественно-

го числа и синтаксически неразложимым сочетанием слов с данной формой: ***Будем долголетни****, как люди и как народ!*

Таким образом, обобщённо-личные конструкции, употребленные в «Письмах о добром и прекрасном», свидетельствуют об афористичном и назидательном характере работы, о стремлении автора к обобщению написанного, об обращении к широкому кругу читателей. Указание на отнесенность к обобщённому деятелю («любому» деятелю) содержится в форме главного члена, представленного формой 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения и синтаксически неразложимым сочетанием слов с этой формой в качестве основного компонента. Форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения, реже используемая Д. С. Лихачёвым в «Письмах…», придаёт работе назидательный характер и представляет собой благие пожелания, необходимые и верные советы. Использование именно этого типа односоставных предложений обусловлено жанром работы, выбранным автором.

Библиографический список

1. Бабайцева, В. В. Односоставные предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : Просвещение, 1968. – 106 с.

2. Бабайцева, В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В. В. Бабайцева. – М. : ДРОФА, 2004. – 504 с.

3. Галкина-Федорук, Е. М. О двусоставных и односоставных предложениях в русском языке / Е. М. Галкина-Федорук // Филологические науки. – 1959. – № 2. – С. 102–112.

4. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. – М., 1986. – 247 с.

В. М. Колганова
(г. Пенза, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. С. ТОКАРЕВОЙ

Аннотация. Рассматривается анализ прецедентных имен собственных, которые являются популярным автологическим приемом в произведениях писательницы. Выявлены группы прецедентных имен собственных, позволяющие точно передать образы литературных героев, их жизненные позиции и особые черты характеров.

Ключевые слова: автологический прием, прецедентное имя, В. С. Токарева.

Проза В. С. Токаревой является неотъемлемой частью современной русской женской литературы середины XX – начала XXI века. На протяжении последнего десятилетия художественный мир писательницы стал объектом пристального изучения. В работах ученых акцентируется внимание на автологических и металогических приемах в прозе автора [Щурова 2010: 172]. Одним из наиболее популярных автологических приемов у писательницы является использование прецедентного имени собственного.

Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не для обозначения конкретного человека (города, населенного пункта, предприятия, организации и т.д.), а в качестве своеобразного культурного знака, символа определенных качеств, свойств [Гудков 2003: 288]. Прецедентное имя – это смысловая домината текста, которая влияет на формирование и содержания, и смысла [Токарева 2015: 52].

Предметом данного исследования послужили прецедентные имена в рассказах и повестях В. С. Токаревой. Выбор произведений был обусловлен, прежде всего, высокой частотностью употребления в прецедентных имен различного рода.

В произведениях писательница использует 30 прецедентных имен собственных различных типов: русские писатели-классики, современные политические деятели, русские и зарубежные деятели искусства, литературные архетипы, зарубежные ученые, психологи и предприниматели. В текстах преобладают мужские имена, их 23. Женских прецедентных имен собственных 7. Стоит отметить, что в прозе В. С. Токаревой наиболее популярны зарубежные имена собственные: 20 имен, среди которых самые частоупотребляемые – Моцарт, Эйнштейн. В прозе В. С. Токаревой доминируют прецедентные имена собственные из группы деятели искусства:

1) художники: *Это девушка – оттуда, из времен* ***Рафаэля*** *и* ***Рембрандта****, случайно залетела в двадцать первый век и застряла на птицефабрике* («Свинячья победа» (с. 124)); *Надо перестать думать о своем суставе.<...> Полюбить свою ущербную ногу, как Люба полюбила* ***Тулуз Лотрека*** («Перелом» (с.584));

2) композиторы: *Близость с Ирадой, конечно же, получилась. Но не дуэт. Не* ***Моцарт****. Так... собачий вальс* («Своя правда» (с. 23)); *Я знала Францию по французским фильмам, песням* ***Ива Монтана*** *и* ***Шарля Азнавура****...* («Из жизни миллионеров» (с. 74)); *Он играл ее бесстрастно, как переводчик наговаривает синхронный текст. <...> Только точность. Только* ***Чайковский*** («Лавина» (с. 283));

3) певцы и певицы: *Безголосые поют на всю страну, а* ***Монтсеррат Кабалье*** *поет курам...* («Свинячья победа»» (с. 104)); *Красавец <...> Как* ***Майкл Джексон****, хотя Майкл – не мужчина, а существо, со-*

вершенное двигательное устройств» («Стрелец» (с. 163)); *О, если б навеки так было... Это слова романса, который пел* ***Шаляпин*** («Птица счастья» (с. 431));

4) писатели и поэты: *А что в самом деле трагического? В крайнем случае будет хромать. А могла бы сломать бедро и отправиться на долеживание, как* ***Лиля Брик****, любимая женщина* ***Маяковского*** («Телохранитель» (с. 437)); *Из классики больше всего любила Чехова – его творчество, жизнь, но женщины* ***Чехова*** *Лильку не нравились:* ***Лика*** *глупая,* ***Книппер*** *умная? Но неприятная* («Розовые розы» (с. 503)).

Индивидуальность В. С. Токаревой наиболее наглядно проявляется в гендерной направленности выбора прецедентных имен. Автор создает простые образы русских женщина, наделенных:

1) необычной внешностью: *Она и сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип* ***Софи Лорен****, но нежнее* («Уик-энд» (с. 196)).

2) именами: ***Анестези*** *вышагивала оживленно, немножко подскакивая»* («Из жизни миллионеров» (с. 65)), ***Пенелопа… Мельпомена****…Кто такие эти тётки, я точно не знаю* («Скажи мне что-нибудь на твоем языке» (с. 5)).

Использование в сравнениях ярких женских имен органично дополняет образы героинь. Например, с литературными персонажами: *Нинон поняла, что у нее – только один выход: выстоять и вижить. И она выжила. Буквально вытаскивала себя за волосы из болота, как барон* ***Мюнхгаузен*** («Уик-энд» (с. 488)).

У В. С. Токаревой внешние характеристики мужчин реализуются через введение в текст прецедентных имен собственных из группы:

1) современные политические деятели: *Кто такой* ***Путин****? Раб Божий. За Господа Бога, нашего создателя...* («Свинячья победа» (с. 101)); *Красавец. Плейбой, как молодой* ***Кеннеди****...* («Стрелец» (с. 163)); *Лилек вдруг поняла, что Максим тоже похож на* ***принца Чарльза****, только меньше ростом и лысый* («Розовые розы» (с. 510));

2) ученые и психологи: *Я заметила: носители нравственности, как правило, порочные типы. Как* ***Фрейд****, например* («Казино» (с. 473)); ***Эйнштейн*** *в конце жизни верил в Бога <...> Это Бог мог открыть Эйнштейна, и никогда наоборот* («Маша и Феликс» (с. 573));

3) Зарубежные предприниматели: *Хорошо бы, конечно, иметь и быть. Как* ***Билл Гейтс****, который зарабатывал любимым делом* («Стрелец» (с. 128)); ***Онассис*** *без кошелька… Ну и что? Кошелек надувается и сдувается, как проколотая шина. А человек остается прежним* («Птица счастья» (с. 376));

4) литературные архетипы: *Миша к восьми часам воспрял, надел штатский костюм – синий в полоску – и выглядел хоть куда: «****Джеймс Бонд*** *по-советски»* («Инфузория-туфелька» (с. 235)); *И Ко-*

сте хотелось того же самого. В отношениях с Катей он был ***Анной****, а она –* ***Вронским*** («Стрелец» (с. 197); *А сейчас или завтра в ее дом явится* ***Раскольников*** *и ударит по голове. Прихлопнет как муху* («Розовые розы» (с. 513)).

Таким образом, обращение писательницы В. С. Токаревой к прецедентным именам собственным позволяет точно передать образы своих литературных героев, их жизненные позиции, сделать яркими и показать особые черты характеров.

Библиографический список

1. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.

2. Токарева, Л. В. Особенности прецедентных собственных имен а русскоязычных текстах / Е. Ю. Бутакова // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLII междунар. заочной научн.-практ. конф. – М. : Интернаука, 2015. – Ч. II. – № 11(38).– С. 51–54.

3. Щурова, И. В. Автологические и металогические приемы в прозе В. С. Токаревой / И. В. Щурова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 21 (202). – Вып. 45. – С. 170–175.

М. Г. Луннова
(г. Пенза, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНТРАСТА В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматриваются стилистические средства выразительности, имеющие в своей основе контрастное восприятие действительности, в сатирических произведениях В. В. Маяковского. Соединение несоединимого, резкое столкновение полярностей, раскрытие взаимоисключающих сторон одной и той же сущности сопровождают иронический взгляд поэта на окружающий мир, что и отразилось в его творчестве.

Ключевые слова: контраст, В. В. Маяковский, антонимы, антитеза, оксюморон.

Художественный текст, особенно сатирической направленности, представляющий собой смысловую целостную систему, как и любая система, проявляется в отношениях близости и противопоставленности. Контраст – это одно из самых характерных проявлений природной склонности человеческого ума, а «действие разума существенно антиномично, и все его построения держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал» [Голякова 1999: 55]. Относительно текста контраст трактуется как один из приемов, заключающийся

в резко выраженном противопоставлении отдельных художественных форм ради повышения их художественной выразительности и выразительности произведения в целом, когда активное сравнение подчеркивает разные пространственные и временные качества («одновременный» и «последовательный» контраст) [Кузнецов 1998: 111]. Соединение несоединимого, резкое столкновение полярностей, раскрытие взаимоисключающих сторон одной и той же сущности сопровождают художественное освоение мира. Несмотря на то, что антонимия принадлежит к числу традиционных и общепринятых лингвистических терминов, до сих пор ведутся споры о том, какой точный смысл следует вкладывать в это понятие и какие пары слов разумно причислять к антонимам.

Для сатирических произведений В. В. Маяковского характерна насыщенность антонимами. Как и в языке, антонимический ряд в сатире поэта составляют слова, принадлежащие к одной и той же части речи. В антонимические отношения вступают в основном знаменательные части речи (имена существительные, имена прилагательные, глаголы и т. д.): *Что это? Сказка? Или быль? («Баллада о доблестном Эмиле»); Здесь белые, там красные, тут зелёные, Крым, подполье... («Баня»)*. Иногда можно наблюдать противопоставление целых словосочетаний:

Улица муку молча перла. Крик торчком стоял из глотки. Топорщились застрявшие поперек горла, ***пухлые taxi*** *и* ***костлявые пролетки*** («Облако в штанах») или даже словосочетание и предложение: *Все здесь,* ***от младшего дворника до того, кто в золото заткан (***«Гимн взятке»)**.**

Раскрыть противоречивую сущность предметов, явлений, качеств помогает правильное употребление антонимов в речи, являющихся важнейшим средством создания антитезы (гр. *antithesis* – противоположение) – стилистической фигуры, в которой наиболее ярко проявляется содержательная сущность антонимов в результате их резкого противопоставления. В произведениях Маяковского разнообразно представлен прежде всего это выразительное средство.

Маяковский широко использует как простые (развернутые и неразвернутые), так и сложные антитезы. Неразвернутая антитеза представляет собою противопоставление одной, двух и более пар антонимов, например:

«Влюблены в барона власть
левые и правые*»* («Баня»).

В развёрнутой антитезе содержание противоположных слов дополняется, разворачивается с помощью других слов, в том числе и антонимов, например:

«***Здесь белые, там красные, тут зелёные****, Крым, подполье...»* («Баня»).

В сложную антитезу вовлечено несколько антонимических пар

«Детка! Не бойся, что у меня на шее воловьей потножиботые женщины мокрой горою сидят, – это сквозь жизнь я тащу ***миллионы огромных и чистых любовей и миллионы миллионов маленьких грязных любят****»* («Облако в штанах»).

Структурным выразителем противопоставления в антитезе является противительный союз ***а***:

«Хоть ты и ***гений***, ***а дурак****!;*

Например, садитесь вы ***в три часа ночи***, ***а в пять утра*** *– уже в Ленинграде;*

Да, но ***на свои***, ***а не на казённые****»* («Баня»).

Нам встретилось и несколько примеров соединения антонимов союзом ***и***:

«Сотрудник ***дореволюционной и пореволюционной*** *прессы;*

У меня всё на индикаторе ***без входящих и исходящих****, по новейшей карточной системе;*

Какое имеют значение двести сорок рублей ***туда и обратно?;***

Это тебя надо распрозаявить ***и куда следует и куда не следует****»* («Баня»).

Также антонимы могут соединяться при помощи союза ***или***:

«***Будет*** *любовь или* ***нет****?*

Какая –

большая *или* ***крошечная****?*» («Облако в штанах»)

Яркая экспрессивность отличает антитезы (их довольно часто использует В. В. Маяковского), в которых формальным выразителем противопоставления является интонация, например:

«И вот,–

сначала прошёлся

едва-едва,

потом забегал*,*

взволнованный,

четкий». («Облако в штанах»)

Противопоставляемые антонимы могут относиться к одному слову, т.е. характеризовать противоположные признаки одного предмета, явления, состояния и т.д., или к разным словам, указывая при этом на противопоставленность различных понятий, образов. Наиболее ярко это выражается во втором случае. Причём в большинстве случаев основным средством структурного противопоставления является интонация, а не союзы, например:

«Нервы –

большие*,*

маленькие*,*

многие!» («Облако в штанах»).

По принципу антитезы построены заглавия некоторых произведений поэта: *«Что такое хорошо и что такое плохо?», «Сказка о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий»*.

Антитеза раскрывает противоречивую сущность обозначаемого поэтом окружающего мира, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений сквозь призму сатирического восприятия действительности [Луннова, Горбунова 2016: 163].

Наряду с языковыми антонимами в речи в отношения противоположности нередко вступают слова, которые вне данного контекста антонимами не являются. В связи с этим в современной лингвистике иногда говорят о контекстуальных антонимах, т.е. словах, противопоставленных в определенном контексте. Полярность значений таких слов не закреплена в языке, их противопоставление носит индивидуально-авторский характер.

В общем употреблении эти слова в антонимических отношениях друг к другу не стоят. Писатель может выявить противоположные качества у различных понятий и на этом основании противопоставить их в речи; ср.:

*«Ну, **не власть**, **а** прямо **сласть**,*
просто – равноправие»;
«Не человек, а двуногое бессилие»;
*«**Не мужчина**, а – **облако в штанах**!»*.

Однако слова, называющие подобные понятия, не являются антонимами, так как их противопоставление не воспроизводится в языке, оно окказионально.

Стилистические функции антонимов разнообразны. Антонимы могут показать широту пространственных и временных границ, полноту отражения явлений, фактов действительности. Антонимы передают смену картин, наблюдаемых в жизни, чередование действий, событий. Они конструктивно организуют текст. Например, антонимы «***Справа** стол, **слева** стол»* («Баня») служат для выражения пространственных отношений в тексте.

Антонимы с временным значением показывают последовательность событий:

«И вот,–
***сначала** прошёлся*
едва-едва,
***потом** забегал,*
взволнованный,
чёткий» («Облако в штанах»).

Как замечает Л. А. Новиков, отношения, которые реализуют антонимы в речи, разнообразны: отношения соединения, разделения, дополнения, сопоставления, сравнения и др. [Новиков 1973: 73]. Например, явление антонимии используется и в оксюмороне, или оксимороне

(гр. oxymoron – остроумно-глупое) – стилистическом приёме, который строится на сопоставлении антонимических значений. Этот приём состоит в соединении контрастных лексических единиц с целью изображения нового, необычного понятия. Одни оксюмороны строятся на подлинных антонимах:

«*…всесоюзный съезд по вопросу* ***об успокоении возбуждаемых*** *вопросов…»* («Баня»),

другие – на словах с противоположными значениями, объединяемых как определяемое и определяющее:

«Мама! Ваш сын ***прекрасно болен!****»* («Облако в штанах»).

Слова, используемые в таких оксюморонах, нельзя назвать антонимами в строгом значении термина, так как они принадлежат к разным частям речи. Для фигуры оксюморон характерна подчеркнутая противоречивость сливаемых в одно значений: этим оксюморон отличается как от катахрезы, где отсутствует противопоставление соединяемых противоречивых слов, так и от антитезы, где нет слияния воедино противопоставленных понятий.

Лингвисты по-разному определяют природу оксюморона. Одни, считают его индивидуальным стилистическим приёмом, другие видят в нём разновидность антитезы и. т. д.

Анализ стилистического функционирования структурно выраженных пар антонимов в сатирических произведениях В. В. Маяков-ского позволил выделить и описать систему фигур контрастного строения и семантики. Маяковские антитезы, особенно в сатирических произведениях, помогают раздвинуть горизонты человеческого мышления, открыть перед ним новые перспективы дальнейшего освоения мира.

Библиографический список

1. Голякова, Л. А. Подтекст как полидетерминированное явление : монография / Л. А. Голякова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1999.

2. Луннова, М. Г. Функции антонимов в сатирических произведениях В. В. Маяковского / М. Г. Луннова, А. О. Горбунова // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты : материалы XVI-й Междунар. науч. конф. (Орехово-Зуево, 11–13 мая 2016 г.) / отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Орехово-Зуево : ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – С. 162–163.

3. Кузнецов, А. В. Фигуры контраста и их функции в творчестве М. Ю. Лермонтова : дис. … канд. филол. наук / Кузнецов А. В. – Ростов н/Д, 1998.

4. Новиков, Л. А. Типы антонимов в русском языке / Л. А. Новиков // Русский язык в школе. – 1973. – № 3. – С. 69–76.

С. В. Плотникова
(г. Пенза, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПРАГМАТИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

Аннотация. Рассматриваются вопросы функционирования языковых единиц с семантикой волеизъявления в художественном тексте.

Ключевые слова: языковые единицы, семантика волеизъявления, императив, авторская прагматика, Г. Яхина.

Выразительные возможности основных глагольных категорий обусловлены тем, что они непосредственно связаны с важнейшими понятийными категориями, отражающими в нашем сознании реальную действительность и необходимыми для ее художественного воссоздания [Алтабаева 1994: 47]. Наклонение вызывает стилистический интерес благодаря развитой синонимии и яркой экспрессивной окраске ряда глагольных форм. Особый интерес здесь представляет повелительное наклонение, которое выражает волеизъявление [Киселёва 1962: 57].

Императив является своего рода организационным центром, управляющим движением словесной стихии в повествовательном стиле романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Языковые единицы с семантикой волеизъявления служат одним из ключей к проникновению в тайны художественного своеобразия романа.

В названиях частей романа пунктирно намечены вехи жизненного пути главной героини: «Мокрая курица» (жизнь в глухой деревне до раскулачивания), «Куда?» (арест и долгий путь в Сибирь»), «Жить» (история жизни на берегах Ангары), «Возвращение» (жизнь во время Великой Отечественной войны и после нее). Через судьбу отдельного человека в романе показаны страницы истории нашей страны. Интересно, что именно модальность волеизъявления помогают автору раскрыть образ героини, показать ее внутреннее преображения. Всего в романе автор использует около 360 языковых единиц с семантикой волеизъявления, их количество меняется на протяжении всего повествования: «Мокрая курица» – 70 языковых единиц; «Куда?» – 148; «Жить» – 110; «Возвращение» – 32.

До начала репрессий героиня живет с тираном мужем и злой, сварливой свекровью в своей родной деревне. Она совершенно не думает о себе и заботится только о них: *Муртаза – хороший хозяин... Спи крепче, перед рассветом – самый глубокий сон… Спи, спи ради Аллаха.* Здесь повелительное наклонение со значение просьбы и мольбы пока-

зывает уважительное отношение Зулейхи к мужу, в какой-то степени даже страх перед ним. Конструкции со значением волеизъявления в данной части помогают читателю понять положение женщины в мусульманской семье. Зулейха – настоящая хранительница домашнего очага, но её жизнь ужасна. Героиня настолько унижена и забита, что обращается к себе, используя повелительное наклонение, и безропотно принимает новое имя – «мокрая курица»: *Ну же, Зулейха, мокрая курица, поторопись*. Ее окружают одни приказы и команды: *Есть давай. А расчистишь двор – собирайся*. Языковые единицы с семантикой волеизъявления в этой части в основном обращены к главной героине: приказывают ей родные, и сама она приказывает себе. Также императив помогает понять отношение героини к религии. С самого начала Зулейха духам и снам верит охотнее, чем Аллаху, и обращается к ним за помощью: – *Извини, что часто беспокою, – говорит она в метель. – Ты уж и в этот раз – помоги, не откажи.*

Но все было разрушено коллективизацией. Во второй части романа «Куда?» число повелительных высказываний растет, но вместе с тем меняется их характер и функция. Теперь они отражают положение раскулаченных крестьян и интеллигенции в новом мире, отношение между властью и простым народом. Адресатом императива становится уже не одна Зулейха, но и другие герои, которых перевозят в Сибирь. Их двадцать девять человек по лагерному списку: русские, татары, чуваши… Здесь мы также видим повелительные высказывания с семантикой приказа: – *Сбиться плотней! Вперёд трусцой – марш!* – … – *Встать! Всем встать, сволочи!*; появляются конструкции, выражающие угрозы: – *За мной! На рассыпаться! Держаться в кучу! В кучу, мать вашу!...* Основная цель императива – показать нечеловеческие условия, в которых оказались люди, отношение власти ко всему происходящему в стране.

Но маленькая, слабая женщина смогла выстоять вопреки всему. Она не просто выжила одна из всей своей семьи, но родила сына Юзуфа. В третьей части «Жить» с помощью императива раскрываются мотивы любви, нежности, счастья. Характер повелительного наклонения здесь смягчается. Теперь Зулейха все больше чувствует заботу со стороны окружающих: *С Юзуфом все хорошо, Зулейха, не волнуйтесь*. Однако по-прежнему формы повелительного наклонения передают отношение власти к переселенцам: – *Стоять, собаки! Кучней становись! Ровней! Крррасивей!*

Волей судьбы героиня попадает в ледяной сибирский ад, который оказывается заметно лучше ее прежней жизни: перед Зулейхой открывается целый мир – мир любви, материнства, самостоятельных решений. Этот парадокс и подчеркивают языковые единицы с семантикой волеизъявления. По ходу движения романа героиня «открывает глаза» на жизнь. Из забитой «мокрой курицы» она превращается

в сильную женщину. В четвертой части уже никто не приказывает Зулейхе.

Обращение к императиву помогает автору описать время, в которое развиваются события, показать положение ссыльных, отношения в татарских семьях и, конечно, путь духовного становления героини.

Библиографический список

1. Алтабаева, Е. В. Модальные функции высказываний с семантикой волеизъявления / Е. В. Алтабаева // Семантика лексических и грамматических единиц. – М. : МПУ, 1995.

2. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Л., 1962.

Л. В. Прохоренко
(г. Мозырь, Беларусь)

МЕТАФОРЫ А. ПУШКИНА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Метафора в произведениях классика русской литературы А. С. Пушкина часто становится своеобразным центром фразы, в ней заключается смысловая и эмоциональная нагрузка. Рассмотрены образно-метафорические средства в оригинале и переводе на белорусский язык разными авторами, выявлены основные закономерности перевода.

Ключевые слова: образно-метафорические средства, художественный перевод, оригинальный текст, эквивалентность.

Творческое наследие гениального русского поэта стало неотъемлемой частью всемирной духовной жизни вообще и белорусской в частности. Поэзия его была, есть и будет насущным хлебом духа. Огромный интерес к произведениям русского поэта активно стимулировал деятельность по переводу многих известных мастеров слова, в том числе и классиков белорусской поэзии: Я. Купалы, Г. Бородулина, А. Кулешова, М. Танка и др. Известно, что переводческая деятельность связанна с поиском наиболее эквивалентных средств передачи образных, стилистических систем как языка оригинала, так и языка перевода.

В произведениях классика литературы метафора – очень приметный компонент. Она часто становится своеобразным центром фразы, в ней заключается смысловая и эмоциональная нагрузка. Образно-метафорическая система А. Пушкина слаживалась в связи с процессами развития русского литературного языка, исследованию которого были посвящены труды В. Виноградова, А. Горелова, А. Григорьевой, Г. Фриндлендера и др.

На состав и структуру некоторых образно-метафорических фрагментов А. Пушкина повлияла церковно-библейская лексика и фразеология. Анализ образно-метафорических средств классика русской литературы подтверждает выводы В. Виноградова и других исследователей про влияние на его стиль народно-разговорной лексики.

В переводе на белорусский язык ряд метафор, использованных А. Пушкиным, передаётся довольно точно, сохраняя исходную образность и семантику метафорических конструкций. Это объясняется многими факторами, среди которых важно отметить мастерство переводчика, стремление к сохранению ритма и рифмы, полного объёма исходной информации, которую подаёт автор в произведении.

Одним из важных условий адекватной передачи метафор в поэтическом тексте перевода является совпадение русских и белорусских лексем:

Её улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар. [Пушкин 1977, Т. 4: 56]
Яе ўсмешка і размова
Навейваюць кахання жар. [Пушкін 1978:85] А. Александрович.
Огня надежды полон взор. [Пушкин 1977, Т. 4: 13]
Агнём надзей пагляд гарыць. [Пушкин 1977, Т. 4: 16] А. Александрович.
Пригорки, рощи и долины
Весны огнём оживлены. [Пушкин 1977, Т. 4: 29]
Лясы, прыгоркі і даліны
Ажыўлены агнём вясны. [Пушкін 1978: 42] А. Александрович.
Иль розы пламенных ланит. [Пушкин 1977, Т. 5: 20]
Ні ружы полымных ланіт. [Пушкін 1999:134] А. Кулешов.
И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой? [Пушкин 1977, Т. 5: 71]
Ці гэткага шукалі
Вы чыстай полымнай душой? [Пушкін 1999: 180] А. Кулешов.
Обрадован музыки громом. [Пушкин 1977, Т. 5: 100]
Узрушаны музыкі громам. [Пушкін 1999:207] А. Кулешов.
Когда гремел мазурки гром. [Пушкин 1977, Т. 5: 101]
Калі грымеў мазуркі гром [Пушкін 1999:208] А. Кулешов.
Как вихорь жизни молодой. [Пушкин 1977, Т. 5:101]
Як малады жыцця віхор. [Пушкін 1999:207] А. Кулешов.

Одинаковое или подобное звучание межъязыковых лексических единиц является одним из языковых ресурсов, которые позволяют адекватно передать содержание и образность русскоязычного оригинала при переводе на белорусский язык.

Необходимо остановиться на неэквивалентных переводах, когда степень расхождения с оригиналом оказывается более значительной,

но в большей части отмеченных примеров основные направления метафоризации сохраняются. Основную роль при выборе таких соответствий играет традиционный характер данного направления метафоризации и устойчивое употребление таких слов в роли метафор как в русской, так и в белорусской поэзии. По существу, в языке перевода употребляются другие образы, часто относящиеся к той же тематической группе:

Забвенье жизни в бурях света. [Пушкин 1977, Т. 5: 163]

І забыццё ў віхурах света. [Пушкін 1999:265] А. Кулешов.

Слова буря, віхура принадлежат к одному семантическому полю. Белорусский автор подошёл к переводу творчески, он смог сохранить авторскую позицию А. Пушкина, его стиль, настроение.

Рассмотрим другой пример:

Снова тучи надо мною
Собрались в тишине. [Пушкин 1977, Т. 5: 69]

Аблачыны нада мною
Спахмурнелі – гром імкне. [Пушкін 1999:65] М. Стрельцов.

Метафора тучи в русском варианте выступает как символ угрозы, непокоя, предвестник несчастья лирического героя. М. Стрельцов, на наш взгляд, сумел сохранить общую направленность метафоризации, но образность несколько изменилась: аблачыны в меньшей степени, чем тучи, передают тревогу, предчуствие неприятностей, неспокой, а скорее – какой-то шум, сумрачность, угрюмость, хмурость в настроении человека. Метафоризация в переводе распространяется и на другое слово контекста: спахмурнелі, которое находится в тесной смысловой связи со словом аблачыны. М. Стрельцов, вслед за А. Пушкиным, не просто называет некоторые неотвратимые угрозы, а описывает это при помощи пейзажных зарисовок. В языке перевода смысл пушкинских строк несколько изменяется, события подаются на звуковом фоне, а на языке оригинала “царствует тишина”.

Встречаются примеры, где метафорические слова употребляются с другой стилистической характеристикой. При этом грамматическое соответствие часто не сохраняется:

Летают пламенные взоры. [Пушкин 1977, Т. 5: 19].

Гарачы позірк захаплення. [Пушкін 1999:132] А. Кулешов.

В нем пыл души бы охладел. [Пушкин 1977, Т. 5: 117]

Агонь душы б юнацкай згас. [Пушкін 1999:222] А. Кулешов.

А. Кулешов смог передать общую направленность эмоций, которые выражены в тексте, хотя и употребляет прилагательное гарачы вместо пламенные. Глагол згас ярче показывает на исчезновение великого чувства. Переводчик смог адекватно передать смысловое и образное содержание первоисточника, хотя и произошла замена компонентов метафорического содержания.

Отметим также случаи метафорического употребления слов, которые принадлежат разным частям речи:

Мрачили мятежи и казни. [Пушкин 1977, Т. 2: 307]

У змроку мецяжоў крывавых. [Пушкін 1999:57] В. Павлов.

В оригинале употребляется словосочетание предикативного типа, а в переводе оно заменено генитивной конструкцией.

Примеров перестроения либо замены метафорических средств, которые приводят к значительной замене образности, немного. Это объясняется, прежде всего, отсутствием больших расхождений (фонетических, морфемных, морфологических) между русскими словами и их белорусскими эквивалентами. Среди них можно назвать пример метонимического перенесения образа на смежное слово контекста, что наблюдается в переводе Ю. Свирки:

Ямщик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка. [Пушкин 1977Т. 2: 148]

Вазак, як зух, а час ссівелы,

Вязе, не злезе з перадка. [Пушкін 1999: 31] Ю. Свирка.

В переводе встречаются случаи замены образных выражений необразными, которые были отнесены к третьему типу соответствий. Такого рода явления сами по себе нельзя рассматривать как недостаток, потому что, как справедливо отметил В. Белинский, «каждый язык имеет свои, что принадлежат только ему одному, средства, особенности и свойства до такой степени, что для того, чтобы передать какой-нибудь образ либо фразу, в переводе местами их необходимо совсем изменить. Соответствующий образ точно также как и соответствующая фраза, находится не всегда в очевидном соответствии слов: необходимо, чтобы внутренняя жизнь переводного отображения соответствовала внутренней жизни оригинального…» [Белинский1953: 160].

Но мненья светского поток…

А милый пол, как пух, легок. [Пушкин 1977 Т. 5: 74]

Калі б не ўражлівасць жанчын...

Яны – як лёгкі рой пушын. [Пушкін 1999: 182] А. Кулешов.

В оригинале метафора мненья поток обозначает стремительные изменения в окружающей среде, на которых нельзя концентрировать своё внимание. В переводе всё это исчезает и речь уже идёт только о впечатлительных женщинах, которые, по мнению многих мужчин, очень часто меняют свои мнения. И это подчеркивается образным сравнением, а в белорусском варианте – и метафорическим словосочетанием с опорным словом рой, которое показывает на множество мыслей, возникающих потому, что представительницы слабого пола очень впечатлительны.

Были отмечены и примеры, когда неметафорические словосочетания в переводах превращаются в метафорические:

Как государство богатеет. [Пушкин 1977 Т. 5: 11]

Як лад дзяржавы расцвітае. [Пушкін 1999: 125] А. Кулешов.

Сие глубокое творенье. [Пушкин 1977 Т. 5: 95]

Глыбокіх ведаў мудры плён. [Пушкін 1999: 201] А. Кулешов.

Пред этой ясностию взгляда. [Пушкин 1977 Т. 5: 108]

І злоснай рэўнасці атрута. [Пушкін 1999: 214] А. Кулешов.

Это происходит тогда, когда семантическое сравнение выражений создаёт условия для употребления метафор.

Таким образом, переводы произведений А. Пушкина дают основание утверждать, что в белорусских текстах присутствуют разные типы несоответствий, которые обусловлены как языковыми факторами, так и факторами текстового характера, это обуславливает необходимость сохранения в переводе единого ритма и особенностей рифмовки, что приводит к значительному лексическому и грамматическому перестроению метафор.

К основным типам несоответствий метафор А. Пушкина в белорусских переводах относятся включение в состав метафорической единицы белорусских соответствий, которые являются эквивалентами русских; лексическое и структурное перестроение метафорической единицы, при котором сохраняется основное образное направление метафоры, при этом наиболее частым является употребление белорусских эквивалентов, что находятся с метафорическими элементами оригинала в тематически близких, синонимических, гипонимических и другого рода системных отношениях; употребление вместо метафор средств необразного характера.

Библиографический список

1. Белинский, В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 5.

2. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкін. – Л. : Наука, 1977. – Т. 2: Стихотворения. 1813–1820. – 480 с.

3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкін. – Л. : Наука, 1977. – Т. 4: Поэмы. Сказки. – 448 с.

4. Пушкін, А. С. Руслан і Людміла : паэма / А. С. Пушкін ; пер. А. Александровіча. – Мінск : Маст. літ., 1978. – 120 с.

5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкін. – Л. : Наука, 1977. – Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.

6. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 430 с.

Н. В. Слуницына
(г. Москва, Россия)

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИКАЗА И ИХ РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. И. КУПРИНА

Аннотация. Описываются основные интенсификаторы императива с семантикой приказа, извлечённые методом сплошной выборки из произведений А. И. Куприна «Суламифь» и «Поединок». Среди них отмечаются междометия, частицы, наречия, анафорические повторы. Директивы со значением приказа и их интенсификаторы становятся показателями социального положения героя, его характера, скрытых мотивов и т.д. В работе подчёркивается роль императивов в создании идиостиля писателя.

Ключевые слова: императив, перформативность, каузация, коннотация, идиостиль.

В последнее время в лингвистике становится актуальным изучение императивных конструкций в различных сферах коммуникации. Все чаще появляются работы, в которых отмечается разная степень категоричности у глаголов повелительного наклонения: от мягкой просьбы до приказа.

Степень перформативности императива во многом зависит от его семантики. Высокой степенью обязательности, прежде всего, обладает приказ. Но, приступая к анализу этого императива, необходимо в целом отметить коммуникативную природу глаголов повелительного наклонения. В связи с этим следует обратить особое внимание на героев А. И. Куприна, которые выступают в качестве каузатора и каузируемого. Как известно, речь – один из наиболее важных элементов анализа литературного персонажа. По тому, какие директивы выдвигает герой, можно определить его социальную принадлежность, манеры, скрытые мотивы поведения и даже тему и идею произведения.

Каузатор, который приказывает слушателю-исполнителю совершить действие, как правило, занимает положение гораздо выше него. Эта мысль является центральной в работе В. Е. Иосифовой, когда предметом рассуждения учёного становится директив со значением приказа: «В ситуации приказа побуждение направлено «сверху вниз». При осуществлении речевых актов приказа говорящий должен быть выше адресата по социальному статусу в официальной сфере, т. е. обладать административным правом приказывать; в неофициальной, т. е. обиходно-бытовой сфере должен обладать правом старшего, моральным авторитетом» [Иосифова 2012: 62].

Так, в повести А. И. Куприна «Суламифь» перформативность императивной конструкции достигает наивысшей точки, когда в каче-

стве каузатора выступает царь Соломон. Каузируемыми по отношению к нему являются все герои произведения. Рассмотрим один из директивов со значением приказа: «***Возьми*** *жезл этого человека и* ***разломи*** *его пополам»* (Суламифь). В этом предложении употребляется основная форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения глагола.

Авторитарность говорящего по отношению к слушающему также можно наблюдать в ситуации, когда Соломон отдаёт приказы своим слугам: «***Отведите*** *их всех в отдельные покои и* ***заприте*** *каждого отдельно»* (Суламифь). Агглютинативный аффикс *-те* указывает на множественное число адресатов.

Мысль о том, что по коннотации императива можно определить социальный статус участников коммуникации подтверждает тот факт, что глаголы повелительного наклонения с семантикой приказа используются в речи Суламифи, обращённой к Соломону, только до тех пор, пока она не узнала, что её возлюбленный царь: «*Нет, нет,* ***оставь*** *меня»* (Суламифь).

В текстах А. И. Куприна императив с этим значением становится одной из составляющих идиостиля писателя, во многом это связано с идейной направленностью его произведений. Невозможно представить повесть «Поединок», в которой писатель так яро осуждает бесправие нижестоящих военных перед вышестоящими, без директивов с семантикой приказа. Рассмотрим некоторые из них: «*Поручик Федоровский,* ***объявите*** *в сегодняшнем приказе о том, что я подвергаю подпоручика Ромашова домашнему аресту…»; «Он* [Шульгович] *крикнул тем неестественно свирепым, испуганным и хриплым голосом, каким кричат на пожарах брандмайоры: «Капитан Осадчий!* ***Выводите*** *роту-у! Жива-а!..»; «****Держите*** *его, штабс-капитан, а я запру дверь»* (Поединок).

В этих предложениях, как и в одном из предыдущих примеров, у императива присутствует агглютинативный аффикс *-те*. Но в данном случае он не является показателем множественного числа. Эта морфема способствует созданию официальной обстановки в процессе коммуникации, что свойственно не только для военной сферы, но и для бытовой ситуации общения: «***Пустите*** *руку»* (Поединок); «***Сидите*** *спокойно»* (Поединок).

Проанализированный языковой материал показывает, что глаголы повелительного наклонения в текстах А. И. Куприна играют существенную роль в создании образов. По значению императивных конструкции и их контекстуальному окружению можно узнать, каким характером обладает тот или иной герой произведения.

В повестях «Поединок» и «Суламифь» директив со значением приказа часто используется для точной передачи женских образов, причём героини, в речи которых присутствует императив с подобной семантикой, чаще всего уверенные в себе натуры, идущие к своей цели вопреки всему.

Во фразах Шурочки, как правило, используется императив со значением приказа с шутливо-ироничным оттенком. Каузируемыми по отношению к ней чаще всего становятся В.Е. Николаев и Ю.А. Ромашов: «*А ты вот лучше* ***скажи-ка*** *мне, каким условиям должен удовлетворять боевой порядок части?»* (Поединок); *«****Ну-ка****, ты, Володя, офицер генерального штаба, – каким условиям?»* (Поединок). В качестве коннотационного маркера в первом предложении выступает частица *-ка.* Она смягчает приказ. О функции этой частицы рассуждает В. В. Виноградов в лингвистическом труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)»: «…частица *-ка*, приклеиваясь к формам повелительного наклонения, придаёт волеизъявлению смягчённый характер, интимную или фамильярную окраску» [Виноградов 1986: 453]. Важным, на наш взгляд, является второй пример, где в качестве императивной конструкции используется не глагол повелительного наклонения, а «междометное образование императивного типа» [Виноградов 1986: 452]. С точки зрения синтаксиса это неполное предложение с опущенным сказуемым, которое должно быть выражено глаголом повелительного наклонения, эксплицирующим приказ, но с точки зрения семантики, предложение не теряет полноты, так как весь лексический объём этого слова берёт на себя побудительное междометие.

В речи Петерсон также можно наблюдать волеизъявление со значением приказа: «***Приходи*** *непременно сегодня в 7 1/2 часов вечера. Его не будет дома, он будет на тактических занятиях, и я тебя крепко, крепко, крепко расцелую, как только смогу.* ***Приходи*** *же; P.S. Непременно* ***будьте*** *в ту субботу в собрании»* (Поединок). В этих конструкциях следует проанализировать, какие слова стали контекстуальными партнёрами глаголов повелительного наклонения.

Частица *же* наделяет высказывание большей категоричностью. С её помощью подчёркивается настойчивость говорящего, его желание не только быть услышанным, но и получить ответную реакцию в виде действия. Но главным экспликатором прескрипции в этом контексте является наречие *непременно.* Семантика этого слова указывает на то, что желание каузатора обязательно должно быть выполнено адресатом. В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой данное наречие объясняется через прилагательное *непременный*, то есть ‘совершенно обязательный’ [Евгеньева 1986: т. 2, 468]. Есть третье средство, усиливающее приказ – повтор некоторых из лексем: наречия *непременно* и самого императива *приходи.* Таким образом, рассмотренный нами пример подтверждает наш тезис о необходимости анализа дистрибутивных партнёров глаголов повелительного наклонения.

Кроме того, указанные выше предложения помогают раскрыть ещё одну особенность идиостиля А. И. Куприна: для выражения волеизъявления со значением приказа автор использует анафорические повторы, которые неоднократно встречаются в речи героинь:

– О, как ты его любишь, царица! – сказал Элиав с горьким стоном.

*– **Говори**... – приказала Астис.*

– Что я могу тебе сказать, царица? Сердце моё разрывается от ревности.

*– **Говори**!*

– Никого ещё не любил царь, как её <…>

*– **Говори**! <…> **Говори**! – яростно простонала царица…* (Суламифь).

С помощью глаголов в форме повелительного наклонения можно определить, какие чувства переполняют царицу Астис, так как императивные конструкции эмотивны. Об этом факте В. В. Виноградов говорил следующее: «В категории повелительного наклонения экспрессивные смысловые оттенки господствуют над отвлечёнными, интеллектуальными значениями форм» [Виноградов 1986: 453]. И. П. Мучник соглашается с мнением исследователя, но уточняет: «Конечно, не во всех случаях экспрессивные элементы в категории повелительного наклонения господствуют над отвлечёнными, однако не подлежит сомнению, что эти элементы играют существенную роль в значениях форм повелительного наклонения» [Мучник 1971: 158]. Современный исследователь Л. А. Мелехова уделяет особое внимание эмоциональному и экспрессивному компонентам коннотаций императива [Мелехова 2012: 83].

Эмотивность, содержащаяся в глаголе повелительного наклонения, не только помогает понять чувства героя, но и раскрывает его характер. Так, приказы, которые отдаёт Астис, пронизаны злобой и надменностью, что подчёркивается контекстом, в который погружены императивные конструкции: ***яростно*** *простонала царица,* ***приказала*** *Астис, она сказала* ***коротко*** *и* ***повелительно.*** Безусловно, эти же функции императива можно наблюдать и в высказываниях, принадлежащих Шурочке и Петерсон. Несмотря на то что авторское отношение к этим трём героиням отличается, мы можем заметить, что сама особенность передавать женщин с эгоистичным характером (пусть этот эгоизм и проявляется в разных формах) у писателя схожа.

Таким образом, в определении семантики императива важную роль играют единицы всех языковых уровней: лексемы, составляющие контекстуальное окружение императива, различные морфемы, повторы слов, в том числе анафорические, частицы, наречия, междометия и т.д. Повторяясь, эти интенсификаторы становятся частью идиостиля писателя.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – М. : Высш. шк., 1986. – 639 с.

2. Иосифова, В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : дис. ... д-ра филол. наук / Иосифова В. Е. – М., 2012. – 432 с.
3. Куприн, А. И. Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Правда, 1964. – Т. 5: Произведения 1908–1913. – 536 с.
4. Мелехова, Л. А. Креативный императив / Л. А. Мелехова // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 66, № 4. – С. 82–86.
5. Мучник, И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке / И. П. Мучник. – М. : Наука, 1971. – 298 с.
6. Шаповалова, Т. Е. Синтаксическое время в императивных конструкциях / Т. Е. Шаповалова // Новая экономика и региональная наука. – 2016. – № 2(5). – С. 222–224.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1988.
8. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Астрель, 2003. – 860 с.

С. А. Соколова
(г. Пенза, Россия)

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. РУБИНОЙ

Аннотация. Исследуется концепт «одиночество». Специфика семантического наполнения концепта изучается с использованием разнородных в структурно-семантическом плане языковых проявлений. Центральное место занимает исследование концепта в произведениях Д. Рубиной. В ходе анализа рассматриваются следующие словоформы: одиночество (ядро концепта), чужой, отстраненность, сиротство (ближняя перифирия).

Ключевые слова: концепт, одиночество, значение, сема, ассоциация, языковая картина мира.

Концепт – структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли [БРЭ 2010: 173]. Концепт является универсальным, входит в концептосферу разных народов. Он включает в себя ядро («прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы»), приядерную область (дополнительные существенные когнитивные признаки) и перифирию (более абстрактные признаки) [Попова 2001: 60]

В настоящее время исследуются все возможные средства вербализации концепта: прямыми номинациями (лексемами в прямом значении), косвенными, образными номинациями (лексемами в переносных значениях), синонимическими средствами языка, в том числе эвфемизмами, единицами разных частей речи, словообразовательно связанными с основными лексическими средствами вербализации концепта (одно-

коренные слова), устойчивыми расчлененными номинациями (устойчивыми словосочетаниями), фразеологическими единицами, синтаксическими структуремами, паремиями, афористикой, субъективными дефинициями, публицистическим и художественными текстами.

Ядро концепта лучше всего отражает семантика ключевого слова, именующего концепт (например, свобода, тоска, общение, одиночество и др.).

Содержание концепта «одиночество» можно сформулировать в виде понятия: эмоционально-психологическое состояние неудовлетворённости, дисгармонии, влияющее на взаимодействие субъекта с внешним и внутренним миром и порождающее чувства страха, тоски, грусти, страдания, безысходности. Это состояние не может быть межличностным, оно всегда индивидуально [Поздеева 2013: 4].

Концептуальное ядро концепта представлено признаками отдельности, отличия человека, отсутствия связей с другими людьми. Ядро концепта составляют понятия одиночество, отчужденность, сиротство. В русской культуре существует ассоциация с такими эмоциональными состояниями, как страх, ужас, грусть, печаль, тоска, скука. Для русского языкового сознания характерны ассоциации одиночества с состоянием подавленности, тревоги, угрюмости, отчаяния, обиды, оторванности.

Д. Рубина – автор, касающийся темы одиночества во всем своем творчестве. Почти в каждом ее произведении встречаются одинокие по своей природе люди.

«На солнечной стороне улицы» – это биографическое описание жизни художницы Веры Кравцовой. Судьба ее отличается отчужденностью и отрешенностью. С самого детства девочку отличала *неприязнь к любой толпе*. Вера боялась даже своей собственной тени. Вера – *бесшумное существо*, *молчаливая сумрачная девочка*, с *обращенными в себя* взглядами, которая *со всеми чувствовала себя наблюдателем…*

Вера была талантливым художником. С самого рождения она не была похожа на других. Это проявлялось даже в ее картинах: *в темах, в образах, в композициях картин – по-прежнему поражали цельность, сила и совершенно отстраненный взгляд на мир, словно эти картины были писаны пришельцем с другой планеты…*. Героиня *вечно погружена в себя и никого вокруг не видит*. *Вечера наслаждения* для нее проходили в *дивном одиночестве*. Часто она примерялась к *одиночеству, тишине и звенящей пустоте вокруг…*

Всего в романе "На солнечной стороне улицы" встречаются формы слов «одиночество» – 7 раз, «одинокий» – 11, «один» в значении «одинокий» – 23, «сирота», «сиротский» – 3, «одиночка» – 2, «отстраненный» – 3, «отчужденность» – 3, «чужой» – 29 раз.

Гениальность, талант или неординарная способность всегда вызывали оживленные споры: являются они подарком или проклятием

небес? Этому вопросу посвящены многие произведения Д. Рубиной. В описании романа «Последний кабан из лесов Понтеведра» автор приводит слова английского писателя Лоренса Даррелла: *У художника нет личной жизни… Все его изыскания – лишь ширма, за ней же только и всего – человек, страдающий нестерпимо от того, что нет в мире нежности*. По мнению автора, все люди творческие, интеллектуальные по природе своей одиноки.

В центре повествования герой с необычной судьбой: *трагический герой, жонглер, канатоходец, шут*. Герой действительно одинок, так он говорит про себя: *кто я? Всем чужой пришелец.*

В романе интересно следующее сравнение одинокого человека: *один, как желтый огурец в осеннем поле*. Встречаются слова «одиночка», «сирота», «сиротский». Слово «чужой» употребляется 12 раз (*чужой пришелец* (двойная коннотация одиночества). Есть в тексте слово *чуждость*.

«Почерк Леонардо» – роман о необыкновенном даре Анны Нестеренко. Ее характеристику мы можем найти из чужих слов: *Свободная, дикая… другая!*; «*Все мы почувствовали ее… нездешность, понимаете? Будто тень другого мира мимо нас проплывала беззвучно, как корабль в ночи….* Данные характеристики героини полностью доказывают необычность Анны и то, что она всю жизнь была одинока. Сама Анна про себя говорит так: *Ведь я – чудовище*.

В тексте встречаются слова «одиночество» – 3 раза, «один» в значении «одинокий» – 16, «одинокий» – 21, «чужой» – 26. Среди предложений можно отметить сравнение с утесом: *Одиноким утесом посреди вселенной стояло кресло*. Примечательно, что одним из эпиграфов служит фраза из Бытия: *И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до восхода зари*. Упоминается в тексте и слова «подкидыш», «одиночье».

Как отмечено, герои произведений Д. Рубиной – люди одинокие, никем не понятые, для всех чужие. Это мы наблюдаем и в повести «Высокая вода венецианцев». Героиня не только является чужой для других, но и для самой себя: *Как это ни дико, самыми чужими казались ее собственные, в провалах маски, глаза – они глядели потерянно, загнанно, как из темницы*. Одиночество для героини является *восхитительным островным*. Героиня приходит к следующему выводу: *туда, где на ее месте стояло чужое, поглотившее ее нечто, аноним… ничто. Она исчезла, ее не было*.

В рассказе «Любка» описывается жизнь одинокой матери, к которой нянькой устраивается такая же одинокая «бандитка» Любка. Мать, *проклинала себя за то, что родила на свет еще одну окаянную, вечно гонимую душу, еще одного изгоя*. Здесь автор отмечает и одиночество матери, и одиночество ребенка. Что же касается няни Любки, то *от нее веяло гордой бездомностью*. Люди отзывались о ней плохо, она

была для всех чужая. Однако одинокой семье Любка нравилась *и потому чудилось, что в стылом воздухе витают одиночество и напрасно прожитая жизнь….*

Как правило, одинокими в произведениях Д. Рубиной являются женщины, однако в рассказе «Двойная фамилия» всеми покинутым оказывается мужчина. Переломом в судьбе героя стал звонок: *Вы знаете, что ваша жена родила не от вас?* После этой новости он переживал только по одному вопросу: *Главное заключалось в том, что у меня отняли сына*. Спустя время он осознает, что именно он является в семье чужим: *это ты здесь чужой... Это ты здесь – дутый хозяин положения, на самом-то деле ничего тебе здесь не принадлежит. Все у тебя – понарошку… Липовая жена, липовый сын....* Он приравнивает понятие одиночества к понятию свободы: он *был одинок и свободен, одинок и свободен*. Всего в произведении слово «один» встречается 12 раз, а слово «одинокий» – 3.

Одинок также герой «Старых повестей о любви»: Илья – *одинокий мокрый бегемот*, который не ощущает себя причастным к семье. Вот что говорит ему мать: *Ты, знаешь, кто? Ты улитка. Ты – млекопитающее*.

Таким образом, почти в каждом произведении Д. Рубиной встречается как минимум один герой, одинокий по своей натуре. По мнению автора, все творческие и непохожие на других люди являются одинокими.

Библиографический список

1. Большая российская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. С. Л. Кравец.– М. : БРЭ, 2010. – Т. 15. Конго – Крещение.

2. Поздеева, Н. С. Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта одиночество / Н. С. Поздеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013.

3. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001.

З. Р. Шарибжанова
(г. Пенза, Россия)

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОВЕСТИ О. Ф. НАЗАРУКА «РОКСОЛАНА. КОРОЛЕВА ВОСТОКА»

Аннотация. Рассматриваются имена собственные, производится их классификация, определяется их роль в произведении.

Ключевые слова: антропонимы, происхождение, формы.

В годы правления Сулеймана I Великолепного (1520–1566) Османская империя достигла апогея своего развития. Эта историческая эпоха пленила умы многих историков и писателей на протяжении нескольких сотен лет. Вновь она обратила на себя внимание после выхода на экраны одного из самых рейтинговых турецких сериалов «Великолепный век». Захватывающая история любви, завораживающие декорации и костюмы, судьба целой династии. По словам создателей сериала, его зрителями стали более 300 млн человек по всему миру. Особый интерес вызвала личность славянки, вошедшей во дворец рабыней, а вышедшей из него госпожой мира.

На волне популярности сериала стали появляться литературные произведения, повествующие об эпохе султана Сулеймана и о выдающейся Хюррем-султан. Одним из таких произведений стала повесть Осипа Фаддеевича Назарука «Роксолана. Королева Востока». Несмотря на то, что она была издана еще в 1930 году на украинском языке, русскоязычная публика познакомилась с ней лишь в 2013 году. В повести показана жизнь девушки с момента её попадания в гарем и до совершения хаджа.

Для лингвистов повесть интересна тем, что содержит достаточно большое количество антропонимов разных народов, которые неразрывно связаны с сюжетом.

Целью данной работы является выделение антропонимов, их классификация и определение роли в повести О. Ф. Назарука «Роксолана. Королева Востока».

Всего в книге выделено 115 личных имен. Среди них есть имена, характерные для славянских народов (*Теодозий, Константин, Ванда*), греческие (*Одиссей*), немецкие (*Алоизио*) и, конечно, тюркские (*Абдулла*, *Ибрагим, Касим*, *Меткуб, Омар, Баки, и т.д.*). Эти группы были выделены достаточно условно. Четких границ между ними провести нельзя, поскольку многие из них интернациональны.

Произведение открывается главой «Страшная свадьба». Здесь мы видим имена, характерные для славянских народов: *Стефан*, *Иоанн*, *Катерина*, *Анастасия и др.*, что вполне объяснимо, так как героиня пока еще находится в отчем доме. Здесь автор называет главную героиню именем *Настя*, *Настенька*.

Во время свадьбы случается очередной набег татар, которые уводят героиню в плен. Она оказывается самой безропотной из пленниц, за что похитители дают ей имя «Хюррем» – «спокойная». Здесь следует отметить два момента. Во-первых, неизвестно, кто дал имя будущей госпоже. Согласно легендам, это сделала Хавса Айше-султан, мать султана Сулеймана I. По версии, изложенной в сериале имя дает сам султан Сулейман. Есть и третий вариант: девушку так назвала старшая наложница. Эту версию предлагает П. Дж. Паркер в своем романе «Великолепный век Сулеймана и Хюррем-султан» [Паркер 2013: 61]. Во-

вторых, «Хюррем» переводится как «цветущая, свежая, веселая, приятная» [1].

По прибытии в Османскую империю девушку продают «старому турку, купцу Ибрагиму» [Назарук 2013: 36], который содержит что-то вроде школы наложниц с целью их дальнейшей перепродажи в гаремы состоятельных и влиятельных людей. В этой части повести обращают на себя внимание имена учителей. Один из их турок по имени *Абдулла*, что переводится как «слуга, раб Бога». Вот как объясняется это в тексте: «У Абдуллы не было Бога, кроме Аллаха, не было власти, кроме султана, не было мира, кроме исламского» [Назарук 2013: 56], он считал, что все определено. Второй учитель итальянец по имени *Риччи*, что в переводе с итальянского означает «храбрый». «Риччи во всем подчеркивал вес и значение мысли, предприимчивости, труда. Даже в то, что казалось очевидным, человек, по его словам, мог вносить важные изменения» [Назарук 2013: 57]. Здесь имена героев указывают на принципиальную разницу в их взглядах на мир. Абдулла имеет мышление восточного человека, принимающего вещи так, как их «следует» принимать согласно традициям и обычаям. Риччи иного склада ума. Он уверен, что человек сам вершит свою судьбу и все зависит только от него самого. Вторая роль антропонимов заключается и в том, чтобы показать, как героиня пытается определиться с тем, какого мировоззрения ей лучше придерживаться. Это связано с более глобальной темой – отличия Востока от Запада.

Девушку перепродают в гарем султана. Эта часть повести насыщена именами турецкими, арабскими, персидскими (*Сулейман* – «мирный, благополучный», *Ибрагим* – «пророк, отец народов», *Хайреддин* – «благодатная вера», *Мустафа* – «избранный, чистый», *Кемаль* – «совершенство, достоинство»). Они указывают на погружение героини в иной мир. Если до этого наряду с турецкими именами мы видим имя западное, что показывает метания героини, то здесь у нее выбора нет: она должна принять нормы дворцовой жизни.

Отметить здесь нужно и то, что О. Ф. Назарук по-новому называет героиню. Теперь она именуется как *Роксолана Хюррем*, хотя до этого вариант *Роксолана* нигде не фигурировал. Примечательно и то, что двойное имя пишется без дефиса. Чуть позже добавляется и вариант *Эль Хюррем*. В арабском языке это определенный артикль, соотносимый по значению с указательным местоимением «этот». Однако в этом случае он должен был писаться слитно со словом (именем). В испанском языке это определенный артикль мужского рода. Вероятнее всего, автор использовал «Эль» именно в этом значении, указывая на притязания девушки. «Разве я не такой же человек, как мужчина» – проносится невиданная для того времени мысль, тем более для женщин Востока.

Роксолана Эль Хюррем влюбляется в султана. Но чтобы быть с ним рядом, ей необходимо отказаться от своей религии, на что девушке непросто решиться. Она едет к святому отцу *Ивану*. Их долгая беседа сопровождается упоминаниями святых и пророков: *матери Марии*, *Пантелеймона*, *Гавриила*, *Бориса и Глеба*, *Святослава*, *княгини Ольги*, *Михаила*, *Моисея* и т.д. Они, а вернее их обилие, указывает на глубокую христианскую веру героини.

Формально Роксолана Хюррем все же принимает ислам. Она становится женой султана. У нее рождается сын. Однако в душе она не может отказаться от своей религии. Именно поэтому она втайне от всех крестит своего сына именем Симеон. Султана же она просит назвать его Селим, якобы в честь покойного султана Селима Явуза (Грозного), отца Сулеймана Великолепного. Очевидно, что такой выбор делается на основе фонетического сходства. Значения имен разнятся: Симеон переводится как «услышанный Богом», а Селим – «здоровый, невредимый».

Идут годы, и власть Хюррем растет все больше. Теперь она показана госпожей, которая принимает многих посетителей, среди которых известные поэты и писатели, знать Османской империи и даже иностранные послы. Автором используются соответствующие имена: *Баки*, *Сати*, *Фасули*, *Дямийи*, *Хафиз*, *Омар*, *Хассан; Ферухшад-бек, Кадри-бек*, *Фенаризаде*, *Джалель; Пайло*, *Андреа*, *Алоизио*, *Кансу.*

Таким образом, антропонимы в произведении неразрывно связаны с жизненными этапами героини. Они являются отражением как ее внешней, так и внутренней жизни, ее эмоций, тревог, переживаний, показателем неопределенности ситуации, мировоззрения. Сама же героиня именуется по-разному. Отчасти это объясняется тем, что документальные источники и даже сколь-либо надёжные письменные свидетельства, говорящие о жизни Хюррем до поступления в гарем, отсутствуют. Согласно польской литературной традиции, её настоящее имя было Александра, согласно украинской – Анастасия, у западных писателей она Роксолана. В произведении Осипа Назарука использованы сразу два варианта имени: Анастасия и Роксолана, а также вариант с артиклем «эль», объяснения которого в книге не дается.

Мы надеемся продолжить наше исследование, в частности мы планируем сопоставить имена членов семьи и ближайшего окружения султана в нескольких источниках: «Роксолана. Королева Востока» О. Ф. Назарука, «Великолепный век Сулеймана и Хюррем Султан» Дж. Паркера, серии книг «Великолепный век» Н. Павлищевой.

Библиографический список

1. Имя. – URL: https://imya.com/name/1357

2. Назарук, О. Ф. Роксолана. Королева Востока / О. Ф. Назарук. – М. : Алгоритм, 2013. – 320 с.

3. Паркер, П. Дж. Великолепный век Сулеймана и Хюррем-султан: роман / П. Дж. Паркер ; пер. с англ. Л. А. Игореского. – М. : Центрполиграф, 2013. – 382 с.
4. Суперанская, А. В. Словарь русских личных имен / А. В. Суперанская. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.

Н. А. Шидловская
(г. Пенза, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА

Аннотация. Рассматриваются функционально-семантические типы вопросительных предложений в лирике С. А. Есенина, объединяемые на основе первичных и вторичных функций.

Ключевые слова: вопрос, вопросительное предложение, функционально-семантические типы, функции вопросительных предложений.

В системе вопросительных предложений в лингвистической науке выделяются функционально-семантические типы, объединяемые в зависимости от первичных и вторичных функций этих предложений.

Первичные функции вопросительных предложений связаны: 1) с характером и объёмом той информации, которая ожидается в ответе; 2) с осведомлённостью говорящего о том, что спрашивается; 3) с формой ожидаемого ответа. Одно и то же вопросительное предложение может заключать в себе весь комплекс соответствующих характеристик [Стрельцов 2016: 40].

Языковой анализ лирических произведений С. А. Есенина показал, что в них активно используются вопросительные предложения, реализующие первичные функции.

1. По характеру и объёму той информации, которую желает получить спрашивающий, вопросительные предложения делятся на общевопросительные и частновопросительные. Общевопросительные предложения направлены на получение информации о ситуации в целом. Такие предложения активно используются в лирике С. А. Есенина: *Что нового в этом мире, Емельян?*; *Что нового в Питере слышно?* Частновопросительные предложения заключают вопрос об отдельной стороне какого-либо факта, о деятеле, носителе состояния, о признаке, о тех или иных обстоятельствах. В произведениях С. А. Есенина находим следующие примеры частновопорсительных предложений: *Что говорил тебе этот коммунист?*; *Ну как теперь ухаживает дед за вишнями у нас в Рязани?*

2. В зависимости от осведомлённости говорящего о том, что спрашивается, среди вопросительных предложений, функционирую-

щих в лирике С. А. Есенина, возможно выделить следующие: а) собственно-вопросительные предложения; они отражают полную неосведомленность спрашивающего: *О чём звенит песок?*; *Кто поёт там под сенью березы?*; б) неопределённо-вопросительные предложения, которые совмещают вопрос с догадкой, предположением, сомнением: *Не твоя ли шаль с каймою зеленеет на ветру?*; *Может быть, кому-нибудь другому ты его со смехом отдала?*; в) констатирующе-вопросительные предложения, совмещающие вопрос с почти полной уверенностью: *Ужель она? Ужели не узнала?*

3. Форма ожидаемого ответа позволяет разделить вопросительные предложения на две группы: а) предложения, требующие ответа-подтверждения или ответа-отрицания; б) предложения, требующие в ответе информации о том, что спрашивается [Стрельцов 2016: 41–42]. Предложения обоих типов можно найти в произведениях С. А. Есенина: а) *Слышите звонкий стук?*; *Или тебе обидно, что ругают твою страну?* б) *Что поёт теперь мать за куделью?*; *Что вы храните в себе, что скрываете?*

В своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, – всегда экспрессивно окрашенной. Такие предложения активно используются поэтом. При этом в лирике С. А. Есенина оказалось возможным выделить следующие типы предложений в зависимости от семантики вопроса:

1. Вопрос, выражающий уверенное экспрессивно окрашенное утверждение. При этом может подчёркиваться категоричность утверждения, очевидность, непременность, целесообразность, закономерность чего-либо: *Вот оно, моё стадо рыжее! Кто ж воспеть его лучше мог?*; *Крестьянин я иль не крестьянин?!*

2. Вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание (часто – риторический вопрос). При этом может акцентироваться категоричность отрицания, невозможность, ненужность или нецелесообразность, а также всеобщность и безусловность отрицаемой ситуации [Бердник 1989: 53]: *Разве тогда уснёшь, если всё видишь рожь, видишь родной плетень, синий, звенящий день, и ты по меже идешь?*; *Разве можно теперь любить, когда в сердце стирают зверя?*

3. Вопрос-уяснение, повторяющий словесный состав предшествующей реплики и обычно осложнённый эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения. Е. Н. Воробьева выделяет высказывания, в которых предшествующая реплика является вопросительной, и высказывания, в которых предшествующая реплика не является вопросительной [Воробьёва 2015: 19]. В произведениях С. А. Есенина используются предложения второй группы: – *Подарок тебе передам. – Подарок?*; *[Пугачёв]: Для всех отныне я – император Пётр! [Казаки]: Как император?*

4. Вопрос-побуждение к чему-либо. В «Русской грамматике» отмечаются следующие типы вопросов-побуждений: а) побуждение к совершению действия; б) побуждение к прекращению действия [Русская грамматика 1980: 395]. В лирике С. А. Есенина можно встретить предложения первой группы: *Что скажешь, Замарашкин? Ну?*

5. Вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего: эмоциональную передачу, оценку, состояние аффекта: *Что ж ты смотришь так синими брызгами? Иль в морду хошь?*; *Какая гибель?! Ты ли это, ты ли?*

6. Вопрос, вызывающий интерес, обращающий внимание на форму выражения мысли [Мелькумянц 2006: 63]: *Ты слышишь, дедушка? Помру я?*; *Послушайте, послушайте, послушайте, вам не снился тележный свист?*

В заключение отметим, что в лирике С. А. Есенина было выявлено наибольшее количество риторических вопросов и вопросов с уверенным экспрессивно окрашенным утверждением. С одной стороны, экспрессивно утверждающие вопросы говорят о категоричности и эмоциональности автора и нередко даже о его враждебном или обиженном отношении к окружающим людям и миру в целом. С другой стороны, большое количество риторических вопросов свидетельствует о том, что поэт часто философствовал, обращался к таким вопросам, на которые нет и не может быть ответа. Часто это вопрос о чём-то высоком, недосягаемом, что в свою очередь говорит о глубоком внутреннем мире поэта, обращающегося к таким темам.

Библиографический список

1. Бердник, Л. Ф. «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» Вопросительные предложения в поэзии С. Есенина / Л. Ф. Бердник // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 50–55.

2. Воробьёва, Е. Н. Вопросительное предложение и контекст / Е. Н. Воробьёва // Вестник Костромского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 49–52.

3. Есенин С. А. Собрание сочинений : в 3 т. / С. А. Есенин ; под общ. ред. Ю. Л. Прокушева. – М. : Правда, 1977. – Т. 1–2.

4. Мелькумянц, В. А. Вопросительный ряд как способ создания характеристики / В. А Мелькумянц // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. – 2006. – № 2. – С. 61–64.

5. Русская грамматика : в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 717 с.

6. Стрельцов, А. А. О типах вопросительных предложений / А. А Стрельцов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2016. – № 3. – С. 38–51.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ, ИСКУССТВА И ДРУГИХ

О. О. Есафьева
(г. Пенза, Россия)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ А. ПЛАТОНОВА В ПИСЬМАХ И. СТАЛИНУ

Аннотация. Рассматриваются тексты писем А. Платонова И. Сталину. В центре внимания – особенности авторской позиции А. Платонова, степень откровенности и открытости автора писем.

Ключевые слова: Платонов, Сталин, автор, письма.

Сталин получал много писем от советских писателей, оказавшихся в зоне убийственной критики. Письма А. Платонова связаны с публикацией с согласия А. Фадеева повести «Впрок» в журнале РАППа «Красная новь» (№ 3 за 1931 год). Повесть была напечатана с подзаголовком «Бедняцкая хроника» – сатира на колхозное строительство. Платонов находился внутри гоголевской традиции «смеха сквозь слёзы». Эта «устойчивая черта художественной идеологии Платонова» [Платонов 2013; 39] проявилась и в опубликованном тексте повести, за которую ему пришлось объясняться: два письма в «Правду» и «Литературную газету» и первое письмо Сталину.

«Впрок» Сталин прочитал в начале мая 1931 года и в политическом контексте понял как обличительный документ. Сталин не принял ни платоновского гуманизма, ни сатиры, перечеркнув название повести, написал – «Кулацкая хроника». В записке в редколлегию журнала в мае 1931 г. Сталин выразился вполне конкретно: «Рассказ агента наших врагов,… опубликованный головотяпами-коммунистами… P.S. Надо бы наказать и автора и головотяпов так, чтобы наказание пошло им «впрок» [Платонов 2013; 287–288].

А. Фадеев отмежевался от публикации повести, написав обличительную статью «Об одной кулацкой хронике»: «Всякий… знает этот тип хитрого, пронырливого классового врага, знает, как часто пытается кулак надеть маску, душевного бедняка, заботящегося за народ..." Одним из кулацких агентов указанного типа является писатель Андрей Платонов» («Красная новь», 1931. Кн. 5–6). Вслед за А.Фадеевым А.Платонова заклеймили другие.

Всего А. Платоновым было написано два письма И. Сталину. Первое письмо от 8 июня 1931 года. Впервые опубликовано в 1999 го-

ду в «Новой газете» [1]. Второе письмо от сентября-октября 1932 года по поводу постановки пьесы «Большое напряжение» тесно связано с первым. Не случайно в его тексте первое письмо упоминается три раза.

Н. Корниенко во вступительной статье к книге писем А. Платонова замечает: «Как и «душевный бедняк», …справедливо причисленный критикой к отечественной традиции юродства, Платонов в письмах к Сталину и властям по-юродски формулировал свою тему и вопросы прямо, «в лоб», …и так же, как его герой, «способен был ошибиться, но не мог солгать» [Платонов 2013; 47].

Верное в общем суждение может быть не оспорено, но уточнено, если рассмотреть тексты писем в деталях. Сначала отметим, что нам ближе других толкование слова «юродивый» данное Д.Н. Ушаковым: «1. Глуповатый, чудаковатый, безумный…» [4], глуповатый в житейском смысле человек.

Обратимся к текстам писем (тексты рассматриваются по изданию А. Платонов «Я прожил жизнь» [Платонов 2013: 284-287, 327-328]. В пользу суждения о «юродстве» говорят следующие факты:

1. Ошибочная оценка коммуникативной ситуации. Например: формулы этикета (1-е – «Товарищ С т а л и н.»// «Глубоко уважающий вас – АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ», 2-е – «ТОВАРИЩ СТАЛИН.»//-). Сравним: «Дорогой Иосиф Виссарионович!»// «…горячо Вас любящий и преданный Вам Б.» – Б. Пастернак (конец дек. 1935г.).

2. Демонстративное употребление различных форм местоимения второго лица «вы» с маленькой буквы в обход общепринятой нормы обращения к «вождю народов». Например: 1-е письмо – «Я прошу у вас» (11 слов – 100 % с маленькой буквы); в уже упомянутом письме Б. Пастернака – 15 местоимений с большой буквы (100 %). Только через полтора года во 2-ом письме А. Платонов приходит к необходимости ставить заглавную букву: «Я прошу Вас…», но из 16 слов – только 3 с большой буквы (18,8 %).

3. Открытость авторской позиции. Платонов всё называет своими словами.

Именно наблюдение изменения не столько авторской позиции, сколько авторской речи позволяет сделать ряд интересных выводов. Платонов предельно откровенен с вождём именно во втором письме, написанном в то время, когда судьба писателя определена («…я никогда уже не выкарабкаюсь к литературной общественной работе», «…никто никогда теперь не решится опубликовать что-либо, написанное мною…»: литературная смерть. Перед смертью не лгут. Отсюда ошеломляющее признание, что Платонову была известна в деталях резко отрицательная оценка повести «Впрок» Сталиным «(литераторам и это известно в подробностях)»: вождь, читая повесть, оставил на полях следующие оценки автора: «Дурак», «Пошляк», «Балаганщик», «Беззубый остряк», «Это не русский, а какой-то тарабарский язык»,

«Болван», «Да, дурак и пошляк новой жизни», «Мерзавец; таковы, значит, непосредственные руководители колхозного движения, кадры колхозов?! Подлец». Статья А. Фадеева «Об одной кулацкой хронике» вышла 9 июня. Письмо И. Сталину Платонов написал 8 июня, до шквала критики. Не предупредили ли А. Платонова? Может быть, А. Фадеев? Хотя об их встрече говорила в 70-е гг. М.А. Платонова [Платонов 2013; 289], утверждать этого нельзя. Зато при сравнительном анализе текстов оценочных замечаний Сталина и покаяния автора «Впрок» в первом письме наблюдаются следующие соответствия: «Пошляк», «…пошляк новой жизни» – « …инерция лжи и пошлости, которая ещё владеет мною…»; «Балаганщик», «Беззубый остряк» – «…деморализующая контрреволюционная ирония, которая объективно содержится во «Впроке»; «Это не русский, а какой-то тарабарский язык» – «…я заметил в ней… дух… двусмысленности, ухищрений, ложной стилистики и т.д.»; «Подлец» – «…какое бы то ни было выступление, объективно вредящее пролетариату, есть подлость, и подлость особенно гнусная…». Только в глупости автор письма не признаётся, хотя самое время «принять вид безумца», оттого и покаяние кажется неполным, непоследовательным, а «искупление», к которому стремится автор повести «Впрок», представляется маловероятным.

Еще одна особенность своеобразной исповеди Платонова заключается в том, что активное авторское «я», выраженное и местоимением 1-ого лица ед. ч. в различных падежных формах, и формами возвратного местоимения, и притяжательным местоимением «мой» в различных падежных формах (35 ед.), как бы абстрагируется от идеологически «верных» умозаключений, исчезает. Кажется, что целые предложения в тексте письма не принадлежат А. Платонову. Сравним: «Вам я пишу это прямо, хотя тоска не покидает меня. Я увидел, что товарищи из РАППа – правы, что я заблудился и погибаю.» – «Но колхозное движение – есть самый драгоценный, самый… «трудный» продукт революции. Этот продукт, как ребёнок, требует огромного, чуткого внимания…». Не только это нарушает исповедальный строй письма, но и твёрдость выражения воли автора: «я не надеюсь, я хочу, чтобы вам было ясно», «мне захотелось добавить». Особенно убедительно звучит последнее предложение текста: «Но это я имею право сделать, когда уже буду полезен революции». Думается, здесь не юродство – так проявился в тексте авторский оптимизм А. Платонова, удивительно жизнеспособный, заставивший его написать второе письмо Сталину с просьбой «дать указание о постановке… пьесы» «Высокое напряжение».

Сталин не отвечал на письма литераторов (исключение – Д. Бедный). Платонов говорил после истории с повестью «Впрок»: «Я писал эту повесть для одного человека (для тов. Сталина), а этот человек повесть читал и по существу мне ответил. Все остальное меня не интересует» [Огонек 1990: 19–20].

Библиографический список

1. Документы советской эпохи. – URL: http://sovdoc.rusarchives.ru
2. Огонек. – 1990. – № 19. – С. 19–20.
3. Платонов, А. «…Я прожил жизнь»: письма. 1920–1950 гг. / А. Платонов; сост., вступ. ст., ком. Н. Корниенко. – М. : Астрель, 2013.
4. Толковый словарь Д. Н. Ушакова. – URL: https://ushakovdictionary.ru/word. php?wordid

А. А. Кочелаев
(г. Пенза, Россия)

РИТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ С. К. ШОЙГУ

Аннотация. Рассматривается речевой портрет Министра обороны РФ – С. К. Шойгу. Этот политический деятель интересен современной России своим необычным имиджем, своеобразной манерой выступления и неоднозначной оценкой его личности политологами и простыми людьми.

Ключевые слова: риторический портрет, политик, дискурс, языковые особенности, Шойгу.

В настоящее время российские лингвисты большое внимание уделяют исследованию речи современных политиков, от профессиональных и коммуникативных способностей которых зависит судьба страны, региона, решение значимых общественных задач.

Цель нашего исследования – выделить языковые особенности политического дискурса Сергея Шойгу как представителя высшей элиты российского общества.

Сергей Кужугетович Шойгу – российский государственный деятель, с 1991 по 1994 – министр РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, министр обороны РФ с 2012 года. Генерал армии (2003). Герой Российской Федерации (1999). Президент Русского географического общества (с 2009). Почетный академик российских и международных академических объединений.

Исследование проводилось на материале видеозаписей российского политика С. К. Шойгу.

Естественно, что находясь на посту Главы МЧС, С. К. Шойгу свои выступления посвящал чрезвычайным ситуациям на территории нашей страны.

Достаточно часто он использовал в выступлениях разные термины, которые не всегда были понятны окружающим: *«Одни только минерализованные полосы должны быть шириной 200 метров. Потому что, как оказалось, в европейской части России могут быть сильней-*

шие верховые пожары – даже автомобильные дороги, водные преграды шириной 150 метров не останавливают такой огонь».

Речь его этого периода не всегда носила официальный характер, содержала ироническое отношение к происходящим событиям: *«Не надо с балкона запускать фейерверки, точно так же, как на кухне и под елкой в собственной квартире. Не надо напиваться до состояния беспамятства, закуривать на крыше с одеялом и так далее. Это очевидные вещи».*

С 2012 года С.К.Шойгу занимает пост министра обороны РФ. Это не могло отразиться на его речи.

Конечно же, никакой современный оратор не обойдется без терминов, характерных для его сферы деятельности: *«Смысл понятия «комплексная безопасность» в том и заключается, что безопасность нашей страны мы рассматриваем не как какую-то отдельную локальную задачу, а как комплекс задач, сведенных в один задачник, говоря школьным языком».*

Что же касается средств выразительности литературного языка, то мы можем отметить использование эпитетов *«единственный запрет», «большая польза»;* градации: *«будет проходить строже, жестче, без слабины»;* метафоры*: «со свежими мозгами».*

В речи С. К. Шойгу можно заметить такой прием, как риторический вопрос: *«Зачем мы по три раза платим за одно и то же, зачем повторяем и делаем то, что уже было сделано кем-то?»*; *«Кто мог предсказать, что ситуация будет развиваться настолько аномально?»* Такой ход используются, чтобы подчеркнуть значимость утверждения и обратить внимание слушателя или читателя на конкретную проблему.

Следует отметить, что в речи политика часто можно встретить фразеологические обороты: *«Ты же сам пришел, тебя никто за уши не тянул»; «Въелись в кожу, как угольная пыль»*, что подчеркивает разнообразие его речи. Кроме того, его политический дискурс изобилует большим количеством вводных слов: *«во всяком случае», «в конце концов», «наверное».*

Нередко речь С. К.Шойгу становится объектом обсуждения политиков других стран:

«Глава Минобороны РФ Сергей Шойгу ответил на заявление своего британского коллеги Майкла Фэллона о том, что Запад не хотел бы, чтобы «медведь совал свои лапы в Ливию».

«Ну, если продолжать «звериную» тему... Что у них на гербе – лев, кажется? Есть такая старая пословица: все львы – кошки, но не все кошки – львы», – сказал Шойгу, отметив, что в их зоопарке нет такого зверя, который может указывать медведю.

Глава российского военного ведомства также подчеркнул, что каждый должен разбираться в своих делах сам»[iz.ru›Новости›666398].

Иногда политик использует и просторечную лексику: *«как только увижу хоть одного блатного, весь состав, командный состав этой роты…»*. Возможно, это связано с тем, что он пытается выражаться на языке, близком к народу.

Теперь рассмотрим речь политика на соответствие нормам литературного языка.

Что касается лексических ошибок, то стоит отметить тавтологию: *«Мы подобрали специально, отбирали достаточно внимательно…»; «охоту на программистов, охоту в хорошем смысле этого слова»; «Главный единственный запрет, который я, во всяком случае, изложил, изложил ясно и сформулировал совершенно четко».* Скорее всего, это связано со спонтанностью его речи

Естественно, что министру обороны свойственна и человеческая эмоциональность. Например, фраза *«Откосить не позволю! Служить, значит служить!»* объясняется злободневностью проблематики.

Кроме того, ему свойственен и неформальный подход к проблеме: «*Для того чтобы на культуру были деньги, мы будем много тренироваться, чтобы танцевать польку-бабочку в министерстве финансов и выбивать пыль из ковров министерства экономики».*

С. К. Шойгу не боится высказаться и по важным политическим событиям, например, о выборах президента, чем вызывает доверие у граждан: *«Сработаемся с любым (президентом), кого выберут люди, даже если люди выберут циркового коня. Лишь бы он работал, а не просто хвостом махал».*

Речь политика изобилует предложениями характеризации: *«Скажу для примера – принят закон по борьбе с курением: нельзя публично курить – на телевидении показывать это, в общественных местах запрещается курить, в министерствах и ведомствах запрещается курить, в кабинетах, там специально отведенные места – их должно быть очень мало и так далее…»; «Вот пример перед глазами стоит – это когда были применены санкции в отношении Югославии, в данном случае Сербии и Черногории. У них не было топлива, многих других материалов»; «Вы посмотрите, как при событиях в Южной Осетии выстроилась вся европейская западная пресса. Никакой цензуры нет, но все показывают одно и то же».*

К сожалению, иногда оратор допускает грамматические ошибки в предложениях, например: *«Количество желающих для службы (служить) – это, наверное, впервые в нашей истории, оно в три раза превышало наши возможности».*

Многогранность личности С. К. Шойгу, многоаспектность его интересов выразились в том, что он свободно рассуждает на многие острые темы. Его речь убедительна, эмоциональна. С. К. Шойгу проявляет талант рассказчика: грамотно и доступно излагает мысли, аргументированно отстаивает свою позицию, постоянно демонстрируя глубокие знания в различных областях.

Библиографический список

1. Антонова, Ю. Н. Интенция говорящего в аспекте коммуникативно-целевой семантики : автореф. дис. … канд. филол. наук / Антонова Ю. Н. – Орел, 2006.
2. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова //Языкознание. Большой энциклопедический словарь ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998.
3. Выступление С. К. Шойгу. – URL: http://www.1tv.ru/videoarchive/6844 &p=371.
4. Речевой портрет С. К. Шойгу. – URL: https://fishki.net/anti/1850480-10-frazshojgu.html
5. Портрет современного политика. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-s-shoygu

А. Е. Прядкина
(г. Пенза, Россия)

ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРАМИ ТЕАТРА И КИНО КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В центре внимания – изучение культуры речи актеров театра и кино. Исследуется характер речевого поведения в рамках интервью на страницах СМИ, которое оказывает большое влияние на сохранение и развитие языка в целом.

Ключевые слова: речевая культура, интервью, актер, литературный язык, стиль речи.

Речь человека раскрывает его мысли, характер, намерения и чувства. Для актера театра и кино речь – это средство точного воздействия на зрителя, поэтому культура речи, манера выражать свои мысли и чувства являются его визитной карточкой.

Цель нашей работы – проанализировать речевое поведение актеров театра и кино во время интервью. Общественная и культурологическая значимость их несомненна, так как они передают мироощущение и видение окружающей действительности талантливой, незаурядной личности, выполняющей высокую социальную роль и оказывающей эстетическое и духовное воздействие на публику [Ножкина 2003: 3]. Обратимся непосредственно к интервью разных по возрасту и взглядам представителей современного театра и кино.

Наиболее значимым для актера является обсуждение его ролей. Так, о своей роли в фильме «Осенний марафон» рассказывает народный артист СССР Олег Валерианович Басилашвили:

«Бузыкин не положительный и не отрицательный персонаж. Просто нормальный советский человек. А разве мог быть тогда ***интеллигент*** *положительным персонажем? Данелия снимал фильм*

о ***конформизме*** *на примере любовного треугольника»* («Управление бизнесом». 2017. № 3).

Слова ***«интеллигент», «конформизм»*** говорят об умении актера использовать книжную лексику.

« Нет, почему глупый…У меня есть роли, о которых я могу говорить без стыда. Роли, в которых я находил ***«аз есмь»*** *– то есть я был уже не я, а другой человек, но чувствовал себя абсолютно органично».*

Архаизм **«аз есмь»** в данном контексте придает высказыванию большую значимость и подчеркивает богатый словарный запас актера и умение уместно использовать устаревшую лексику в речи.

Личностное восприятие антрепризы О. В. Басилашвили передает в одном из интервью: *«Антреприза зависит от количества публики и от цен на билеты, надо иметь какое-то* ***равновесие и баланс…*** *Современная антреприза построена на* ***щекотании живота ниже пупка****, что безумно нравится публике. Здесь театр предает тот идеал, во имя которого он создан и существует, – и это очень опасная* ***тенденция!****»* («Neue Zeiten». 2013. № 7).

Слова ***«равновесие», «баланс», «тенденция»*** сами по себе нейтральные, но в высказывании О. В. Басилашвили они приобретают книжный оттенок. Фраза ***«щекотание живота ниже пупка»,*** имеющая переносное значение, подчеркивает отрицательное отношение актера к современной антрепризе.

Таким образом, для речи актера характерно совмещение в контексте слов с книжной и разговорной стилевой окраской, что способствует усилению ее выразительности, экспрессивности.

Обращаясь к интервью советской и российской актрисы театра и кино, театрального режиссёра, педагога Галины Борисовны Волчек, мы замечаем ее умение строить диалог, используя метафору, которая придает яркую эмоциональную наполненность тексту.

«Знаете, всю жизнь я ***бегу.*** *Образно говоря, даже сидя, я все равно* ***бегу.*** *И часто памятью окунаюсь в прошлое для того, чтобы соотнести то, что было, с тем, что сейчас…Надо думать и о молодежи. Мы решили посвятить этот юбилей – 45-й – сезон передаче эстафеты. Надо сделать это не дряхлыми руками, которые ее уже удержать не могут, а сильными. Когда мы еще* ***на бегу****, когда Гафт, или Ахеджакова, или Гарик Леонтьев ещё могут чему-то научить. Научить* ***на бегу****»* («АиФ». 2001. №15).

Формы *бегу, на бегу* в данном контексте означают постоянное движение, развитие в своей профессии. Метафорическое использование существительного *счетчик* в другом интервью развивает сложные коннотации, мотивированные личностным опытом самого говорящего: *«У нас внутри всегда работает* ***«счетчик»****. Режиссерский или актерский – не важно. Вся жизнь идет под руководством этого* ***«счетчи-***

***ка»**, однажды у меня было большое горе: развод с Евстигнеевым... И вот, накануне развода, сижу одна в комнате, слезы льются ручьем. Привстала с дивана, потянулась за носовым платком и увидела в зеркале свой зареванный глаз и часть руки. Знаете, о чем я в ту минуту подумала? Какой гениальный кадр для кино! Представляете? В ту минуту, когда у меня, не переставая, лились слезы, режиссерский **счетчик** все равно работал*» («АиФ». 2001. № 15).

Актеры молодого поколения, говоря о профессии, кроме использования метафоры, прибегают и к языковой иронии. Мы убеждаемся в этом на примере интервью народного артиста РФ, художественного руководителя Московского Губернского драматического театра Сергея Витальевича Безрукова: *«Работаю каждый раз и каждый раз выкладываюсь… Контролировать расход эмоций и оберегать свою душу – это очень опасный актерский путь. Сердце, если его постоянно щадить, быстро привыкает к ленивому режиму, и оно уже не отзывается. Актер должен, как ребенок, на все реагировать. А дети, если им больно, плачут»* («АИФ». 2012. № 45).

С. В. Безруков в данном высказывании использует сравнение, в отличие от него актёр, музыкант, шоумен, теле- и радиоведущий Дмитрий Владимирович Нагиев в своем интервью в качестве средства создания иронии употребляет жаргонизмы и сниженную лексику: *«Вы снова ведете меня прямиком в бездну **пустобрехства**, от чего я бегу всю жизнь, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни. Шутить с успехом можно на самые разные темы. В общем и целом я патриот, далекий от **шапкозакидательства**, пьяных криков на трибуне **«Россия, вперед!»** и **«Порви его, Вася!»**. В сериале «Физрук» я пытаюсь облечь эту позицию в более легкую и доступную форму, потому что, как любит говорить Константин Львович Эрнст, «нас смотрят регионы». И наш язык должен быть им понятен, поэтому и бегу от эстетства»* («Вести». 2012. № 11).

Очень важно отметить, что тон разговора у артиста может меняться в зависимости от ситуации: от юмористического к серьезному и наоборот. В данном высказывании Д. В. Нагиев подчеркивает, что специально переходит от норм литературного языка к просторечию в угоду интересам зрителя, в большинстве своем – молодежи. Вот как он вспоминает о своем поступлении в вуз: *«Я окончил школу, а поскольку у меня были все тройки, то единственный институт, имевший спортивную кафедру и, куда можно было поступить **по блату**, был ЛЭТИ, и я туда поступил. На экзамене меня предупредили: главное, – не сдавай чистый лист, однако так как я ничего не знал, особенно по математике, то сдал чистый лист, но мой тренер **«подсуетился»**, и меня зачислили»* («Вести». 2012. № 11).

Слова *«по блату», «подсуетился»* относятся к жаргонной лексике, но в настоящее время происходит их стилистическая переоценка.

Они стали модными и широко распространенными в повседневной речи, поэтому с них снимается статус грубости, вульгарности, чужеродности литературному языку и эти слова приобретают окололитературную нормативность.

Обращение актера к жаргонному слову вызвано стремлением эмоционально, метко и в то же время кратко и понятно для каждого выразить свое отношение к излагаемому. Активное использование этих единиц в речевой практике ведет к снижению уровня речевой культуры. Никогда не стоит забывать об эстетике слова и его влиянии на мировоззрение современного человека, прежде всего, молодежи, нельзя забывать о своей ответственности за сохранение богатства и чистоты русского языка [Лаптева 1996: 8].

Актер открывает читателю интересные факты своей жизни: *«Я встаю в 5:40; есть* ***лайт-дни****, когда можно встать в 7:20… Я четырежды признавался лучшим* ***диджеем*** *страны, а в Москве мало кто знал об этом»* («Вести». 2012).

Такие слова как ***лайт-день***, ***диджей*** очень популярны среди молодежи, именно поэтому заимствованных слов в речи актера встречается много.

Интервью с артистом эстрады, пародистом, юмористом, шоуменом, телеведущим Максимом Александровичем Галкиным отличается сдержанностью, книжностью: «*Как человек, соприкасающийся с наукой, я не могу делать неаргументированных выводов; Дайте мне статистику, и я попробую сделать какие-то выводы…»* («АиФ». 2005. № 5).

Книжные слова и сочетания ***неаргументированных выводов***, ***статистика*** делают его высказывание обдуманным, отвечающим критериям хорошей речи.

Иногда в его речи встречаются новые слова, все они ситуативно обусловлены, связаны с темой разговора: «*Я же не комикую сам, а переношу юмор, иронию на что-то».* Глагол «комиковать» подчеркивает, что задача артиста на сцене не быть шутом, а уметь тонко иронизировать на злободневные темы нашей действительности.

Собранный материал позволяет сделать вывод, что в целом культура речи актеров театра и кино отвечает нормам литературного языка, отбор лексических, образных и стилистических средств подчинен принципу целесообразности речи. Однако при стремлении актеров сделать язык более выразительным встречаются и отступления от нормативной лексики, бездумное засорение текста нелитературными словами, ненужными заимствованиями, что способствует ложной демократизации языка.

Владение актером не только культурой и техникой речи, но и понимание осознанного, внимательного отношения к языку позволит вывести на новый качественный уровень телевизионные программы и кинофильмы.

Библиографический список

1. Лаптева, О. А. Стилистические приемы создания языковой иронии в современном газетном тексте / О. А. Лаптева // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996.

2. Ножкина, Э. М. Языковая личность в структуре интервью / Э. М. Ножкина // Проблемы речевой коммуникации ; под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов, 2003.

С. А. Тунян
(г. Ереван, Армения)

РЕАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МИТИГАТИВНЫХ ТАКТИК В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Хороший дипломат импровизирует свои речи
и тщательно готовит свои умолчания.
Талейран

Аннотация. Рассматривается исследование лингвопрагматических характеристик митигативных тактик, направленных на оптимизацию речевого воздействия. Описываются тактики умолчания и оценочного смягчения и их реализация в русской дипломатической речи.

Ключевые слова: митигативные тактики, дипломатическая речь, речевое воздействие.

Внимание ученых еще с древних времен было приковано к дипломатии, дипломатической речи вообще, однако современные лингвисты вплотную взялись за исследование дипломатической коммуникации с лингвистических позиций. Изучение языковых средств современной дипломатии вызывает всё больший интерес и позволяет по-новому взглянуть на дипломатические дискурсивные практики.

«Доверие вызывает тот дипломат, чьё слово авторитетно, чей стиль поведения как бы сам собой вписывается в общие контуры взаимоотношений данных государств», – так определяет качества дипломата известный политик и дипломат А. Н. Ковалёв. В этом плане значимой является специфика адресата (широкая массовая аудитория либо равный, подготовленный и обладающий информацией партнер), определяющая социальную модель взаимодействия, возможность реализации поставленных целей [Артемова 2014].

При анализе немалого количества текстов данной направленности становится ясным следующее: дипломатической речи характерны неконфликтность, тактичность, толерантность и т.д. Ввиду специфики данных характеристик становится необходимым изучение ми-

тигативной стратегии, реализация которой является одной из важнейших в успешной дипломатической коммуникации.

Термин «митигация» зарубежного происхождения и был введен в прагматику Фрейзером в 1980 г. в контексте языковых приемов, направленных на избежание или минимизацию возможных нежелательных эффектов в общении. Впоследствии такие ученые как Каффи, Лангнер и др. изучали данный лингвистический феномен, каждый привнося в него что-то новое. В отечественной литературе данное лингвистическое явление нашло отражение в основном в трудах С. С. Тахтаровой, которая отмечает, что митигативная стратегия направлена «на сохранение коммуникативного баланса в межличностной коммуникации» [Тахтарова 2010: 6], который в потенциально конфликтной ситуации может быть сохранен за счет снижения уровня конфликтности и категоричности. Основными характеристиками данной стратегии являются «антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность, глорификация и эмоциональная сдержанность» [Тахтарова 2010: 6].

В современных прагмалингвистических исследованиях особое внимание уделяется изучению механизма регуляции речевого воздействия, лингвальных и экстралингвальных составляющих его успеха. К таким можно отнести среди прочего соблюдение коммуникантами общепринятых правил общения, обеспечивающих межличностное взаимопонимание и представляющих собой систему принципов, регулирующих речевое поведение обеих сторон в ходе коммуникативного акта.

Несмотря на широкий интерес лингвистов к митигации – коммуникативному смягчению – изучение данного вопроса находится еще на стадии становления. Есть некоторое количество работ, посвященных изучению данного вопроса в немецкой литературе, в немецком дипломатическом дискурсе, однако изучение проявлений митигации и митигативных тактик в русском языке еще не нашло широкого отражения. Полной классификации митигативных тактик также еще не существует. Каждый из авторов, естественно, опираясь на накопленный практический материал, предлагает свою классификацию, однако данный факт не вызывает удивления, так как языковые средства весьма разнообразны, особенно репертуар языковых средств дипломатической коммуникации.

Конфликтные ситуации могут возникнуть в ситуациях критики адресата, отказа в ответ на его просьбу или просьбы самого говорящего и привести к коммуникативному сбою или конфликту в дипломатической коммуникации. По мнению Фрейзера, использование митигаторов способно модифицировать ‘опасные’ речевые действия и снизить их нежелательные эффекты. Исходя из этого, автор выделяет два типа митигации: эгоистическую и альтруистическую – соответственно позволяющие адресанту «смягчить» негативные последствия речевого акта и для себя, и для адресата.

Метакоммуникативные высказывания реализуют ряд митигативных тактик. Одной из тактик, направленных на минимизацию коммуникативных рисков в дипломатической речи, является **тактика умолчания**. Данная тактика подразумевает намеренную недосказанность, уклонение от ответа, которые в свою очередь вносят некую двузначность и расплывчатость в речь. Лексически данная тактика реализуется при помощи крылатых выражений, атрибутивных конструкций с обобщающей или неопределенной семантикой, неопределенных или указательных местоимений, модусных операторов, служащих для того, чтобы адресант не называл конкретное явление/событие/лицо/конкретную организацию во избежание конфликтогенных ситуаций.

Приведем примеры тактики умолчания из интервью русских политиков [8].

- *Есть некоторые **внешние игроки**, которые предпочли бы решать за сирийцев, кто должен руководить этой страной, как она должна быть устроена, что должно быть записано в их Конституции.*

*Мы видим настрой Генсекретаря ООН А.Гутерреша именно на такую работу, его искреннее желание помочь преодолеть разногласия между **основными игроками** и найти взаимовыгодные решения имеющихся проблем.*

/ атрибутивные конструкции с неопределенной семантикой/

- *Что касается других структур ООН в дополнение к Управлению Верховного комиссара по делам беженцев, то у нас складывается ощущение, которое мы хотим перепроверить, что они тоже ориентируются на **позицию Запада** и ждут, пока там соблаговолят эту позицию изменить.*

/расплывчатый ответ, с намеком на фоновые знания адресатов/

- *Как я понимаю, это доклад комиссии Пинейро, т.н. Комиссии Совета по правам человека, которая получила **через довольно неоднозначную процедуру** голосования свой мандат в Совете по правам человека и занимается дистанционным рассмотрением с гуманитарной точки зрения тех или иных ситуаций, которые возникают в Сирии.*

/неназывание явления, т.к. для дипломатической речи было бы резко называть случившееся обманом/

- *Хотела бы напомнить, что в истории Канады уже были **«черные пятна»**, в частности, когда она превратилась в прибежище для недобитых гитлеровцев, мы все это очень хорошо помним, в том числе из украинских карательных батальонов СС.*

/ неявное указание на кого- // что-либо при помощи метафорического словосочетания/

С учётом свойств дипломатической коммуникации можно предположить, что митигативные прескрипции, отражающие ценности бес-

конфликтного общения, играют особую роль в дипломатическом дискурсе. **Тактика оценочного смягчения** является одной из основных в дипломатической интеракции. Ей присущи неопределенная референция, позволяющая не называть прямо субъекта отрицательно оцениваемого действия, либо само действие, модусное ограничение, эвфемистические замены, субъективность оценок, предназанченных для урегулирования конфликтных ситуаций и избежания ответственности.

Приведем примеры тактики оценочного смягчения из интервью русских политиков [8].

- *«Наши отношения никогда не были хуже, чем сейчас. Но это изменилось четыре часа назад. **Я действительно в это верю**», – взял слово Трамп.*

/модусное ограничение и субъективность оценки/

- *…Теперь они обвиняют нашу страну в том, что она пытается манипулировать мнением американцев с помощью смешных картинок в Интернете. Что Вы на это скажете?*

***Мне просто смешно**, когда я слышу, что смешными картинками пытаются подорвать американскую демократию. Это, **по-моему**, уже проявление какой-то запредельной паранойи.*

/ субъективность оценки**, **проявление положительных эмоций в ответ на серьезное обвинение/

- *Что касается юга Сирии, то вся сирийская проблематика, **наверняка**, будет обсуждаться в Хельсинки.*

*Мы, **разумеется**, согласились, но вчера в телефонном разговоре М.Помпео сказал, что его график предельно напряжён и он физически не сможет повидаться до саммита.*

*Мы, **к сожалению**, зафиксировали большое количество спекуляций на тему того, что журналистов не пустили на тренировочные базы, которые находятся в ЦАР, и в этой связи им пришлось проводить тайное расследование и т.д..*

/ модусное ограничение/

- *Старательно скрывается, что нарушителем своих обязательств по Конвенции является как раз **представитель стран Запада**, который по-прежнему обладает наиболее мощным арсеналом отравляющих химвеществ и постоянно откладывает сроки его уничтожения.*

*Во-первых, хорошо известно, что Оттава вместе с **некоторыми другими западными столицами** давно оказывала и продолжает оказывать данной группе, группировке, давайте быть точнее, моральную поддержку, да и прямое финансовое содействие.*

*В самом Идлибе **главари некоторых группировок** «наводят мосты» с Центром примирения враждующих сторон, зондируя условия возможного замирения с властями.*

/неопределенная референция, прямо не называется действие отрицательного субъекта/

➢ *Деятельность ОЗХО и её Технического секретариата должна оставаться сугубо профессиональной, невосприимчивой к политическому давлению отдельных,* ***пусть даже весьма влиятельных государств. /неопределенная референция и эвфемистическая замена/***

Каждая митигативная тактика имплицирует определенный компонент смысла высказывания, позволяя говорящему (дипломату) в ходе профессионального общения избегать прямого указания на конкретных лиц, факты, ситуации, тем самым достигается соответствие основополагающим принципам дипломатического общения: некатегоричность, корректность, сдержанность, бесконфликтность. Тактика оценочного смягчения, активно используемая политиками в дипломатической коммуникации, подтверждает, на наш взгляд, актуальность и продуктивность коммуникативного смягчения в дипломатической интеракции.

Использование митигативных тактик представляет собой реализацию общей коммуникативной цели – избежание возможной или смягчение уже возникшей конфликтной ситуации, снижение уровня конфликтности.

Анализ нашего материала демонстрирует высокую степень повторяемости при использовании указанных тактик, а также случаи их намеренного слияния для более точного речевого воздействия в ходе дипломатической интеракции.

Следует сказать, что тактики смягчения в дипломатический речи разнообразны. В этой связи дальнейшее изучение митигативных тактик, во многом обеспечивающих эффективность реализации интенций дипломата представляет не только теоретическую, но и несомненную практическую ценность.

Библиографический список

1. Артемова, И. Ю. Намек в русском устном межличностном дискурсе: прагмасемантический аспект : дис. … канд. фил. наук / Артемова И. Ю. – СПб., 2014. – 175 с.

2. Волкова, И. Н. Коммуникативное смягчение в дипломатическом дискурсе / И. Н. Волкова // Филологические науки. Сер. 9: Этно-, социо- и психолингвистика. – URL: http://www.rusnauka.com/22_PNR_2011/Philologia/9_91066.doc.htm (дата обращения: 23.08.2016).

3. Иванян, Е. Значение умолчания как функционально-семантическая категория / Е. Иванян // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. – 2015. – № 11. – С. 49–56. – URL: http://docplayer.ru/43680550-Znachenie-umolchaniya-kak-funkcionalno-semanticheskaya-kategoriya.html (дата обращения: 08.2017).

4. Криворучко, С. И. Стратегия перлокутивной митигации как способ оптимизации речевого воздействия / С. И. Криворучко. – URL: https://www.researchgate.net/publication/314089797_Strategia_perlokutivnoj_mitigacii_kak_sposob_optimizacii_recevogo_vozdejstvia

5. Тахтарова, С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты) : автореф. … канд. фил. наук / Тахтарова С. С. – Волгоград, 2010. – 40 с.

6. Тахтарова, С. С. Митигативные тактики в политическом дискурсе / Тахтарова С. С. // Lingua mobilis. – 2010. – № 5 (24). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mitigativnye-taktiki-v-politicheskom-diskurse#ixzz4FVARexKb (дата обращения: 31.08.2017).

7. Терентий, Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации / Л. М Терентий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010 – № 1. – С 47–57.

8. URL: http://www.mid.ru/

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ

Е. И. Беглова
(г. Нижний Новгород, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЬ В СМИ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Аннотация. Анализируется использование в публичной речи нецензурной лексики. На материале в газетных текстов, речи ведущих телепередач демонстрируется употребление данной лексики как нарушение не только этической, но и прежде всего языковой нормы русского языка как государственного языка РФ. Описаны причины использования матерной лексики. Особое внимание уделяется документам, ограничивающим или запрещающим нецензурную лексику, адресованную массовому зрителю, читателю. Проанализированы тексты современных СМИ с точки зрения нарушения лексической нормы, при этом речь в СМИ рассматривается как публичная речь. Особое внимание уделено публичной речи телеведущих и приглашённых гостей на телепередачи, которые являются также известными лицами или медиалицами, способными оказывать влияние на речевой вкус зрителя, популяризации нецензурной и бранной лексики в современной русской речи.

Ключевые слова: русский язык как государственный язык РФ, нецензурная лексика, публичная речь, СМИ, языковая норма.

В 2010-х гг. наблюдается игнорирование норм устной формы речи не только в разговорной, но и в публичной, в частности в речи журналистов, политиков, медиалиц (шоуменов, телеведущих и пр.). Предметом нашего внимания является нецензурная лексика в публичной речи, в том числе в речи журналистов, а также в СМИ в целом. Мы попытаемся выявить причины использования в речи ненормативной лексики со ссылкой на конкретные источники, осветить ряд документов, запрещающих или ограничивающих использование бранной и ненормативной лексики в речи.

Прежде всего, следует напомнить о том, что бранная, вульгарная, жаргонная и нецензурная лексика в речи запрещена федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. № 53 [О государственном языке…, ст. 1, п. 6; ст. 4, п. 7]. Государственный язык РФ – это нормированный русский язык, нормы которого отражены в специальных словарях русского языка. Согласно названному закону, «В целях защиты и поддержки государственного языка Российской Федерации федеральные органы государственной власти в пределах своей компетенции» осуществляют государственную поддержку издания словарей и грамматик русского языка [О государственном языке…, ст. 4, п. 6]. В названном законе констатируется, что защита и поддержка русского языка как государственного языка Рос-

сийской Федерации способствуют приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации [О государственном языке…, ст. 1, п. 5]. В сентябре 2009 года журналисты полемизировали на страницах газет, журналов, на телевидении и радио по поводу акцентных вариантов, грамматического рода некоторых слов **(**АиФ. 2009.09-15. 09. С. 9.), а также по поводу словарей, утвержденных Приказом Минобрнауки от 1 сентября как содержащих нормы русского языка как государственного (КП. 2009.05.09. С.5).

Газетные тексты освещали информацию о том, что Правительство РФ еще в 2005 году выдало постановление о разработке процедуры контроля качества словарей, потому что с середины 1990-х по начало 2000-х гг. издавалось огромное количество словарей, содержащих недостоверную информацию. В качестве экспертов выступило пять наиболее авторитетных организаций: МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский госуниверситет, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Институт лингвистических исследований РАН (АиФ. 2009.15.09. С.9).

Согласно Приказу № 195 Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 года, вступившего в силу 1 сентября 2009 года, экспертизу прошли следующие 4 словаря, которые рекомендованы как источники, содержащие нормы русского языка как государственного языка РФ: 1. Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. –1288 с.; 2. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 794 с.; 3. Резниченко И. Л. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 943 с.; 4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. Телия В. Н. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008. – 782 с.

Не только журналисты, но и лингвисты не соглашались с данным фактом, который оставался незыблемым согласно исполнению Приказа № 195 … Дискуссия в СМИ была живой, ироничной, о чём свидетельствуют заголовки газетных статей: *«Кофе черное, кофе жгучее и… ужасное»* (Рубрика «Живая речь». Анна Русских // Собеседник. № 34. 2009. С.22.); *«А какого рода какао?»* (КП. 2009.08–15.10.); *«Зачем усреднили кофе?»* (АиФ. 2009.09–15. 09. С.9) и др. Или высказывания: *«Ты ему: «Не буду я ваш йог**У**рт!» А он тебе: «И ваш**е** кофе заберите, очень он**о** на какаво смахивает! Безобразие!» Так что вертайте все взад, не бал**У**йтесь!»* (Милкус Александр. Иронический взгляд // КП. 2009.05.09. С.5); *«В списке 4 словаря: орфографический, грамматический, словарь ударений и фразеологический, в каждом около тысячи страниц (прямо бумажный кирпич), и каждый стоит больше тысячи рублей. Итого: 4000 рублей. И зачем было на очень хорошей бумаге перепечатывать много тысяч слов, написание которых не менялось 50 лет? Ведь все современные изменения уместились бы на не-*

скольких страничках – и обошлось бы это в 4 копейки. Но тысячи рублей чиновники достанут не из своего кармана, а из бюджета… Ах какие домики кто-то построит себе из этих «бумажных кирпичей» (Собеседник. № 34. 2009. С. 22). Таким образом, соблюдение норм русского языка – это необходимое условие не только письменной речи, но и публичной устной речи, в которой, в отличие от письменной речи, разумеется, допускается мотивированное отклонение он языковой нормы, в частности использование эмоциональной разговорно-просторечной лексики (нарушение лексической нормы). Однако в текстах СМИ и публичной речи недопустимо использование бранной и нецензурной лексики, что также регулируется постановлениями Правительства РФ, в частности, Постановлением РФ «Об утверждении Правил размещения текстового предупреждения о наличии нецензурной брани на экземплярах отдельных видов продукции» от 7 декабря 2015 г. № 1336. Это касается любой аудиовизуальной продукции на любом носителе, фонограмм, печатной продукции (за исключением продукции средств массовой информации).

Нельзя отрицать того, что нецензурная лексика (мат) имеет своё место в русском национальном языке, о чём свидетельствуют исследования лингвистов данной лексики [Попова 2009: 48– 52], а также художественные и исторические тексты. Например, писатель О.И. Ларин так определяет особенности и причины употребления матерной лексики в русской речи: «Русский мат – явление планетарное! В Средней Азии, на Кавказе приходилось бывать? Слышали тамошнюю речь? Говорят по-аварски, по-грузински, по-узбекски, а чуть разволновались и рассорились – сразу мать-перемать. Видно, в нашем языке сокрыты какие-то притягательные зоны непристойности, злости, алчности, мести. И восточный человек, не в силах совладать с собой, прибегает к помощи русского мата… Вспомните: все великие стройки коммунизма плюс Асуанская плотина были построены в его сопровождении. Без ненормативной лексики остановились бы заводы, без нее мы лишились бы урожаев. Не будь горячего русского словца, сказанного вовремя и в масть, все валилось бы из рук. Как иначе можно договориться с человеком? *Второй русский язык* порой обладает таким же преимуществом, как боксерский приём…» [Ларин 2004: 121].

Причины употребления нецензурной лексики, её пейоративная и ироническая оценка эксплицируется в следующих афоризмах: *Для многих россиян мат – эмоциональная разрядка как отрицательная, так и положительная. Но вряд ли стоит культивировать мат на литературной ниве и облекать тем самым высокое искусство в низменную форму* [Шевелев 1997: 244]; *Мат, внедрившийся открытым текстом в русскую литературу, – это мат культуре русской* [Шевелев 1997: 244]. То есть нецензурная лексика унижает человека, которому она адресуется. Попытаемся назвать основные, по нашему мнению, причины,

мотивирующие употребление нецензурных слов и выражений в речи нашего современника: отношение русского человека к матерной брани как к средству, снимающему стресс, выплеску отрицательных эмоций, ныне уже и положительных эмоций; у подростков мат является средством самоутверждения среди других подростков, отражает их стремление подражать взрослым (стремление к взрослости); мат – это и средство эпатажа. Дело в том, что современное поколение часто просто не ведает о знаковой природе матерной брани: проклятие всего того, на что она направлена, это индексатор человека грубого, озлобленного, отрицающего установленные моральные правила и общественные отношения. Поскольку нецензурная лексика существует в русском языке, её нельзя отрицать, но следует разъяснять её знаковую природу и особенности использования лишь в определённой ситуации общения: в непринуждённом разговорном общении в отсутствии посторонних, когда она не будет выступать средством оскорбления личности или не вызовет реакцию недовольства со стороны посторонних.

Главной причиной, по свидетельству разного рода исследований использования нецензурной лексики в речи, является «снятие стресса». Сошлёмся на следующий журнальный текст под заголовком ***«Немецкие учёные доказали, что знает любой русский»…*** Подзаголовок. *Исследователи из Кильского университета в Германии провели эксперимент, подтвердивший факт, известный большинству взрослых мужчин: нецензурная брань помогает заглушить боль.* Текст: *Эксперимент выглядел следующим образом. Добровольцев разделили на две группы и предложили всем опустить правую руку в ледяную воду и держать там, сколько хватит сил. Причём разрешили одной группе при этом громко ругаться, а вторая обязана была молчать. Те, кто ругался во время эксперимента, смогли продержать руку в холодной воде заметно дольше, чем те, кто молчал. Чтобы исключить возможное расовое влияние (а вдруг это только у немцев так получается!), был проведён такой же эксперимент с участием британцев, а затем – японцев. В результате выяснилось, что громко ругающиеся на своём языке англичане смогли продержаться на 49% дольше по времени, чем их молчаливые соотечественники. Японцы же, используя ненормативную лексику, продержались даже на 75%* времени дольше (Тайны XX века. 2018. № 4, январь).

В настоящее время в разговорной речи повсеместно звучит нецензурная лексика в речи людей разного возраста и социального статуса, уровня образования, пола. Частое употребление в речи матерной брани отражается в афоризмах, например: *Я другой такой страны не знаю, где все* ***матом кроет*** *человек!* (Зеркало. № 15. 2005.13.04. С. 12). *Беда нашего времени состоит в том, что* ***детский мат*** *уже не является исключительно шахматным термином* (КП. 2009.18.03. С. 16). Большая часть СМИ, безусловно, освещала отрицательную роль ис-

пользования нецензурных слов и выражений, что оказывало положительное влияние на формирование речевого вкуса современной языковой личности. Так, в 2009 году по радио «Россия» была дана следующая информация: по сообщениям Би-Би-Си: «Работникам Барнаульского хладокомбината запретили употреблять в речи нецензурные слова и выражения. Проводился эксперимент в социальной среде, в среде рабочих. Чтобы обогатить лексикон рабочих хладокомбината, им раздали листы с синонимичными словами и выражениями, заменяющими нецензурную лексику. Это лексика типа:

– вы меня отвлекаете…

– это для меня неожиданно…

–я сейчас не могу это сделать…

на все непредвиденные случаи слово – ВАУ!» (Радио «Россия». 2009.24.04.). Или в газете*: Российскими законами запрещено сквернословить в общественных местах. Но, к сожалению, осудить человека за это сложно. Не существует ни одного академического словаря мата (есть «Словарь русской заветной идиоматики» Василия Буя, но в строгом смысле он толковым словарем не является), поэтому любое высказывание насчет слова как «скверного» будет только личным мнением. Но общая тенденция такова: сегодня люди младшего поколения относятся к сквернословию более толерантно»* (Мартынкина Дарья. «Почему МАП не стал ФАКом» // АиФ. № 48. 2004.12. С. 37). В текстах СМИ нашёл отражение и факт запрета постановлениями РФ и Роскомнадзора в текстах СМИ нецензурной лексики, например: заголовок «Роскомнадзор составил список слов, абсолютно недопустимых в СМИ, как печатных, так и электронных». *За их употребление средства массовой информации могут получить предупреждение и лишиться лицензии. Заголовок* ***«Росбалт»: мат в три хода».*** *Лид: «Впервые в России СМИ закрыли за нецензурщину» «Информагентство «Росбалт» стало первой в стране жертвой закона о запрете на использование мата в СМИ. Мосгорсуд вынес вердикт – отозвать свидетельство о регистрации издания в качестве СМИ по иску Роскомнадзора»* (МК. 2013.6–13.11. С. 5).

С другой стороны, публичные высказывания известных политиков, спортсменов, телеведущих, содержащие матерные слова, приводят к их «гласности», их дозволенности, так как они звучат публично безнаказанно, несмотря на существующие государственные запреты нецензурной лексики в официальной и публичной речи. Так, в современных телепередачах иногда звучит матерное слово как в речи приглашённых, так и в речи телеведущих без стандартного сигнала «пи». Например, 26 июня 2018 г. ведущий телешоу «Время покажет» на Первом канале Артём Шейнин в прямом эфире, подводя итоги футбольного матча между сборными России и Уругвая на ЧМ – 2018, в котором Россия проиграла со счётом 0:3, передавая речь своего приятеля,

произнёс матерное слово, но поняв это, тут же озвучил «Ой, пи-и-ип» и продолжил вести программу. Или в телепередаче «Сегодня вечером», посвящённой известному телеведущему Дмитрию Нагиеву, о котором зритель сложил положительное мнение благодаря его корректному речевому поведению в телевизионных проектах «Голос», «Голос. Дети», говорит Нагиев, вспоминая ситуации проведения шоу «Голос. Дети», и произносит в прямом эфире матерное слово, на которое ни ведущие, ни гости никак не отреагировали (Первый канал. «Сегодня вечером» от 28 июля 2018 г. Ведущие Юлия Меньшова и Максим Галкин). Следует напомнить о том, что матерное слово, произнесённое в эфире по радио или телевидению воспринимается слушателями и зрителями как дозволенное, нормальное явление, так как это не демонстрируется в СМИ на всю страну. Приведём фрагмент ещё одной телепрограммы с озвучиванием в прямом эфире матерного слова. В телепередаче «Прямой эфир» (известный ведущий журналист Андрей Малахов (ТК «Россия». 2018.20.07.), в которой демонстрировалось выяснение отношений между актрисой Машей Малиновской и телеведущей Даной Борисовой. В прямом эфире звучит интервью с Машей Малиновской по поводу обвинения её Даной Борисовой в принятии наркотиков. При этом актриса очень часто выражается матерными словами, которые заменяются сигналом «пи». На телепередаче ей сделали замечание, что она не стесняется в выражениях, на что она наивно ответила, что не ругается, а просто любит русский фольклор. То есть матерная лексика ассоциируется у неё с русским фольклором… Актриса явно не владеет знаниями о назначении мата, для неё матерные слова – это часть русского фольклора. В её речи они выполняют функцию выражения отрицательных эмоций и даже являются словами-паразитами.

Таким образом, нарушение лицами или организациями, изданиями и пр. лексической нормы в публичной речи, в языке СМИ, текстах СМИ, направляемых массовому адресату, в соответствии с указанными выше законом и постановлением должно подвергаться соответствующему контролю и привлечением к ответственности. Журналисты, медиа-лица и др. должны контролировать свою речь согласно нормам русского языка как государственного языка РФ, адресованную читателю, зрителю, слушателю.

Публичная речь людей разных профессий, известных лиц должна быть ориентирована на лексическую норму современного русского литературного языка. В частности, язык СМИ должен отражать языковую норму русского языка как в письменной, так и в устной форме речи согласно функциональному стилю речи, ситуации общения, жанру речи.

Библиографический список

1. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон № 53-ФЗ от 01.06.2005. – URL: http:/www.garant.ru (дата обращения: 24.11.2015).

2. Епископ Митрофан (Баданин). Правда о русском мате. – 3-е изд., стер. – СПб. : Мурманск : Библиополис, 2014. – 32 с.

3. Кудряшов, К. Наше достояние. Почему русский мат бессмертен? / К. Кудряшов // Аргументы и Факты. – 2016. – № 43. – 26 октября. – URL: http:// www.aif.ru/society/history/ nashe_dostoyanie_pochemu_russkiy_mat_bessmerten (дата обращения: 17.03.2018).

4. Ларин, О. Вот так и живем / О. Ларин // Новый мир. – 2004. – № 7.

5. Малобенский Артём – ведущий «Первого канала» выругался матом в прямом эфире. А потом доказал, что может повторить… – URL: https://media-leaks.ru/2606mav-mat-v-pryamom-efire/ (дата обращения: 31.07.2018).

6. Меркулова, Э. Евгений Шишкин. Русский язык: время угроз / Э. Меркулова. – URL: https://ulpressa.ru/2017/10/20/evgeniy-shishkin-russkiy-yazyik-vremya-ugroz/ (дата обращения: 20.10.2017).

7. Попова, Е. А. Сквернословие / Е. А. Попова // Русская речь. – 2009. – № 1. – С. 48–52.

8. Шевелев, И. Афоризмы. Мысли. Эмоции / И. Шевелев. – М. : Владос, 1997.

9. Шлепченко, В. Не матом единым: россияне больше не хотят слышать нецензурную брань от СМИ / В. Шлепченко // Аргументы и факты. – URL: http:// www.aif.ru/culture/40621 (дата обращения: 17.03.2018).

О. А. Иванова
(г. Пенза, Россия)

РАЗГОВОРНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ «ПЕНЗЕНСКАЯ ПРАВДА» И «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ»

Аннотация. Наличие разговорной и просторечной лексики в заголовках и статьях печатных СМИ – яркая примета современной речи, особенно проявившаяся в XXI веке. Проведённое языковое исследование языка и стиля газет «Молодой ленинец» и «Пензенская правда» на предмет присутствия в них разговорных и просторечных слов показало, что данные лексемы присутствуют, но в сравнении с общеупотребительными словами их значительно меньше. Именно разговорные и просторечные слова придают стилю журналистов достоверность и правдивость, что передаёт наиболее ярко народный колорит повествования.

Ключевые слова: печатные СМИ, лексема, разговорная лексика, просторечная лексика, выразительность, экспрессия.

Резкий рост разговорной и просторечной лексики – яркая примета современной речи в СМИ, особенно проявившаяся в конце XX и начале XXI века. Газетный текст – это сообщение о важнейших событиях сегодняшнего дня, которое не только отражает явления окружающей действительности, но и интерпретирует их в свете той или иной идеологии или прагматической цели [Гак 2001: 41]. Создавая текст, журналист всегда ставит перед собой задачу не только информировать читателя о социально значимых фактах, событиях и явлениях действи-

тельности, но и давать оценку сообщаемому, привлекать внимание читателя. Это достижимо именно с помощью использования разговорной и просторечной лексики на страницах печатных СМИ.

Использование разговорных и просторечных языковых элементов в текстах художественной литературы вполне допустимо и традиционно. Оно служит и созданию определенной словесно-художественной атмосферы повествования, соответствующей авторскому замыслу, и созданию речевого портрета героя, и формированию экспрессивности или стилизации текста. Разговорные и просторечные слова и выражения являются самым распространённым стилеобразующим средством в художественном тексте. Прежде всего потому, что живая народная разговорная стихия обладает огромным потенциалом как функционально-стилистических возможностей, так и художественно-выразительных средств, в ней представлен широкий диапазон эмоциональной оценочности, свободы в выборе языковых лексических элементов, их словообразовании и сочетаемости. Кроме того, намеренное отступление от нормы, как правило, влечёт за собой большую выразительность и экспрессию. Это именно то, что хочет современный журналист.

Использование разговорной и просторечной лексики в газете «Молодой ленинец» – достаточно частое явление. Лексем данной категории много, и это позволяет выделить следующие тематические группы:

1. Глаголы и другие части речи, имеющие эквиваленты в общеупотребительной лексике. К этой группе относятся следующие слова: *«Не **мямлите** – и будете успешными!»* (разговорное, пренебрежительно. Медленно, невнятно и вяло говорить) или *«Мой муж курит очень много лет…Я уж с ним и по-хорошему, и по-плохому, а он всё равно **срывается**…»* (разговорное, неодобрительное. Терять контроль над собой).

2. Лексемы в уменьшительно-ласкательной форме: *«Каждый **кирпичек** важен», «Семиключье: подобрать **ключик** к душе»* и др.

3. Слова собственно разговорной окраски: *«…В ловких пальцах снуёт монетка: скользит так, что не успеваешь **спохватиться** – а как это?».*

В газете «Молодой ленинец» присутствуют примеры разговорных фразеологизмов. Например, *«Дом был, да сплыл».* Слово *«был»* означает, что что-то существовало раньше или кого-то видели здесь раньше. *«Сплыл»* означает *«исчез».* Слово *«сплыл»* является синонимом слова *«уплыл»*. Если кто-то на лодке плывёт по реке, то пропадёт из поля зрения наблюдателя, когда проплывёт поворот реки. Поэтому можно сказать «он уплыл» или «он сплыл». Этот фразеологизм употребляется в следующих ситуациях: 1) что-то для человека осталось в прошлом; 2) человек упустил свой шанс; 3) кто-то пропал, и теперь его ищут; 4) человек потерял какую-то вещь; 5) человек поменял место работы. Этот фразеологизм связан с потерями и исчезновением чего-то или кого-то [Шанский 2012: 213].

Итак, самой многочисленной является группа разговорных и просторечных слов, которые имеют эквиваленты в общеупотребительной лексике.

Выявленные разговорные и просторечные лексемы в газете «Пензенская правда» можно разделить на следующие тематические группы:

1. Лексемы в уменьшительно-ласкательной форме: *«Поднять **машинку**, как **пушинку**», «Алексей Ваулин: за нами **должок**!», «Не убивай нас, **Боренька**»* и другие.

2. Слова, обозначающие процесс: *«Основной **упор** – отметила Татьяна Валерьевна – был сделан на необходимость дальнейшего развития…», «Это же серьезно **тормозит** транспортный поток!»* и др.

3. Слова, указывающие на предмет или объект действия: *«Самое страшное было – доверить родного человека незнакомой **тетке**…», «Не хочу платить за **дядю**».*

Отметим, что использование разговорных и просторечных лексем на страницах данных газет чаще всего ведёт к нарушению общеязыковой литературной нормы словоупотребления. Использование данного вида лексики в статьях обусловлено прагматичным стремлением авторов наполнить большей информативностью и увлекательностью для читателя излагаемый материал. Именно разговорные и просторечные лексемы придают стилю журналистов достоверность и правдивость, что передаёт наиболее ярко народный колорит повествования.

Библиографический список

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 322 с.

2. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М., 2001. – 43 с.

3. Распопова, Т. А. Некодифицированная социально-оценочная лексика и её использование в русском языке 80–90-х гг. XX в. АКД / Т. А. Распопова. – Орёл, 2009. – 278 с.

4. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2012. – 424 с.

К. А. Клименко, С. Б. Кураш
(г. Мозырь, Беларусь)

ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРНЕТ-НОВАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются проблемы влияния социальных сетей на современное состояние русского языка и формирование речевой культуры его носителя. Анализируются некоторые особенности сетевой коммуникации, отмечается появление языковых новаций различных уровней, даётся прогноз на дальнейшее развитие анализируемых процессов и на состояние речевой культуры.

Ключевые слова: интернет, социальные сети, виртуальная коммуникация, языковые интернет-новации, культура речи.

Примерно полтора-два десятилетия назад слово «интернет» было мало распространено в обиходе и мало кто мог представить себе все его возможности. Но уже сейчас количество пользователей интернета составляет многомиллионную аудиторию, которая ежедневно прирастает и использует множество его ресурсов. Характерно, что в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) насчитывается около 3000 документов (примерно 2,7% от всего объёма корпуса) с более чем 8000 вхождений слова «интернет», причём кривая популярности все последние годы неуклонно растёт. Появился и ряд синонимических обозначений: *сеть*, *глобальная сеть*, *всемирная сеть*, *сетка*, *паутина*, *мировая паутина*, *нет*, *инет* и пр.

Сейчас интернет – наиболее быстрое и надежное средство общения и обмена информацией между людьми. С его помощью появилась возможность находить друзей и единомышленников по всему миру, зарабатывать деньги, заниматься самообразованием, что, является очень важным для человека, живущего в XXI веке. Интернет даёт возможность людям общаться не выходя из дома, быть в курсе последних новостей, контролировать свои счета, оплачивать покупки и ещё много другого. Но, как это часто бывает, на очевидные «плюсы» всегда найдутся свои не менее весомые «минусы», к тому же далеко не всегда очевидно и ясно, что из них преобладает, насколько это всерьёз и надолго, да и само отнесение чего-то нового в нашей жизни к «положительному» и «отрицательному» – тоже зачастую весьма спорно.

В рамках данной статьи будут затронуты некоторые проблемы, связанные с влиянием социальных сетей на язык как с точки зрения самого языка, так и в отношении его носителя. Данная проблематика становится в последнее время всё более заметным сектором проблемного поля современной лингвистики, см., в частности работы А. А. Барковича, Е. И. Горошко, Л. Ф. Компанцевой, М. А. Кронгауза, М. Л. Макарова, Н. Б. Мечковской, М. Ю. Сидоровой, Г. Н. Трофимовой и др.

К концу XX века популярность социальных сетей (история которых восходит к 50-м годам XX века) стремительно возросла. Язык соцсетей – это по сути язык молодежного сленга, что тоже несомненно оказывает влияние на письменное общение пользователей интернета. Такой тип общения требует быстроты написания сообщений, поэтому письма отличаются краткостью и лаконичностью. В связи с этим постепенно стал вырабатываться симбиоз письменной и устной речи или, как его еще по-другому называют, Интернет-сленг: «…Интернет обостряет и фокусирует уже наметившиеся тенденции смешения элементов устной речи, которая воспринимает элементы книжности, и письменной, широко использующей принципы разговорности. Начинает раз-

рушаться само соотношение книжности с основой на письменной речи и разговорности, базирующейся на принципах речи устной. Границы форм речи становятся размытыми, в результате функционирования в Интернете появляется особый тип речи, суть которого точнее всего определяется как «письменно-устная» речь» [Трофимова 2004 : 58].

Виртуальная коммуникация влечет за собой развитие языка виртуального общения. В настоящее время очень актуальна проблема употребление этого языка в повседневной жизни, что способствует развитию некого искусственного языка, который снижает культуру общения. Общаясь в социальных сетях, мы часто игнорируем синтаксис и пунктуацию, не обращаем внимания на опечатки (даже если и видим их), максимально задействуем всевозможные сокращения и т.д.

В наиболее концентрированном виде всё это отражает родившийся на просторах глобальной сети так называемый “олбанский” («орфо-арт»), характерными чертами которого являются следующие: употребления русского языка с фонетически почти верным, но умышленно неправильным написанием слов («афтар» вместо «автор», «нравицца» вместо «нравится» и т.п.), написание в конце слов шумных звонких согласных, которые в произношении невозможны (“язык” вместо “язык”, “привед” вместо “привет” и др.), частое употребление ненормативной лексики и многое другое. Вот как примерно выглядит общение в социальных сетях:

– Хай
– Прив
– Как настрой7
– Норм, че как сам7
–Тож
–Че мутишь7
– Ничё
– Ммм… я тож.
– Мож погуляем седня7
– Ок в 10
– Гуд

Очевидно, здесь мы имеем дело не столько с неграмотностью, сколько с намеренной антинормой – писать как угодно, лишь бы неправильно. Однако антинорма производна от нормы, которую пишущий, следовательно, знает и намеренно с ней таким образом «играет». А в игре вроде бы ничего страшного и нет. Наиграется – и надоест… Однако это и так, и не так одновременно, ведь в сетевом общении хватает и действительно безграмотных людей (даже если их и меньшая часть), и их безграмотность попросту «исчезает», нивелируется, никем не осуждается и тем самым принимается за норму... В оценке этого явления и его возможных последствий мы в целом солидарны с известным лингвистом М. Кронгаузом: «Мода на «язык падонков», *превед* и

подобные клише связана с их новизной. По существу, каждое очередное употребление эту новизну, а следовательно – игру, остроумие и веселость стирает, а точнее говоря, превращает в банальность. Это судьба любого речевого клише. Мне кажется, что особых перспектив развития у этой лингвистической игры нет, уже сейчас набор выражений застыл, и новые появляются достаточно редко. С другой стороны, нет оснований считать, что все эти слова вот-вот исчезнут. Речевые клише могут существовать очень долго, хотя, как я уже и сказал, теряют большую часть своей энергии. Короче говоря, долгие лета *медведу, преведу* и иже с ними! И пусть они напоминают нам о лингвистических играх раннего периода развития интернета» [Кронгауз 2008].

Своеобразие языка интернет-коммуникации проявляется на разных уровнях – от фонетико-просодического до тексто-дискурсивного. Но ярче всего языковые инновации проявлены на лексико-фразеологическом уровне, где можно фиксировать сотни (а может быть, и тысячи) инноваций: лексических, семантических, фразеологических. Семантические новации: *мышь* (компьютерный манипулятор), *собака* (@ – знак-разделитель в адресе электронной почты), *паутина* (Интернет), *сеть* (Интернет), *страница* (веб-страница), *ящик* (адрес электронной почты), *друзья* (партнёры по интернет-переписке в социальных сетях) и пр. Лексические инновации: *зафрендить(ся), спам, спамер, смамить, флэйм, забанить, маякнуть, коннект, апгрейд, провайдер, кликнуть, хакнуть, банить, флудить, офлайновый, лайк, лайкнуть* и мн. др. Неофраземы: *добавить в друзья, удалить из друзей, друзья друзей, найти новых друзей, все друзья, друзья онлайн, заявки в друзья, поиск друзей, закрыть профиль, добавить в избранное, рабочий стол, редактировать фото, отметить друзей, добавить ссылку, добавить статус, изменить статус, послать глухаря, давить клаву, давить батоны* и пр. Сетевой этикет: *Доброго времени суток! Спс! Спокночи! До связи! Дорогие форумчане! Уважаемые пользователи!* и т.п. [Кураш 2013; Кураш 2017].

Таким образом, интернет и интернет-коммуникация – феномен не только высокозначимый социально, но также перспективный в плане дальнейших лингвистических исследований. Что касается последствий «интернетизации» самого русского языка и прогноза на его жизнестойкость, то, учитывая многие обстоятельства и зная его историю (на отдельных этапах которой русской язык испытывал самые разные потрясения, начиная от эпохи Петра I и заканчивая эпохой преобразований рубежа XX–XXI вв.), мы присоединяемся к мнению тех учёных, которые настроены в целом оптимистично, а во влиянии глобальной сети на состояние языка замечают не только негативные, но и позитивные моменты.

Что же касается речевой культуры современного носителя языка, в особенности активного пользователя соцсетей, по отношению к ко-

торому имеется обоснованное беспокойство за уровень его грамотности, то бороться с модой (а сетевой «орфо-арт» не что иное как мода, да к тому же, скорее всего, уже уходящая), как известно, – занятие малоэффективное и малоперспективное. Поэтому педагогически оправданным считаем предложение молодому поколению альтернативы, строя обучение на подлинных образцах письменной и устной речи.

Библиографический список

1. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Языки славянских культур, 2008.

2. Кураш, С. Б. Современная электронная коммуникация как объект языковой рефлексии / С. Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя І. П. Шамякіна. – 2013. – № 4 (41). – С. 135–140.

3. Кураш, С. Б. Феномен интернета в языковом зеркале эпохи / С. Б. Кураш, Е. Струков // Язык как зеркало эпохи: к 100-летию революций в России : сб. науч. ст.; отв. ред. В. И. Коваль – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 106–111.

4. Трофимова, Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. – М. : Изд-во РУДН, 2004.

С. Б. Козинец
(*г. Саратов, Россия*)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ЯЗЫКЕ СМИ: ОТ СМЫСЛА К БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются производные слова, образованные окказиональным способом. Окказионализмы анализируются прежде всего с точки зрения их основной функции – языковой игры. Анализ огромного массива материала позволяет сделать вывод, что в последнее время большое число подобных производных создается исключительно ради игровой функции, смысловой аспект при этом отходит на второй план или вовсе является необязательным.

Ключевые слова: окказионализм, окказиональные способы, словообразовательная игра, оценочность, публицистический стиль.

Об игровой функции словообразования, как и о языковой игре вообще, пишут достаточно давно и много. Под языковой игрой при этом понимают такое употребление языковых единиц, которое «обычно носит характер остроты, балагурства, каламбура, шутки и т.д.» [Санников 2002: 128].

Словообразование, по-видимому, обладает весьма большими возможностями для языковой игры. Обыгрываются элементы слова, создаются новые слова и способы словообразования.

Игра – это средство экспрессии, воздействия на читателя, следовательно она должна нести не только эмоциональную, но и смысловую нагрузку: слово потому и воздействует, что *понятно* читателю. Оценить языковую игру, считать замысел автора можно только в том случае, если читатель понимает, что с ним «играю» и в чём собственно проявляется эта игра, для чего она.

Языковеды обратили внимание на то, что одним из распространённых видов словообразовательной игры являются окказионализмы, созданные по неузуальным способам словопроизводства: контаминация, междусловное наложение, графодеривация [Земская 1992; Ильясова 2009; Попова 2011]. Разного рода «гибридные слова» [Крыжановский 1978] позволяют, в силу особенностей, совмещать в слове два (иногда три) смысла, отсылая к различным – знакомым для читателя – ситуациям. Поэтому подобные окказионализмы почти всегда прецедентны.

Рассмотрим примеры.

Существительное *дрёмтеатр* совмещает в себе значения слов *театр* и *дрёма* (др/а/мтеатр + дрём/а), т.е. очень скучный театр: *Сквозняки его песен – пикантны, / эпикантус его – элегантен, / **дрёмтеатр** – не то что вакантен, / он – дремотен, он – радужный джаз* (З. Сарсадских, Dreamwork).

В слове *эрудитяко* (эрудит + дитятко) первый компонент выступает определением к наименованию лица – ʻдитятко-эрудитʼ: *Тычет в книжку пальчик / Умный понимальчик. / Умиляется народ – / **Эрудитятко** растёт!* (http://shaov.net/forum/viewtopic.php?f=10&t=1293&start=60).

Ироничная самохарактеристика содержится в окказионализме филолух (филол/ог + олух): – *Как **филолух** заявляю! Мои филологические изыскания, которые я проводил целых полчаса, произведут, не побоюсь этого слова, переворот в педагогической науке*. (http://blog. fontanka.ru /posts/44101).

Некоторые окказионализмы можно развернуть в целый текст, выражающий какую-либо концепцию автора. Так, сближение слов *история* и *Тора* высвечивает важнейшую проблему исторической науки – достоверности источников: *Всегда, говоря о начале Руси нам подсовывают «Летописец» Нестора. Но это, скорее, **ИзТОРЫя**, чем ИСТРОЯ. Узнавать прошлое своей страны по нестеровскому «Летописцу» – это всё равно что изучать Отечественную войну по американским боевикам!* (http://myrusskie.ucoz. ru/index/iskonnaja_vera/0-9).

Безусловно, подобные образования обладают яркой выразительностью, поэтому они так широко используются в газетно-публицистическом стиле. Совмещение двух слов в одном приводит к созданию новых смыслов, вскрывающих теневые, негативные стороны различных явлений: *Когда власть оказывается в тупике, она начинает ставить перед обществом **лживотрепещущие*** (лжив/ый + животрепещущий)

вопросы. Не было на исходе 20-го века в России более ***лживотрепещущей*** *темы, чем государственный гимн и символика.* (http://subscribe.ru/archive/ linguistics.lexicon/200505/30191423.html). Как видим, «животрепещущими» многие вопросы оказываются только на поверхности и основная их цель – отвести глаза от реальных проблем.

Приведённые выше окказионализмы – примеры достаточно остроумной беззлобной словообразовательной игры. Однако далеко не всегда игра является безобидной. Иногда смысловая сторона затушёвывается, а на первый план выдвигается оценочность, подчас негативная:

По утверждению Николая Семеновича Лескова, в девятнадцатом веке русский ***самоуродок*** (самородок + урод) *Левша со товарищи одной левой подковал на подковы аглицкую нимфозорию* (Стефанович, Замечательное чтение). Пытаясь соревноваться с Лесковым в переиначивании слов, автор, видимо, забыл, что у того словесные искажения обусловлены особенностями жанра – сказа, где, как известно, в роли рассказчика выступает не очень грамотный «человек из народа». Заметим, что сказитель у Лескова никогда не опускался до оскорблений.

Впрочем, некоторым снижено-грубым образованиям не откажешь в остроумии: *Ездить на обычном автомате – это* ***анахренизм*** (анахр/о/низм + а на хрена), *если вы не обладатель современного авто бизнес или спорт класса, где автоматы заслуживают уважения*. (http://www.egyptrealty.ru).

Негативная оценочность иногда неотделима от прямого оскорбления, в этом случае в слове совмещается наименование лица и той характеристики, которая ему приписывается: *Молодец Свержин. Понимаю, конечно, что про Харьков, но на самом деле, у нас тоже своих* ***недомэрков*** (недомерок + мэр) *хватает. Увы*. http://kat-bilbo. livejournal.com/904538.html); *Все попытки связаться с банком безуспешны: или все операторы заняты, или* ***секретварь*** (секретарь + тварь) Алина бросает трубку. (http://www.urist.in. ua/archive/index.php/t-15312.html).

Инвективы при этом выражают *личное* отношение пишущего, хотя читателя как бы призывают присоединится к оценке. Например, недовольство игрой футбольной команды «Локомотив» дало повод журналисту отозваться о ней в оскорбительном тоне: *В этом сезоне* ***«Лохомотив»*** (Локомотив + лох) *ни один клуб из десятки не выиграл дома*. (http://rutracker.org/forum/viewtopic).

Самое грубое отступление от этических норм происходит, когда окказиональное слово описывает конкретное лицо или явление, связанное с этим лицом. Обычно речевая агрессия направлена на известного человека – политика, ученого, представителя шоу-бизнеса: *димабиланизм* (Дима Билан + дебилизм): ***Димабиланизм*** *с вытекающими последствиями*. (http://users.livejournal. com/santa_/ 92426.html). Конеч-

но, в слове фонетически не вычленяется такой элемент, как *дебилизм*, но он достаточно четко просвечивает сквозь дериват: слишком явная звуковая ассоциация.

Правда, и сами журналисты стали объектом оценки. Так, уничижительное отношение к представителям этой профессии выражено окказионализмом *журнаглист* (журналист + глист): *Убийства. Аварии. Изнасилования. ЧП. Пожары. Техногенные и природные катастрофы. Это основные блюда, которые вы, неуважаемые* ***журнаглисты*** *из телевизора, подавали народу, тщательно разжёвывая, ежедневно и еженощно*. (http://durdom.in.ua/ru/main/ article/article_id/20210.phtml).

Употребление многих окказионализмов, отсылающих читателя к грубой лексике, часто находится явно на грани фола, если не заходят за эту грань: *Лица нетрадиционной ориентации в армии – какой простор для военного строительства!* ***Пидороты*** *можно сводить в гейбаты, а там и до «Голубой дивизии» недалеко…* («Аргументы и Факты», 23.09.2014); *Великий* ***«федераст»*** *Луганска бросил родной край и спасает свою шкуру в Киеве*. (http://obkom.net.ua/news/2014-08-10/1424. shtml). Первая мысль, которая приходит в голову: а можно ли было обойтись без них? Ответ напрашивается утвердительный.

Нередко контаминанты выносятся в заголовок, задавая оценочность (в основном, негативную) всему тексту: *«****По-бомжески»*** (побожески + бомж). *Помочь бомжам с работой и жильём, пусть и временным, пытается горотдел занятости и социальных программ Уральска. Вчера завершилась акция по учёту лиц без определенного места жительства*. (http://internet.bibo.kz/439132-po-bomzheski.html); *«Русская* ***простиТурция****»* (проституция + Турция). *В чем причина «туркомании», охватившей, кажется, все половозрелое женское население России, попытался понять корреспондент «АиФ», смело окунувшись в пучину «турецкого разврата» – город Кемер*. («Аргументы и Факты», 05.10.2005); *«****Топорнография****.* (топорный + порнография). *Определен федеральный список экстремистских материалов».* («Российская газета», 14.07.2007).

Желание «играть в слова», когда игра делается ради игры, а не для выражения смыслов, пусть и оценочных, нередко приводит к созданию слов, в общем, пустых, бессодержательных (перефразируя слова классика, – пустячной прелести пустячный образец), не обременённых хоть какой-то смысловой нагрузкой: *А потом при* ***фарш-мажорных*** (форс-мажорный + фарш). *обстоятельствах, когда в его угловой и температура упала до двух градусов, срочно выругался и свинтил из дому ночевать на вокзал*. (Стефанович, Замечательное чтение); *Лучезарный* ***Самоварвар*** (самовар + варвар) *подвергнут духовному очищению, а его плоть умерщвлена. Во славу твою, Воскрешающая!* (http://godville.net/gods/Ksinda); *О чём это Вы, заговорщицки, шепта-*

лись с ***портвейнгеноссе*** (портвейн + партайгеноссе) *Борманом??? Ась??* (http://otvet.mail.ru/question/90780210).

Некоторые окказионализмы вызывают определённые ассоциации, но, не подкреплённые соответствующим контекстом, вызывают скорее недоумение, а не удовольствие от удачной находки: *«Новый великий* ***воШьдь*** (во/ж/дь + вошь) *Северной Кореи». Государственное Центральное телеграфное агентство Кореи назвало Ким Чен Ына, младшего сына скончавшегося лидера КНДР Ким Чен Ира, «великим наследником».* (http://svartroner.livejournal.com/162992.html?thread=695728). Совершенно непонятна отсылка к слову *вошь*, имеющему уничижительную коннотацию в русском языке: ни заголовок, ни текст не раскрывают необходимости использования этого контаминанта.

Появилось даже несколько произведений, написанных, как мне кажется, исключительно для словообразовательной игры [Стефанович; Марк]. Но это не утончённая игра Льюиса Кэррола, это достаточно тяжеловесные тексты, где за обилием окказионализмов не видишь цели и смысла.

На мой взгляд, такая игра ради игры во многом обесценивает истинные словесные находки, превращая «праздник языка» в обыденность, переводя подобные окказионализмы из разряда средств выразительности в способ показать своё остроумие (часто весьма сомнительного толка).

Конечно, публицистика, особенно газетная, не художественная литература, тексты в рамках этого стиля создаются достаточно быстро, у журналиста (и публициста) нет возможности долго сидеть над текстами и перебирать «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». И, тем не менее, остается открытым вопрос: публицистика в большей мере *отражает* состояние современного языка или *влияет* на его развитие? Если процесс взаимообратный, то на журналистах, публицистах лежит большая ответственность: ведь именно они, получается, во многом формируют языковые вкусы читателей.

Библиографический список

1. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М., 2007. – 224 с.

2. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М., 2009. – 296 с.

4. Козинец, С. Б. Словарь окказионализмов русского языка. Междусловное наложение. Контаминация. Графодеривация / С. Б. Козинец. – Саратов, 2017. – 167 с.

3. Крыжановский, Л. Н. Слова-«гибриды» / Крыжановский Л. Н. // Русская речь. – 1978. – № 5. – С. 66–69.

4. Марк, Г. Краткий Путеводитель по Глаголандии / Г. Марк. – URL: http://grigomark.tripod.com/Putevoditel_po_Glagolandi_1.pdf

5. Попова, Т. В. Графиксация как новое явление в языке и научной когниции / Т. В. Попова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). Филология. Искусствоведение. – Вып. 57. – С. 160–163.

6. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

7. Стефанович, Э. А. Замечательное чтение : сб. иронический эссе в прозе и стихах / Э. А. Стефанович. – URL: http://lit.lib.ru/s/stefanowich_e_a/

Т. А. Кохно
(г. Мозырь, Беларусь)

РЭКЛАМНЫ ВОБЛІК г. МАЗЫРА

Аннотация. Рассматривается использование языковых средств в эргонимии белорусского города Мозыря, проводится классификация и характеристика материала исследования, предлагается его осмысление с лингвокультурологической точки зрения, а также процессов, наблюдаемых в языке города наших дней. Материалом для исследования послужили рекламные объекты: плакаты, вывески, указатели и др.

Ключавыя словы: гарадскі экстэр’ер, нацыянальны воблік, урбананімія, эргонімы, рэклама.

Ва ўспрыманні гарадскога экстэр'ера не меншую ролю, чым архітэктурны або мастацкі фон, адыгрывае яго рэкламны і моўны воблік. Гэта не толькі "жывое" маўленне з рэпрадуктараў чыгуначных вакзалаў і гарадскога транспарту. У вялікай ступені гэта – інфармацыя на розных мовах з назваў, указальнікаў, плакатаў, рэклам і інш. Пра ўнутрыгарадскія назвы г. Мазыра пісалі даследчыкі А. Р. Бобр, В. Герасімаў, Н. Канопліч, В. В. Шур і інш. У прэсе ёсць публікацыі, у якіх закранаюцца пытанні выкарыстання інфармацыі ў рэкламных плакатах, унутрыгарадскіх назвах самых розных аб’ектаў, устаноў, пунктаў прыпынку транспарту і інш. Так, у газеце “Звязда” раней быў надрукаваны артыкул “Моўны воблік сталіцы”, у якім доктар філалагічных навук, прафесар БДУ Вячаслаў Рагойша звяртаў увагу на вялікі недахоп выкарыстання беларускіх назваў у рэкламным выглядзе Мінска. Аднак гэтая праблема закранае не толькі Мінск ці Мазыр, але і іншыя гарады і краіны. Падобныя даследаванні актыўна праводзяцца даследчыкамі ў розных гарадах Расіі. Праблема зразумелых рэкламных назваў становіцца вельмі актуальнай у век інфарматызацыі.

Назіранні і падлікі рабіліся намі на падставе галоўных рэкламных і іншых інфармацыйных надпісаў вуліцы Савецкай у Мазыры, якія называюць розныя юрыдычна зафіксаваныя ўстановы і арганізацыі, рэкламныя надпісы, дарожныя ўказальнікі, прыпынкі. Вуліца Савецкая, вядомая ў гістарычным развіцці горада спачатку як Слуцкая, а пасля

Кіеўская, – адна з галоўных магістраляў горада, праходзіць праз плошчу Леніна, уздоўж ракі Прыпяць; яе даўжыня каля 5 кіламетраў. На ёй засведчана 109 разнастайных эргонімаў – назваў арганізацый, прыпынкаў, магазінаў і інш. Гэта назвы:

1. Муніцыпальных установ: *“ЗАГС”, “Мозырский районный отдел”, “Общественная приёмная Мозырской районной организации РОО «Белая Русь»”, “Производственный кооператив «Институт Мозырьсельстройпроект» / Вытворчы кааператыў «Інстытут Мазырсельбудпраект»”, “Управление по труду, занятости и социальной защите”, “Управление по труду, занятости и социальной защите Мозырского райисполкома”, филиал «Нижнеприпятский»* – **усяго 7 назваў.**

2. Цэнтраў адукацыі і культуры: *“Велобаза”, “Выставочный зал”, “Гребная база”, “Дзіцячая бібліятэка імя В. З. Харужай”, книжный магазин “СВЕТАЧ”* – **усяго 5 назваў.**

3. Установ аховы здароўя: *“Аптека”, “Аптека «Планета здоровья»” “Медицинский центр «Профздравмед»”, “Поликлиника № 2”, учреждение «Мозырская городская стоматологическая поликлиника»* – **усяго 5 назваў.**

4. Прадпрыемстваў: *“ЗАО Мозырьлес”, “Коммунальное жилищное унитарное предприятие «Мозырский райжилкомхоз»”, “Піваварны завод”* – **усяго 3 назвы.**

5. Фінансавых цэнтраў: *“Беларусбанк”, “Белгазпромбанк «Энергия твоего будущего»” “Белросстрах”, “ЗАСО Imkliva insurance”, “Страхование жизни и дополнительной пенсии СТРАВИТА”, “Экспресс-кредиты”* – **усяго 6 назваў**.

6. Магазінаў харчовых тавараў: *“Бакалейные товары”, “Дары от Зари – З”, “Евроопт мини”, “Кулинария”, магазин “Евроопт”, “Магазин № 6”, “Продукты”* – **усяго 7 назваў.**

7. Магазінаў адзення і абутку: *крама дзіцячага адзення “БАНАНА”, магазин детских товаров “Мой малыш”, магазин женской одежды “Элема”, “МАРУСЯ”, “Одежда из Европы”, одежда “SELA”, салон обуви “MEGATOP”, “Твоё”, “Твоё бельё SERGE, MILAVITSA, CONTE”, “Центр-обувь”, “Kari”, “Mark Formelle”, “Tom Farr” і інш.* – **усяго 16 назваў.**

8. Магазінаў і цэнтраў жывёльнага і раслiннага свету: *“Ветеринарный кабинет «Оберег»”, “Зоомагазин”, “Зоотовары «Royal Canin»”, “Рыболовный магазин”, товары для сада и огорода “Магазин УДачный”, “Цветы”* – **усяго 6 назваў.**

9. Цырульняў і магазінаў касметыкі: *“Мужские стрижки”, парикмахерская “Код красоты”, парикмахерская “Красивые люди”, профессиональная косметика для волос “Магазин «Бьюти»”, “Фаберлик / Faberlic”, “Мила”* – **усяго 6 назваў.**

10. Інтэрнэт-цэнтраў, магазінаў сувязі і тэхнікі: *интернет-магазин “WBR.BY / Вайлдберриз”, салон связи и цифровой техники “АЛЛО”, “салон связи “МТС”, “Техноград”, “Velcom”* – **усяго 5 назваў.**

11. Турыстычных агенстваў: *“Евросеть «Империя путешествий»”, “Туристическое агенство”, туристическое агенство “АКС”, “Туристическое агенство ЮМА «Стиль»”, “Филиал Мозырское бюро путешествий и экскурсий”* – **усяго 5 назваў**.

12. Ювелірных крам: *ювелірная крама “СЛАВІЯ”, ювелирторг “САПФИР”, “ZIKO”* – **усяго 3 назвы**.

13. Магазінаў мэблі і будаўніцтва: *“7 красок”, “Инструменты”, магазин гардинных изделий “Стужка”, “Салон кухни”, салон штор “Эльдекор”, “Торговый дом «Молодечномебель»”* – **усяго 6 назваў.**

14. Універсальных магазінаў: *“Галерея”, “Дом торговли «Мозырь»”, торговый центр “Башня”* – **усяго 3 назвы**.

15. Рэлігійных устаноў: *“Приход храма Святителя Николая Чудотворца”* – **усяго 1 назва.**

16. Устаноў гандлю і бытавога абслугоўвання: *“Гомельабласюздрук”, гостиница «Припять», детские игрушки “Капитошка”, “Канцтовары”, “Культтовары”, “Магазин автомасел”, “Магазин ритуальных услуг”, “СТО: Заправка кондиционеров, экспресс-замена масла / Shell”, “Фотолюкс”* – **усяго 9 назваў.**

17. Рэстаранаў, кафэ, бараў: *“Кимборовка”, “Коко’С”, “Корица”, кофейня “Хуторок”, “Три пескаря”* – **усяго 5 назваў.**

18. Месцаў правядзення вольнага часу (клубы, ігравыя цэнтры, дзіцячыя пляцоўкі): *“Парк Победа”, “Сити Центр”, “Сказка”, “ТИР”, “Namber One”* – **усяго 5 назваў.**

19. Указальнікаў прыпынкаў: *“Пивзавод”, “Поворот на ул. Языковича”, “пл. Горького”, “пл. Ленина”, “пл. Примостовая”, “Проектный институт”, “Райжилкомхоз”* – **усяго 7 назваў.**

Рэкламныя назвы на вуліцы Савецкай у цэлым выконваюць сваё прызначэнне і ідэнтыфікуючую функцыю. Яны прама або ўскосна адпавядаюць характару ўстаноў і арганізацый: *“ЗАО Мозырьлес”, Учреждение «Мозырская городская стоматологическая поликлиника», “Дзіцячая бібліятэка імя В.З. Харужай”, “Беларусбанк”, магазин “Евроопт”, “Ветеринарный кабинет «Оберег»”, “Велобаза”, “Продукты”, “Торговый дом «Молодечномебель»”, “Три пескаря”* і інш. Большасць шыльдаў названых устаноў не ўтрымлівае вобразнага кампанента, вызначаецца адназначнасцю: *“Коммунальное жилищное унитарное предприятие «Мозырский райжилкомхоз»”, “Управление по труду, занятости и социальой защите Мозырского райисполкома”, “Общественная приёмная Мозырской районной организации РОО «Белая Русь»”, “Мозырский районный отдел”* і інш. А ва ўрбанонімах,

якія не адносяцца да муніцыпальных устаноў, пераважаюць уласныя вобразныя назвы з адпаведнымі ўдакладненнямі: *ювелірторг "САПФИР", парикмахерская "Красивые люди", крама дзіцячага адзення "БАНАНА", кофейня "Хуторок"* і інш. Яны, аформленыя вялікімі літарамі, па-мастацку, з падсветкай, вызначаюць лінгвістычны, мастацкі і нацыянальны воблік горада. Аднак нацыянальны воблік горада вызначыць па шыльдах і рэкламных надпісах не з'яўляецца магчымым. Сутнасць большасці вобразных назваў выяўляецца ў падназвах на рускай (пераважна) або беларускай (рэдка) мовах. (УДачный – товары для сада и огорода; ОБЕРЕГ – ветеринарный кабинет; СВЕТАЧ – книжный магазин; ЭЛЬДЕКОР – салон штор; БАНАНА – крама дзіцячага адзення). Сэнс уласных назваў на англійскай мове раскрываецца ў падназвах выключна на рускай мове (ROYAL CANIN – зоотовары; WBR.BY – интернет-магазин; ZIKO – ювелирный магазин; MEGATOP – салон обуви).

Большасць назваў адпавядае іх прызначэнню. Аднак ёсць і такія, якія можа зразумець толькі частка сучаснай моладзі, а для старэйшага пакалення, вядома, гэтыя назвы нічога не гавораць і гучаць вельмі абстрактна. Сярод іх – англамоўныя (Imkliva insurance; SERGE; MARK FORMELLE; KARI; Velcom; TomFarr; SELA), а таксама напісаныя па-руску замежныя назвы, словы-наватворы, абрэвіятуры: *магазін «ФАБЕРЛИК»; інтэрнэт-магазін «ВАЙЛДБЕРРИЗ»; магазін адзення «ЭЛЕМА».* Мала таго, што падобныя назвы нацыянальна не маркіруюць ні гарадскую вуліцу, ні Мазыр увогуле, яны не адыгрываюць цалкам і сваёй рэкламнай ролі. Наогул, заўважаецца яўнае ігнараванне арыгінальных беларускіх назваў. Яны ёсць, але іх вельмі мала: *"Магазин гардинных изделий «СТУЖКА»"; "Книжный магазин «СВЕТАЧ»"; "ДЗІЦЯЧАЯ БІБЛІЯТЭКА"; "ПІВАВАРНЫ ЗАВОД"; "ювелірная крама «СЛАВІЯ»".*

У назваслоўі Мазыра яўна недастаткова выкарыстоўваецца беларуская мова. Так, на вуліцы Савецкай пераважаюць рускія найменні, якіх усяго 85, або 78 % ад агульнай колькасці. Сярод аднамоўных назваў беларускамоўных менш за іншыя: 6 назваў, або 5,5 %. Па гэтым паказчыку беларуская мова ўступае замежнай англійскай: 7 назваў, або 6,4 %. Сярод дзвюхмоўных пануюць руска-англійскія – 8 назваў, якія складаюць 7,3 %. Як і з аднамоўнымі беларускімі назвамі, двухмоўныя надпісы з выкарыстаннем слоў рускай і беларускай мовы складаюць усяго 2,8 % – такіх назваў толькі 3 з усіх груп.

Асобна трэба адзначыць мову надпісаў на прыпынках. На ўсіх таблічках прыпынкаў вуліцы Савецкай выкарыстана выключна руская мова. Гэта не з лепшага боку характарызуе рэкламны воблік тыповага беларускага горада. *"Поворот на ул. Языковича", "Райжилкомхоз", "пл. Примостовая", "пл. Ленина", "пл. Горького", "Пивзавод", "Проектный институт"* – усе гэтыя назвы амаль аднолькава гучаць на

рускай і на беларускай мовах, і пры напісанні па-беларуску мелі б адметны беларускі каларыт: *“Паварот на вул. Языковіча”*, *“Райжылкамгас”*, *“пл. Прымаставая”*, *“пл. Леніна”*, *“пл. Горкага”*, *“Піўзавод”*, *“Праектны інстытут”*.

Сёння беларускіх назваў стала менш. Улічваючы тое, што ў многіх выпадках беларускія назвы ад рускіх у напісанні адрозніваюцца толькі адной-дзвюма літарамі, лёгка было б змяніць некаторыя, каб яны заставаліся зразумелымі ўсім. Напрыклад, такія, як *“Аптека”* → *“Аптэка”*, *“Кулинария”* → *“Кулінарыя”*, *кофейня “Хуторок”* → *кафейня “Хутарок”*, *“Парк Победа”* → *“Парк Перамога”*, *“Сказка”* → *“Казка”* і інш. Іх лёгка можа зразумець нават рускамоўны чалавек, які ніколі не чуў беларускую мову, не быў у беларускіх паселішчах.

Библиографический список

1. Рагойша, В. Моўны воблік сталіцы / В. Рагойша // Звязда. – 2005. – 9 крас.

2. Язык современного провинциального города: лингвокультурологическое исследование (на материале города Пензы) : монография / Г. И. Канакина, И. Г. Родионова, Л. Б. Гурьянова, М. Г. Луннова ; под ред. Г. И. Канакиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – 280 с.

Н. И. Мартирян
(г. Ереван, Армения)

РЕКЛАМА И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Аннотация. Представлены сущность гендерных стереотипов и особенности их демонстрации в рекламном сообщении. Показаны популярные среди молодежи и среднего возраста образы мужчин и женщин, проанализированы особенности восприятия этих образов, осмысление гендерных взаимоотношений в обществе и построение эффективной и результативной маркетинговой стратегии.

Ключевые слова: реклама, гендер, стереотипы, мужские и женские образы.

Реклама, ставшая неотъемлемой частью современного мира, из-за постоянного визуального и аудиального присутствия в нашей жизни обладает способностью оказывать сильное влияние на формирование общественного мнения.

В любой рекламе отражается своеобразие национально-специфической картины мира. Доминирующие ментальные установки, характерные для определенных культурно-исторических условий, имеют яркое выражение в рекламе, которая, являясь зеркалом, отображающим все социальные процессы, происходящие в обществе, оказывает, в свою очередь, обратное влияние на мировоззренческие установки данного социума.

Как совершенно справедливо отмечает Е. П. Гаран: «Роль рекламы состоит отнюдь не только в продвижении товаров на рынке и стимулировании покупок, она оказывается чрезвычайно значимой для формирования образа жизни и мировоззрения. Поскольку основная мысль рекламного послания, обращающего внимание на создание привлекательного образа адресата («таким вы можете стать только благодаря рекламируемому товару'»), есть возможность на рекламном материале проследить особенности современных предпочтений во многих жизненных сферах...» [Гаран 2009: http://].

Влияние рекламы как на образ и стиль жизни, так и на культуру в целом сегодня никем не оспаривается: отражая современный образ жизни, она и в то же время формирует его. Рекламная коммуникация как социальное явление выполняет, помимо чисто экономической, маркетинговой, еще несколько функций. Важнейшая из них – социализация: реклама внедряет в сознание человека знания и представления о нормах, стереотипах, ценностях, моделях поведения, существующих как в обществе в целом, так и в отдельных сообществах, то есть осуществляет своеобразную адаптацию человека к существующему социальному миру и одновременно «оказывает сильное влияние на социальное поведение людей, конструируя субъективный мир человека» [Семкина 2009: http://].], в том числе и закрепление стереотипов.

Выделяют различные виды стереотипов, например: групповые, профессиональные, этнические, возрастные, гендерные и т.д. Стереотипы достаточно жестко «встроены» в систему социально-культурных ценностей, являясь ее составной частью. Однако надо отметить, что в основе стереотипов не обязательно лежат сущностные признаки того или иного явления, а скорее определенные убеждения и привычные знания людей относительно качеств и черт характера других индивидов, событий, явлений, вещей. По этой причине стереотипы существуют и широко используются людьми. Стереотип, выполняя функцию программы поведения, не только выражает статистически среднее мнение, но также одновременно задает норму, предельно упрощенный или усредненный образец социально одобряемого, социально допустимого или социально неодобряемого, социально недопустимого поведения. В целом стереотипы, являясь составной частью культуры и играя значимую роль в защите социальных ценностей группы, характеризуются эмоциональностью, экспрессивностью и высокой степенью устойчивости.

Любая лингвокультура владеет определенным набором вербальных (и невербальных) средств, характеризующих мужчин и женщин, и в каждом отдельно взятом обществе они имеют специфический, культурно-традиционный характер. «Под гендерным концептом мы понимаем такое понятийно-смысловое образование в сознании членов со-

циума, в котором отражено и зафиксировано с помощью гетерогенных вербальных средств этноспецифическое представление и знание о мужчине и женщине как об индивидах, характеризующихся чёткими различиями их социально-культурного статуса, норм поведения и ролей, выполняемых в обществе» [Волошина 2010: 14]. Национальное гендерное сознание конструируется при помощи социальных и культурных стереотипов, и эти стереотипы закрепляются в массовом сознании при активном содействии социальных институтов, искусства, литературы, средств массовой информации, а также рекламы.

Гендерные стереотипы – это распространенное, общепринятое мнение о свойствах и характеристиках, которыми обладают или должны обладать женщины и мужчины, а также о ролях, которые они выполняют или должны выполнять. Поскольку оппозиция мужское – женское входит в число древнейших культурных бинарных пар, эти концепты присутствуют в ментальном пространстве каждой нации. Формирование гендерных стереотипов подразумевает традицию приписывать женщинам и мужчинам конкретные свойства, качества или роли только лишь на основании их принадлежности к социальной группе женщин или мужчин. Согласно адептам теории социальных ролей, гендерные стереотипы возникают как следствие существования гендерных ролей – социальных ожиданий, предписывающих человеку определённое поведение в зависимости от его гендерной принадлежности. «Гендерные стереотипы – это внутренние установки в отношении места мужчины и женщины в обществе, их функций и социальных задач. Особенность стереотипов такова, что они настолько прочно проникают в подсознание, что их очень трудно не только преодолеть, но и осознать вообще» [Надолинская 2007: 77].

Как и все социальные явления, гендерные стереотипы весьма устойчивы, хотя и подвержены влиянию из-за изменений в обществе. Стереотипы поддерживаются социальным большинством, поэтому весьма распространены и имеют высокую степень влияния на общество. Гендерные стереотипы являются фиксацией определенных наборов черт, присущих той или иной социальной группе. Поведение как мужчин, так и женщин можно охарактеризовать как негативно, так и позитивно. Гендерные стереотипы отражают взаимодействие и противопоставление двух полярных групп – мужчин и женщин, а также противопоставления внутри каждой из групп.

Современная реклама усиленно пропагандирует несколько основных образов-гендерных стереотипов, которые в целом совпадают и у женского, и у мужского мира и которые, как правило, противопоставлены друг другу. Подобным образом рекламодатели «продают» потребителю общепринятую версию социально-гендерного мира и взаимоотношений в нем.

Для женщин это: образ домохозяйки – образ модели/соблазнительницы – образ бизнес-леди. Первый образ в основном используется в в рекламе бытовой химии, детских товаров, бытовых приборов, лекарств и продуктов питания, а целевой аудиторией являются женщины. Модель/соблазнительница рекламирует парфюмерию, косметику, одежду, алкоголь, машины, а целевая аудиторией являются как мужчины, так и женщины. Бизнес-леди участвует в рекламе косметики, парфюмерии, одежды, продуктов питания, техники и автомобилей, целевая аудитория – женщины.

Для мужчин это: образ семьянина – образ мачо/авантюриста – образ бизнесмена. Мужчина-семьянин рекламирует одежду, бытовую технику, продукты питания, услуги семейного пользования; целевой аудиторией являются женщины и мужчины. Образ мачо/авантюриста используется в рекламе парфюмерии, одежды, косметики для тела, алкоголя. Целевая аудитория – мужчины и женщины. Бизнесмен занят в рекламе элитных вещей, аксессуаров, парфюмерии, машин; целевой аудиторией являются мужчины.

По результатам опроса, проведенного среди армянской молодежи, в частности студентов Ереванского государственного университета, и посвященного мужским и женским образам телевизионной рекламы российского телевидения, можно сказать следующее. Большинство молодых людей и девушек приблизительно в равной степени отдают предпочтение образу мужчины-бизнесмена. Образ мужчины-мачо занимает второе место, при этом больше привлекая девушек. Наименьшей привлекательностью для молодежной группы обладает образ мужчины-семьянина.

Результаты исследования женских образов показали, что большинство молодых людей и девушек в телевизионной рекламе привлекает образ женщины-обольстительницы, так как у девушек возникает желание подражать этому образу, а у молодых людей возникает ассоциация с женским идеалом, которому должна соответствовать их избранница. Образ бизнес-леди у молодых людей обоего пола оказался по привлекательности на втором месте, а женщина-домохозяйка оказалась на последнем месте. Итак, можно сделать вывод, что отношения молодых людей и девушек к женским и мужским образам практически ничем не отличаются.

Среди более старшей возрастной группы несколько иные приоритеты. Большинство респондентов в равной степени отдают опять-таки предпочтение образу мужчины-профессионала. А образы мужчины-мачо и мужчины-семьянина поменялись местами для респодентов обоих полов.

Образ женщины-домохозяйки занял первое место у женщин-респондентов среднего возраста, на втором месте – образ бизнес-леди, а вот образ модели-соблазнительницы отошел на третье место. У муж-

чин данной категории несколько иное восприятие: первое место, как и у молодежной группы, занимает женщина-обольстительница, а вот образ домохозяйки оттеснил образ бизнес-леди на третье место. Как видим, в этой возрастной группе отношения к женским и мужским образам имеют больше отличий.

Как утверждает исследователи, «... на российском телевидении лишь 35 % рекламы адресовано непосредственно женщинам, тогда как ролики с участием женщин занимают около 60 % рекламного потока. Причем объем рекламы, адресованной женщинам, может сокращаться, но использование сексуальности женского образа осталось на прежнем уровне» [Дударева // http://]. Женщина до сих пор, за редким исключением, приобретает основные блага для своего существования за счет мужской самореализации, предлагаемые ей взамен за ее сексуальную привлекательность. При этом можно сделать вывод, что абсолютным лидером в рекламе для респондентов обоих полов и в молодежной, и в средней возрастных группах является образ мужчины-бизнесмена. Следовательно, «... нет ничего надежнее для стереотипного сознания, как хорошая профессия и высокий уровень дохода, благодаря которым мужчина автоматически становится привлекательным, в том числе и сексуально» [Турутина, Тоноян 2010: 58].

Библиографический список

1. Волошина, К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. … канд. фил. наук / Волошина К. С. – Нальчик, 2010.

2. Гаран, Е. П. Лингвокультурологические аспекты интерпретации рекламного дискурса : автореф. дис. … канд. фил. наук / Гаран Е. П. – Ростов н/Д, 2009.

3. Дударева, А. Е. Влияние гендерных стереотипов на подбор актеров в рекламе / А. Е. Дударева. – URL: http://www.advlab.ru/articles/article193.htm

4. Надолинская, Л. Н. Трансформация гендерных отношений: социокультурный анализ / Л. Н. Надолинская. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2007.

5. Семкина, М. В. Использование гендерных стереотипов как прием манипулирования сознанием в телевизионной рекламе : дис. … канд. фил. наук / М. В. Семкина. – М., 2009. – URL: http://www.dissercat.com/content/ispolzovanie-gendernykh-stereotipov-kak-priem-manipulirovaniya-soznaniem-v-televizionnoi-rek#ixzz5R9O8eSCV

6. Турутина, Е. С. Гендерные образы в рекламе: особенности восприятия и репрезентанции / Е. С. Турутина, С. Н. Тоноян // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. – 2010. – URL: https://cyberleninka.ru/

Першина А. В.
(г. Пенза, Россия)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ)

Аннотация. Рассматриваются понятие «аббревиатура» и ее функционирование в СМИ. Выделяются несколько классификаций образования аббревиатур согласно способу образования и их подтипы.

Ключевые слова: аббревиатура, СМИ, пензенские печатные издания, статья.

Проблема аббревиации является одной из самых актуальной в современном языкознании. В диссертациях, научных и научно-популярных статьях рассматриваются лексические, словообразовательные и грамматические особенности аббревиатур. Этому вопросу посвящены работы: Д. И. Алексеева, Н. М. Шанского, Г. В. Рагульской, А. В. Андронова, Е. А. Земской, В. А. Ицковича, М. А. Ярмашевича, Л. Ф. Каховской, Л. А. Шеляховской, В. В. Борисова и др.

Большое количество исследований, опубликованных в последние десятилетия, посвящено аббревиации как одному из ведущих способов словообразования. Тем не менее, в существующей лингвистической литературе нет единого подхода к аббревиации. Необходимо также отметить специфику источника фактического материала. Язык периодической печати интересен, потому что публицистический стиль – довольно своеобразное явление. Для него характерны логичность, стройность, официозность, присущие научному и деловому стилю, и яркая выразительность, свойственная языку художественной литературы и разговорной речи. Этим обусловлено внимание к лексике, используемой на страницах газет.

Анализ аббревиатур на этом материале – достаточно новая область исследования, содержащая множество спорных фактов и явлений. Тем не менее, трудность вопроса вызывает к нему повышенный интерес.

Вопрос об изучении аббревиатур в лингвистики считается спорным. Исследователи выделяют несколько разных точек зрения. Д.И. Алексеев выделяет такие основные разновидности аббревиатур: 1) сложносокращенные слова, слоговые аббревиатуры. В эту группу входят: а) слоговые сокращения (парторг, местком), б) частичносокращенные слова (физкультура, профсоюз), телескопические слова (бионика, ситалл), усечения (спец, зам); 2) инициальные аббревиатуры буквенного подтипа (ЧК, МТС) и звукового подтипа (вуз, ГЭС), или акронимы [Алексеев 1979: 1]. Эта классификация основана на фор-

мальной характеристике сокращенных языковых единиц (количество звукобукв, представляющих каждый из компонентов полного наименования) и, безусловно, является описательной, то есть лишь перечисляет группы слов, объединенных по структурному признаку. При этом в одну группу сведены частичносокращенные слова, один из компонентов которых является полным словом; телескопические слова, состоящие из начала первого и конца второго составляющих полное наименование слов, а также усечения, которые представляют собой сокращение одного единственного слова.

А.Ф, Журавлев выделяет два основных типа сложносокращенных наименований: аббревиатуры (СССР, нэп, МИД, вуз), сложносокращенные наименования разных типов (колхоз, горсовет). Исследователь отграничивает от аббревиации усечения и слова, созданные телескопическим способом, так как различается исходный материал трансформированных единиц: для создания аббревиатуры либо сложносокращенного слова необходимо словосочетание, усечение образуется из одного слова, а слова, включенные в сферу действия телескопического способа, не составляют синтагматической слитности [Земская Е. А: 3]

Таким образом, к вопросу об изучении сложносокращенных слов обращались многие лингвисты. Можно сделать вывод, что все исследования, посвященные сложносокращенным словам и аббревиатурам, условно можно разделить на три группы: 1) работы 20–30-х годов. В этот период начинается изучение структурных типов сокращенных образований, разрабатываются их первые классификации; 2) работы 50–70-х годов. Этот ознаменовался появлением большого количества работ по аббревиации, так как этот способ словообразования становится в русском языке очень продуктивным. В это время изучаются отраслевые аббревиатуры, история перехода графических сокращений в лексические, производятся многочисленные межъязыковые типологические сопоставления аббревиатур и аббревиаций; 3) работы 80–90-х годов закономерно демонстрирует более широкие подходы к изучению аббревиации, поскольку меняется объектная и предметная области лингвистики, появляются новые методы и методики исследования языка [Щерба Л. В.: 6]

В нашем городе выходят в свет много разных газет, среди которых «PRO город», «Пензенская правда» и «Молодой ленинец». Я проанализировала статьи этих печатных изданий, и как оказалось в статьях очень часто используются аббревиатуры. Рассмотрим некоторые из них:

Газета «PRO город» № 38, 14 августа 2018: «В помещении Пермского крайкома КПРФ продолжается бессрочная голодовка рабочих абразивного завода, требующих выплаты просроченной зарплаты. – Голодающим грозят увольнением.»

В газете часто используется аббревиатура КПРФ (Коммунистическая партия Российской Федерации). Газете не дается расшифровка.

Автор статьи учитывает то, что читатели сами знают значение этой аббревиатуры. Также аббревиатура КПРФ часто используется в газетных заголовках. Например, в газете «Пензенская правда» № 31, 18 января дается следующий заголовок: «КПРФ и пустота» в статье про экономическое положение КПРФ.

Нет расшифровки аббревиатуры и в следующем примерах, взятых из статей газеты:

«ООН рассматривал вопрос о приёме новых членов» ОНН – Организация объединённых наций. («Пензенская правда» № 16, 15 ноября 2017 г.)

«ЖКХ в России, в силу объективных причин, никогда не относилось к числу «беспроблемных» отраслей. Зачастую некоторые проблемы просто невозможно было решить в силу технических особенностей и человеческого фактора.» ЖКХ-жилищно-коммунальное хозяйство. («Молодой ленинец» № 18, 20 января 2018 г.).

«Положение о присуждении Сталинских премией за существенный вклад в изучении истории СССР 1920-1950-х гг., экономики СССР в указанный период». СССР – союз советских социалистических республик. («Пензенская правда» № 10, 20 сентября 2016 г.)

Анализ сложносокращенных слов в статьях и в заголовках газеты выявил, что в тексте используются аббревиатуры разного типа:

1. Буквенные аббревиатуры, состоящие из названий начальных букв слов, входящих в исходное словосочетание. Например: «Врачи детского ожогового центра ДГКБ им. Сперанского успешно «выращивают» дополнительную кожу на теле пациента. (Сергей Собянин: «Уникальная операция спасла жизнь ребенка». Наталья Тростьянска //Российская газета, 13.10.2016) (ДГКБ – детская городская клиническая больница); А потом создадим ТСЖ и вообще уйдем от управляющей компании. (Екатерина Сажнева. «Не было печали – капремонт начали» // Пензенская правда. 23.11.2016) (ТСЖ – товарищество собственников жилья).

2. Звуковые аббревиатуры, состоящие из начальных звуков слов исходного словосочетания, т.е. читаемые как обычные слова. Например: «Светлана обращалась к специалистам, делала ЭКО, но результатов это не приносило. («Лечением у знахаря, покалечившего женщину, остался доволен только винокур» // Пензенская правда, 23.11.2016) (ЭКО – Экстракорпоральное оплодотворение); «ВГИК – вообще уникальное учебное заведение, где попадаешь в другой мир.» (Оксана Тарынина. «Надо воспитывать в себе силу» // PRO город, 06.03.2017) (ВГИК – Всероссийский государственный институт кинематографии).

3. Буквенно-звуковые аббревиатуры, состоящие как из названий начальных букв, так и из начальных звуков слов, входящих в исходное словосочетание. Например: «Все спортивные состязания прошли под аккомпанемент выступления художественных коллективов Культурно-

го центра ГУВД Москвы.» (Александр Иванов. «Любимый город может жить спокойно. Доказано на стадионе» // Молодой ленинец, 13.10.2016) (ГУВД – Главное управление внутренних дел); «Экс-тренер ЦСКА завсегдатай на КВН, любит посещать театры, а общение с ним для журналиста или болельщика – сплошное удовольствие» (Александр Покачуев. «Пять оттенков Слуцкого: что ждет ЦСКА после ухода тренера» // Пензенская правда, 09.12-15.12.2016) (ЦСКА-центральный спортивный клуб армии, КВН – клуб веселых и находчивых).

4. Аббревиатуры, состоящие из сочетания начальных частей слов. Например: «Что же касается ноября, то в ближайшее время Мосгортранс представит принципиально новый бесшумный трамвай.» (Анна Гусева. «Козыри дорожной карты. Парковка, светофор и электробус – новинки ноября» // Пензенская правда, 26.10.2016) (Мосгортранс – московский городской транспорт); «В этот раз особенно чувствовался рубежный характер послания президента, – согласен первый зампред ЦК КПРФ Иван Мельников, – Поводились итоги не по одному году, а определенному отрезку» (Елена Егорова. «Послание спокойствия» //PRO город, 02.12-08.12.2016) (ЦК КПРФ – центральный комитет коммунистической партии российской федерации).

5. Аббревиатуры , состоящие из сочетания начальной части слова с целым словом. Например: «На ближайшем заседании комиссии Мосгордумы по культуре и массовым коммуникациям парламентарии обсудят вопрос реализации детских программ в летних лагерях.» («Главные задачи культурного досуга летом» //Пензенская правда, 07.10.2016) (Мосгордума-московская городская дума); «Росприроднадзор сейчас проверяет все 67 российских морских портов, и мы добьемся того, чтобы он смог проводить внеплановые проверки: уже внесли соответствующий законопроект в Госдуму. («Формированием экологической культуры надо заниматься с детства» //Пензенская правда, 09.03.2017).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложносокращенные слова на страницах газеты встречаются очень часто как в текстах, так и в заголовках. В последних аббревиатуры, как правило, не расшифровываются, а вот в самих текстах поясняются по усмотрению автора статьи. Одни могут дать расшифровку сложносокращенного слова, другие не указывают его значения.

В современном газетном тексте употребляется большое количество аббревиатур. Это можно объяснить следующими основными факторами: стремление к стандарту; тенденция к экономии языковых средств; социально-политические и экономические преобразования в обществе. Точность и однозначность аббревиатур, отсутствие образности и экспрессии делает их незаменимым средством номинации, кратким и ёмким одновременно.

Библиографический список

1. Алексеев, Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов / Д. И. Алексеев // Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966.
2. Алексеев, Д. И. Сокращенные слова русского языка / Д. И. Алексеев. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1979.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С Ахманова. – М., 1966. – 607 с.
4. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М. : Высш. шк., 1992. – 220с.
6. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
7. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л., 1974.

Ю. М. Шамина
(г. Пенза, Россия)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ «ГЛЯНЦЕВЫХ» ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ: НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ, ОБУВИ, АКСЕССУАРОВ

Аннотация. Рассматривается проникновение в язык «глянцевых» онлайн-изданий многочисленных заимствований. Языковой анализ статей данных интернет-журналов позволяет определить способы и причины заимствования многочисленных иностранных слов.

Ключевые слова: заимствования, онлайн-издания, «глянец», одежда, обувь, аксессуары, Интернет.

В наше время тема проникновения иностранных слов в русский язык становится весьма актуальной. Можно сказать, что из-за прогрессирующей глобализации языки перемешиваются, процесс заимствования приобретает широкий размах. Использование иностранных слов в разговорной и письменной речи становится не только совершенно привычным, но и повсеместным.

Русский язык всегда был открыт для заимствований, он ориентировался на западную культуру, что вызывало проникновение в него многочисленных заимствований из западноевропейских языков. Как нельзя лучше это явление отражает «модная» сторона общественной жизни.

Поэтому процесс активного пополнения запаса русского языка за счет заимствований можно проследить путем анализа языка «глянцевых» онлайн-изданий. Так как «глянец» всегда следит за тенденциями

во всех сферах общества, все изменения, касающиеся русского языка, находят свое отражение в нем. А без Интернета нельзя представить жизнь современного человека, поэтому интереснее рассмотреть именно онлайн-издания, нежели их печатные варианты. Они наиболее информативны, и именно к онлайн-изданиям в первую очередь обращается современный читатель, так как они являются доступными для всех.

Нами были проанализированы статьи передовых «глянцевых» онлайн-изданий такие, как «FurFur» [2], «Look at me» [3], «Wonderzine» [4], «The Villadge» [5] за 2018 год.

Было выявлено то, что наибольшее количество заимствований представляют собой наименования элементов одежды, обуви и аксессуаров, например:

Тренчкот (англ. trench-окоп+coat – пальто) – плащ, пальто или жакет, по своему покрою напоминающие шинель (с погонами, карманами и т.п.).

Кейп (в переводе с англ. cape – накидка) – верхняя одежда свободного покроя без рукавов.

Кроп-топ (англ. *crop* – короткий + *top* – топ) – этот термин применим не только к элементу летнего женского гардероба. Это и блузы, и свитера, и свитшоты, чья длина заканчивается там, где начинается талия.

Боди (англ. *body* – тело) – современный силуэт или фасон одежды, подчеркивающий фигуру; одежда, не скрывающая фигуру, обычно очень открыта (маечки, платья на тонких бретелях или без них).

Бадлон (англ. *Body* – тело, *long* - длинный) – длинный обтягивающий свитер.

Пуловер (англ. *pull over* – тащить сверху, надевать сверху) – плотно облегающий корпус джемпер без воротника и без застёжек, обычно трикотажный или вязаный.

Блюмерсы (англ.) – гимнастические штаны типа шаровар до колен (главным образом, для девочек); женское трико с резинкой; женские брюки с резинкой у щиколотки Названы по имени американки. А. Блумер, разработавшей в середине 19 в. модель женского брючного костюма.

Смок (англ. *smock* – это украшение оборками) – свободное платье со сборками и складками на груди. Перетяжка на груди делает лиф похожим на бант.

Клоги (англ. *clog* – забивать) – обувь на деревянной подошве, изначально выполняемая вручную из натуральных материалов с открытой пяткой и заклепками в местах закрепления верха и подошвы.

Лоферы (или лоуферы) (от англ. *loafer* – «бездельник») – модель женских или мужских ботинок, созданная в начале 1930-х годов представителями семьи Сполдинг из Нью-Хэмпшира. Модель напоминает мокасины, ноотличаются наличием подошвы с толстым невысоким

каблуком. Характерной чертой классических лоферов являются кожаные кисточки, которые не несут никакой функциональной нагрузки и являются исключительно декоративным элементом.

Монки (англ. *the monks, monkstraps*) – вид обуви, в которой отсутствует шнуровка, но при этом она снабжена одной или двумя пряжками.

Сумки-даффл (англ. *duffel* - снаряжение) – это модная интерпретация вещмешков, которые были в ходу у солдат французской армии во времена Первой мировой войны. Конечно, благодаря фантазии дизайнеров эти сумки потеряли излишнюю брутальность, стали меньше, обзавелись длинными и короткими ручками.

Сумка-тоут (англ. *tote* - нести + *bag* – сумка) – одна из самых модных сумок 2018 года. Классический тоут – это сумка большого размера, с двумя ручками для переноски многочисленного количества вещей. Имеет открытый верх без застежки, с одним отделением и без карманов.

Шляпа-федора, или просто федора (англ. *fedora*) – шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз лентой. Поля мягкие, их можно поднимать и опускать. На тулье имеются три вмятины.

Балакла́ва (англ. Balaclava от названия города Балаклавы), или лыжная маска, также встречается название подшлемник – головной убор (вязаная шапка, шлем), закрывающий голову, лоб и лицо, оставляя небольшую прорезь для глаз, рта или для овала лица. Фактически соединяет в себе шапку и маску-чулок. Традиционно изготавливалась из шерсти, в настоящее время также из различных видов синтетического трикотажа.

Как мы видим, в основном все заимствования – это кальки с английского языка. Отметим, что современное общество и не требует того, чтобы русский язык полностью освоил данные слова. В основном заимствованное наименование из области моды попадает в русский язык путем калькирования, то есть с помощью копирования структуры или значения иноязычной единицы [Варбот 1998: 21]

На основе анализа данного языкового материала можно сделать вывод, что основной причиной подобного заимствования является распространение моды на иностранные слова, как уже было отмечено известными лингвистами В. В. Виноградовым, И. И. Огиенко и другими. Это происходит из-за стремления молодёжи следовать тенденциям современной моды, а также по причине большого интереса к английскому языку.

Библиографический список

1. Варбот, Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии исторической лексикологии / Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев // Россий-

ская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. – 1998. – URL: www.etymolog.ru

2. FurFur: ежедневный молодежный интернет-сайт и сообщество его читателей. – URL: http://www.furfur.me/

3. Look at me: интернет-сайт о креативных индустриях. – URL: http://www.lookatme.ru/

4. The Villadge: новости Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга. Люди, места, события. – URL: https://www.the-village.ru/

5. Wonderzine: онлайн-издание для девушек о стиле, красоте и развлечениях. – URL: https://www.wonderzine.com/

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акямсова Юлия Андреевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Алешина Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Апиева Эльза Жумабековна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Арутюнян Вероника Никитична, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Асяева Мария Анатольевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ ООШ р. п. Чаадаевка имени Героя с Советского Союза Н. Ф. Горюнова (г. Пенза, Россия)

Ахраменко Петр Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина», (г. Мозырь, Беларусь)

Баженова Татьяна Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания ФБГОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» (г. Самара, Россия)

Байкова Марина Николаевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия)

Беглова Елена Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России» (г. Нижний Новгород, Россия)

Бизина Юлия Юрьевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Болотская Маргарита Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Вавилова Елена Михайловна, учитель русского языка и литературы МОУ «Лицей № 230» (г. Заречный, Россия)

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского» (г. Брянск, Россия)

Веряева Олеся Александровна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия), учитель русского языка и литературы ФМОУ № 4 «Основная школа ст. Балтинка» Пензенской области

Гац Ирэн Юрьевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы ГОУ ВО Московской области «Московский государственный областной университет»

Гильдеева Нурия Анверовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Грдзелян Рузан Рубеновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания, типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Гурьянова Людмила Борисовна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Есафьева Ольга Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Иванова Ольга Анатольевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 1 г. Нижний Ломов Пензенской области (г. Пенза, Россия)

Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Касимова Гульзухра Кевировна, кандидат филологических наук, доцент Пензенского филиала ФГКВОУ ВО «Военная академия матери-

ально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва» (г. Пенза, Россия)

Каткова Ксения Анатольевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кезина Светлана Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Клименко Ксения Анатольевна, магистрант кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь)

Козинец Сергей Борисович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры филологического образования ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования» (г. Саратов, Россия)

Колганова Валерия Михайловна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кондратьева Ирина Александровна, учитель русского языка и литературы МБОУ классическая гимназия № 1 имени В. Г. Белинского (г. Пенза, Россия)

Кохно Татьяна Александровна, магистрант кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь)

Кочелаев Андрей Александрович, студент историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кривошеев Глеб Сергеевич, студент Старооскольского филиала ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Старый Оскол, Россия)

Кувшинова Мария Игоревна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», учитель русского языка и литературы МБОУ ЛАД № 3 г. Пензы (г. Пенза, Россия)

Кузьмич Владимир Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь)

Куприянова Наталья Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Кураш Сергей Борисович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской и русской филологии УО

«Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь)

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (г. Астрахань, Россия)

Леснова Ирина Дмитриевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Лобанкина Елена Анатольевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»; редактор научно-методического отдела Центральной городской публичной библиотеки имени В. Г. Белинского (г. Пенза, Россия)

Логинова Екатерина Ивановна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Луннова Марина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Макарова Алина Алексеевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Мартирян Наира Игнатиосовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения)

Мойский Александр Чеславович, исследователь филологических наук, сотрудник Белтелерадиокомпании (г. Минск, Беларусь)

Пашковская Светлана Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык как иностранный» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Перепёлкина Лариса Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Першина Анастасия Вадимовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Песчанская Тамара Ивановна, старший преподаватель Актюбинского регионального государственного университета имени К. Жубанова (г. Актюбинск, Казахстан)

Плотникова Светлана Владиславовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Прохоренко Людмила Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина» (г. Мозырь, Беларусь)

Прядкина Анна Егоровна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Родионова Инесса Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сидорова Анастасия Сергеевна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Слуницына Надежда Владимировна, магистр, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 12 с УИИЯ» (г. Электросталь Московской области, Россия)

Соколова Светлана Александровна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Сомова Марина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия)

Тастанбаева Аружан Канатовна, студентка Актюбинского регионального государственного университета имени К. Жубанова (г. Актюбинск, Казахстан)

Тунян Седа Араиковна, соискатель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (г. Ереван, Армения)

Удалов Илья Павлович, студент историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Устян Яна Владимировна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (г. Белгород, Россия)

Шамина Юлия Михайловна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Шарибжанова Зиля Ренатовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Шидловская Наталья Андреевна, магистрант кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Ширшаков Роман Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

Южакова Юлия Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, Россия)

Яснова Елена Викторовна, студентка историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» (г. Пенза, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Арутюнян В. Н.
РЕТРОСПЕКТИВНОЕ И ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ 3
Кураш С. Б.
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКИХ КАРТИНАХ МИРА 8
Харченко В. К.
ЦИТАЦИЯ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ И ГУМАНИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ 16
Канакина Г. И.
ЧИТАТЕЛЬСКИЕ «ПРЕДПОЧТЕНИЯ» И РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОЧИНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ 20

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Акямсова Ю. А.
ФИЛЬМОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 26
Апиева Э. Ж.
ЭПОНИМЫ В ВЕТЕРИНАРИИ 29
Ахраменко П. Е.
ОБОЗНАЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ ЧЕРЕЗ БЕЗЛИЧНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ И ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. П. ШАМЯКИНА) 34
Байкулова А. Н.
ГОРОДСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОБЩЕНИЕ СОСЕДЕЙ (РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ) 39
Вавилова Е. М.
ТРАНСПОРТНАЯ ЭПИГРАФИКА КАК СРЕДСТВО ПРОДВИЖЕНИЯ ТОВАРОВ И УСЛУГ 45
Веряева О. А.
ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. Т. АВЕРЧЕНКО) 50
Кривошеев Г. С.
ПОНЯТИЕ ЦЕННОСТИ В ФОКУСЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И АКСИОЛИНГВИСТИКИ 54

Кузьмич В. В.
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
ПРИ БЛИЗКОРОДСТВЕННОМ ДВУЯЗЫЧИИ 59
Лаптева М. Л.
«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА 63
Мойский А. Ч.
ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА ПЕРЕВОД
РУССКОЙ КЛАССИКИ МАКСИМОМ ТАНКОМ..... 68
Песчанская Т. И.
КОНЦЕПТ РОДНОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОЗНАНИЯ..... 73

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Баженова Т. Е.
СЛОВА СО ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫМИ ОСНОВАМИ
В САМАРСКИХ ГОВОРАХ..... 79
Кезина С. В.
ЦВЕТОЛЕКСЕМА «ОБЛАКОТНЫЙ» В ИСТОРИИ РУССКОГО
ЯЗЫКА (к вопросу об эвентуальных причинах устаревания слов)..... 84
Лобанкина Е. А.
ФОЛЬКЛОРНЫЕ СЕНТЕНЦИИ В АФОРИЗМАХ А. В. СУВОРОВА. 87
Сидорова А. С.
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В РУССКИХ ЧАСТУШКАХ..... 93
Удалов И. П.
ФОРМЫ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ДЕМОНИЧЕСКИХ СИЛАХ В РОМАНЕ
М. А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» 98
Устян Я. В.
ОТРАЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ МИФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 100
Ширшаков Р. В., Бизина А. Ю.
ГОВОР СЕЛА СЮЗЮМСКОЕ СОСНОВОБОРСКОГО
РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ 104
Яснова Е. В.
КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА В. И. ДАЛЯ
«ПОСЛОВИЦЫ РУССКОГО НАРОДА»)..... 107

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Акямсова Ю. А.
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ОБСУЖДЕНИЮ РАССКАЗОВ А. С. ГРИНА НА УРОКАХ
ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В СРЕДНИХ КЛАССАХ 111

Гац И. Ю.
ПРИНЦИПЫ АДАПТАЦИИ ДИДАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ 114
Кондратьева И. А.
ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ СМЫСЛОВОМУ ЧТЕНИЮ ТЕКСТОВ КАК ЗАЛОГ УСПЕШНОГО НАПИСАНИЯ СОЧИНЕНИЯ 118
Кувшинова М. И.
МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ РУССКОГО ЯЗЫКА, ГЕОГРАФИИ И ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ТОПОНИМОВ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ) 121
Логинова Е. И.
СПЕЦИФИКА ИЗУЧЕНИЯ РАССКАЗА А. П. ЧЕХОВА «СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ» НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ В СТАРШИХ КЛАССАХ 125
Пашковская С. С.
РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО 128
Перепелкина Л. П.
РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 135
Песчанская Т. И., Тастанбаева А. К.
ПРИОРИТЕТЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 139

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

Байкова М. Н.
ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДОСТОВЕРНОСТИ/НЕДОСТОВЕРНОСТИ В НАУЧНОМ (ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ) ТЕКСТЕ 145
Василенко А. П.
АНГЛИЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА 148
Гильдеева Н. А.
ЧАСТИЦА ЧТО НИ НА ЕСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 151
Грдзелян Р. Р.
«ГРАММАТИКА» СЛОВА *СОЛНЦЕ* 154
Касимова Г. К.
О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ *ЛОМАТЬ* 159
Куприянова Н. С.
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПРЕДИКАТИВА *СМЕШНО* 163

Леснова И. Д.
ЧАСТИЦА *СЕБЕ* В АНАЛИТИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ЧАСТИЦЕЙ *ПУСТЬ* 167
Макарова А. А.
АФОРИСТИКА В. О. КЛЮЧЕВСКОГО И В. Г. БЕЛИНСКОГО: ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА 170
Родионова И. Г.
ЧАСТИЦА *НЕТ ЧТОБЫ* С ИНФИНИТИВОМ: ЗНАЧЕНИЕ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ЦЕЛЕСООБРАЗНОГО ДЕЙСТВИЯ 173
Южакова Ю. А., Сомова М. В.
К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ И МЕСТЕ ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СИСТЕМЕ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ПРОСТОГО ОСЛОЖНЁННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ 179

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Алешина И. А.
ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА «СОН» В СТИХОТВОРЕНИИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «РУСАЛКА» 186
Асяева М. А.
ГЛАГОЛЫ РЕЧИ И МЫШЛЕНИЯ В РОМАНЕ И. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА» 189
Болотская М. П.
ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ЭМОЦИЙ В АВТОРСКИХ ПЕСНЯХ В. С. ВЫСОЦКОГО 193
Гурьянова Л. Б.
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 196
Каткова К. А.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБОБЩЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РАБОТЕ Д. С. ЛИХАЧЁВА «ПИСЬМА О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ» 203
Колганова В. М.
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. С. ТОКАРЕВОЙ 206
Луннова М. Г.
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНТРАСТА В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 209
Плотникова С. В.
ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИКОЙ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПРАГМАТИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА» 214

Прохоренко Л. В.
МЕТАФОРЫ А. ПУШКИНА ПРИ ПЕРЕВОДЕ
НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК 216
Слуницына Н. В.
СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРИКАЗА И ИХ РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А. И. КУПРИНА 221
Соколова С. А.
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОДИНОЧЕСТВО»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. РУБИНОЙ 225
Шарибжанова З. Р.
ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОВЕСТИ О. Ф. НАЗАРУКА
«РОКСОЛАНА. КОРОЛЕВА ВОСТОКА» 228
Шидловская Н. А.
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ
ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЛИРИКЕ С. А. ЕСЕНИНА 232

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛИТИКОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ, ИСКУССТВА И ДРУГИХ

Есафьева О. О.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ А. ПЛАТОНОВА
В ПИСЬМАХ И. СТАЛИНУ 235
Кочелаев А. А.
РИТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ С. К. ШОЙГУ 238
Прядкина А. Е.
ИНТЕРВЬЮ С АКТЕРАМИ ТЕАТРА И КИНО КАК
ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ 241
Тунян С. А.
РЕАЛИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МИТИГАТИВНЫХ ТАКТИК
В РУССКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РЕЧИ 245

ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ

Беглова Е. И.
СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЬ В СМИ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ
НОРМЫ 251
Иванова О. А.
РАЗГОВОРНАЯ И ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ
ГАЗЕТ «ПЕНЗЕНСКАЯ ПРАВДА» И «МОЛОДОЙ ЛЕНИНЕЦ» 257
Клименко К. А., Кураш С. Б.
ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРНЕТ-НОВАЦИИ В АСПЕКТЕ РЕЧЕВОЙ
КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ 259
Козинец С. Б.
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ЯЗЫКЕ СМИ:
ОТ СМЫСЛА К БЕССОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ 263

Кохно Т. А.
РЭКЛАМНЫ ВОБЛІК г. МАЗЫРА 268
Мартирян Н. И.
РЕКЛАМА И ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ..... 272
Першина А. В.
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ В СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ)..... 277
Шамина Ю. М.
ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ «ГЛЯНЦЕВЫХ» ОНЛАЙН-ИЗДАНИЙ: НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ, ОБУВИ, АКСЕССУАРОВ 281

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 285

Научное издание

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей
III Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 25–27 октября 2018 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны,
кандидата филологических наук, доцента
Лунновой Марины Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *А. А. Стаценко*

Подписано в печать 22.10.2018.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 17,32.
Тираж 100. Заказ № 609.

Издательство ПГУ.
440026, Пенза, Красная, 40.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru